Д Б 30 Ср. Аз.
Е-16 Куд. 2
экслибрис

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ

А. Вамбери.

Съ 12-ю картинами и картою.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Проверено 1937 г.
исключена
Фундаментальная библиотека К. У. Т. В.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ А. И. МАМОНТОВА.
1874.

86
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
528667 V
0

Дозволено цензурою. Москва 22 июня 1877 г.

Типографія А. И. Мамонтова и К° Леонтьевский пер № 5.

Вл. Кашиц

Предисловіе.

Я родился въ 1832 году, въ Венгріи, въ мѣстечкѣ Дуна-Сцердахели, въ Пресбургскомъ Комитатѣ. Побуждаемый особою наклонностью къ изученію иностранныхъ языковъ, я еще въ дѣтствѣ занимался нѣсколькими европейскими и азіятскими языками. Сначала меня увлекала пестрая литература Востока и Запада, впослѣдствіи же начало меня интересовать взаимное отношеніе языковъ, и потому не удивительно, что, слѣдуя изреченію: «nosce te ipsum», я обратилъ мое главное вниманіе на сродство и происхожденіе моего роднаго языка.

Что венгерскій языкъ принадлежитъ къ алтайскому корню, знаетъ всякій, но къ какой именно отрасли—финнской или татарской—это еще вопросъ, ожидающій разрѣшенія. Вопросъ этотъ, занимающій насъ, венгерцевъ, какъ съ научной стороны, такъ и по особому національному интересу, былъ главной побудительною причиной моего путешествія на Востокъ. Я хотѣлъ практическимъ изученіемъ живыхъ языковъ въ точности узнать степень сродства между

венгерскимъ языкомъ и турецко-татарскими нарѣчіями,—сродства, которое я уже увидалъ сквозь слабое стекло теоретическаго изученія. Прежде всего я отправился въ Константинополь. Многолѣтнее пребываніе въ турецкихъ домахъ, связанное съ частымъ посѣщеніемъ исламитскихъ школъ и библіотекъ, скоро сдѣлало изъ меня настоящаго турка и даже эфенди.

Впослѣдствіи дальнѣйшія лингвистическія изслѣдованія повлекли меня къ отдаленнымъ мѣстамъ, и когда я собирался приступить къ моему путешествію въ Среднюю Азію, я нашелъ благоразумнымъ оставить за собой званіе эфенди и объѣхать Востокъ подъ видомъ восточнаго жителя.

Итакъ, цѣль моего путешествія отъ Босфора до Самарканда легко усматривается. Геологическія и астрономическія изслѣдованія были внѣ области моихъ знаній, да они были бы и невозможны въ дервишскомъ инкогнито, въ которое я долженъ былъ облечься. Мое главное вниманіе было обращено большею частью на обитателей Средней Азіи, соціальныя и политическія отношенія, характеръ, нравы и обычаи которыхъ я хочу попытаться представить здѣсь въ легкомъ очеркѣ. При этомъ я никогда не упускалъ изъ виду географіи и статистики, на сколько мнѣ это позволяли мои подготовка и обстоятельства; но, какъ на главный и драгоцѣнный результатъ моего путешествія, я смотрю на филологическія наблюденія, которыя послѣ болѣе зрѣлой обработки я представлю

на разсмотрѣніе ученаго міра. На эти наблюденія, а не на прилагаемые листы слѣдуетъ смотрѣть какъ на плодъ путешествія, во время котораго я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ блуждалъ, едва прикрытый кое-какими лохмотьями, безъ необходимыхъ средствъ для пропитанія, подъ постояннымъ страхомъ мучительной смерти. Меня могутъ упрекнуть въ односторонности, но, имѣя предъ собой цѣль, преслѣдуемую въ теченіе многихъ лѣтъ, не надо забывать, что non omnia possumus omnes.

Такъ какъ мнѣ чуждо то поле, на которое я выступаю, издавая въ свѣтъ эти записки, то можетъ быть, что въ изложеніи или въ выборѣ матеріала я и впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Инкогнито, на которое я былъ вынужденъ среднеазіятскимъ положеніемъ дѣлъ, могло бы доставить мнѣ достаточно матеріала, чтобъ удвоить число этихъ листовъ. Впрочемъ, я еще предоставляю себѣ въ будущемъ болѣе полное и подробное описаніе; для настоящей же минуты показалось мнѣ полезнымъ коротко и просто сообщить обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, пока впечатлѣнія еще свѣжи въ моей памяти. Полная удача мнѣ самому кажется сомнительной. Читатели и критики могутъ во многомъ упрекнуть меня, добытыя мною свѣдѣнія могутъ показаться слишкомъ малою наградой за все то, что мнѣ пришлось вытерпѣть; но я прошу не забывать, что я былъ въ странѣ, гдѣ слушать счи-

тается безстыдствомъ, гдѣ спрашивать—преступленіе, а записывать — смертный грѣхъ.

Чтобы не прерывалась нить разсказа, я раздѣлилъ эту книгу на два отдѣла. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе моего путешествія изъ Тегерана въ Самаркандъ и обратно; второй же отдѣлъ содержитъ тѣ замѣтки по географіи, этнографіи, о политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, которыя я могъ собрать въ Средней Азіи. Я надѣюсь, что читатель съ одинаковымъ интересомъ прочтетъ оба отдѣла, потому что, съ одной стороны, въ моемъ путешествіи я посѣтилъ такія мѣста, гдѣ до меня не былъ еще ни одинъ европеецъ, а съ другой—мои замѣтки касаются такихъ предметовъ, которые до меня были мало описаны или даже совсѣмъ не были описаны.

А. Вамбери.

Пештъ. Декабря 1864 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I.

Стран.

От Тебриса до Тегерана. — Прибытіе въ Тегеранъ и пріемъ въ турецкомъ посольствѣ. — Персидская и турецкая жизнь. — Европейскія посольства и европейцы на службѣ у шаха. — Феррухъ-ханъ и посольства Бельгіи, Пруссіи и Италіи. — Гератъ и препятствія къ продолженію путешествія. — Поѣздка въ Ширасъ 1

II.

Возвращеніе въ Тегеранъ. — Пособіе суннитскимъ дервишамъ и хаджи въ турецкомъ посольствѣ. — Авторъ знакомится съ возвращающимся изъ Мекки караваномъ татарскихъ хаджи. — Четыре дороги. — Авторъ рѣшается пристать къ богомольцамъ. — Хаджи Билалъ. — Авторъ представленъ будущимъ спутникамъ своимъ. — Избранъ путь черезъ землю іомутовъ и Великую пустыню 8

III.

Отъѣздъ изъ Тегерана на сѣверо-востокъ. — Составъ каравана. — Ненависть шіитовъ ко всѣмъ хаджи. — Мазендеранъ. — Сирабъ. — Гефтенъ. — Тигры и шакалы. — Сари. — Каратепе. 18

IV.

Стран.

Каратепе.—Бесѣда автора съ однимъ афганцемъ.—Сомнѣніе въ дервишскомъ званіи автора.—Хаджи, собираясь въ путь чрезъ пустыню, заготовляютъ припасы. — Афганская колонія. — Надиръ-шахъ.—Каспійское море и первыя впечатлѣнія на немъ.—Якубъ, туркменскій перевозчикъ.—Приворотный талисманъ.—Отъѣздъ въ Ашуру. — Плаваніе по Каспійскому морю. — Русская часть Ашуры. — Русскіе военные пароходы на Каспійскомъ морѣ. — Туркменскій князекъ на русской службѣ. — Опасеніе автора быть узнаннымъ. — Пріѣздъ въ Гёмюштепе и къ устью Гёргена . . . 26

V.

Пріѣздъ въ Гёмюштепе. — Радушный пріемъ хаджи.—Ханд-шанъ.—Древняя греческая стѣна.—Вліяніе улемовъ. — Первая каменная мечеть у номадовъ. — Персидскіе невольники. — Поѣздка на сѣверо-востокъ отъ Гёмюштепе. — Свадьба у татаръ. — Караванбаши хивинскаго хана собирается въ путешествіе по пустынѣ. — Илья-бей, наемщикъ верблюдовъ. — Сдѣлка съ Кулханомъ. — Туркменская экспедиція въ Персію для кражи лошадей. — Ея возвращеніе. 40

VI.

Отъѣздъ изъ Гёмюштепе. — Характеръ нашего бывшаго хозяина.—Туркменскіе курганы и рвы. — Приключеніе съ кабанами. — Плоскогорье на сѣверъ отъ Гёмюштепе. — Нравы кочевниковъ. — Туркменское гостепріимство. — Послѣдняя коза.—Персидскій невольникъ.—Начало пустыни. — Туркменская жена и невольница.—Этрекъ. — Персидскіе рабы.—Русскій матросъ въ неволѣ.—Предполагаемый союзъ іомутовъ съ тёкке. — Встрѣча съ караванба-

Стран.

ши.—Племя кэмъ.—Прощанье съ Этрекомъ.—Афганецъ затѣваетъ ссору.—Описаніе каравана 62

VII.

Караванбаши требуетъ, чтобъ авторъ не дѣлалъ замѣтокъ.—Благородство Эйдъ-Мехмеда и его брата.—Вожатый сбивается съ пути. — Кёрентаги, древнія, по всей вѣроятности, греческія развалины. — Малый и Большой Балканъ.—Древнее русло Оксуса.—Кровавая месть.—Страданіе отъ жажды 80

VIII.

Гроза.—Газели и дикіе ослы. — Прибытіе каравана на возвышенность Кафланкиръ.—Прежнее русло Оксуса.—Станъ мирныхъ кочевниковъ.—Приближеніе всадниковъ.—Газаватъ. — Въѣздъ въ Хиву. — Злой умыселъ афганца. — Свиданіе съ ханомъ. — Отъ автора требуютъ, чтобъ онъ написалъ что-нибудь по-турецки. — За головы убитыхъ непріятелей здѣсь награждаютъ почетными халатами.— Казнь плѣнныхъ.—Особенная казнь женщинъ. — Кунгратъ.—Послѣднее благословеніе хану отъ автора 100

IX.

Отъѣздъ изъ Хивы въ Бухару.—Три дороги.—Годши.— Ханка.—Оксусъ и его отмели.—Страшная жара.—Шураханъ. — Базаръ. — Янкенари. — Аккамишъ. — Тойсбоюнъ. — Разговоръ съ киргизскою женщиной о жизни кочевниковъ. — Тюнюклю. — Разбойничьи набѣги текке.— Угрожаемый опасностью, караванъ возвращается въ Тюнюклю. — Онъ вынужденъ остановиться въ пустынѣ.— Жажда.—Смерть верблюдовъ.—Шоркутукъ. — Медеминъ-Булагъ.—Смерть одного хаджи.—Буря.—Авторъ въ опас-

Стран.

ности.—Гостепріимный пріемъ у персидскихъ невольниковъ.—Первое впечатлѣніе, произведенное «благородною» Бухарой 127

X.

Бухара.—Пріемъ въ Текки, разсадникѣ ислама.—Рахметъ-би.—Базары. — Баха-эд-динъ, великій святой Туркестана. — Шпіоны, подосланные къ автору. — Судьба путешественниковъ, недавно прибывшихъ въ Бухару. — Книжный базаръ. — Червь (риште). — Снабженіе города водою.—Прежніе эмиры и нынѣшній.—Гаремъ, правленіе, семейство правительствующаго эмира.—Невольничье депо и торговля. — Отъѣздъ изъ Бухары и посѣщеніе могилы Баха-эд-дина 147

XI.

Изъ Бухары въ Самаркандъ. — Небольшая пустыня Хёль-Меликъ.—Усиленное движеніе по дорогѣ вслѣдствіе войны.—Видъ Самарканда.—Хазрети-Шахъ-Синде.—Мечеть Тимура. — Цитадель (аркъ). — Пріемная зала Тимура. — Кёкташъ или престолъ Тимура.—Странная скамья.—Могилы Тимура и его учителя. — Авторъ посѣщаетъ настоящую могилу Тимура въ подземельѣ. — Коранъ in folio, приписываемый Осману, писцу Магомета. — Коллегіи.— Старая обсерваторія. — Греческая и армянская библіотека не ограблена Тимуромъ, какъ утверждаютъ. — Архитектура публичныхъ зданій не китайская, а персидская. — Нынѣшній Самаркандъ. — Его населеніе. — Дебидъ. — Авторъ рѣшается возвратиться.—Пріѣздъ эмира. — Свиданіе съ нимъ автора. — Прощаніе съ хаджи и отъѣздъ изъ Самарканда 172

XII.

Стран.

Изъ Самарканда въ Карши черезъ пустыню. — Кочующія племена.—Карши, древній Нахшебъ.—Торговля и мануфактура. — Керки. — Оксусъ. — Авторъ обвиненъ въ томъ, что онъ бѣглый невольникъ. — Туркмены изъ племени эрзари. — Мезари-Шерифъ. — Белхъ. — Авторъ присоединяется къ каравану изъ Бухары. — Невольничество. — Сеидъ. — Андкуй. — Іекетутъ. — Хайрабадъ. — Маймене.—Аккале. 194

XIII.

Маймене.—Его политическое положеніе и значеніе. — Царствующій ханъ. — Соперничество между Бухарой и Кабуломъ. —Достъ-Магометъ-ханъ. — Ишанъ Эюбъ и мулла Кальмурадъ.—Ханство Маймене.—Крѣпость Маймене.— Бѣглые русскіе преступники.—Рѣка Мургабъ. — Бала-Мургабъ.—Джемшиди и афганцы.—Непомѣрныя пошлины.—Кале-Но.—Хесаре. — Налоги и дурное управленіе въ Афганистанѣ 214

XIV.

Гератъ.—Его развалины.—Базаръ.—Авторъ покинутъ товарищами. —Сердаръ-Мехеммедъ-Якубъ-ханъ. — Парады афганскихъ войскъ. —Свиданіе съ сердаромъ. — Обзоръ дѣйствій афганцевъ при штурмѣ Герата. — Визирь Назиръ-Наимъ. —Финансы края.—Маіоръ Тоддъ.—Мосалла, могила султана Гусейнъ-мирзы. — Могилы Ходжа-Абдулла-Ансари и Достъ-Магометъ-хана 235

XV.

Авторъ присоединяется къ каравану, отправляющемуся въ Мешхедъ. —Кухзунъ, послѣдній афганскій городъ. — На-

Стран.

прасное опасеніе, причиненное появленіемъ дикихъ ословъ.—Спорная земля между афганскими и персидскими владѣніями. — Дорога развѣтвляется въ двухъ направленіяхъ. — Юзуфъ-ханъ-Хезаре. — Феримонъ. — Полковникъ Долмэджъ.—Принцъ султанъ-Мурадъ-мирза. — Авторъ пишетъ гаратскому сердару, кто онъ. — Шахрудъ.— Тегеранъ и пріемъ, сдѣланный автору турецкимъ уполномоченнымъ Измаилъ-эфенди. — Дружескій пріемъ мистера Алисона и англійскаго посольства. — Свиданіе съ шахомъ.— Кавванъ-уд-Довлетъ и пораженіе при Мервѣ. — Возвращеніе черезъ Трапизондъ и Константинополь въ Пештъ.— Авторъ оставляетъ хивинскаго муллу въ Пештѣ и отправляется въ Лондонъ. — Пріемъ, сдѣланный ему въ этомъ городѣ 249

ОТДѢЛЪ II.

I.

Политическая и соціальная жизнь туркменъ: Границы и племенное раздѣленіе. — Отсутствіе властей и подчиненности.—Дебъ.—Исламъ.—Его вліяніе на нравы только внѣшнее.—Мнимая власть аксакаловъ.—Вліяніе муллъ.— Устройство полатокъ. — Аламаны и веденіе ихъ. — Трусость персіянъ. — Поэты. — Трубадуры. — Простота свадебныхъ обрядовъ. — Лошади.—Могильные курганы.— Поминки. — Происхожденіе туркменъ. — Очеркъ исторіи туркменъ.—Современное значеніе ихъ въ политическомъ и географическомъ отношеніяхъ. 263

II.

Страп.

Хива: Столица. — Главныя раздѣленія города, ворота, кварталы.—Базары.—Мечети.—Медрессе или коллегіи; ихъ основаніе, организація и денежныя средства. — Полиція. — Ханъ и его правительство. — Подати. — Суды. — Ханство.—Каналы. — Политическое раздѣленіе.—Узбеки. — Туркмены.—Каракалпаки. — Кайсаки (киргизы). — Сарты.—Персіяне. — Исторія Хивы въ XIX столѣтіи.—Ханы и ихъ родъ 286

III.

Бухара: Городъ Бухара, его ворота, кварталы, мечети, улицы.—Училище, основанное императрицей Екатериной.—Назначеніе училищъ не какъ средоточіе учености, а фанатизма.—Базары.—Полицейская система болѣе строгая, чѣмъ гдѣ-либо въ Азіи. — Бухарское ханство. — Жители: узбеки, таджики, киргизы, арабы, мервы, персы, индусы, евреи.—Правленіе.—Различныя должностныя лица.—Политическое раздѣленіе.—Армія.—Очеркъ исторіи Бухары. 316

IV.

Кокандъ: Жители.—Раздѣленіе.—Города: Кокандъ.—Ташкендъ. — Ходшендъ. — Мерголанъ. — Эндидшанъ. — Хазрети-Туркестанъ. — Оошъ. — Политическое положеніе.—Войны въ послѣднее время 331

V.

Китайская Татарія: Приближеніе съ запада. — Управленіе.—Жители.—Города 345

VI.

Стран.

Пути сообщенія въ Средней Азіи: Сообщенія Средней Азіи съ Россіей, Персіей и Индіей. — Дороги въ трехъ ханствахъ и въ Китайской Татаріи. 353

VII.

Общій обзоръ хлѣбопашества, промышленности и торговли: Хлѣбопашество.—Различныя породы лошадей.—Овцы.—Верблюды.—Ослы.—Мануфактуры. — Средоточіе торговли.—Торговля русскихъ въ Средней Азіи 363

VIII.

Внутреннія и внѣшнія политическія отношенія Средней Азіи: Внутреннія отношенія между Бухарой, Хивой и Кокандомъ.—Внѣшнія сношенія съ Турціей, Персіей, Китаемъ и Россіей 373

IX.

Соперничество русскихъ съ англичанами въ Средней Азіи: Положеніе Россіи и Англіи въ отношеніи къ Средней Азіи.— Успѣхи Россіи на Яксартѣ 380

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

От Тебриса до Тегерана.—Прибытіе въ Тегеранъ и пріемъ въ турецкомъ посольствѣ. — Персидская и турецкая жизнь. — Европейскія посольства и европейцы на службѣ у шаха.—Феррухъ-ханъ и посольства Бельгіи, Пруссіи и Италіи.—Гератъ и препятствія къ продолженію путешествія. — Поѣздка въ Ширасъ.

Кому случалось путешествовать по Персіи въ половинѣ іюля, тотъ знаетъ, съ какою радостью приближаешься къ Тегерану выѣхавши изъ Тебриса. Между этими двумя городами всего 15 или даже только 13 караванныхъ станцій, но какъ утомителенъ этотъ путь, какъ страшно истощаетъ онъ силы путешественника, которому приходится проѣзжать по этой знойной, безводной степи на медленно движущемся, тяжело навьюченномъ мулѣ! И такова почти вся Персія. Горько разочаровывается путешественникъ, знающій ее только по Саади, Хакани и Хафизу; но еще большее разочарованіе ожидаетъ того, кто составитъ себѣ понятіе о Персіи по прелестнымъ фантазіямъ «Западно-восточнаго Дивана» Гёте, «Orientales» В. Гюго или по великолѣпнымъ картинамъ Томаса Мура! Только за двѣ станціи до Тегерана пришло на мысль нашему джилодару замѣнить дневные переходы ночными; но и это имѣло свою дурную сторону: прохладный ночной воздухъ сильно клонитъ ко сну, а медленно выступающій мулъ укачиваетъ сѣдока какъ въ люлькѣ, такъ что надо крѣпко держаться за что-нибудь или даже велѣть привязать себя, чтобы не быть сброшеннымъ Морфеемъ на острые камни. Житель востока, привычный къ такимъ

мукамъ, спитъ совершенно спокойно на какомъ бы то ни было животномъ — на лошади ли, на верблюдѣ, на мулѣ или ослѣ. Какъ забавно было смотрѣть на какого-нибудь долговязаго персіянина въ длиннополомъ платьѣ, лежащаго въ растяжку на маленькомъ осликѣ; почти касаясь ногами земли, а голову положивъ на шею терпѣливаго животнаго, совершенно спокойно просыпаетъ онъ иногда нѣсколько станцій кряду. Но тогда еще нужда, гораздая на выдумки, недостаточно обучила меня: большинство моихъ спутниковъ сладко покоилось, а я на досугѣ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ и съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ въ ту сторону горизонта, гдѣ должны были появиться Оріонъ и утренняя звѣзда, предвѣстники близкой зари. По утрамъ мы останавливались на станціяхъ, и мученія мои на время прекращались.

И потому не удивительно, что, когда, 13 іюля 1862 года, я приближался къ столицѣ Персіи, то былъ похожъ на рыбу вареную. За двѣ англійскія мили до города мы остановились у ручья напоить нашихъ животныхъ. Остановка разбудила моихъ товарищей, и, не успѣвъ еще протерѣть глазъ, они уже указали мнѣ на лежавшій къ сѣверу-востоку отъ насъ Тегеранъ. Я посмотрѣлъ въ ту сторону и увидалъ синеватыя облака дыма, тянувшіяся длинными полосами; сквозь нихъ мѣстами проглядывали два-три сіяющихъ купола. Когда облачное покрывало мало-по-малу исчезло, я имѣлъ неизъяснимое удовольствіе увидать передъ собою Даръ-юль-Хилафе (обитель власти), какъ называютъ его персы, во всей его убогой наготѣ.

Я въѣхалъ въ Тегеранъ черезъ дервазе-Но и навѣрное не скоро забуду, съ какими затрудненіями приходилось мнѣ пролагать путь сквозь тѣснившуюся у воротъ въ страшномъ безпорядкѣ густую толпу ословъ, верблюдовъ и муловъ, навьюченныхъ соломою, ячменемъ, тюка-

ми персидскихъ и европейскихъ товаровъ. Поджавъ подъ себя ноги и, среди общаго рева, крича во все горло: «хабердаръ, хабердаръ!» (берегитесь, берегитесь) удалось мнѣ, наконецъ, пробраться въ городъ. Съ неменьшимъ трудомъ протолпился я черезъ базаръ и былъ чрезвычайно радъ, когда съ цѣлыми боками и не разсѣченной головой я добрался до дома турецкаго посольства.

Какое дѣло я могъ имѣть до турецкаго посольства, я, венгерецъ, съ ученою цѣлью посланный въ Среднюю Азію венгерской академіей, читатель пойметъ, если онъ только прочелъ предисловіе къ моей книгѣ, а прочесть его я убѣдительно прошу, хотя вообще предисловія и считаются ненужною вещью, не стоющею никакого вниманія. Съ Хайдаръ-эфенди, который былъ въ то время представителемъ Порты при персидскомъ дворѣ, а передъ тѣмъ посланникомъ въ Парижѣ и Петербургѣ, я познакомился еще прежде въ Константинополѣ; несмотря на то, я взялъ къ нему нѣсколько писемъ отъ его лучшихъ друзей и, полагаясь на испытанное уже мною гостепріимство турокъ, былъ почти увѣренъ въ хорошемъ пріемѣ. И такъ, я переступилъ порогъ турецкаго посольства, какъ порогъ моего будущаго жилища. Знатныя лица Тегерана уже перенесли свой яйлахъ [1]) въ Джизеръ [2]); я перемѣнилъ платье, уснулъ нѣсколько часовъ, желая отдохнуть отъ безсонныхъ ночей, сѣлъ на осла и черезъ два часа былъ уже въ кругу эфенди, которыхъ засталъ подъ великолѣпнымъ шелковымъ шатромъ, за обѣдомъ, показавшимся мнѣ еще великолѣпнѣе. Пріемъ какъ со стороны посланника, такъ и его секретарей былъ самый дружественный; мнѣ тотчасъ же дали мѣсто за столомъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы вели уже задушевную бесѣду о Стамбулѣ, о красотѣ

[1]) Лѣтнее жилище.

[2]) Джизеръ находится въ 8 англійскихъ миляхъ отъ Тегерана.

*

природы въ немъ, о султанѣ и образѣ его правленія. Какъ отрадно въ Тегеранѣ вспомнить о Босфорѣ! И потому не удивительно, что во время разговора проводилась параллель между Персіей и Турціей. Если судить по первымъ впечатлѣніямъ, то прославленный поэтами Иранъ представляется страшною пустыней, Турція же — земнымъ раемъ. Въ персіянахъ я готовъ признать учтивость, живой и острый умъ, — качества, которыхъ нѣтъ въ туркахъ; но турки за то прямодушнѣе, искреннѣе и честнѣе. Персіяне одарены высокимъ поэтическимъ чувствомъ, національное развитіе ихъ идетъ издревле, но за то турки прилежнѣе учатся европейскимъ языкамъ и начинаютъ мало-по-малу заниматься химіей, физикой и исторіей.

Бесѣда наша продлилась до глубокой ночи. Въ слѣдующіе затѣмъ дни я былъ представленъ остальнымъ европейскимъ посольствамъ, находившимся въ Джизерѣ. Господина Гобино, посланника императора французовъ, я нашелъ въ саду, нѣсколько напоминавшемъ котелъ, подъ небольшимъ шатромъ, гдѣ стояла невыносимая жара; «по дѣломъ ему», подумалъ я, «чего искать французамъ въ Персіи?» Мистеръ Алисонъ жилъ уже съ большими удобствами въ саду, купленномъ его правительствомъ въ Гулахеке; онъ былъ очень привѣтливъ со мною, и за его гостепріимнымъ столомъ я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: почему англійскіе уполномоченные всюду отличаются отъ всѣхъ другихъ посланниковъ комфортомъ и великолѣпіемъ обстановки? Кромѣ европейскаго дипломатическаго корпуса, я встрѣтилъ въ Тегеранѣ много французскихъ и итальянскихъ офицеровъ и одного австрійскаго инженера Р. фонъ Гаштейгера; всѣ они были на службѣ шаха и получали порядочное жалованье. Господа эти, какъ я слышалъ, желали сдѣлать многое и были бы на то способны, но имъ совершенно мѣшала дѣйствовать и безсистемность персидскаго образа

правленія, и стѣсняли низкія интриги самихъ персовъ. Ферухъ-ханъ объѣхалъ всю Европу, чтобы хорошенько выяснить нашимъ кабинетамъ, какъ сильно желали персіяне вступить въ союзъ со всѣми образованными государствами; онъ просилъ общаго содѣйствія, чтобъ помочь соотечественникамъ его скорѣе добыть того элексира, творящаго чудеса, который называется цивилизаціей. Европейскіе министры добродушно повѣрили хану, такому почтенному господину, съ такою длинною бородой, въ длинномъ платьѣ, съ такою высокой мѣховой шапкой на головѣ и смотрѣвшему такъ серьезно. Вся Европа думала, что Персія дѣйствительно готова принять европейскую цивилизацію; офицеры, ремесленники и художники отправились туда толпами. Этимъ дѣло не ограничилось: поспѣшили отплатить шаху за визитъ его чрезвычайнаго посла. Все это дѣлалось потому, что Персію считали государствомъ и хотѣли оказать ей подобающую честь. И вотъ маленькая Бельгія съ большими издержками снарядила въ Персію посла, чтобы заключить съ нею торговый трактатъ, изучить положеніе ея торговыхъ дѣлъ и показать еще Богъ знаетъ какіе фокусы. Посолъ пріѣхалъ, но мнѣ плохо вѣрится, чтобъ его первый отчетъ министерству могъ начаться словами: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Еще менѣе вѣрится мнѣ, чтобы посолъ этотъ могъ впослѣдствіи возымѣть желаніе вторично посѣтить «la belle Perse». За Бельгіей послѣдовала Пруссія. Ученому дипломату, барону фонъ-Минутоли, которому ввѣрено было посольство, пришлось, къ несчастію, поплатиться за это жизнію. Жажда знанія увлекла его въ южную Персію, и тамъ, въ двухъ дняхъ пути отъ небеснаго Шираса, палъ онъ жертвою зачумленнаго воздуха. Онъ покоится теперь въ Ширасѣ, позади Баги-Тахта, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Хафиса и Саади.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда прибыло

посольство отъ новаго итальянскаго королевства. Оно состояло изъ двадцати слишкомъ человѣкъ и подраздѣлялось на два отдѣла: дипломатическо-военный и ученый. Цѣли этого посольства навсегда остались для меня тайною; я могъ бы сообщить кое-что объ его пріемѣ, но отлагаю это до другаго мѣста, теперь же займусь приготовленіями къ нашему путешествію.

Благодаря благосклонной предупредительности моихъ благодѣтелей, я былъ поставленъ при турецкомъ посольствѣ въ положеніе, не подобавшее будущему нищему дервишу. Но удобства жизни мнѣ были противны, и я готовъ былъ, послѣ десятидневнаго отдыха въ Тегеранѣ, немедленно продолжать свое путешествіе черезъ Мешхедъ и Гератъ. Но, къ сожалѣнію, препятствія, которыхъ я еще и прежде опасался, преградили мнѣ путь. Еще при выѣздѣ изъ Константинополя узналъ я изъ газетъ о войнѣ, которую велъ Достъ-Магометъ-ханъ съ султаномъ-Ахмедъ-ханомъ, своимъ зятемъ и бывшимъ вассаломъ въ Гератѣ, за то, что послѣдній, измѣнивъ ему, призналъ надъ собой верховную власть персидскаго шаха. Мнѣ казалось тогда, что наши европейскія газеты преувеличивали дѣло, и вся эта исторія меня не сильно пугала,—я отправился въ путь. Но здѣсь, въ Тегеранѣ, на разстояніи тридцати двухъ дней ѣзды отъ мѣста зрѣлища войны, я, къ моему величайшему сожалѣнію, убѣдился, что война дѣйствительно прервала всякія сообщенія съ Гератомъ, и что съ тѣхъ поръ, какъ началась осада, ни туда, ни оттуда не прошло ни одного каравана, не говоря уже объ одинокихъ путешественникахъ. Даже персіяне не отваживались рисковать имуществомъ и жизнію, европейцу же грозила бы неминуемая погибель: черты лица иностранца въ этой дикой азіятской странѣ навѣрное обратили бы на себя вниманіе; и въ мирное время подозрительный житель восто-

ка косо смотритъ на европейца, теперь же афганцы приняли бы меня за шпіона и навѣрное бы зарѣзали. Дѣло было ясно; я скоро убѣдился въ невозможности тотчасъ отправиться въ дорогу, и, чтобы не попасть въ Бухару въ срединѣ зимы, рѣшился отложить путешествіе до марта. Къ тому времени, самому лучшему времени года, можно было надѣяться на прекращеніе враждебныхъ дѣйствій, заграждавшихъ путь къ Герату — этимъ вратамъ Средней Азіи.

Сентябрь былъ въ началѣ, и благосклонный читатель пойметъ, какъ мнѣ было непріятно провести пять или шесть мѣсяцевъ въ странѣ, имѣвшей для меня лишь второстепенный интересъ и такъ мастерски описанной уже многими. Не для изученія Персіи, но скорѣе во избѣжаніе праздности я распростился съ гостепріимными турками, и, полудервишемъ, отправился черезъ Испагань въ Ширасъ; по крайней мѣрѣ мнѣ удалось увидать столько разъ уже описанные памятники иранской культуры.

II.

Возвращеніе въ Тегеранъ.—Пособіе суннитскимъ дервишамъ и хаджи въ турецкомъ посольствѣ.—Авторъ знакомится съ возвращающимся изъ Мекки караваномъ татарскихъ хаджи.—Четыре дороги.—Авторъ рѣшается пристать къ богомольцамъ.—Хаджи Билалъ.—Авторъ представленъ будущимъ спутникамъ своимъ.—Избранъ путь черезъ землю іомутовъ и великую пустыню.

Около половины января 1863 г. я былъ уже опять въ Тегеранѣ, въ гостепріимномъ кружкѣ моихъ благодѣтелей турокъ. Понятно, что теперь иначе сталъ я собираться въ дорогу,—смѣлости было больше. Твердо рѣшился я не медлить и, во что бы то ни стало, достигнуть цѣли. Каждый годъ изъ Бухары, Хивы и Кокана проходитъ въ Турцію чрезъ Тегеранъ множество дервишей и хаджи, и турецкое посольство имѣетъ обычай давать небольшое пособіе этимъ нищимъ суннитамъ, оставляемымъ безъ всякаго призрѣнія шіитами персіянами. Каждую недѣлю домъ посольства наполняется множествомъ гостей, приходящихъ изъ далекаго Туркестана. Не разъ удавалось мнѣ бесѣдовать съ этими оборванными дикими татарами и слышать отъ нихъ такъ много интереснаго объ ихъ далекой родинѣ; бесѣды эти имѣли большое значеніе для моихъ филологическихъ изслѣдованій. Не зная о моихъ планахъ, они дивились моей привѣтливости, и скоро распространился въ караванъ-сараѣ слухъ, что посолъ султана, Хайдаръ-эфенди, великодушный человѣкъ, но что Решидъ-эфенди (это было мое инкогнито) обходится съ дервишами, какъ съ своими братьями, и что онъ, очень вѣроятно, самъ втайнѣ дервишъ.

Когда составилось обо мнѣ такое мнѣніе, я не дивился, что останавливавшіеся дервиши сначала обращались ко мнѣ, потомъ къ посланнику. Доступъ къ нему часто былъ невозможенъ, и только черезъ меня могли они добиваться своего обола или исполненія другихъ какихъ желаній. Двадцатаго марта утромъ пришли ко мнѣ четверо хаджи съ просьбой, не могу ли я представить ихъ посланнику султана. Хаджи хотѣли жаловаться на персіянъ, взявшихъ съ нихъ близъ Гамадана такъ-называемую суннитскую пошлину, давно уже отмѣненную султаномъ и неодобряемую самимъ персидскимъ шахомъ [1]). «Не денегъ мы хотимъ отъ его свѣтлости, мы хотимъ, чтобы впредь земляки наши сунниты могли посѣщать святыя мѣста, не подвергаясь притѣсненіямъ». Такое безкорыстіе въ устахъ сыновъ востока удивило меня: я сталъ вглядываться въ моихъ гостей и, сознаюсь, въ грубыхъ, дикихъ чертахъ этихъ нищенски одѣтыхъ хаджи я открылъ много благородства и съ первой минуты почувствовалъ къ нимъ какое-то тайное влеченіе. Я вступилъ съ ними въ довольно продолжительный разговоръ,—постарался точнѣе разузнать, кто ихъ товарищи, разспросить, какимъ путемъ шли они изъ дальней своей родины въ Мекку и какимъ намѣрены идти изъ Тегерана. Говорилъ со мною больше всѣхъ хаджи изъ Китайской Татаріи, одѣтый, поверхъ лохмотьевъ, въ новую зеленую джуббу (суконное верхнее платье), съ огромной бѣлою чалмою на головѣ. Огненные, живые глаза выказывали превосходство его надъ то-

[1]) Простодушные татары того мнѣнія, что султану, ихъ духовному главѣ, долженъ повиноваться весь міръ. Въ глазахъ всего суннитскаго міра законнымъ халифомъ, преемникомъ Магомета, считается тотъ, кто 1) обладаетъ эманати шерифе, т. е. священными заповѣдными сокровищами, къ которымъ относятся хранящіеся въ Стамбулѣ мантія, знамя, борода и зубы пророка, потерянные имъ въ одномъ сраженіи, разное платье, коранъ и оружіе, принадлежавшіе четыремъ первымъ халифамъ, и 2) владѣетъ Меккой и Мединой, Іерусалимомъ и нѣкоторыми другими святынями ислама.

варищами Изъ разсказовъ его я узналъ, что онъ состоялъ придворнымъ имамомъ при аксускомъ вангѣ [1]) и уже во второй разъ побывалъ у священнаго гроба. Онъ познакомилъ меня съ однимъ изъ бывшихъ съ нимъ товарищей и сообщилъ мнѣ, что они стоятъ во главѣ небольшаго каравана богомольцевъ, состоящаго изъ двадцати четырехъ человѣкъ «Въ нашемъ обществѣ есть и старые и малые, богатые и бѣдные, ученые и невѣжды, но всѣ мы живемъ вмѣстѣ, въ величайшемъ согласіи, такъ какъ мы родомъ изъ Кокана и Кашгара, и нѣтъ между нами бухарцевъ, этихъ эхиднъ рода человѣческаго». Враждебное расположеніе узбекскихъ племенъ Средней Азіи къ таджикамъ [2]) давно уже было мнѣ извѣстно, а потому я не хотѣлъ больше разспрашивать объ этомъ и просилъ ихъ сообщить мнѣ, какимъ путемъ думаютъ они возвращаться на родину «На родину нашу», былъ отвѣтъ, «идутъ отсюда четыре дороги: одна черезъ Астрахань, Оренбургъ и Бухару, другая чрезъ Мешхедъ, Гератъ и Бухару, третья чрезъ Мешхедъ, Мервъ и Бухару, четвертая чрезъ Туркменскую степь, Хиву и Бухару. Первые два пути требуютъ большихъ издержекъ, да къ тому же въ Гератѣ теперь война; послѣдніе же хотя и опасны, но мы должны выбрать одинъ изъ нихъ. Какъ ты посовѣтуешь»?

Цѣлый часъ разговаривалъ я съ ними Мнѣ не могла не понравиться ихъ откровенность, и хотя странныя черты чуждаго племени, убогое одѣяніе и отпечатокъ, наложенный на нихъ многотруднымъ путешествіемъ, придавали имъ дикій и страшный видъ, но я не могъ отрѣшиться отъ мысли отправиться съ ними въ Среднюю Азію: въ своей землѣ они могли бы мнѣ быть лучшими путеводителями. Къ тому же они считали меня за дервиша Решидъ-эфенди и по

---

[1]) Аксу—провинція Китайской Татаріи; вангъ—китайскій губернаторъ.
[2]) Таджики—первобытное персидское населеніе Средней Азіи.

знакомились со мною въ турецкомъ посольствѣ. Какъ нарочно, они не долюбливали Бухары, и это былъ единственный городъ въ Средней Азіи, въ который я, бѣдный, дѣйствительно страшился вступить, зная злополучную судьбу моихъ предшественниковъ. Поэтому, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, я тутъ же сообщилъ гостямъ о своемъ намѣреніи. Я зналъ, что они будутъ спрашивать, что побуждаетъ меня къ такому странствію, но не могъ же я объяснять истымъ сынамъ востока, что предпринимаю путешествіе съ научною цѣлію. Имъ смѣшно бы показалось, что знатный человѣкъ, эфенди, изъ-за подобной цѣли рѣшается подвергать себя такимъ многочисленнымъ опасностямъ и трудностямъ, и, пожалуй, они посмотрѣли бы на это даже подозрительно. Восточный житель чуждъ научной любознательности и не вѣритъ въ ея существованіе; а такъ какъ я не хотѣлъ идти наперекоръ понятіямъ моихъ азіятовъ, этихъ фанатиковъ мусульманъ, то долженъ былъ прибѣгнуть къ вымыслу, который, съ одной стороны польстилъ бы новымъ товарищамъ, а съ другой способствовалъ бы моимъ цѣлямъ. «Давно», сказалъ я имъ, «томлюсь я пламеннымъ желаніемъ видѣть Туркестанъ, эту единственную страну, въ чистотѣ хранящую источникъ исламской добродѣтели, и посѣтить праведниковъ Хивы, Бухары и Самарканда. Эта мысль», увѣрялъ я, «привела меня сюда изъ Рума (Турціи): вотъ уже около года, какъ я въ Персіи, все жду ея осуществленія и теперь благодарю Бога, что онъ послалъ мнѣ товарищей, съ которыми могу продолжать путь и привести въ исполненіе свое желаніе».

Когда я кончилъ, добродушные татары съ изумленіемъ переглянулись; но скоро изумленіе это прошло, и они замѣтили мнѣ, что прежде они только подозрѣвали, что я дервишъ, но что теперь они въ томъ вполнѣ увѣрились и

были безконечно рады, что я удостоивалъ ихъ своей дружбы и хотѣлъ отправиться съ ними въ такой дальній и опасный путь. «Мы всѣ готовы быть не только твоими друзьями, но и слугами», говорилъ хаджи Билалъ (такъ звали вышеупомянутаго хаджи съ большою чалмой), «только мы должны предупредить тебя, что дороги въ Туркестанѣ не имѣютъ тѣхъ удобствъ и не такъ безопасны, какъ въ Персіи и Турціи. На нашемъ пути часто по недѣлямъ не бываетъ ни жилища, ни хлѣба, ни даже капли воды для питья; къ этому нужно прибавить еще опасность быть убитымъ, проданнымъ въ рабство или засыпаннымъ песчанымъ ураганомъ. Подумай хорошенько, эфенди, чтобы не пришлось потомъ раскаяваться, когда уже будетъ поздно мы же отнюдь не хотимъ, чтобы на насъ могли указывать, какъ на виновниковъ твоего несчастія. Въ особенности, помни, что соотечественники наши далеко отстали отъ насъ въ опытности и знаніи свѣта и, несмотря на все гостепріимство, всегда подозрительно смотрятъ на пришельца изъ дальнихъ краевъ. И будешь ли ты въ состояніи совершить потомъ обратный путь одинъ, безъ насъ?»

Легко понять, что такія рѣчи произвели на меня сильное впечатлѣніе, но намѣренія моего онѣ не могли измѣнить. Я успокоилъ своихъ друзей, разсказалъ имъ о прежнихъ своихъ трудныхъ предпріятіяхъ, о своемъ отвращеніи къ земнымъ благамъ, особенно же къ моей франкской одеждѣ, которую долженъ носить поневолѣ. «Друзья мои», убѣждалъ я ихъ, «я знаю, что міръ—гостиница [1]), гдѣ мы останавливаемся лишь на нѣсколько дней нашего бытія и затѣмъ уступаемъ мѣсто другимъ. Нынѣшніе мусульмане, что̀ заботятся не только о завтрашнемъ днѣ, но и

[1]) Mihmankhane pendschruzi, т. е. гостиница на пять дней: такъ философы востока называютъ міръ земной.

о томъ, что будетъ черезъ десять лѣтъ, становятся смѣшны мнѣ. Возьмите же меня, друзья, съ собою, извлеките изъ этой бездны заблужденій, въ которой я по истинѣ измучился!»

Этого было довольно; да они и безъ того не сопротивлялись бы. Я былъ принятъ въ ихъ караванъ, и мы обнялись и расцѣловались, что стоило мнѣ, впрочемъ, нѣкоторыхъ усилій,—такимъ тяжелымъ запахомъ пропитано было ихъ платье. Дѣло было сдѣлано, мнѣ оставалось только повидаться съ Хайдаръ-эфенди, сообщить ему о своемъ намѣреніи и испросить содѣйствія. Мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ замолвилъ обо мнѣ словечко моимъ хаджи, которыхъ я тотчасъ же ему представилъ.

Сначала, разумѣется, я встрѣтилъ сильное противодѣйстіе. Идти въ страну, изъ которой не возвращался ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ, въ сопровожденіи людей, готовыхъ убить меня изъ-за гроша, казалось сумашествіемъ. Эфенди рисовалъ передо мной страшныя картины, но, убѣдившись въ безполености увѣщаній, позаботился о томъ, чтобы доставить мнѣ всѣ средства по возможности успѣшнѣе совершить путь. Онъ принялъ моихъ будущихъ спутниковъ въ домъ свой, исполнилъ все просимое ими, почти моими словами сообщилъ имъ о моихъ намѣреніяхъ, ввѣрилъ меня ихъ покровительству, замѣтивъ, что они могутъ разсчитывать на услуги съ его стороны, потому что ихъ попеченіямъ ввѣрялся эфенди, чиновникъ султана. Я не присутствовалъ при этомъ свиданіи, но слышалъ, что мои спутники дали слово оправдать довѣріе эфенди. Читатель увидитъ, какъ честно сдержали они слово, какъ покровительство благороднаго турецкаго посланника спасало мнѣ жизнь, столько разъ подвергавшуюся опасности, и какъ въ самыя трудныя минуты выручала меня вѣрность моихъ товарищей. Впослѣд-

ствіи я узналъ, что Хайдаръ-эфенди, когда рѣчь зашла о Бухарѣ, высказался противъ политики эмира [1]), что весьма обрадавало моихъ товарищей, раздѣлявшихъ его мнѣніе. Потомъ онъ потребовалъ списокъ совершенно неимущихъ странниковъ и далъ имъ около 15 дукатовъ—богатое пособіе для людей, которые, кромѣ хлѣба и воды, не искали никакого комфорта.

Отъѣздъ нашъ былъ назначенъ чрезъ семь дней. Въ продолженіи этого времени хаджи Билалъ особенно прилежно посѣщалъ меня; онъ представилъ мнѣ своихъ соотечественниковъ изъ Аксу, Яркенда и Кашгара, которые показались мнѣ скорѣе ужасно изуродованными искателями приключеній, чѣмъ благочестивыми богомольцами. Особенно заботился онъ о своемъ пріемышѣ Абдулъ-Кадерѣ, глуповатомъ парнѣ лѣтъ двадцати пяти, и предлагалъ его мнѣ въ слуги. «Онъ честный, хоть и глупый малый», убѣждалъ меня Билалъ; «многому онъ можетъ у тебя научиться, только позволь ему прислуживать тебѣ дорогой: онъ будетъ печь тебѣ хлѣбъ, варить чай; на это онъ мастеръ». Хаджи Билалу хотѣлось, впрочемъ, чтобъ Абдулъ-Кадеръ не только пекъ мнѣ хлѣбъ, но и помогалъ ѣсть его. Съ Билаломъ въ дорогѣ былъ другой пріемышъ, и оба парня, заморенные ходьбой, были въ тягость моему другу. Я обѣщалъ принять предложеніе и тѣмъ очень обрадовалъ его. Откровенно говоря, частыя посѣщенія хаджи Билала могли мнѣ показаться подозрительными: человѣкъ этотъ, могло мнѣ придти на умъ, смотритъ на меня какъ на богатую добычу и старается не выпускать изъ своихъ рукъ, боясь, чтобъ я не измѣнилъ своего намѣренія. Но я не смѣлъ и не хотѣлъ подозрѣвать ничего подобнаго. Чтобъ убѣдить своего друга

---

[1]) Эмирами называютъ бухарскихъ властителей. Хивинскіе и кокандскіе называютъ себя ханами.

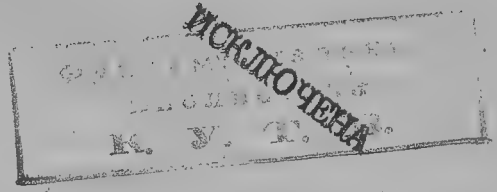
въ безграничномъ къ нему довѣріи, я показалъ ему тѣ небольшія деньги, которыя бралъ съ собою, и просилъ научить меня, какъ одѣться въ дорогу, какъ держать себя, чтобы какъ можно болѣе походить на товарищей и не выдаваться изъ толпы. Очень угодилъ я ему этою просьбой, и легко себѣ представить, какую странную школу прошелъ я подъ его руководствомъ. Прежде всего онъ посовѣтовалъ мнѣ выбрить голову, перемѣнить мой турецко-европейскій костюмъ на бухарскій, и сколько возможно избѣгать постели, бѣлья и тому подобныхъ предметовъ роскоши. Въ точности исполнилъ я наставленія моего друга, и такъ какъ одѣться мнѣ было очень легко, то уже за три дня до назначеннаго срока я былъ готовъ пуститься въ мой дальній путь.

Въ одинъ изъ этихъ дней я зашелъ въ караванъ-сарай, гдѣ жили мои спутники, чтобъ отдать имъ визитъ. Они помѣщались въ двухъ небольшихъ кельяхъ, изъ которыхъ въ одной было 14, въ другой 10 человѣкъ. Впечатлѣнія, которое произвели на меня эти крайне грязныя и бѣдныя конуры, я никогда не забуду. Лишь немногіе изъ этихъ людей имѣли средства продолжать путешествіе, большинству же приходилось существовать милостыней. Я засталъ моихъ товарищей за дѣломъ, о которомъ, чтобы не возбудить отвращенія въ читателѣ, умалчиваю. Впрочемъ, впослѣдствіи меня самого необходимость заставила слѣдовать ихъ примѣру. Они приняли меня радушно, и угостили зеленымъ чаемъ. Адскимъ мученіемъ было для меня выпить большую бухарскую чашку этой зеленоватой воды безъ сахару; отъ второй чашки, предложенной мнѣ гостепріимными хозяевами, я просилъ меня уволить. Тутъ пришлось мнѣ обнять моихъ новыхъ друзей; они обращались со мной, какъ съ роднымъ и даже величали братомъ. Преломивъ хлѣба съ каждымъ отдѣльно, я усѣлся къ нимъ въ кру-

жокъ, и мы стали толковать о выборѣ дороги. Какъ я уже выше говорилъ, дорогъ было двѣ: обѣ были опасны, обѣ шли по пустынямъ, населеннымъ туркменами, и существенная разница между ними была въ различіи племенъ, жившихъ по нимъ. Путь на Мешхедъ, Мервъ и Бухару короче, но онъ идетъ землею племени текке, самаго дикаго изъ всѣхъ. Пощады нельзя было ждать отъ этихъ людей: они продали бы въ невольники самого пророка, еслибъ онъ попался имъ въ руки. По другой дорогѣ жили іомуты, честный, гостепріимный народъ, но здѣсь предстояло намъ сдѣлать сорокъ переходовъ по пустынѣ и не найти ни одного источника прѣсной воды для питья. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній избранъ былъ путь чрезъ землю іомутовъ, Великую пустыню, Хиву и Бухару. «Лучше», говорили мои друзья, «бороться съ яростію стихій, чѣмъ съ людскою злобою. Богъ милостивъ — насъ, идущихъ по немъ, не оставитъ!» Чтобъ закрѣпить это рѣшенье, хаджи Билалъ произнесъ молитву, мы подняли вверхъ руки, а когда онъ кончилъ, прикоснулись ими къ нашимъ бородамъ и произнесли «аминь». Всѣ поднялись съ мѣстъ, и я простился съ моими товарищами, давъ имъ обѣщаніе собраться послѣ завтра въ путь какъ можно раньше. Вернувшись домой, цѣлые два дня я былъ въ сильнѣйшей борьбѣ съ самимъ собой. Еще разъ подумалъ я объ опасностяхъ, угрожавшихъ мнѣ, и о возможныхъ результатахъ путешествія. Я хотѣлъ пріискать какія-нибудь обстоятельства, которыя могли бы оправдать мое отважное предпріятіе. Но, какъ опьяненный виномъ, я не въ силахъ былъ размышлять. Напрасно старались заставить меня заподозрить какую-то скрытую злобу въ моихъ товарищахъ, напрасно стращали меня несчастною участью Коноллея, Стоддерта, Муркрофта и недавнимъ злополучіемъ Блоквилля, который попался въ руки туркменъ и былъ выкупленъ изъ неволи лишь за

10.000 дукатовъ. Все это представлялось мнѣ дѣломъ случая и мало пугало меня. Объ одномъ только думалъ я: достанетъ ли у меня физическихъ силъ, чтобы выдержать борьбу со стихіями и перенести тягости климата, непривычную пищу, продолжительное лишеніе крова, постели, при плохой одеждѣ, съ моею хромою ногой, которая устаетъ такъ скоро. Въ пренебреженіи этими послѣдними трудностями и заключается вся смѣлость моего предпріятія.

Нѣтъ надобности говорить, что взяло верхъ въ этой внутренней борьбѣ. Наканунѣ вечеромъ я простился съ моими друзьями въ посольствѣ. Тайну путешествія ввѣрилъ я только двоимъ изъ нихъ. Вся европейская колонія была увѣрена, что я отправился въ Мешхедъ, я же, между тѣмъ, оставилъ Тегеранъ, чтобы продолжать свое путешествіе по направленію къ Астрабаду и Каспійскому морю.



III.

Отъѣздъ изъ Тегерана на сѣверо-востокъ.—Составъ каравана.—Ненависть шіитовъ ко всѣмъ хаджи.—Мазендеранъ.—Сирабъ.—Гефтепъ.—Тигры и шакалы.—Сари.—Каратепе.

28 марта, на разсвѣтѣ, я былъ въ назначенномъ для сбора мѣстѣ—въ караванъ-сараѣ. Тѣ изъ моихъ друзей, которымъ средства позволяли нанять мула или осла до персидской границы, были уже готовы къ отъѣзду; пѣшіе тоже надѣли свои чаруки [1]) и, со священными финиковыми посохами въ рукахъ, съ нетерпѣніемъ ждали знака къ отправленію въ путь. Къ величайшему моему удивленію я увидѣлъ, что нищенское платье, которое носили мои спутники въ Тегеранѣ, было ихъ городскимъ, праздничнымъ нарядомъ. Желая поберечь его, они надѣли на себя кучу тряпокъ и лохмотьевъ и подпоясались веревками. Вчера, по одеждѣ, я былъ похожъ на нищаго; теперь же, въ кругу этихъ бѣдняковъ, я казался чуть не царемъ въ державномъ облаченіи. Наконецъ хаджи Билалъ поднялъ руки къ небу, произнесъ напутственное благословеніе, и едва мы только успѣли коснуться своихъ бородъ и произнести «аминь», какъ наши пѣшеходы чуть не опрометью бросились къ городскимъ воротамъ, спѣша опередить насъ, всадниковъ. Путь шелъ по направленію къ сѣверо-востоку, къ Сари, до котораго нужно было сдѣлать восемь переходовъ. Мы направились къ Джашеруду и Фирускуху,

---

[1]) Обувь, приспособленная для пѣшеходовъ.

оставивъ влѣво Таушантепе, небольшой охотничій замокъ шаха. Черезъ часъ мы уже были у горнаго прохода, откуда въ послѣдній разъ можно было окинуть взоромъ равнину Тегерана. Я не могъ не обернуться и не взглянуть на нее. Солнце поднялось уже, какъ говорятъ жители востока, на высоту копья; лучи его освѣщали не только Тегеранъ, но и дальній позолоченный куполъ Шахъ-Абдулъ-Азима [1]). Въ это время года природа въ Тегеранѣ уже роскошна, и городъ, произведшій на меня въ прошломъ году такое непріятное впечатлѣніе, предсталъ теперь передо мной во всей чудной красотѣ своей. Въ послѣдній разъ взглянулъ я на Тегеранъ и простился съ этимъ крайнимъ предѣломъ европейской цивилизаціи, — мы покидали этотъ край для дикой варварской страны. Я былъ сильно взволнованъ и, чтобы скрыть волненіе отъ спутниковъ, погналъ коня своего къ горному проходу, надъ которымъ для меня были начертаны суровыя слова: «lasciate ogni speranza» [2]).

Товарищи мои, какъ и подобаетъ истымъ хаджи, громко распѣвали свои телькины [3]). Они извиняли мнѣ мое нежеланіе принять участіе въ этомъ благочестивомъ занятіи, ибо знали, что воспитаніе у руми [4]) не такъ строго-религіозно, какъ у сыновъ Туркестана, но не теряли надежды, что мало-по-малу и я воодушевлюсь ихъ примѣромъ. Далекій путь предстоялъ мнѣ въ обществѣ моихъ друзей! Часто будетъ встрѣчаться съ ними читатель, а потому я теперь же хочу познакомить его съ этими честнѣйшими людьми, какихъ только я зналъ въ далекой Азіи. Начну 1) съ хаджи Билала, бывшаго родомъ изъ

---

[1]) Шахъ-Абдулъ-Азимъ въ VIII столѣтіи былъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Азіи; теперь это лишь большая деревня близъ Тегерана.

[2]) «Оставьте всякую надежду.» *Данте.*

[3]) Телькинъ—гимнъ изъ корана.

[4]) Руми—османы.

*

Аксу, Китайской Татаріи. Онъ былъ придворнымъ имамомъ китайско-мусульманскаго губернатора этой области. Съ нимъ было двое его пріемышей: 2) хаджи Иса, юноша лѣтъ шестнадцати, и 3) хаджи Абдулъ-Кадеръ, о которомъ я уже говорилъ. Въ обществѣ хаджи Билала и, такъ сказать, подъ покровительствомъ его находились тутъ еще: 4) хаджи Юсуфъ, богатый поселянинъ изъ Китайской Татаріи, и племянникъ послѣдняго; 5) хаджи Али, мальчикъ лѣтъ десяти, съ маленькими, какъ у киргиза, глазами. У нихъ обоихъ вмѣстѣ было восемьдесятъ червонцевъ и они слыли богачами, что держалось, впрочемъ, въ глубокой тайнѣ. Вдвоемъ они наняли одну лошадь и пользовались ею поочереди). 6) Бѣдный мулла хаджи Ахмедъ, благочестивый странникъ, кормившійся подаяніемъ; 7) хаджи Гаанъ, тоже мулла, имѣвшій много общаго съ хаджи Ахмедомъ по характеру и по положенію своему (онъ лишился въ дорогѣ отца и возвращался на родину сиротой); 8) хаджи Якубъ, нищій по ремеслу, наслѣдовавшій это ремесло отъ отца; 9) хаджи Курбанъ старшій, крестьянинъ, съ точильнымъ колесомъ прошедшій всю Азію отъ Константинополя до Мекки; разъ пробрался онъ чрезъ Тибетъ даже въ Калькутту, а другой разъ, чрезъ Киргизскую степь, въ Оренбургъ и Таганрогъ; 10) хаджи Курбанъ младшій, потерявшій тоже въ дорогѣ отца и возвращавшійся съ братьями своими: 11) хаджи Саидомъ и 12) хаджи Абдулъ Рахманомъ, хворымъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати, отморозившимъ себѣ подъ Гамаданомъ ноги и тяжко страдавшимъ во всю дорогу до Самарканда.

Всѣ эти китайскіе татары принадлежали къ свитѣ хаджи Билала. Кромѣ нихъ съ нами шелъ одинъ молодой татаринъ, съ которымъ хаджи Билалъ былъ очень друженъ, 13) хаджи султанъ-Махмудъ изъ Кашгара: это былъ юный мечтатель изъ рода знаменитаго святаго Хазрети-Афака,

гробъ котораго находился въ Кашгарѣ. Отецъ друга моего, шейхъ-султанъ-Махмуда, былъ поэтъ и всю жизнь стремился въ Мекку. Послѣ многолѣтнихъ страданій достигъ онъ своей цѣли и окончилъ жизнь въ святомъ городѣ. Сыну его пришлось, такимъ образомъ, заразъ исполнить два дѣла: посѣтить гробъ пророка и гробъ отца. Съ нимъ были: родственникъ его 14) хаджи Гуссейнъ и 15) хаджи Ахмедъ, бывшій китайскій солдатъ изъ полка шива. Полкъ этотъ вооруженъ мушкетами и составленъ исключительно изъ мусульманъ.

Изъ Коканскаго ханства были: 16) хаджи Сали-халифъ, искавшій званія шейха, добродушный человѣкъ, о которомъ намъ придется часто говорить впослѣдствіи. Его сопровождали: 17) хаджи Абдулъ-Баки и братъ его 18) хаджи Абдулъ-Кадеръ, медшсубъ, то-есть «проникнутый любовью къ Богу». Онъ по двѣ тысячи разъ къ ряду, безъ отдыха, крикивалъ: «Аллахъ! Аллахъ!» и потомъ, съ пѣною у рта, погружался въ самое блаженное состояніе (по-европейски это состояніе называется падучею болѣзнью; но мы еще возвратимся къ этому предмету). 19) Хаджи-Кари-Мессудъ. Кари, то же, что въ Турціи хафисъ, называются люди, знающіе наизусть весь коранъ. Съ нимъ были сынъ его 20) хаджи Гаясединъ, 21) хаджи мирза Али, 22) хаджи Араркули, нанявшіе мула на оставшіяся у нихъ деньги, и 23) хаджи Нуръ-Мехеммедъ, купецъ изъ Кокана, дважды побывавшій уже въ Меккѣ, но оба раза не за себя, а за другихъ.

Все выше и выше подымались мы на Эльбурзскія горы. Друзья мои замѣтили, что я падалъ духомъ, и старались успокоить меня; особенно ободрялъ меня хаджи Сали, увѣрявшій, что всѣ спутники любятъ меня, какъ брата. «Далъ бы только намъ Богъ», говорилъ онъ, «убраться поскорѣе изъ страны этихъ еретиковъ шіитовъ и спокой-

но вздохнуть у единоплемнниковъ и единовѣрцевъ нашихъ, туркменъ!»—«Да. прекрасная будущность!» подумалъ я и поѣхалъ нѣсколько быстрѣе, чтобы догнать бѣдняковъ-пѣшеходовъ, ушедшихъ далеко впередъ. Черезъ полчаса я догналъ ихъ. Одни весело распѣвали пѣсни, имѣвшія большое сходство съ венгерскими, другіе разсказывали другъ другу о приключеніяхъ, испытанныхъ ими въ дальнихъ странствіяхъ. Я былъ очень радъ слышать эти рѣчи; изъ нихъ могъ я составить себѣ понятіе объ образѣ мыслей этихъ отдаленныхъ народовъ. Съ той минуты, какъ мы оставили Тегеранъ, я вступилъ въ совершенно новую для меня среду средне-азіятской жизни.

Бесѣдуя то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ моихъ спутниковъ, я подвигался впередъ съ обычною медленностію. Днемъ было довольно тепло, но раннимъ утромъ чувствовали мы сильный холодъ, особенно въ горахъ. Легко одѣтый, я не могъ выдержать холода и долженъ былъ идти пѣшкомъ. Одному изъ пѣшихъ товарищей отдалъ я свою лошадь и, получивъ въ замѣнъ посохъ, присоединился къ толпѣ пѣшеходовъ. Довольно долго шелъ я и слушалъ ихъ пламенныя рѣчи объ отчизнѣ. Когда они воодушевлялись воспоминаніями о садахъ Мерголана, Наменгана и Кокана, то принимались пѣть телькины, а я громко подтягивалъ въ припѣвѣ: «о, Аллахъ! Аллахъ!» О всякой подобной попыткѣ къ сближенію съ моими спутниками юноши сообщали старикамъ; тѣ очень радовались этому и говорили: «хаджи Решидъ (такъ меня звали товарищи) истинный дервишъ и подаетъ большія надежды».

Черезъ четыре дня достигли мы города Фирускуха, лежавшаго на довольно значительной высотѣ. Путь къ нему весьма труденъ. Городъ этотъ расположенъ у подножья горы, на вершинѣ которой находятся развалины древней крѣпости, упоминаемой въ Шахъ Наме, и имѣетъ нѣко-

трое значеніе лишь потому, что составляетъ границу между провинціями Иракъ-Аджеми и Мазендераномъ. На слѣдующій день утромъ продолжали мы путь въ сѣверномъ направленіи и черезъ три или четыре часа достигли выхода изъ обширнаго горнаго ущелья, образующаго Мазендеранъ въ собственномъ смыслѣ и простирающагося почти до самыхъ береговъ Каспійскаго моря. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ караванъ-сарая, расположеннаго на вершинѣ горы, путешественникъ изъ обнаженной, безводной мѣстности вступаетъ въ обильную, роскошную страну. Видя вокругъ себя первобытные лѣса и чудную зелень, трудно повѣрить, что это тоже Персія. Описывать Мазендеранъ съ его красотами я не буду, такъ какъ этотъ предметъ достаточно исчерпанъ такими писателями, какъ Фрэзеръ, Коноллей и Бёрнсъ. Я проѣзжалъ Мазендеранъ въ лучшую пору: весна была въ полномъ блескѣ. Очарованный чуднымъ зрѣлищемъ, я совершенно освободился отъ прежнихъ тяжелыхъ думъ. Величественныя картины, представлявшіяся мнѣ, заставили забыть объ опасностяхъ предпріятія и пробудили самыя сладкія грезы о чуждыхъ, незнакомыхъ странахъ, которыя предстояло мнѣ пройти, о нравахъ и обычаяхъ, которые предстояло видѣть. «Въ тѣхъ краяхъ», думалъ я, «природа, конечно, представляетъ самую рѣзкую противоположность тому, что я здѣсь вижу: обширныя, страшныя пустыни, необозримыя равнины, томительная жажда по цѣлымъ днямъ ожидаютъ меня тамъ, — тѣмъ заманчивѣе здѣшняя роскошь!»

И на спутниковъ моихъ Мазендеранъ произвелъ пріятное впечатлѣніе; они сожалѣли только, что этотъ прелестнѣйшій дженнетъ (рай) находится въ рукахъ еретиковъ шіитовъ. «И странно», промолвилъ хаджи Билалъ, «что всѣ прекрасныя страны на свѣтѣ перешли въ руки невѣрныхъ. Не даромъ говоритъ пророкъ «міръ этотъ—вѣрнымъ тем-

ница, рай для невѣрныхъ». Въ доказательство приводилъ онъ Индостанъ, гдѣ владычествуютъ инглизы, видѣнную имъ прекрасную Россію, и Френгистанъ, который описывали ему какъ рай земной. Хаджи султанъ Махмудъ, чтобы утѣшить насъ, замѣтилъ, что горная страна между Оошемъ (на границѣ Кокана) и Кашгаромъ прекраснѣе Мазендерана, но плохо вѣрилось его словамъ.

Станція Сирабъ находится уже на сѣверномъ концѣ мазендеранскаго горнаго прохода. Здѣсь начинаются тѣ обширные лѣса, которые окаймляютъ берегъ Каспійскаго моря. Шли мы по дорогѣ, устроенной шахомъ Аббасомъ II и во многихъ мѣстахъ совершенно разрушенной. Ночевать остановились въ Хефтенѣ, расположенномъ среди прекраснаго буковаго лѣса. Молодежь наша отправилась искать хорошей воды для чая. Вдругъ услыхали мы отчаянный крикъ и увидали нашихъ юныхъ друзей опрометью бѣжавшихъ къ намъ; оказалось, что они у источника встрѣтили огромныхъ звѣрей, обратившихся въ бѣгство при ихъ приближеніи. Сначала я думалъ, что это были львы; взявъ свою саблю, совсѣмъ заржавѣвшую, я отправился по указанному направленію и издали увидалъ двухъ великолѣпныхъ тигровъ. Въ этомъ лѣсу, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, очень много дикихъ звѣрей, но на людей нападаютъ они рѣдко. Всего болѣе безпокоили насъ шакалы; правда, они боятся палки, но ихъ здѣсь такъ много, что прогонять ихъ мы были не въ состояніи. Шакалы въ Персіи вообще не рѣдкость; даже въ Тегеранѣ вой ихъ бываетъ слышенъ по вечерамъ, но тамъ они не подходятъ такъ близко къ человѣку. Цѣлую ночь тревожили они меня; я отбивался отъ нихъ руками и ногами, боясь, чтобъ они не утащили моихъ башмаковъ и дорожнаго мѣшка.

На слѣдующій день мы должны были добраться до Сари,

столицы Мазендерана. Не далеко отъ дороги лежитъ Шейхъ-Таберси, мѣстечко, въ которомъ долго защищались баби, наводившіе ужасъ на всю окрестную страну. Это была секта религіозныхъ фанатиковъ, отвергавшихъ Магомета и проповѣдовавшихъ коммунизмъ. Здѣсь въ великомъ изобиліи растутъ прекраснѣйшія апельсинныя и лимонныя деревья, желтокрасные плоды и темная зелень которыхъ имѣютъ необыкновенно привлекательный видъ. Самъ городъ Сари вовсе не такъ красивъ, но ведетъ, какъ видно, обширную торговлю. На базарѣ этого послѣдняго персидскаго города въ послѣдній разъ мы были осыпаны всевозможными ругательствами и насмѣшками. Я не оставлялъ безъ отвѣта эту бестыжую руготню, но грозить палкой или саблей считалъ неблагоразумнымъ: толпа шіитовъ была слишкомъ велика. Въ Сари мы остановились только для того, чтобы нанять лошадей на одинъ день пути до Каспійскаго моря. Дорога идетъ болотами и топями, и пѣшкомъ пройти ее было невозможно. Отсюда къ берегу ведутъ нѣсколько путей—на Ферекабадъ (Парабадъ, какъ называютъ его туркмены), на Гесъ и на Каратепе. Мы выбрали послѣдній, ожидая отъ афганцевъ-суннитовъ хорошаго пріема, тѣмъ болѣе, что съ нѣкоторыми жителями этой колоніи мы познакомились и подружились уже въ Сари.

Отдохнувъ два дня, мы тронулись изъ Сари, и только вечеромъ, послѣ многотруднаго десятичасоваго путешествія, прибыли въ Каратепе. Уже эти мѣста не безопасны отъ туркменъ. Приплывъ къ берегу, они прячутъ гдѣнибудь свои челноки, грабятъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ по окрестностямъ и возвращаются домой съ однимъ или двумя связанными персами.

IV.

Каратепе.—Бесѣда автора съ однимъ афганцемъ.—Сомнѣніе въ дервишескомъ званіи автора.—Хаджи, собираясь въ путь черезъ пустыню, заготовляютъ припасы.—Афганская колонія.—Надиръ-Шахъ.—Каспійское море и первыя впечатлѣнія на немъ.—Якубъ, туркменскій перевозчикъ.—Приворотный талисманъ.—Отъѣздъ въ Ашуру.—Плаваніе по Каспійскому морю.—Русская часть Ашуры.—Русскіе военные пароходы на Каспійскомъ морѣ.—Туркменскій князекъ на русской службѣ.—Опасеніе автора быть узнаннымъ.—Пріѣздъ въ Гёмюштепе и къ устью Гёргена.

Когда мы прибыли въ Каратепе, меня пригласилъ къ себѣ въ домъ знатный афганецъ, Нуръ-Уллахъ, съ которымъ я познакомился еще въ Сари; я отказывался, говоря, что не могу жить врозь съ товарищами, — тогда онъ пригласилъ вмѣстѣ со мною хаджи Билала. Онъ упрашивалъ меня до тѣхъ поръ, пока я не согласился воспользоваться его гостепріимствомъ. Сначала я никакъ не могъ объяснить себѣ причины такого расположенія ко мнѣ; только впослѣдствіи узналъ я, что Нуръ-Уллахъ слышалъ о моихъ дружескихъ отношеніяхъ къ послу въ Тегеранѣ, и что ему въ вознагражденіе за его услуги хотѣлось добыть отъ меня рекомендательное письмо къ послу, которое я обѣщалъ и потомъ очень охотно далъ ему.

Только-что вошелъ я въ его домъ, какъ комната наполнилась посѣтителями, которые, чинно разсѣвшись вдоль стѣнъ, съ удивленіемъ начали осматривать меня, а потомъ сообщать другъ другу результаты своихъ наблюденій; наконецъ, принялись они разсуждать вслухъ о цѣли моего путешествія. «Это не дервишъ», рѣшило большинство, «онъ менѣе всего похожъ на дервиша: бѣдность его

одѣянья слишкомъ сильно отличается отъ цвѣта и чертъ его лица. Хаджи говорили намъ, что онъ родственникъ посланника и живетъ въ Тегеранѣ по дѣламъ нашего султана (тутъ всѣ встали); одному Аллаху извѣстно, чего ему, человѣку такого происхожденія, можно искать въ Хивѣ и Бухарѣ среди туркменъ».

Не мало былъ я удивленъ безстыдствомъ этихъ людей, хотѣвшихъ на первомъ же шагу сорвать съ меня маску, но, какъ подобаетъ дервишу, я сидѣлъ погруженный въ глубокую думу и какъ будто ничего не слыхалъ. Такъ какъ я никакъ не хотѣлъ принимать участія въ ихъ бесѣдѣ, то они обратились къ хаджи Билалу; тотъ сообщилъ имъ, что я дѣйствительно эфенди, сановникъ великаго султана, но по внушенію свыше отрекся отъ суетъ сего міра и посвятилъ себя странствію ко гробамъ святыхъ. Многіе покачали головой, но касаться этого предмета было болѣе уже невозможно, такъ какъ истый мусульманинъ не долженъ сомнѣваться, когда ему говорятъ о божественномъ вдохновеніи, о внушеніи свыше. Если даже самъ говорящій и слушающій, оба убѣждены въ обманѣ,—и тогда они могутъ выражать удивленіе однимъ восклицаніемъ: «машаллахъ!» Какъ бы то ни было, но этотъ случай достаточно показалъ мнѣ, что я хотя еще и не выѣхалъ изъ Персіи, но уже достигъ средне-азіятской границы. Прислушиваясь къ разспросамъ этихъ суннитовъ, въ которыхъ явно проглядывало недовѣріе, чего я не встрѣчалъ во всей Персіи, я легко могъ себѣ представить, какое прекрасное будущее ожидало меня въ самомъ Туранѣ. Только чрезъ два часа, поглазѣвъ и наговорившись вдоволь, удалились гости; мы же, вмѣсто ужина, напились чаю и улеглись спать. Я уже засыпалъ, какъ въ комнату явился незнакомый человѣкъ, одѣтый по-туркменски и показавшійся мнѣ однимъ изъ членовъ семьи; онъ подо-

шелъ ко мнѣ и самымъ откровеннымъ образомъ сталъ разсказывать о томъ, какъ онъ уже цѣлыя пятнадцать лѣтъ ѣздитъ по дѣламъ въ Хиву и что хоть самъ онъ изъ Кандагара, но хорошо знакомъ съ туркменами, узбеками и бухарцами. И теперь мы должны были отправиться вмѣстѣ въ путь по Великой пустынѣ и сдѣлаться хорошими друзьями. «Всѣ вѣрные—братья» отвѣтилъ я, поблагодарилъ его за дружбу, и замѣтилъ, что мнѣ, дервишу, очень милы мои теперешніе спутники, съ которыми я такъ давно уже дѣлю трудности пути. Хотѣлось ему еще поговорить со мною, но я притворился спящимъ, и гость оставилъ меня въ покоѣ. Скоро и въ самомъ дѣлѣ овладѣлъ мною сонъ.

На слѣдующее утро узналъ я отъ Нуръ-Уллаха, что вчерашній незнакомецъ былъ тирьяки (опіумоѣдъ) и великій плутъ, и что я долженъ держаться отъ него какъ можно дальше. Нуръ-Уллахъ обратилъ наше вниманіе на то, чтобы въ Каратепе мы запаслись провіантомъ, т. е. мукой и рисомъ, на цѣлыхъ два мѣсяца, такъ какъ даже сами туркмены вывозятъ отсюда предметы своихъ насущныхъ потребностей; мы должны были запастись хлѣбомъ по крайней мѣрѣ вплоть до Хивы. Заботиться объ этомъ я предоставилъ хаджи Билалу, а самъ отправился на расположенный среди деревни черный холмъ (по-турецки каратепе), отъ котораго деревня и получила свое названіе и котораго одна сторона заселена персами, другая 120—150 афганскими семействами. Эта афганская колонія въ началѣ нынѣшняго столѣтія была гораздо значительнѣе. Основана она Надиръ-шахомъ, этимъ послѣднимъ страшнымъ азіятскимъ завоевателемъ, который свои величайшіе геройскіе подвиги совершилъ при помощи афганцевъ и туркменовъ. Мнѣ показывали и мѣсто, откуда онъ обозрѣвалъ полчища дикихъ всадниковъ, которые тысячами,

на крѣпкихъ коняхъ, жаждавшіе крови, стекались подъ его знамена изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Великой пустыны. Разсказываютъ, что въ подобныхъ случаяхъ Надиръ бывалъ всегда очень веселъ, — и тогда весь Каратепе ликовалъ. Мнѣ неизвѣстно, съ какою цѣлью основана была эта колонія, но я нашелъ, что она приноситъ краю великую пользу: афганцы служатъ посредниками въ переговорахъ съ туркменами и безъ нихъ иной персъ цѣлые мѣсяцы томился бы въ неволѣ, не имѣя возможности хлопотать о выкупѣ. Ту же услугу на востокѣ Персіи оказываютъ сунниты изъ Хафа, Джама и Бахира, но имъ приходится имѣть дѣло съ племенемъ текке, которое гораздо страшнѣе іомутовъ.

Съ вершины чернаго холма могъ я въ первый разъ взглянуть на Каспійское море. Открытаго моря не видать отсюда; видѣнъ лишь заливъ, замкнутый длинною косою, оканчивающеюся при Ашурѣ, и называющійся Мертвымъ моремъ. Коса эта издали кажется тонкою полоской, изъ которой тамъ и сямъ торчитъ нѣсколько деревьевъ; далеко, далеко вдается она въ море. Видъ пустыннаго прибрежья произвелъ на меня скорѣе тяжелое впечатлѣніе; я горѣлъ нетерпѣніемъ увидать восточный берегъ залива и поспѣшилъ домой, чтобъ узнать, какъ идутъ приготовленія къ переправѣ на туркменскій берегъ, которую взялся устроить Нуръ-Уллахъ. Наканунѣ вечеромъ намъ объявили, что за одинъ кранъ съ человѣка насъ брались перевезти въ Ашуру на афганской баркѣ, отправлявшейся туда съ провіантомъ для русскихъ; оттуда мы могли съ туркменами въ три или четыре часа переправиться въ Гемюштепе. Намъ сказали, что въ самой Ашурѣ живетъ туркменскій князекъ Хидръ-ханъ, находящійся на русской службѣ и помогающій бѣднымъ хаджи, и что мы тоже могли къ нему отправиться. Всему этому мы весьма об-

радовались и все было улажено, но вдругъ, когда барка уже совсѣмъ была готова къ отплытію, я узналъ, что афганецъ, владѣтель барки, соглашался взять съ собою всѣхъ хаджи, исключая одного меня. Онъ принялъ меня за эмисара турецкаго султана и боялся лишиться своихъ заработковъ у русскихъ, если они откроютъ такую личность на его суднѣ. Не мало былъ я смущенъ этимъ извѣстіемъ, но очень обрадовался, когда узналъ, что товарищи рѣшились не покидать меня и ждать другого случая, если афганецъ будетъ упорствовать. Объ этомъ извѣстилъ меня очень важнымъ тономъ опіумоѣдъ эмиръ Мехемедъ, а потомъ и самъ Анаханъ: такъ звали афганца. Онъ выразилъ свое сожалѣніе, что не можетъ взять меня, обѣщалъ хранить мою тайну и попросилъ рекомендательнаго письма къ Хайдаръ-эфенди. Я нашелъ, что было благоразумнѣе не разубѣждать его, посмѣялся надъ его подозрительностью и обѣщалъ оставить для него у Нуръ-Уллаха нѣсколько строкъ въ Тегеранъ, что и исполнилъ. Я долженъ былъ постоянно облекаться таинственностью и казаться загадочной личностью. Жители востока, особенно мусульмане, воспитанные въ обманѣ и лжи, всегда признаютъ за истину противное тому, въ чемъ ихъ стараются увѣрить, — оттого малѣйшій протестъ съ моей стороны былъ бы для афганца подтвержденіемъ высказанныхъ имъ догадокъ.

Объ этомъ не было уже рѣчи. Но въ тотъ же вечеръ узнали мы, что одинъ туркменъ, желающій отправиться въ Гемюштепе, изъ особаго благочестія готовъ взять съ собою всѣхъ хаджи безплатно, и что намъ слѣдовало только какъ можно раньше выдти на взморье, чтобы воспользоваться первымъ благопріятнымъ вѣтромъ. Тотчасъ же хаджи Билалъ, хаджи Сали и я отправились къ этому благодѣтелю. Якубъ (такъ звали нашего туркмена) оказался моло-

дымъ человѣкомъ съ необыкновенно смѣлымъ выраженіемъ лица. Онъ обнялъ насъ и былъ такъ любезенъ, что согласился даже ждать еще одинъ день, пока мы окончимъ наши приготовленія. Якубъ принялъ благословеніе отъ хаджи Билала и хаджи Сали и мы собрались уже уходить, какъ вдругъ онъ отозвалъ меня въ сторону и попросилъ остаться у него нѣсколько минутъ. Я остался. Не безъ застѣнчивости разсказалъ мнѣ Якубъ, что давно питаетъ несчастную, не встрѣчающую взаимности, любовь къ дѣвушкѣ одного съ нимъ племени, и что нѣкій искусникъ еврей, живущій въ Каратепе, обѣщалъ ему изготовить чудесный нуша (талисманъ), но для этого нужно было, говорилъ онъ, достать непремѣнно тридцать капель свѣжаго розоваго масла изъ Мекки и имъ написать волшебное заклинанье. «Мы знаемъ», сказалъ мнѣ Якубъ, «что хаджи берутъ съ собой изъ святаго города масло и другія благовонія, и такъ какъ ты самый младшій изъ главныхъ хаджи, то я и обратился къ тебѣ; надѣюсь, что ты исполнишь мою просьбу». Не столько изумило меня суевѣріе сына пустыни, сколько довѣріе его къ словамъ велемудраго израильтянина. Товарищи мои дѣйствительно захватили съ собой изъ Мекки розоваго масла, а потому желаніе Якуба было исполнено. Онъ обрадовался какъ ребенокъ.

Черезъ день, рано утромъ, мы уже собрались на морскомъ берегу. Кромѣ нищенской сумы, каждый изъ насъ захватилъ съ собою по мѣшку муки, и много должны мы были потратить дорогаго времени, чтобы на узкомъ челнѣ добраться до нашей барки, которая, по причинѣ мелководья, стояла на разстояніи почти цѣлой мили отъ берега. Никогда не забуду я, съ какими трудностями совершили мы эту переправу. Узкая выдолбленная колода, наполненная пассажирами, мѣшками муки и другимъ грузомъ,

каждую минуту готова была опрокинуться, и мы могли почесть себя счастливыми, когда всѣ взошли на бортъ судна сухими. У туркменовъ существуетъ три рода судовъ: кезебои, съ одною мачтой, однимъ большимъ и однимъ малымъ парусомъ, употребляемые, большею частію, для перевозки грузовъ; каюки, болѣе быстрые на ходу, съ однимъ парусомъ, и употребляемые только въ разбойничьихъ набѣгахъ; и теймилы, челноки въ родѣ того, о которомъ мы уже упоминали. Барка, предоставленная въ наше распоряженіе Якубомъ, принадлежала къ кезебоямъ. Доставивъ съ острова Черекена на персидскій берегъ нефть, смолу и соль, она съ небольшимъ грузомъ возвращалась къ роднымъ берегамъ.

Такъ какъ на безпалубномъ суднѣ между мѣстами не было никакой разницы, то мы усѣлись какъ и гдѣ кому пришлось; но Якубъ замѣтилъ, что такой безпорядокъ будетъ мѣшать ему управлять судномъ. Тогда, взявъ свою поклажу, мы размѣстились по обѣимъ сторонамъ барки, какъ сельди въ боченкѣ. Середина оставалась свободною, и Якубъ съ двумя своими помощниками могъ бѣгать и суетиться сколько было душѣ угодно. Легко себѣ представить, что положеніе наше было не очень завидное. Особенно тяжело было ночью; прилечь было невозможно и сонъ клонилъ изъ стороны въ сторону; часто по цѣлымъ часамъ приходилось чувствовать на себѣ всю тяжесть храпѣвшаго сосѣда, а еще чаще припадали ко мнѣ оба сосѣда, и справа, и слѣва, и я не смѣлъ будить ихъ, зная, что это считается великимъ грѣхомъ.

10 апрѣля 1863 г., въ полдень, подулъ попутный вѣтеръ, и наше судно понеслось какъ стрѣла. Слѣва была у насъ узкая коса, справа горный хребетъ, густо поросшій лѣсомъ и простирающійся до самого моря; на немъ возвышается увеселительный замокъ Эшрефъ, выстроенный шахомъ

Аббасомъ, величайшимъ изъ властителей Персіи. Восхитительная весенняя погода придавала еще болѣе прелести нашему странствію; на душѣ у меня было легко, несмотря на тѣсноту, въ которой я находился. Я могъ бы отдаться раздумію, такъ какъ не прошло еще и дня, какъ я покинулъ персидскій берегъ, а съ нимъ и послѣдній пунктъ, на которомъ была еще возможность одуматься; но это всего менѣе занимало меня. Я былъ совершенно покоенъ относительно моихъ спутниковъ, дикая наружность которыхъ сначала пугала меня; въ ихъ сопровожденіи я готовъ былъ бы отважиться на величайшую опасность. Подъ вечеръ вѣтеръ стихъ совершенно, мы стали на якорь неподалеку отъ берега и получили позволеніе поочередно заварить себѣ чаю на небольшомъ очагѣ судна. Въ моемъ поясѣ было спрятано нѣсколько кусковъ сахару: я пригласилъ Якуба и предложилъ ему чашку сладкаго чая. Къ намъ присоединились хаджи Сали и султанъ Махмудъ. Юный Якубъ разговорился и принялся разсказывать объ эламанахъ: ни о чемъ такъ охотно не говорятъ туркмены. Когда онъ приходилъ въ восторгъ, глаза его, и безъ того пламенные, искрились какъ звѣзды. Говоря о своихъ битвахъ съ еретиками шіитами и разсказывая, сколько онъ набралъ ихъ въ плѣнъ, онъ надѣялся стяжать похвалу отъ насъ, такъ какъ онъ принималъ насъ за суннитскихъ муллъ. Мои товарищи скоро стали засыпать, я же слушалъ юношу долѣе всѣхъ, и только около полуночи онъ ушелъ, сказавъ мнѣ передъ уходомъ: «правъ былъ Нуръ-Уллахъ, когда просилъ, чтобъ я ввелъ тебя въ шатеръ Хандшана (одного изъ туркменскихъ начальниковъ); ты не похожъ на прочихъ хаджи и заслуживаешь, чтобы съ тобою обходились лучше. Хандшанъ — аксакалъ (глава) сильнаго племени, и еще со временъ отца его ни одинъ дервишъ, ни одинъ хаджи или иной какой чужестранецъ

не проходилъ чрезъ Гёмюштепе, не вкусивъ его хлѣба, не испивъ у него воды. Навѣрное, онъ приметъ тебя хорошо,—тебя, пришельца изъ далекаго Рума (Турціи). Ты будешь благодарить меня.»

На другой день вѣтеръ былъ не попутный и мы подвигались очень медленно. Уже вечерѣло, когда мы достигли наконецъ Ашуры, самаго южнаго пункта русскихъ владѣній въ Азіи. Власть русскихъ утвердилась здѣсь не болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ или, лучше сказать, съ того времени, какъ русскіе пароходы стали наводить страхъ на смѣлыхъ туркменскихъ морскихъ разбойниковъ. Прежде здѣсь господствовали туркмены, и даже самое имя Ашура (vis-à-vis) туркменскаго происхожденія. Ашура не была обитаема, но служила туркменамъ станціей во время набѣговъ, которые въ то время были часты и не находили никакого отпора. На путешественника, прибывшаго изъ Персіи, теперешняя Ашура производитъ пріятное впечатлѣніе. Число домовъ, выстроенныхъ близъ восточной оконечности косы, незначительно, но ихъ европейское устройство, церковь—все это не могло не произвести на меня радостнаго впечатлѣнія. Особенно военные пароходы напомнили мнѣ объ европейской жизни, и какъ отрадно было видѣть одинъ изъ нихъ, гордо плывшій отъ Геса [1]) въ Ашуру. Русскіе держатъ здѣсь три военныхъ парохода,—два большихъ и одинъ маленькій; безъ нихъ были бы не безопасны отъ нападенія туркменовъ не только русскіе, поселившіеся здѣсь, но и приходящіе на судахъ изъ Астрахани. Пока купеческій корабль въ открытомъ морѣ, ему бояться нечего, но весьма рѣдко осмѣливается онъ приблизиться къ берегу безъ сопровожденія парохода, къ защитѣ котораго онъ долженъ прибѣгать и на возврат-

---

[1]) Гесъ—пристань Астрабада.

номъ пути. Здѣшняя команда съ великимъ усердіемъ и не малыми издержками борется съ хищничествомъ туркменъ; язва эта немного поослабѣла, но установить здѣсь совершенную безопасность дѣло невозможное: долго еще несчастные персы, а порой и русскіе матросы, будутъ подвергаться опасности побывать въ оковахъ въ Гемюштепе. Русскіе корабли днемъ и ночью безпрестанно объѣзжаютъ туркменскія воды, и каждая туркменская лодка, отправляющаяся съ восточнаго поморья къ южному персидскому берегу, должна имѣть свидѣтельство на проѣздъ. Оно выдается на одинъ годъ за 8, 10 или 15 дукатовъ, и при каждомъ рейсѣ должно быть предъявляемо въ Ашурѣ; при этомъ производится осмотръ судна для удостовѣренія, что на немъ нѣтъ плѣнныхъ, оружія или другой какой контрабанды. Благодаря этой мѣрѣ, большая часть торговыхъ туркменскихъ судовъ занесена въ списки; неизвѣстныя же суда пробираются большею частію тайными, окольными путями; настигнувъ ихъ, русскіе крейсеры въ случаѣ сопротивленія пускаютъ ихъ ко дну. Съ необходимою строгостію преслѣдуя набѣги туркменъ, русскіе не забываютъ прибѣгать и къ политикѣ: они стараются привлечь на свою сторону то или другое туркменское племя, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать противъ остальныхъ. Когда я проѣзжалъ черезъ Ашуру, тамъ жилъ Хидръ-ханъ, изъ племени Газиликеръ, уже 30 лѣтъ находившійся на русской службѣ въ званіи деръябеги (адмирала); онъ получалъ въ мѣсяцъ около 40 дукатовъ жалованья, изъ которыхъ 10 отдавалъ своему мирзѣ (писцу). Среди полуевропейской колоніи Хидръ-ханъ все еще жилъ въ палаткѣ; его служебныя обязанности состояли въ томъ, чтобы, пользуясь своимъ вліяніемъ на туркменъ, препятствовать ихъ разбойничьимъ набѣгамъ или, по крайней мѣрѣ, извѣщать о нихъ русскихъ: его единоплеменники, живя среди турк-

менъ, имѣли возможность узнавать о приготовленіяхъ къ набѣгамъ и во время давать знать о нихъ. Къ сожалѣнію Хидръ-ханъ, бывшій прежде ревностнымъ мусульманиномъ, пристрастился къ водкѣ и пьянствовалъ день и ночь, а сыновья его, которые, живя въ Гемюштепе, должны бы были помогать ему, вступали въ сдѣлки съ каракчи (разбойниками) и всячески уклонялись отъ извѣщенія русскихъ о приготовлявшихся набѣгахъ.

У нашего Якуба также было свидѣтельство на проѣздъ; только по предъявленіи его и по обревизованіи судна могли мы продолжать путь. Въ Ашуру прибыли мы очень поздно вечеромъ, а потому насъ оставили въ покоѣ до слѣдующаго утра и мы стали на якорѣ въ небольшомъ разстояніи отъ берега. Мои товарищи очень сожалѣли, что не могли засвидѣтельствовать своего почтенія Хидръ-хану, извѣстному покровителю дервишей и хаджи. Я же, напротивъ, былъ душевно радъ этому, потому что не могъ идти съ ними, боясь быть поставленнымъ въ непріятное положеніе, еслибъ европейскія черты моего лица возбудили въ Хидръ-ханѣ подозрѣніе. Поэтому препятствіе къ высадкѣ на берегъ было мнѣ очень кстати. Меня безпокоила только мысль, какъ бы русскіе не обратили вниманія на черты и цвѣтъ моего лица, замѣтно отличавшіе меня отъ товарищей. Я вовсе не боялся безчеловѣчнаго обращенія, но меня пугало то, что они могли открыть меня, стали бы отговаривать продолжать путешествіе; впослѣдствіи кто-нибудь совершенно невиннымъ образомъ могъ бы проболтаться, туркмены провѣдали бы о моемъ инкогнито, и кто знаетъ, во сколько разъ дороже Блоквиля пришлось бы мнѣ тогда заплатить за свое освобожденіе отъ тяжкаго рабства. Всѣ эти соображенія безпокоили меня, и жаль мнѣ было, что я не могъ весело смотрѣть на послѣднюю картину европейской жизни.

На слѣдующее утро я проснулся въ сильномъ волненіи. Отъ Ашуры пронесся тихій колокольный звонъ, и товарищи сказали мнѣ, что сегодня у невѣрныхъ воскресенье и праздникъ, но какой именно, я не зналъ. Мы стояли не подалеку отъ одного военнаго корабля, поднявшаго всѣ свои флаги. Вдругъ мы увидали нѣсколькихъ матросовъ въ полной парадной формѣ, мѣрно ударявшихъ веслами и приближавшихся въ лодкѣ къ берегу. Въ эту лодку вошелъ офицеръ, также въ парадной формѣ, и скоро былъ уже на палубѣ корабля. Не прошло и десяти минутъ, какъ намъ закричали, чтобы мы подплыли ближе, и я увидѣлъ, что на палубѣ собралось нѣсколько бѣлокурыхъ офицеровъ. Сильно забилось у меня сердце, и я всячески старался, чтобы, приблизившись къ кораблю, избѣжать опаснаго tête-à-tête съ русскими. Судьбѣ было угодно, чтобы наше судно пристало къ пароходу тою стороной, на которой я сидѣлъ, такъ что столпившіеся у борта русскіе могли видѣть только мой затылокъ. По случаю праздника осмотръ былъ поверхностный, толмачъ обмѣнялся съ Якубомъ нѣсколькими словами, офицеры потолковали между собой о нашей нищенской компаніи, и я, между прочимъ, слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ: «смотрите, какой бѣлый этотъ хаджи!» Вѣроятно, слова эти относились ко мнѣ; впрочемъ, больше не было сдѣлано никакихъ замѣчаній. Якубъ скоро былъ отпущенъ, и мигомъ исчезли мы изъ вида корабля. Я поднялся, выпрямился и свободно вздохнулъ, избавившись отъ страха.

Поднялся сильный западный вѣтеръ, и мы узнали, что скоро распустимъ паруса и поспѣшимъ къ Гёмюштепе, находившемуся отъ насъ въ трехъ часахъ пути; но Якубъ все смотрѣлъ на бѣлѣвшуюся вдали точку, да переговаривался потихоньку съ своими помощниками; лишь послѣ того, какъ опасная точка совершенно исчезла, поднятъ

былъ большой парусъ, и мы понеслись къ востоку, съ быстротою стрѣлы прорѣзывая волны[1]). Въ разстояніи почти получаса пути отъ Ашуры мы прошли мимо нѣсколькихъ морскихъ значковъ, состоявшихъ изъ выкрашенныхъ красною краскою шестовъ. «Ингилизы», сказалъ мнѣ Якубъ, «поставили ихъ здѣсь для обозначенія границы русскихъ водъ; воды по ту сторону принадлежатъ туркменамъ, которыхъ ингилизы всегда будутъ защищать отъ нападеній русскихъ». Кто внушаетъ этимъ дикимъ сынамъ пустыни мысль о такой дальновидной политикѣ, остается для меня загадкой. Я ничего не знаю объ этихъ значкахъ, но еще менѣе знаю о симпатіяхъ Англіи къ туркменамъ. Спустя немного времени показался туркменскій берегъ. Онъ имѣлъ видъ длинной полосы съ нѣсколькими возвышеніями. Мы слѣдовали по направленію, обозначенному другими плывшими впереди насъ судами. Вскорѣ паруса были подобраны, потому что фарватеръ оканчивался, и мы остановились почти въ $1^1/_2$ англійскихъ миляхъ отъ устья Гёргена, по обоимъ берегамъ котораго раскинулся Гёмюштепе, имѣвшій видъ нѣсколькихъ сотъ огромныхъ ульевъ, стоящихъ плотно одинъ возлѣ другого.

Здѣсь, точно также какъ и передъ Каратепе, по причинѣ мелководья, даже небольшія суда не могутъ приближаться къ берегу или входить въ Гёргенъ, который довольно глубокъ и всегда полноводенъ. Поэтому мы должны были ждать до тѣхъ поръ, пока Якубъ, отправившійся на берегъ, не извѣстилъ о нашемъ прибытіи и не прислалъ нѣсколько теймиловъ, чтобы перевезти насъ на берегъ. Скоро явились три челнока и должны были

---

[1]) Послѣ узнали мы, что это были туркмены изъ Ходжъ-Нефеса, которые, провѣдавъ о нашемъ прибытіи, подстерегали насъ и хотѣли ограбить. Но сдѣлать хаджи невольниками не позволяло разбойникамъ религіозное чувство.

сдѣлать нѣсколько концовъ взадъ и впередъ, чтобы перевезти всѣхъ насъ. Я съ хаджи Билаломъ вышелъ на берегъ послѣ всѣхъ и былъ очень обрадованъ, услыхавъ, что Хандшанъ, извѣщенный о нашемъ прибытіи молодцомъ Якубомъ, поспѣшилъ къ намъ на встрѣчу. Онъ былъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, занятъ своимъ азръ-намазомъ, т. е. полуденною молитвой. Я подошелъ къ нему.

V.

Пріѣздъ въ Гёмюштепе.—Радушный пріемъ хаджи.—Хандшанъ.—Древняя греческая стѣна.—Вліяніе улемовъ.—Первая каменная мечеть у номадовъ.—Персидскіе невольники.—Поѣздка на сѣверо-востокъ отъ Гёмюштепе.—Свадьба у татаръ.—Караванбаши хивинскаго хана собирается въ путешествіе по пустынѣ.—Илья-Бей, наемщикъ верблюдовъ.—Сдѣлка съ Кулханомъ.—Туркменская экспедиція въ Персію для кражи лошадей.—Ея возвращеніе.

Окончивъ молитву, Хандшанъ всталъ, и я увидѣлъ предъ собой красиваго и стройнаго мущину, лѣтъ сорока, съ окладистой бородой, падавшею на грудь. Онъ поспѣшно подошелъ, обнялъ меня и радушно привѣтствовалъ, назвавъ меня по имени; такъ же встрѣтилъ онъ хаджи Билала и хаджи Сали. Когда караванъ, навьюченный мѣшками, поднялся на ноги, мы примкнули къ нему и отправились къ палаткамъ. Слухъ о нашемъ прибытіи успѣлъ распространиться повсюду: мущины, женщины, дѣти, собаки даже — всѣ спѣшили взглянуть на богомольцевъ, обнять ихъ и стать чрезъ то причастными ихъ заслугамъ. Эта первая, совершенно новая картина среднеазіатской жизни поразила меня до того, что я рѣшительно не зналъ, что дѣлать — вглядываться ли въ странную постройку войлочныхъ палатокъ, смотрѣть ли на женщинъ въ красныхъ шелковыхъ рубашкахъ до пятъ, или удовлетворить сперва желанію толпы, изъ которой отовсюду протягивались ко мнѣ руки. Странно было видѣть, какъ молодые и старые, богатые и бѣдные, мужчины и женщины — всѣ безъ различія спѣшили прикоснуться къ хаджи, не отряхнувшимъ еще съ себя священнаго праха Мекки и Медины; не мало былъ

Пріемъ у туркменскихъ начальниковъ на берегу Каспійскаго моря.

я удивленъ, когда увидѣлъ, что даже прелестнѣйшія женщины добивались обнять меня; въ томъ числѣ было очень много дѣвушекъ. Усталые и измученные почетомъ, который намъ, странникамъ, оказывали здѣсь отъ избытка религіознаго чувства и по долгу гостепріимства, мы прибыли къ палаткѣ верховнаго ишана [1]), гдѣ собрался нашъ маленькій караванъ. Тогда представилась сцена, интереснѣе которой я еще не видалъ: начались споры о помѣщеніи прибывшихъ гостей. Меня поражала готовность, съ которою всѣ изъявляли желаніе пріютить у себя хоть одного изъ насъ, убогихъ чужеземцевъ. Я слыхалъ и прежде о гостепріимствѣ кочевниковъ, но чтобы доходило оно до такой степени, я не думалъ. Женщины начинали уже переругиваться между собою, но Хандшанъ возстановилъ порядокъ, раздѣливъ гостей между всѣми; меня же и хаджи Билала пригласилъ въ свою ова [2]), и такъ какъ онъ жилъ на верхнемъ концѣ Гёмюштепе, то намъ пришлось пройти черезъ весь станъ, состоявшій изъ палатокъ, раскинутыхъ близко одна подлѣ другой и расположенныхъ по обоимъ берегамъ Гёргена [3]). Только передъ солнечнымъ закатомъ, совершенно измученные, добрались мы до его палатки, въ сладкой надеждѣ на отдыхъ. Но, къ сожалѣнію, надежда не сбылась. Наше новое жилище состояло изъ раздѣленной надвое палатки, въ двухъ шагахъ отъ берега; едва только

---

[1]) Ишанъ—священникъ.

[2]) Ова—буквально, палатка; но обыкновенно этимъ словомъ обозначаютъ туркмены домъ и дворъ.

[3]) Гёргенъ, начало котораго находится въ Курдистанскихъ горахъ, большею частью своего теченія, на протяженіи 30 миль, орошаетъ страну, населенную іомутами. Отъ верховьевъ до Пизарака, даже почти до Атабега, его вездѣ можно переѣхать въ бродъ. Глубокимъ онъ становится уже въ восьми миляхъ отъ Гёмюштепе, гдѣ оба его берега имѣютъ болотистую почву. Ложе рѣки вездѣ узко. На протяженіи четырехъ или пяти миль отъ берега, Гёргенъ баснословно богатъ рыбою, такъ что лѣтомъ отъ нея портится вода и дѣлается неудобною для питья. Я умылся только два раза этою водой, но уже руки и лицо пропитались сильнымъ и непріятнымъ рыбнымъ запахомъ.

съ обычными церемоніями, успѣли мы обойти два раза вокругъ этого жилища и заглянуть во всѣ его углы, какъ оно уже биткомъ набилось посѣтителями. До самой ночи не покидали они насъ и утомили своими распросами до того, что даже хаджи Билалъ, этотъ истый сынъ востока, начиналъ терять терпѣніе. Вечеромъ Баба-дшанъ [1]), двѣнадцатилѣтній сынъ Хандшана, принесъ намъ ужинъ, состоявшій изъ вареной рыбы и кислаго молока. Персидскій невольникъ, въ тяжелыхъ цѣпяхъ, принесъ блюдо, а Баба-дшанъ, взявъ его изъ рукъ невольника, предложилъ намъ. Во время ужина Хандшанъ и сынъ его сидѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ и съ истиннымъ удовольствіемъ смотрѣли, съ какимъ невѣроятнымъ аппетитомъ истребляли мы кушанья. По окончаніи ѣды стали молиться: Хаджи Билалъ поднялъ руки, и всѣ присутствовавшіе послѣдовали его примѣру. Когда, въ заключеніе, произнесъ онъ: «Бисмаллахъ, Аллахъ Экберъ!» и взялъ себя за бороду, то всѣ остальные тоже коснулись бородъ и поздравили Хандшана съ гостями.

13 апрѣля въ первый разъ проснулся я въ туркменской палаткѣ, называемой у іомутовъ *чатмой*, а у другихъ племенъ *аладшей*. Сладкій сонъ и прохлада освѣжили меня; прелесть новизны положенія приводила меня въ восторгъ; радость моя, казалось, не имѣла предѣловъ. Это не ускользнуло отъ вниманія хаджи Билала, и онъ предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ небольшую прогулку. Когда мы нѣсколько отдалились отъ чатмы, онъ сказалъ мнѣ: «теперь пора тебѣ забыть, что ты эфенди, и стать совершеннымъ дервишемъ. Ты, вѣроятно, замѣтилъ, что не только я, но и всѣ наши товарищи, старые и молодые, раздаютъ благословеніе народу,—дѣлай и ты то же. Я знаю,

---

[1]) Баба-Дшанъ—душа отца, ласковое названіе, даваемое старшему сыну.

въ Румѣ нѣтъ такого обычая, но здѣсь народъ этого требуетъ: всякій будетъ чуждаться тебя, если, выдавая себя за дервиша, ты не будешь разыгрывать роли дервиша. Какъ благословлять — ты знаешь; прими благочестивый видъ и благословляй всѣхъ и каждаго, а если тебя позовутъ къ больному, то ниспосылай и нефесъ [1]); не забывай протягивать руки за милостыней: народъ знаетъ, что мы, дервиши, живемъ своимъ благочестивымъ ремесломъ, и у каждаго всегда на готовѣ для насъ какое-нибудь маленькое подаяніе.» Наставляя меня, мой добрый товарищъ извинялся тѣмъ, что дѣлалъ это для моего же собственнаго блага, и привелъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказъ о путешественникѣ, который, прибывъ въ страну одноглазыхъ, сталъ закрывать одинъ глазъ, чтобы не отличаться отъ нихъ.

Я отъ души поблагодарилъ хаджи Билала за совѣты; между прочимъ, я услыхалъ отъ него, что Хандшанъ и многіе туркмены особенно разспрашивали обо мнѣ. Билалу стоило великаго труда убѣдить ихъ, что мое путешествіе вовсе не имѣетъ оффиціальнаго характера. Туркмены предполагали, что я посланъ султаномъ въ Хиву или Бухару съ какимъ-нибудь неблагопріятнымъ для русскихъ порученіемъ. Хаджи Билалъ не хотѣлъ совершенно разувѣрить ихъ въ томъ: онъ думалъ, что, питая величайшее уваженіе къ султану, они будутъ уважать и меня. Несмотря на то, было рѣшено, что я долженъ оставаться вѣренъ своей роли дервиша, ибо туркменамъ особенно нравится все загадочное и таинственное.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды мы возвратились домой, гдѣ ждалъ насъ хозяинъ со множествомъ друзей и родственниковъ. Сперва представилъ онъ намъ жену и старую мать

---

[1]) Нефесъ—святой духъ, святое дыханіе.

свою и просилъ благословить ихъ; потомъ познакомились мы и съ другими ближайшими родичами Хандшана и всѣмъ имъ дали благословеніе. По окончаніи этого обряда, Хандшанъ замѣтилъ, что туркмены смотрятъ на гостя, какъ на самаго дорогаго члена семьи, и что мы можемъ теперь ходить безбоязненно всюду, не только по землѣ, занятой его племенемъ, но и по всѣмъ іомутскимъ становищамъ, и если кто осмѣлится нанести хоть малѣйшую обиду его гостямъ, кельте (такъ называлось его племя) съумѣютъ расправиться съ обидчикомъ. «Пока караванъ изготовится въ путь, вамъ придется пробыть здѣсь недѣли двѣ; отдохните немного, а потомъ побывайте и въ отдаленныхъ *ова*. Туркменъ никогда не отпускаетъ отъ себя дервиша съ пустыми руками, а вамъ не мѣшаетъ наполнить мѣшки припасами: путь вашъ длиненъ и труденъ — отсюда до Хивы и Бухары не близко».

Слова Хандшана привели меня въ восторгъ: мнѣ чрезвычайно хотѣлось побродить на свободѣ и не уѣзжать изъ Гёмюштепе, пока не познакомлюсь покороче съ туркменами и не выучусь говорить на ихъ языкѣ, который я до тѣхъ поръ зналъ только теоретически. Въ первые дни ходилъ со мной самъ Хандшанъ, его братъ или кто нибудь изъ друзей его дома. Впослѣдствіи я часто сопровождалъ хаджи Билала, обходившаго станъ для благословеній, и хаджи Сали, усердно занимавшагося здѣсь медицинскою практикой. Въ то время, какъ онъ раздавалъ больнымъ лекарства, я громко произносилъ надъ ними благословенія, за что мнѣ давали небольшую войлочную цыновку, сушеную рыбу или что-нибудь въ этомъ родѣ. Благодаря ли нашему удачному леченью или любопытству туземцевъ взглянуть на турецкаго хаджи (какъ звали меня здѣсь), я не знаю, но послѣ пятидневнаго пребыванія моего въ Гёмюштепе ко мнѣ собиралось, къ удивле-

нію моихъ друзей, довольно значительное количество больныхъ или людей, воображавшихъ себя больными; я раздавалъ имъ благословенія или писалъ небольшіе талисманы и всегда получалъ за это надлежащій гонорарій. Случалось мнѣ по временамъ встрѣчаться съ многомудрыми политиками, принимавшими меня за политическаго эмиссара и сомнѣвавшимися въ моемъ званіи дервиша; впрочемъ, такія встрѣчи не сильно смущали меня: маска, которой я прикрывался, оставалась неприкосновенной, никто не могъ подозрѣвать во мнѣ европейца, и я безпрепятственно могъ странствовать по землямъ, такъ мало извѣстнымъ доселѣ.

Число моихъ знакомыхъ возрастало болѣе и болѣе, и въ скоромъ времени я сошелся съ самыми значительными и вліятельными людьми въ странѣ. Весьма много пользы принесла мнѣ дружба съ Кизиль-Ахондомъ [1]), почтеннымъ туркменскимъ ученымъ. Я былъ съ нимъ въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ и, благодаря его рекомендаціи, имѣлъ доступъ всюду. Кизиль-Ахонду, еще въ то время, какъ онъ учился въ Бухарѣ, попалась въ руки книга, писанная на османо-турецкомъ языкѣ и содержавшая въ себѣ толкованія на нѣкоторыя мѣста корана; книга эта была для него не совсѣмъ понятна, и я перевелъ и объяснилъ ему темныя мѣста. Съ тѣхъ поръ онъ полюбилъ мое общество и повсюду разглашалъ о моей учености и о глубокомъ знаніи закона правовѣрныхъ. Друженъ былъ со мной и Сатлигъ-Ахондъ, весьма чтимое здѣсь духовное лицо; онъ обладалъ замѣчательною начитанностію. При первой встрѣчѣ со мною, Сатлигъ-Ахондъ благодарилъ Провидѣніе, пославшее ему случай видѣть правовѣрнаго изъ Рума, этого настоящаго источника вѣры. Когда кто-то сдѣлалъ замѣ-

---

[1]) Настоящее имя его было Мулла-Мюрадъ.

чаніе о бѣлизнѣ моего лица, онъ сказалъ, что бѣлизна эта и есть истинный свѣтъ ислама, благодать, ниспосланная на однихъ только вѣрующихъ западныхъ странъ. Старался я также сблизиться съ муллой Дурди, верховнымъ судьею [1]): для меня было очевидно, что только улемы имѣютъ нѣкоторое вліяніе на этотъ дикій народъ; вліяніе же аксакаловъ, о которомъ такъ много говорятъ въ Европѣ, чрезвычайно слабо, почти ничтожно. Возраставшее ко мнѣ довѣріе туркменовъ показывало, что разсчеты мои были вѣрны. Въ то время здѣсь задумали построить мечеть изъ развалинъ одной греческой постройки, —меня просили назначить мѣсто для мираба [2]); Кизиль-Ахондъ указалъ на меня, какъ на самаго свѣдущаго и опытнаго дервиша.

За исключеніемъ какой-то греческой постройки, въ Гёмюштепе не было до сихъ поръ никакихъ каменныхъ сооруженій. Каждый туркменъ считалъ своей обязанностію принести на мѣсто, назначенное для мечети, по нѣскольку сотенъ превосходныхъ четырехугольныхъ камней съ укрѣпленій, по преданію, воздвигнутыхъ Александромъ. Когда снесено было достаточное количество матеріала, привели архитектора - туркмена , посѣтившаго нѣсколько разъ Астрахань и слывшаго поэтому за человѣка бывалаго и опытнаго. При помощи моего компаса, я указалъ имъ сторону, гдѣ находится Мекка, и они тотчасъ же принялись класть стѣны, не заложивъ предварительно никакого фундамента, — обстоятельство, не обѣщавшее постройкѣ особенной прочности.

Чрезъ восемь дней по прибытіи въ Гёмюштепе, я, благодаря вышеупомянутой протекціи, былъ знакомъ рѣшительно со всѣми. Мнѣ хотѣлось узнать гражданскія отно-

---

[1]) Кази-келанъ — верховный судья.
[2]) Мираба—алтарь

шенія этихъ туркменовъ, познакомиться хорошенько съ многочисленными племенами и родами ихъ, и составить возможно точное и полное понятіе о тѣхъ общественныхъ связяхъ, которыми соединяются и сдерживаются такіе, повидимому, анархическіе элементы. Исполнить это желаніе оказалось однако не такъ легко, какъ я думалъ. Стоило мнѣ коснуться какого-нибудь житейскаго вопроса, изъявить любопытство относительно чего-нибудь, — всѣ приходили въ изумленіе и не могли понять, какъ могутъ интересовать дервиша суетныя дѣла міра сего. Къ счастію моему, туркмены, не занимающіеся ничѣмъ, кромѣ набѣговъ и грабежа, проводятъ все свободное время въ совершенномъ бездѣйствіи и отъ скуки готовы по цѣлымъ часамъ толковать о политикѣ. При такихъ разговорахъ я былъ всегда внимательнымъ и молчаливымъ слушателемъ: показывая видъ, что дремлю, я съ четками въ рукахъ сидѣлъ между ними и вслушивался въ разсказы о разбояхъ, объ отношеніяхъ туркменовъ къ Персіи, къ Хивинскому ханству и къ кочующимъ народамъ.

Въ эти дни я съ Кизиль-Ахондомъ имѣлъ случай побывать у атабеговъ — іомутскаго племени, живущаго на востокъ отъ Гёмюштепе, и у туркменовъ-гекленовъ. Эта поѣздка имѣла для меня величайшій интересъ, ибо дала мнѣ возможность увидѣть большую часть стѣны, построенной Александромъ Великимъ для защиты границъ персидскихъ отъ набѣговъ жителей пустыни, и тогда уже внушавшихъ страхъ. Цѣлью поѣздки Кизиль-Ахонда было юридическое изслѣдованіе по одному процессу, а потому мы должны были останавливаться въ нѣсколькихъ мѣстахъ и употребить четыре дня на путешествіе, которое можно было совершить въ два дня. Направляясь на востокъ, мы часто должны были дѣлать объѣзды, чтобъ избѣжать поросшихъ тростникомъ болотъ, по которымъ бродятъ тысячи каба-

новъ. Эти болота образуются отъ разлитія Гёргена, воды котораго весной заливаютъ берега на нѣсколько миль. Это, вѣроятно, случалось и въ прежнія времена, вслѣдствіе чего и сочли полезнымъ построить большую стѣну, на разстояніи четырехъ, а мѣстами шести англійскихъ миль отъ сѣвернаго берега рѣки. Такъ какъ стѣна эта была выстроена на самыхъ высокихъ мѣстахъ равнины, то и понынѣ дорога, идущая подлѣ нея, представляется самою безопасной во всякое время года. Потому-то большая часть населенія здѣшней страны тѣснится къ этой стѣнѣ, и группы палатокъ, болѣе или менѣе обширныя, встрѣчаются здѣсь на разстояніи не болѣе четверти часа пути. Я не видалъ западной части этой постройки и не вѣрилъ слышаннымъ мною баснословнымъ разсказамъ о ней. На сѣверо-востокъ отъ Гёмюштепе, близъ морскаго берега, множество крѣпостныхъ развалинъ доказываетъ, что здѣсь было начало стѣны; другая стѣна начинается въ двадцати миляхъ къ югу отъ рѣки Этрека и соединяется съ главною немного выше Алтинъ-Токмака. Что касается до линіи, идущей отъ Гёмюштепе, то я прослѣдилъ ее въ теченіе двухъ дней на протяженіи десяти географическихъ миль отъ запада къ сѣверо-востоку. Ее можно легко замѣтить по ея возвышености на два или на три фута надъ поверхностью равнины даже и тамъ, гдѣ засыпанію остатковъ способствуетъ самое свойство почвы. Вся эта стѣна походитъ на длинную линію ретраншаментовъ, среди которыхъ почти черезъ каждую тысячу шаговъ возвышаются развалины древнихъ башенъ, размѣры которыхъ, повидимому, одинаковы. Въ одномъ направленіи съ этою стѣной видны другія большія насыпи. Чувствуя себя недостаточно свѣдущимъ въ археологіи, предоставляю другимъ изслѣдованіе этихъ развалинъ. Разрывая одну изъ меньшихъ насыпей, туркмены нашли, среди четыреугольнаго строенія, гро-

Приключеніе съ кабаномъ.

мадный горшокъ со стѣнками, тониной не уступающими бумагѣ, и содержавшій въ себѣ голубоватый пепелъ, золотыя монеты и другія драгоцѣнности; вслѣдствіе этого всю страну, а также и стѣну назвали хранилищемъ золота (Казиль-Аланъ). Возвышенности эти слѣдуетъ отличать отъ насыпей, сдѣланныхъ туркменами въ память ихъ умершихъ великихъ людей.

Мой ученый спутникъ, Кизиль-Ахондъ, удивлялся, что меня такъ интересовала стѣна Искендера [1]), сложенная дшинами [2]) по повелѣнію этого великаго полководца [3]). Искендеръ, по его мнѣнію, былъ болѣе благочестивый мусульманинъ, нежели мы, и потому всѣ подземные духи, волей-неволей, повиновались ему. Онъ хотѣлъ уже разсказать мнѣ извѣстную басню о сошествіи Александра въ царство тьмы, но замолчалъ, увидѣвъ, что я усердно занялся отламываніемъ одного кирпича. Блѣдно-красные кирпичи оказались какъ бы спаянными между собой, и скорѣе можно было разломить ихъ, чѣмъ отдѣлить отъ общей массы. Страна эта представляетъ высокій интересъ для нашихъ археологовъ: въ ней могутъ они найти не только множество остатковъ греческаго владычества, но и скрытыхъ памятниковъ древней иранской цивилизаціи. Арабскіе писатели много разсказываютъ намъ о великомъ значеніи Гёргена и о нынѣшнихъ развалинахъ Шехри-Джорджана. Кумбези-Каусъ [4]), о которомъ я могъ судить только по разсказамъ, заслуживаетъ, вѣроятно, большаго вниманія, чѣмъ можетъ посвятить ему быстро проѣзжающій тутъ англичанинъ.

---

[1]) Седди-Искендеръ—Александровская стѣна.

[2]) Дшины—геніи, подземные духи.

[3]) Исторіи великаго Македонянина жители Востока придали религіозно-миѳическій характеръ, и хотя нѣкоторые изъ восточныхъ историковъ отличаютъ миѳическаго Искендера зуль-Карнейнъ, или двурогаго, отъ Александра Греческаго, но я убѣдился, что эти двѣ личности вездѣ принимаются за одну.

[4]) Куполъ Каусъ.

Я очень удивился, когда увидѣлъ, что у Кизиль-Ахонда, котораго я считалъ человѣкомъ ученымъ, но не богатымъ, было въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько палатокъ съ женами и дѣтьми. Огромная семья его составилась отъ трехъ браковъ. Только познакомившись съ его женами и дѣтьми, я сталъ догадываться, что Кизиль-Ахондъ предпринялъ свое путешествіе не съ одною юридическою цѣлью, но и по семейнымъ дѣламъ. Впрочемъ и въ чужихъ ова насъ принимали почти такъ же, какъ въ его собственныхъ. Во всякой туркменской палаткѣ, даже у враждебныхъ племенъ, мулла—такъ, большею частію, называли Ахонда—былъ хозяиномъ; вездѣ не только принимали его съ почетомъ, но и осыпали подарками. Мнѣ, разыгрывавшему роль его ученика, подарили нѣсколько войлоковъ [1]) для молитвы, туркменскую верхнюю одежду и большую мѣховую шапку — національный головной уборъ этихъ кочевниковъ. Я надѣлъ ее на голову, обернулъ легкимъ шарфомъ на подобіе тюрбана и преобразился въ туркменскаго муллу.

По возвращеніи въ Гёмюштепе, я нашелъ, что товарищи мои, не одобрявшіе подобныхъ поѣздокъ, были очень встревожены моимъ продолжительнымъ отсутствіемъ. Я освѣдомился о здоровьи каждаго изъ нихъ. Мнѣ сообщили, что хаджи Сали лечитъ съ блистательнымъ успѣхомъ, а что хаджи Кари-Мессуда обокрали въ мечети [2]), въ которой онъ поселился. Послѣ долгихъ, но безуспѣшныхъ розысковъ въ разныхъ мѣстахъ, ишанъ объявилъ, что предастъ вора проклятію, если онъ не возвратитъ украденнаго. Не прошло и двадцати четырехъ часовъ, какъ явился раскаявшійся преступникъ и не только принесъ съ собою украденныя вещи, но еще подарокъ въ знакъ при-

[1]) Намасдшай—войлоки, подстилаемые подъ ноги во время молитвы.
[2]) Т.-е. въ палаткѣ, въ которой отправлялось богослуженіе.

миренія. Я крайне сомнѣваюсь, чтобы такія мѣры были дѣйствительны въ такихъ городахъ, какъ Парижъ и Лондонъ.

О караванѣ, отправлявшемся въ Хиву, получилъ я добрыя вѣсти. Друзья сообщили мнѣ, что хивинскій ханъ, которому доктора посовѣтовали пить для здоровья молоко буйволицы, прислалъ въ Гёмюштепе своего караванбаши, съ порученіемъ купить двѣ пары этихъ животныхъ, такъ какъ ихъ не водится въ его странѣ. Караванбаши уже отправился въ Астрабадъ, и, по возвращеніи его, мы могли продолжать наше путешествіе съ увѣренностію въ благополучномъ исходѣ его, такъ какъ нашимъ путеводителемъ въ пустынѣ долженъ былъ быть человѣкъ въ высшей степени опытный. Я былъ очень удивленъ, что туркмены, несмотря на все свое гостепріимство, успѣли уже опротивѣть многимъ изъ моихъ спутниковъ, даже самымъ бѣднымъ. «Нѣтъ никакой возможности», говорили они, «видѣть ихъ жестокое обращеніе съ несчастными персидскими невольниками. Правда, что персіяне—еретики и что въ ихъ странѣ мы многаго натерпѣлись, но то, что выносятъ эти несчастные здѣсь, превосходитъ всякую мѣру». Мои китайско-татарскіе спутники, на родинѣ которыхъ нѣтъ торговли рабами, выражали большое состраданіе къ плѣннымъ персамъ и осыпали проклятіями безчеловѣчныхъ каракчи при видѣ тѣхъ мукъ, которыя претерпѣвали несчастные невольники. Чего не перечувствуетъ персіянинъ, будь онъ самый жалкій бѣднякъ, когда ночью нападутъ на него каракчи и, покрытаго тяжкими ранами, увлекутъ далеко отъ родной семьи! Платье его замѣнятъ лохмотьями, едва прикрывающими тѣло, ноги закуютъ въ тяжелыя цѣпи, невыносимо терзающія при малѣйшемъ движеніи, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а иногда и нѣсколькихъ недѣль, станутъ кормить самою дурною пищей. На ночь,

чтобы сдѣлать невозможною даже самую попытку къ побѣгу, надѣнутъ на него желѣзный ошейникъ съ цѣпью и прикрѣпятъ ее къ колодѣ, чтобъ она изобличала своимъ бряцаньемъ малѣйшее его движеніе. Конецъ мученьямъ настанетъ только тогда, когда родственники внесутъ выкупъ, или туркмены отправятъ его на продажу въ Хиву или Бухару.

Никакъ не могъ я привыкнуть къ бряцанью цѣпей, раздававшемуся въ палаткѣ каждаго туркмена, имѣющаго претензію на почетъ и значенье. У нашего Хандшана было тоже два невольника, которымъ было лѣтъ по восемнадцати или двадцати. Видѣть цвѣтущихъ юношей, закованныхъ въ цѣпи, мнѣ всегда было ужасно больно, а я къ тому долженъ былъ еще осыпать этихъ несчастныхъ ругательствами и насмѣшками; малѣйшее изъявленіе состраданія могло возбудить противъ меня подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что они заговаривали со мной, зная, что я говорю по-персидски. Младшій изъ невольниковъ нашего хозяина, красивый иранецъ съ черными вьющимися волосами, просилъ меня написать къ его родителямъ письмо; именемъ Бога умолялъ онъ ихъ продать овецъ и домъ, чтобы выкупить его. Разъ какъ-то, будучи увѣренъ, что насъ никто не увидитъ, вздумалъ я дать ему чашку чая; по несчастью, въ ту минуту, какъ онъ протянулъ къ ней руку, кто-то вошелъ въ палатку. Я сдѣлалъ видъ, что поддразниваю его, и вмѣсто того, чтобы дать несчастному обѣщанную чашку, долженъ былъ слегка ударить его нѣсколько разъ. Во время пребыванія моего въ Гёмюштепе не проходило ночи, чтобы съ морскаго берега не раздавалось выстрѣла, возвѣщавшаго возвращеніе разбойничьяго судна съ добычей. Утромъ я отправлялся обыкновенно къ счастливому герою съ требованіемъ подобающей дервишамъ десятины, но въ сущности для того, чтобъ

увидать бѣдныхъ персіянъ въ первыя минуты ихъ несчастія. Сердце мое обливалось кровью при видѣ ужаснаго зрѣлища. Такъ пришлось мнѣ привыкать, мало-по-малу, къ рѣзкимъ противорѣчіямъ между добродѣтелью и порокомъ, между человѣколюбіемъ и тираніей, щепетильною честностью и отъявленнымъ мошенничествомъ, — къ противорѣчіямъ, которыя на Востокѣ можно встрѣтить вездѣ, но всего чаще въ Средней Азіи, въ особенности же тамъ, гдѣ исламъ, столь губительно дѣйствующій на общественную жизнь, посѣялъ сѣмена своей ложной цивилизаціи. Кочевники, не исповѣдующіе ислама, отличнѣйшіе люди.

Прошло четырнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ поселился я въ Гёмюштепе, и вотъ уже мнѣ, не менѣе чѣмъ товарищамъ, опротивѣло мое мѣстопребываніе, и съ невыразимою тоской смотрѣлъ я на горы Персіи. Только нѣсколько часовъ пути отдѣляютъ одну страну отъ другой, а нравы, обычаи и образъ мыслей двухъ народовъ такъ различны, какъ будто тысячи миль отдѣляютъ ихъ другъ отъ друга: такъ сильно вліяютъ на людей религія и исторія! Мнѣ смѣшно вспомнить, что до такой степени жестокіе и безчеловѣчные туркмены безпрестанно съ благочестивою цѣлью устраивали обѣды (лилла), на которыхъ непремѣнно должны были присутствовать всѣ хаджи. Приглашенія на пиры въ продолженіе дня повторялись по нѣскольку разъ; я принималъ только первыя два, при третьемъ дѣлалъ видъ, что отказываюсь, но приглашавшій, по правиламъ туркменскаго этикета, сильными толчками заставлялъ меня слѣдовать за нимъ. Чѣмъ сильнѣе толчки, тѣмъ радушнѣе приглашенье. Пиры эти задавались съ великою торжественностью: передъ палаткой амфитріона разстилались войлоки или, если хозяинъ желалъ блеснуть роскошью, коверъ; приглашенные усаживались въ кружки по пяти и шести человѣкъ; каждому кружку

подавалось большое деревянное блюдо, наполненное кушаньемъ соразмѣрно числу и возрасту сидѣвшихъ; въ это блюдо гости запускали руки и, вмѣсто всякихъ другихъ инструментовъ, начинали кушать полными пригоршнями. Качество блюдъ и составъ туркменскаго обѣда, полагаю, не очень будутъ интересовать нашихъ гастрономовъ, а потому замѣчу лишь мимоходомъ, что необходимую принадлежность стола составляютъ конина и верблюжина; о прочихъ родахъ мяса лучше и не говорить. Хандшанъ, во время нашего пребыванія у него, сговорилъ своего двѣнадцатилѣтняго сына съ одною десятилѣтнею дѣвушкой, что́ и послужило поводомъ къ пиру, на которомъ мы, его гости, непремѣнно должны были присутствовать. Войдя въ палатку невѣсты, мы застали ее за тканьемъ шали; она сдѣлала видъ, что не замѣтила насъ, и въ теченіе двухъ часовъ только разъ украдкою взглянула на насъ. Во время обѣда, состоявшаго, въ угожденье мнѣ, изъ риса, развареннаго въ молокѣ, Хандшанъ замѣтилъ, что свадебное торжество было отложено до будущей осени, но что онъ желалъ воспользоваться нашимъ пребываніемъ у него, чтобы получить наше благословеніе. Чтобы не забыть, упомяну здѣсь о пирѣ, заданномъ намъ однимъ каракчи. Отправившись за добычей одинъ, даже не на конѣ, онъ не только взялъ въ плѣнъ троихъ персіянъ, но еще цѣлыхъ восемь миль велъ ихъ за собою. Онъ отдалъ намъ принадлежащую духовенству десятину, что́ составило по двѣ краны на каждаго хаджи; и какъ же счастливъ былъ онъ, когда мы хоромъ затянули ему «фатиха!» *).

Уже три недѣли провели мы въ Гёмюштепе, какъ гостепріимный Хандшанъ согласился наконецъ помочь намъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Разсудивъ, что покупка

*) Благословеніе.

верблюдовъ обойдется намъ дорого, мы рѣшились нанять по одному верблюду на двоихъ и навьючить на нихъ муку и воду. Сдѣлать это было бы очень не легко; къ счастію, мы попали на очень хорошаго человѣка, Илью-бея, хивинскаго туркмена, изъ племени іомутовъ, промышлявшаго отдачею въ наемъ верблюдовъ; онъ, правда, не отличался особенною религіозностью и не очень уважалъ званіе хаджи, но тѣмъ съ большею точностью исполнялъ обязанности гостепріимства и, чтобы сдѣлать намъ пріятное, готовъ былъ на всякую жертву. Ежегодно, по своимъ дѣламъ, Илья пріѣзжаетъ въ Гёмюштепе, гдѣ во время своего пребыванія находится подъ покровительствомъ Хандшана, безъ котораго онъ не былъ бы тутъ въ безопасности, какъ и всякій другой иностранецъ. Пріѣзжаетъ онъ обыкновенно осенью и возвращается весной съ двадцатью или тридцатью верблюдами, навьюченными своимъ или чужимъ товаромъ. На этотъ разъ ему приходилось взять съ собой нѣсколько не навьюченныхъ верблюдовъ, а потому малѣйшая плата за наемъ ихъ была для него совершенно неожиданною прибылью. Какъ самыхъ близкихъ друзей своихъ поручилъ насъ Хандшанъ его заботливости; его слова: «Илья! ты отвѣчаешь мнѣ за нихъ жизнію!» достаточно показали бею, какъ высоко цѣнилъ насъ нашъ хозяинъ. Опустивъ глаза въ землю, какъ обыкновенно дѣлаютъ номады, когда принимаютъ на себя важный видъ, онъ съ рѣдкимъ спокойствіемъ, тихо, почти не шевеля губами, сказалъ ему въ отвѣтъ: «ты уже знаешь меня». Поражающее хладнокровіе обоихъ договаривающихся туркменъ начало раздражать меня, такъ какъ я все еще на половину былъ европеецъ; не обращая вниманія на то, что хаджи Билалъ и остальные мои спутники принимали участіе въ договорѣ совершенно безмолвно, я сдѣлалъ было нѣсколько замѣчаній, но скоро пожалѣлъ о томъ,

потому что на мои слова не отвѣчали, какъ будто никто ничего и не слыхалъ. Переговоры окончились безъ нашего вмѣшательства; было рѣшено, что мы заплатимъ по два дуката за верблюда до Хивы; воду и муку Илья бралъ съ собой безплатно.

Небольшая сумма денегъ, зашитая въ разныхъ мѣстахъ моей нищенской одежды — богатая жатва, собранная съ туркменъ, благодаря моему благочестивому ремеслу—давала мнѣ возможность нанять верблюда для одного себя; но хаджи Билалъ и султанъ Махмудъ отсовѣтовали мнѣ дѣлать это: «бѣдная наружность, возбуждающая состраданіе», говорили они,—«лучшее ручательство въ безопасности среди этихъ номадовъ; малѣйшій признакъ достатка возбуждаетъ ихъ алчность и лучшихъ друзей можетъ превратить во враговъ». Мнѣ назвали нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ, владѣвшихъ хорошими средствами, но шедшихъ, для своей безопасности, пѣшкомъ и въ лохмотьяхъ. Я покорился необходимости, нанялъ верблюда вмѣстѣ съ другими, только выговорилъ себѣ позволеніе ѣхать въ кедшеве *): съ моей хромою ногой мнѣ трудно было бы ѣхать день и ночь и сдѣлать сорокъ станцій, тѣснясь съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ на деревянномъ сѣдлѣ. Илья не соглашался сначала, говоря, и совершенно справедливо, что кедшеве въ пустынѣ будутъ для бѣднаго животнаго двойною тяжестью. Но Хандшанъ убѣдилъ его согласиться. Меня утѣшала мысль, что на этомъ пути, который всѣ описывали самыми ужасными красками и который долженъ былъ тянуться цѣлыхъ двадцать дней, мнѣ можно будетъ иногда немного заснуть; но еще болѣе утѣшало меня то, что противъ меня, въ другомъ кедшеве будетъ сидѣть мой задушевный другъ, хаджи Билалъ, общество котораго

*) Кедшеве—деревянныя корзины, привѣшиваемыя по бокамъ верблюда.

становилось для меня необходимымъ. По окончаніи переговоровъ, мы, по обычаю, заплатили наемныя деньги впередъ. Хаджи Билалъ произнесъ фатиха, Илья провелъ рукою по бородѣ, состоявшей лишь изъ нѣсколькихъ волосковъ, и мы могли уже совершенно успокоиться. Мы просили его на сколько возможно ускорить нашъ отъѣздъ, но онъ не могъ ничего обѣщать намъ: все зависѣло отъ ханскаго караванбаши, который съ своими буйволицами долженъ былъ предводительствовать нашимъ караваномъ.

Чрезъ нѣсколько дней мы были готовы къ отправленію въ Этрекъ—сборное мѣсто нашего каравана. По окончаніи приготовленій, я горѣлъ нетерпѣніемъ оставить Гёмюштепе. Безполезно тратя цѣлыя недѣли, мы видѣли, что наступаетъ жаркое время года, и боялись, что не найдемъ въ пустынѣ и обыкновеннаго запаса дождевой воды; къ тому же смѣшные слухи обо мнѣ все еще не прекращались. Многіе видѣли во мнѣ благочестиваго дервиша, за то другіе не могли отдѣлаться отъ мысли, что я человѣкъ съ вліяніемъ, что я посолъ султана и нахожусь въ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ въ Тереганѣ; что я привезъ съ собой нѣсколько тысячъ ружей и здѣсь составляю заговоръ противъ Персіи и Россіи. Еслибъ это дошло до слуха русскихъ въ Ашурѣ, то они вѣроятно посмѣялись бы надъ этимъ; но возможно и то, что они стали бы наводить справки о странномъ дервишѣ, и открытіе моего инкогнито могло бы повести за собой жестокую пожизненную неволю. Я неотступно просилъ хаджи Билала поторопиться отъѣздомъ изъ Гёмюштепе, но хаджи, прежде такой нетерпѣливый, сталъ совершенно равнодушенъ къ отъѣзду съ тѣхъ поръ, какъ Илья согласился взять насъ съ собою. На всѣ мои просьбы онъ отвѣчалъ, что смѣшно такъ ребячиться и желать предупредить опредѣленія рока. «Поспѣшность твоя безполезна», говорилъ онъ мнѣ, «и до тѣхъ

поръ ты долженъ оставаться на берегахъ Гёргена, пока назибъ *) не велитъ тебѣ пить воду въ другомъ мѣстѣ, и никто не знаетъ, рано ли, поздно ли это будетъ». Можно себѣ представить, какъ подобный восточный отвѣтъ долженъ былъ дѣйствовать на человѣка, томившагося нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Къ несчастію, я не видалъ возможности какого бы то ни было исхода изъ этого положенія и покорился своей участи.

Въ теченіе этого времени нѣсколько каракчи, въ одну изъ своихъ разбойничьихъ поѣздокъ, измѣннически захватили пятерыхъ персіянъ, изъ которыхъ одинъ былъ человѣкъ съ состояніемъ. Разбойники, проѣхавъ мимо Каратепе, пристали въ челнокѣ къ деревнѣ маликовъ (персовъ) какъ будто для закупокъ. Торгъ былъ скоро заключенъ, и едва, ничего не подозрѣвавшіе, персы показались съ своимъ товаромъ на берегу моря, ихъ связали по рукамъ и ногамъ, по шею зарыли въ ихъ же собственную пшеницу и привезли въ Гёмюштепе. При мнѣ выгружали этихъ несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ опасно раненъ, и я слышалъ, что сами туркмены называли этотъ поступокъ постыднымъ. Русскіе въ Ашурѣ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ и грозили высадкой, въ случаѣ если плѣнники не будутъ тотчасъ же освобождены. Разбойники упорно отказывались выпустить добычу, и я думалъ, что остальные туркмены, подвергавшіеся немалой опасности, принудятъ своихъ соотечественниковъ согласиться на требованье русскихъ, но вышло не такъ: началась бѣготня, всюду раздавалось оружіе, всѣ, въ случаѣ высадки, готовы были встрѣтить русскихъ дружнымъ отпоромъ. Интересно было, что и мнѣ дали ружье; не зная, въ кого стрѣлять, я былъ въ весьма затруднительномъ

*) Назибъ—фатумъ.

положеніи. Къ счастью, угроза и осталась одною угрозой [1]). На слѣдующее утро къ берегу подошелъ русскій пароходъ и дѣло было покончено дипломатическимъ путемъ. Туркмены, давъ русскимъ заложниковъ, обязались не дѣлать ничего подобнаго; персы же все-таки остались въ цѣпяхъ. Плѣнникъ, имѣвшій состояніе, внесъ за себя 100 дукатовъ выкупа; другой, калѣка, не стоившій и четырехъ дукатовъ, былъ, въ угоду русскимъ, освобожденъ, а трое остальныхъ, здоровые люди, закованные въ цѣпи, отправлены въ Этрекъ, обычное мѣсто пытки для невольниковъ.

Одно имя Этрека, придаваемое рѣкѣ и всей прилегающей къ ней мѣстности, наводитъ необыкновенный страхъ на несчастныхъ жителей Мазендерана и Табaристана. Персіянинъ только въ сильномъ гнѣвѣ рѣшается на страшныя слова: «Etrek biufti» [2]).

Такъ какъ это мѣсто было нашимъ сборнымъ пунктомъ, то я имѣлъ случай вблизи видѣть это гнѣздо ужасовъ. Хандшанъ обязательно отрекомендовалъ меня, какъ гостя, Кулхану, пиру (сѣдобородому) каракчей, случайно пришедшему къ намъ. Старый грѣшникъ имѣлъ мрачную, отталкивающую наружность; вовсе не привѣтливо обошелся онъ со мною, когда поручали меня его гостепріимству. Онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, пошепталъ что-то на ухо Хандшану и, казалось, всѣми силами старался открыть во мнѣ что-нибудь такое, чего не видѣли другіе. Я скоро понялъ причину его недовѣрчивости. Въ моло-

---

[1]) Чтобы читатель не удивился такому странному образу дѣйствій русскихъ властей, замѣчу, что на всякую высадку вооруженныхъ русскихъ на берегъ персидское правительство смотритъ какъ на враждебное посягательство на персидскія владѣнія. Оно готово допускать разбойническіе набѣги туркменъ, только бы не прибѣгать къ помощи русскаго оружія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы ему полезно, но вообще могло бы принести много вреда.

[2]) Etrek biufti—чтобы тебѣ попасть въ Этрекъ.

дости своей, Кулханъ вмѣстѣ съ находящимся теперь въ русской службѣ Хидръ-ханомъ былъ въ Россіи, прожилъ долгое время въ Тифлисѣ и познакомился съ нашимъ европейскимъ образомъ жизни. Кулханъ замѣтилъ, что ему случалось видѣть много разныхъ народовъ, и что не видалъ онъ только однихъ османли, а они, какъ слышно, единоплеменники туркменамъ и похожи на нихъ; потому онъ удивлялся, что во мнѣ не видать этого сходства. Хаджи Билалъ отвѣчалъ, что свѣдѣнія его невѣрны, что самъ онъ жилъ въ Румѣ нѣсколько лѣтъ и ничего похожаго не замѣтилъ. Потомъ Кулханъ объявилъ намъ, что послѣ завтра, утромъ, онъ отправляется въ свою ова, въ Этрекъ, и что къ тому времени мы должны приготовиться къ отъѣзду, такъ какъ безъ него намъ ѣхать невозможно, хотя до Этрека всего двѣнадцать миль. Ждать насъ онъ могъ лишь до тѣхъ поръ, пока сынъ его, Кольманъ *), не возвратится съ аламана (разбойничьяго набѣга) на персидскую границу, куда онъ отправился вмѣстѣ съ товарищами, чтобъ украсть тамъ нѣсколько статныхъ кобылицъ.

Съ такимъ же чувствомъ ждалъ Кулханъ свое дѣтище съ разбойничьяго набѣга, съ какимъ, по нашимъ понятіямъ, отецъ можетъ ожидать своего сына, совершившаго геройскій подвигъ или какое-нибудь хорошее дѣло. Предъ обѣдомъ онъ пригласилъ насъ прогуляться съ нимъ по низовому берегу Гёргена, говоря, что сынъ его скоро долженъ воротиться и что мы можемъ увидать кое-что пріятное. Такъ какъ мнѣ дѣлать было нечего, то я охотно принялъ приглашенье и присоединился къ толпѣ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидавшей возвращавшихся. Вскорѣ, на противуположномъ берегу, мы увидали восемь человѣкъ туркменъ верхами, ведущихъ за собой десять не осѣдланныхъ лошадей. Я думалъ, что ожидавшая ихъ

*) Собственно Кулумали.

толпа громкими криками выразитъ свой восторгъ, но не раздалось ни одного восклицанія: всѣ съ безмолвнымъ удивленіемъ пристально смотрѣли на приближавшихся удальцовъ. Въ одну минуту всадники со всѣми своими лошадьми переплыли Гёргенъ и, выйдя на берегъ, съ невыразимо серьезнымъ видомъ протянули руки своимъ друзьямъ и родственникамъ. Между тѣмъ какъ старики съ величайшимъ вниманіемъ разсматривали добычу, молодые герои занялись приведеніемъ въ порядокъ своего костюма и, снявъ тяжелыя мѣховыя шапки, отирали потъ съ головы и лица. Картина была великолѣпная. Несмотря на презрѣніе, чувствуемое мной къ разбойникамъ и ихъ гнуснымъ дѣламъ, я все-таки глядѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ эти юноши съ смѣлымъ взглядомъ, бѣлокурыми, разсыпающимися по плечамъ, кудрями, одѣтые въ короткое верховое платье, снимали съ себя свои доспѣхи. Даже мрачный Кулханъ, казалось, повеселѣлъ. Онъ познакомилъ насъ съ своимъ сыномъ; послѣдній получилъ благословенье отъ хаджи Билала, и мы разстались. На слѣдующее же утро отправились мы изъ Гёмюштепе въ Этрекъ въ сопровожденіи Кулхана и его сына, ведя за собою украденныхъ лошадей.

VI.

Отъѣздъ изъ Гёмюштепе. — Характеръ нашего бывшаго хозяина. — Туркменскіе курганы и рвы. — Приключеніе съ кабанами. — Плоскогорье на сѣверъ отъ Гёмюштепе. — Нравы кочевниковъ. — Туркменское гостепріимство. — Послѣдняя коза. — Персидскій невольникъ. — Начало пустыни. — Туркменская жена и невольница. — Этрекъ. — Персидскіе рабы. — Русскій матросъ въ неволѣ. — Предполагаемый союзъ іомутовъ съ текке. — Встрѣча съ караванбаши. — Племя кемъ. — Прощанье съ Этрекомъ. — Афганецъ затѣваетъ ссору. — Описаніе каравана.

На другой день, около полудня, мы съ товарищами оставили Гёмюштепе, въ сопровожденіи Хандшана и всѣхъ моихъ друзей. По обычаю кочевниковъ, они около часа провожали насъ, какъ дорогихъ гостей. Много разъ просилъ я Хандшана воротиться, но напрасно; онъ въ точности желалъ исполнить обычай туркменскаго гостепріимства, чтобы впослѣдствіи я не могъ на него посѣтовать. Сказать правду, тяжело было моему сердцу, когда пришлось обнять его въ послѣдній разъ. Въ немъ я встрѣтилъ благороднѣйшаго человѣка; безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей оказывалъ онъ гостепріимство мнѣ и пятерымъ моимъ спутникамъ въ теченіе такого долгаго времени и сообщилъ всевозможныя необходимыя для меня свѣдѣнія. Мнѣ было тяжело, что я ничѣмъ не могъ отплатить ему за его доброту и долженъ былъ обманывать такого прямодушнаго друга.

Путь нашъ шелъ къ сѣверо-востоку все дальше и дальше отъ морскаго берега, по направленію двухъ валовъ, изъ которыхъ одинъ называется Кёресофи, другой — Алтинъ-

Токмакъ. Кромѣ этихъ валовъ, тамъ и сямъ видно много іоскъ, т. е. туркменскихъ могильныхъ кургановъ; вообще же страна представляетъ необозримую равнину. Не болѣе какъ черезъ четверть часа пути отъ Гёмюштепе вступили мы на роскошный лугъ; трава на немъ доходила намъ до колѣнъ и сохла, не принося жителямъ Гёмюштепе никакой пользы, такъ какъ они не занимаются скотоводствомъ. Сколько селеній могло бы процвѣтать на этой прекрасно орошенной почвѣ, и какая кипучая дѣятельность могла бы оживить эту страну, нынѣ погруженную въ мертвое молчаніе! Нашъ небольшой караванъ, состоявшій изъ верблюдовъ, принадлежавшихъ Ильѣ, и шести лошадей, шелъ тѣсно сомкнувшись, такъ какъ Кулханъ говорилъ, что здѣсь много независимыхъ каракчей, готовыхъ при первой возможности напасть даже на него. Желая избавить меня отъ ѣзды на верблюдѣ, Илья взялъ у Кулхана одну изъ украденныхъ лошадей, чтобы довезти меня до Этрека. На мое несчастье эмиръ Мехеммедъ, афганецъ изъ Каратепе, любитель опіума, присоединившійся къ нашему каравану, шелъ пѣшкомъ. Всякій разъ, какъ встрѣчались намъ на пути болота или лужи, мнѣ приходилось брать его къ себѣ на сѣдло, и онъ такъ крѣпко ухватывался за меня, что я боялся упасть вмѣстѣ съ нимъ съ лошади. Серьезной опасности подвергла меня эта ѣзда вдвоемъ, когда мы проѣзжали огромными болотами, поросшими высокимъ тростникомъ, по которымъ бродило безчисленное множество кабановъ. Кулханъ и Илья ѣхали впереди, выбирая такую дорогу, гдѣ бы можно было не встрѣчаться съ сотнями этихъ страшныхъ животныхъ, близость которыхъ мы узнавали по хрюканью, въ особенности же по треску, производимому ихъ движеніями въ тростникѣ. Я старался вслушиваться въ малѣйшій шумъ; вдругъ лошадь моя, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону, и

не успѣлъ я опомниться, какъ уже, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, лежалъ на землѣ. Громкій смѣхъ спутниковъ, находившихся отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, смѣшивался съ страннымъ воемъ. Я оглянулся и увидѣлъ, что мы упали на двухъ маленькихъ кабановъ; ихъ мать, испугавшаяся сначала нашей лошади, разсвирѣпѣла отъ криковъ дѣтенышей и оскалила зубы; она стояла не вдалекѣ и готова уже была броситься на насъ; къ счастію, Ширдшанъ, двоюродный братъ Ильи, замѣтилъ это и копьемъ загородилъ ей дорогу. Испугалась ли она храбраго туркмена, или успокоилась, видя, что поросята ея освободились изъ затруднительнаго положенія, только она быстро стала отступать къ своему логовищу, отъ котораго мы поспѣшили удалиться. Между тѣмъ сынъ Кулхана поймалъ убѣжавшую лошадь и передалъ ее мнѣ; при этомъ онъ замѣтилъ, что я могу считать себя счастливымъ, ибо смерть отъ кабана даже самаго благочестиваго мусульманина дѣлаетъ недши, т. е. отправляетъ на тотъ свѣтъ нечистымъ, и даже пятисотлѣтнее горѣніе въ чистилищномъ огнѣ не можетъ очистить его отъ этой скверны.

Проѣхавъ около четырехъ часовъ въ упомянутомъ направленіи, среди болотъ и луговъ, я замѣтилъ, что мы добрались до окраины плоской возвышенности, простирающейся на сѣверъ отъ Гёмюштепе. Не только небольшія возвышенія, но и пограничныя горы Персіи начали постепенно исчезать изъ вида. Вдали виднѣлись только группы палатокъ съ пасшимися вокругъ нихъ верблюдами; хотя со всѣхъ четырехъ сторонъ прекраснѣйшая зелень радовала наши взоры, но я нашелъ, что страна къ востоку отъ Гёмюштепе, куда я ѣздилъ съ Кизиль-Ахондомъ, населена гораздо болѣе. И это отъ того, что здѣсь недостаетъ Гёрегна и что люди должны довольствоваться одною колодезною водой; а потому палатки встрѣчаются здѣсь только

въ маѣ и іюнѣ, пока овцы откармливаются на тучныхъ пастбищахъ. Въ одномъ изъ этихъ становищъ у родичей Кулхана мы должны были провести ночь, такъ какъ до Этрека оставалось еще шесть миль — цѣлый день ѣзды для нашихъ, тяжело навьюченныхъ, верблюдовъ. Здѣсь были уже предувѣдомлены о нашемъ прибытіи, и мои голодные товарищи увидѣли предвѣстіе хорошаго ужина въ поднимающемся дымѣ. Хотя мы находились всего въ четырехъ миляхъ отъ Гёмюштепе, но, пробывъ цѣлыхъ восемь часовъ въ дорогѣ, и всадники и животныя порядкомъ утомились.

Въ десяти шагахъ отъ становища встрѣтилъ насъ молодой племянникъ Кулхана, Тадшибей. Илью и афганца Кулханъ помѣстилъ у себя, я же со всѣми остальными хаджи былъ помѣщенъ въ тѣсной палаткѣ Аллахъ-Назра. Этотъ старый, крайне бѣдный туркменъ былъ внѣ себя отъ радости, что небо послало ему гостей; никогда не изгладится у меня воспоминаніе о той трогательной сценѣ, когда Аллахъ-Назръ, несмотря на наше сопротивленіе, убилъ единственную свою козу, чтобъ угостить насъ. На слѣдующій день къ обѣду досталъ онъ откуда-то хлѣба, котораго нѣсколько недѣль уже не видно было въ его жилищѣ. Когда мы принялись за мясо, онъ съ своею старой женой сидѣлъ противъ насъ и плакалъ слезами искренней радости. Ничего не хотѣлъ онъ оставить у себя отъ пожертвованной для гостей козы: рога и копыты были сожженны и пепелъ отданъ Ильѣ для присыпки ссадинъ у верблюдовъ; шкура же, снятая цѣликомъ, должна была служить мѣхомъ для воды; Аллахъ-Назръ натеръ ее солью, высушилъ на солнцѣ и передалъ мнѣ.

Прибытіе невольника, одного изъ тѣхъ пятерыхъ персіянъ, которые были захвачены такимъ предательскимъ образомъ, задержало Кулхана и насъ еще на одинъ день.

Бѣдный невольникъ присланъ былъ къ Кулхану потому, что послѣдній славился своимъ умѣньемъ вывѣдывать у плѣнниковъ, есть ли у ихъ родственниковъ средства для выкупа или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ несчастныхъ отправляютъ обыкновенно на продажу въ Хиву; если же у нихъ окажутся богатые родные, то туркмены требуютъ выкупа, назначая при этомъ сумму, какую имъ вздумается. Хитрый персіянинъ даже въ несчастіи старается скрыть свои дѣйствительныя средства и до тѣхъ поръ подвергается всевозможнымъ истязаніямъ, пока родные, тронутые его жалобными посланіями, не внесутъ выкупа, какой только позволяютъ имъ средства. Въ противномъ случаѣ, при продажѣ въ Хивѣ, за невольника можно получить очень мало, и этотъ исходъ невыгоденъ для обѣихъ сторонъ. Послѣ многихъ хлопотъ разбойникъ получаетъ обычную рыночную плату, а бѣднаго персіянина тащатъ за цѣлыя сотни миль отъ его родины, которую потомъ рѣдко удается ему снова увидѣть. Кулханъ, какъ мы сказали, былъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ; новая жертва его прибыла къ вечеру, а на другое утро мы уже могли продолжать свой путь. На прощаньи, я дружески обнялъ благороднаго Аллахъ-Назра, такого же истаго туркмена, какъ и Кулханъ. Сегодня въ первый разъ сѣлъ я въ одну изъ деревянныхъ корзинъ, висѣвшихъ на верблюдѣ; для равновѣсія, въ другую, противоположную, положены были мѣшки съ мукой, такъ какъ хаджи Билалъ на этотъ разъ захотѣлъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Дорога шла все къ сѣверу, и едва прошли мы два часа пути, какъ растительность исчезла: въ первый разъ увидали мы себя въ мрачной пустынѣ, съ солонцеватою почвой, распространявшей сильный запахъ. Низкая цѣпь холмовъ, называемая Кара-Зенгеръ *), возвышалась въ восьми миляхъ

*) Кара-Зенгеръ—черный валъ.

отъ Гёмюштепе. Чѣмъ болѣе приближались мы къ ней, тѣмъ рыхлѣе становилась почва; у самаго же подножія горъ мы очутились въ настоящей трясинѣ. Путешествіе по этой скользкой грязи соединено было съ величайшими трудностями: губчатыя ноги верблюдовъ скользили на каждомъ шагу, и мнѣ предстояла перспектива быть сброшеннымъ въ грязь вмѣстѣ съ корзиной. Я предпочелъ добровольно слѣзть съ верблюда и мѣсилъ грязь ногами въ продолженіе полутора часа, пока мы не достигли наконецъ Кара-Зенгера, откуда уже скоро добрались до жилища Кулхана.

Мнѣ показалось страннымъ, что Кулханъ тотчасъ же ввелъ меня въ свою палатку и настоятельно требовалъ, чтобъ я не выходилъ изъ нея, пока онъ меня не позоветъ. Я началъ подозрѣвать недоброе, когда услышалъ, какъ онъ бранилъ свою жену за то, что она не кладетъ цѣпей куда слѣдуетъ, и приказывалъ немедленно подать ихъ. Нѣсколько разъ входилъ Кулханъ въ палатку, ища цѣпей, и мрачно обводилъ ее глазами, не говоря со мной ни слова. Подозрѣнія мои усилились еще болѣе отъ того, что хаджи Билалъ, рѣдко оставлявшій меня одного, теперь не показывался. Погруженный въ тяжелое раздумье, я вдругъ явственно услыхалъ бряцанье цѣпей и увидалъ приближающагося закованнаго персіянина. Съ тяжелымъ желѣзомъ на израненныхъ ногахъ вошелъ онъ въ палатку: за нимъ слѣдовалъ Кулханъ и велѣлъ скорѣе подать чаю; послѣ чая онъ предложилъ мнѣ пойти въ палатку нарочно раскинутую для меня въ это время. Кулханъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ, и вотъ причина его страннаго образа дѣйствій. Несмотря на то, я не могъ полюбить этого туркмена. Какая разница была между нимъ и Хандшаномъ — можно видѣть даже изъ того, что во время нашего десятидневнаго пребыванія у него этотъ чай былъ единственнымъ удовольствіемъ, которымъ я обязанъ былъ его гостепрі-

имству. Послѣ я узналъ о предательскихъ намѣреніяхъ Кулхана относительно меня; онъ вѣроятно и привелъ бы ихъ въ исполненіе, еслибы не боялся Кизиль-Ахонда, который, поручая ему меня, приказывалъ обращаться со мной со всевозможнымъ уваженіемъ.

Палатка, въ которой я жилъ съ десятью моими спутниками, принадлежала одному туркмену, который хотѣлъ отправиться съ нами въ Хиву вмѣстѣ съ женой—невольницей, похищенной имъ у племени каракалпаковъ. Въ Хиву она отправлялась за тѣмъ, чтобъ освѣдомиться, живъ ли ея первый мужъ, оставленный ею тяжело раненнымъ, кто купилъ ея дѣтей и гдѣ теперь они живутъ.

Въ особенности же она желала узнать, что сталось съ ея двѣнадцатилѣтней дочерью, красоту которой она описывала съ глазами полными слезъ. Бѣдная женщина вѣрностью и трудолюбіемъ такъ обворожила своего новаго господина, что онъ рѣшился самъ сопровождать ее въ этихъ печальныхъ поискахъ. Я спрашивалъ его, что онъ будетъ дѣлать, если первый мужъ окажется въ живыхъ; но онъ объ этомъ не безпокоился: законъ вполнѣ обезпечивалъ за нимъ его собственность. «Назибъ (фатумъ)», говорилъ онъ, «назначилъ мнѣ Хейдгулу *) (такъ звали его жену), какъ же могутъ люди ему противиться?» Между вновь присоединившимися къ намъ спутниками, желавшими совершить путешествіе подъ предводительствомъ Ильи, былъ одинъ дервишъ, по имени хаджи Сиддикъ, въ высшей степени искусный лицемѣръ, ходившій полунагимъ и взявшійся пасти верблюдовъ во время пути. По прибытіи въ Бухару, онъ оказался человѣкомъ со средствами: въ его лохмотьяхъ было зашито 60 дукатовъ.

Все наше общество помѣстилось въ одной палаткѣ въ

---

*) Хейдгула, настоящее имя невольницы, значитъ роза праздника.

ожиданіи ханскаго караванбаши, нашего будущаго путеводителя въ пустынѣ. Ожиданіе было для всѣхъ мучительно; меня же особенно озабочивало уменьшеніе запаса муки, и я сталъ убавлять свою дневную порцію на двѣ пригоршни, печь хлѣбъ не заквашенный и при томъ въ горячей золѣ, потому что хлѣбъ, испеченный такимъ образомъ, не скоро перевариваясь, дольше остается въ желудкѣ и даетъ возможность не такъ скоро чувствовать голодъ. Къ счастію, намъ можно было дѣлать нищенскіе обходы, и мы не имѣемъ права обвинять этрекскихъ туркменъ въ недостаткѣ готовности подавать милостыню, хотя они отъявленные разбойники и мы не много встрѣчали палатокъ, въ которыхъ не было бы двухъ или трехъ персіянъ, закованныхъ въ тяжелыя цѣпи.

Здѣсь же, въ Этрекѣ, въ палаткѣ одного знатнаго туркмена, Кочакъ-хана, встрѣтилъ я плѣннаго русскаго, бывшаго матроса на корабельной стоянкѣ въ Ашурѣ. Мы зашли къ нему во время послѣобѣденнаго отдыха, и какъ только я, въ качествѣ руми (османли), былъ представленъ хозяину, онъ тотчасъ же сказалъ мнѣ: «я хочу доставить тебѣ удовольствіе, зная ваши отношенія къ русскимъ: ты сейчасъ увидишь одного изъ твоихъ злѣйшихъ враговъ, обремененнаго цѣпями». Я долженъ былъ сдѣлать видъ, что это доставитъ мнѣ величайшую радость. Привели несчастнаго русскаго въ тяжелыхъ цѣпяхъ; его болѣзненный, печальный видъ сильно тронулъ меня, и я боялся измѣнить себѣ. «Что бы ты сдѣлалъ съ этимъ эфенди», сказалъ Кочакъ-ханъ плѣннику, «еслибы ты его встрѣтилъ въ Россіи? Поди, облобызай ему ноги». Бѣдный русскій хотѣлъ уже приблизиться ко мнѣ, но я предупредилъ его, сказавъ, что совершилъ сегодня обрядъ великаго омовенія *) и не хочу осквернять себя прикосновеніемъ этого

*) Гусль—великое омовеніе.

невѣрнаго. Я прибавилъ, что мнѣ было бы пріятнѣе, если-бы онъ ушелъ поскорѣй съ моихъ глазъ, такъ какъ народъ этотъ мнѣ противенъ. Невольнику дали знакъ, чтобъ онъ вышелъ. Онъ удалился, бросивъ на меня пристальный взглядъ. Какъ я узналъ послѣ, это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ матросовъ, которыхъ каракчи захватили нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одинъ изъ ночныхъ набѣговъ. Другой плѣнникъ умеръ въ неволѣ назадъ тому около года. Правительство хотѣло ихъ выкупить, но туркмены потребовали огромную сумму (по 500 дукатовъ за каждаго); во время этихъ переговоровъ Черкесъ-бей, братъ Кочакъ-хана, былъ отправленъ русскими въ Сибирь и тамъ умеръ, потому освобожденіе этихъ несчастныхъ христіанъ стало еще затруднительнѣе. Можно съ увѣренностью сказать, что оставшійся въ живыхъ скоро послѣдуетъ за своимъ товарищемъ и только тѣмъ избавится отъ жестокой неволи *). Такія безпрестанно мѣняющіяся впечатлѣнія производитъ на путешественниковъ гостепріимство номадовъ, соединящее въ себѣ добродѣтель съ неслыханною жестокостью. Часто приходилъ я домой, осыпанный ихъ благодѣяніями и готовый воспѣть имъ хвалу, но тутъ встрѣчалъ упомянутаго выше персидскаго невольника Кулхана, со слезами умолявшаго меня дать ему хоть нѣсколько капель воды. Однажды онъ разсказалъ мнѣ, что ему два дня, вмѣсто хлѣба, давали высушенную соленую рыбу, заставляли цѣлый день работать на дынныхъ грядахъ и отказывали въ каплѣ воды. По счастью, я былъ въ палаткѣ одинъ; видъ этого несчастнаго заставилъ меня забыть опасность, и я, подавъ ему свой мѣхъ съ водой, стоялъ у

*) Когда я впослѣдствіи обратилъ вниманіе русскихъ на этотъ случай, они оправдывались тѣмъ, что русское правительство не хотѣло пріучать туркменъ къ богатымъ выкупамъ; въ такомъ случаѣ дерзкіе разбойники день и ночь стали бы отправляться за добычей.

дверей, пока онъ утолялъ жажду. Горячо поблагодаривъ меня, онъ поспѣшно удалился. Этого несчастнаго мучили всѣ, въ особенности же вторая жена Кулхана, бывшая персидская раба, желавшая этимъ доказать свое усердіе къ новой сектѣ.

Еще въ Гёмюштепе эти жестокія сцены возмущали меня, но каково же мнѣ было, когда я увидѣлъ, что Гёмюштепе, въ сравненіи съ Этрекомъ можно признать средоточіемъ гуманности и цивилизаціи. Палатка и ея обитатели возбуждали во мнѣ отвращеніе, и какъ мнѣ хотѣлось поскорѣе быть въ пустынѣ, посреди величественной и ужасной природы!

Никакихъ извѣстій о прибытіи караванбаши не было, хотя всѣ, желавшіе отправиться съ нимъ, были уже въ сборѣ. Скоро всѣ перезнакомились между собой и часто поговаривали о томъ, какую дорогу изберетъ караванбаши. Во время такихъ разговоровъ одинъ изъ обитателей Этрека принесъ намъ радостную вѣсть, что текки, враждебныя дѣйствія которыхъ наводятъ страхъ на караваны, идущіе по дорогѣ въ Хиву, прислали къ іомутамъ вѣстника съ мирными предложеніями и выражали желаніе, въ союзѣ съ ними, напасть на персіянъ. Такъ какъ я хочу поговорить объ этихъ политическихъ переговорахъ въ слѣдующей главѣ, то теперь достаточно будетъ упомянуть о томъ, что они были намъ какъ нельзя болѣе кстати. Изъ Гёмюштепе въ Хиву ведутъ три дороги; выборъ ихъ зависитъ отъ количества лицъ, составляющихъ караванъ. Вотъ эти дороги: 1) Первая идетъ между Большимъ Балканомъ и берегомъ Каспійскаго моря. Отъ Балкана двое сутокъ караванъ идетъ къ сѣверу и послѣ шестидневнаго перехода поворачиваетъ къ востоку, въ Хиву. Эта дорога удобна только для небольшаго количества путешественниковъ потому что на всемъ пути мало воды; она почти безопас-

на, развѣ только иногда, и то по какому-нибудь особенному случаю, кайсаки (киргизы) или каракалпаки дѣлаютъ сюда свой аламаны. 2) Средняя дорога направляется къ сѣверу только до прежняго русла Оксуса, проходитъ между Большимъ и Малымъ Балканомъ и уже потомъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, къ Хивѣ. 3) Третья дорога самая прямая и короткая (Первый путь можно совершить въ 24 дня, на второй нужно 20, третій же можно пройти въ 14 дней). Отъ Этрека дорога идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, мимо туркменскихъ племенъ гёкленъ и текке и на каждой станціи есть колодезь съ хорошей прѣсною водой. Естественно, что караванъ долженъ быть въ мирныхъ отношеніяхъ съ этими племенами или состоять изъ 2.000—3.000 человѣкъ, иначе идти тутъ невозможно. Какъ велика была моя радость, когда, въ одинъ прекрасный вечеръ, посолъ изъ Атабея принесъ намъ вѣсть, что на слѣдующее утро караванбаши оставляетъ свой станъ и послѣ завтра, около полудня, думаетъ встрѣтиться съ нами на противоположномъ берегу Этрека, оттуда мы должны вмѣстѣ отправиться въ долгій путь по пустынѣ. Илья тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ какъ можно скорѣе собирались въ дорогу. Въ тотъ же вечеръ мы изготовили хлѣбъ и посолили еще разъ куски верблюжьяго мяса, данные намъ номадами за наши благословенія; я былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, когда на слѣдующее утро сѣлъ въ свое скрипучее кедшеве противъ хаджи Билала и когда тихимъ, волнообразнымъ шагомъ потащились наши верблюды изъ Этрека. Для безопасности Кулханъ нашелъ нужнымъ проводить насъ. Хотя съ нами было 15—20 человѣкъ хорошо вооруженныхъ, мы могли однако встрѣтить гораздо большее число разбойниковъ и въ такомъ случаѣ присутствіе Кулхана было бы для насъ очень полезно, такъ какъ большая часть этрекскихъ бан-

дитовъ находилась подъ его вліяніемъ и слѣпо повиновалась ему. Я забылъ сказать, что Кулханъ извѣстенъ былъ не только какъ старшій изъ каракчи, но какъ и *софи*, т. е. аскетъ. Это прозвище онъ вырѣзалъ на своей печати и не мало гордился имъ. Самымъ гнуснымъ лицемѣромъ всегда представлялся мнѣ этотъ туркменъ, виновникъ множества ужасныхъ дѣлъ, когда, возсѣдая среди своихъ духовныхъ учениковъ, онъ преподавалъ священныя правила объ омовеніи или объ остриженіи усовъ тѣмъ самымъ людямъ, безжалостныя руки которыхъ совершили столько злодѣйствъ, разрушили столько семейнаго счастья! И учитель и ученики казались одинаково вдохновленными. И какъ многіе изъ этихъ разбойниковъ, увѣренные въ своемъ благочестіи, мечтали о сладостныхъ наградахъ рая!

Чтобъ избѣжать болотъ, образуемыхъ разливами Этрека, мы направлялись то къ сѣверо-востоку, то къ сѣверозападу. Путь нашъ шелъ, большею частью, песками, и палатки попадались рѣдко. На краю этой песчаной полосы мы увидали около 150 палатокъ туркменскаго племени кемъ. Мнѣ разсказывали, что, отдѣлившись отъ іомутовъ, они обитаютъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Сильная наклонность кемитовъ къ воровству служитъ причиною того, что всѣ ненавидятъ ихъ и воюютъ съ ними, отъ чего это племя никогда не увеличивается. Около становищъ этихъ опасныхъ кочевниковъ отставшіе отъ нашего каравана спутники присоединились къ намъ, боясь пройти здѣсь одни. По всей вѣроятности, кемиты напали бы и на насъ, еслибы не увидали, что нами предводительствовалъ страшный Кулханъ. Чрезъ четверть часа на сѣверъ отъ стана мы перешли узкій рукавъ Этрека, вода котораго приняла уже весьма соленый вкусъ — признакъ того, что скоро должна была изсякнуть. Начиная съ противоположнаго берега и вплоть до слѣдующаго рукава, со-

лонцеватая почва смѣнилась прекраснымъ лугомъ, густо поросшимъ укропомъ и простиравшимся на цѣлый часъ ходьбы. Переправа черезъ ручей, вслѣдствіе глинистыхъ береговъ, была затруднительна; многіе верблюды падали въ воду со всѣмъ своимъ грузомъ, и хотя ручей вовсе не глубокъ, но кладь вымокла, стала тяжелѣе, и великаго труда стоило намъ дотянуть до ближайшаго холма—Делили-Буруна. Хотя съ ранняго утра до двухъ часовъ по полудни мы прошли всего 4 мили, однако рѣшились сдѣлать здѣсь привалъ, потому что только около слѣдующаго полудня мы должны были встрѣтить караванбаши по ту сторону Этрека.

Делили-Бурунъ представляетъ великолѣпную и широкую картину. Этотъ холмъ заканчиваетъ невысокую горную цѣпь, идущую къ юго-востоку. На западѣ виднѣются Каспійское море, въ видѣ голубой полосы, и пограничныя горы Персіи; но особенно интересное зрѣлище представляетъ необозримая, простирающаяся къ югу, равнина съ разбросанными по ней во многихъ мѣстахъ группами палатокъ, напоминающихъ норы кротовъ. Отсюда открывается почти весь Этрекъ съ находящимся на его берегу селеньемъ; мѣста, гдѣ онъ расширяется, издали кажутся глазу отдѣльными озерами. Такъ какъ мы были еще близко отъ становища племени кемъ, то Кулханъ, оставшійся ночевать съ нами, совѣтовалъ быть какъ можно осторожнѣе. Поэтому съ вечера разставили вездѣ караульныхъ, которые безпрестанно смѣнялись и до самаго утра зорко наблюдали за тѣмъ, что дѣлалось вокругъ насъ.

Узнавъ, что эта станція — послѣдній форпостъ передъ великою степью, я воспользовался послѣобѣденнымъ отдыхомъ моихъ товарищей, чтобы написать нѣсколько писемъ, такъ какъ была возможность послать ихъ съ нашими проводниками, отправлявшимися въ обратный путь. Кро-

мѣ маленькихъ лоскутковъ бумаги, назначенныхъ для замѣтокъ и тщательно спрятанныхъ въ моей бухарской одеждѣ, у меня хранилось въ коранѣ, который я носилъ въ особенномъ мѣшечкѣ, еще два чистыхъ листка; на нихъ-то и написалъ я два письма: одно въ Тегеранъ къ Хайдаръ-эфенди, другое къ Хандшану, прося его доставить первое по принадлежности *). Легко понять, какъ отрадно было мнѣ помечтать о Тегеранѣ, объ этомъ близкомъ отъ меня, но въ то же время такомъ далекомъ пунктѣ европейской жизни, особенно если принять въ разсчетъ, какой бы опасности подвергся я здѣсь, между номадами, еслибъ они хоть сколько-нибудь заподозрили мое инкогнито. Пять недѣль, проведенныхъ мною у туркменъ, столицу которыхъ предстояло мнѣ посѣтить, дали мнѣ полную возможность предвкусить всю сладость туркменской жизни.

На слѣдующее утро, послѣ четырехчасоваго пути, пришли мы къ берегамъ главнаго русла Этрека. Нужно было искать брода для переправы, а это было дѣло не легкое. Въ обыкновенное время ширина рѣки не болѣе 12 — 15 шаговъ, теперь же Этрекъ вышелъ изъ береговъ и сталъ вдвое шире; кромѣ того, вязкій, илистый грунтъ былъ истиннымъ наказаніемъ для нашихъ верблюдовъ, и нельзя было винить туркменъ за медленную переправу. Хотя теченіе было не слишкомъ сильно, однако вода доходила верблюдамъ до брюха, и, при ихъ нетвердой походкѣ, наши корзины—то та, то другая—погружались въ мутныя волны. Малѣйшая оплошность — я искупался бы въ грязи и съ немалою опасностью долженъ бы былъ до-

*) На возвратномъ пути, въ турецкомъ посольствѣ нашелъ я эту записку, увѣдомлявшую о началѣ моего странствія по пустынѣ, вмѣстѣ съ другою, отправленною изъ Гёмюштепе. Добрый Хандшанъ съ полнымъ усердіемъ исполнилъ мою просьбу.

браться вплавь до противоположнаго берега. Къ нашему счастью, переправа окончилась благополучно, и едва мы остановились, какъ показался караванбаши; впереди своего каравана велъ онъ трехъ буйволовъ (двухъ коровъ и одного быка). Больной владѣтель Хивы едва ли съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этихъ животныхъ, несшихъ ему здоровье, нежели мы.

Читатель вѣроятно помнитъ, что въ Гёмюштепе отъ главнаго каравана дервишей я отдѣлился вмѣстѣ съ хаджи Билаломъ, хаджи Юсуфомъ и нѣсколькими пѣшеходами, потому что остальные не могли за нами слѣдовать: въ Этрекѣ, не получая о нихъ никакого извѣстія, мы сильно тревожились, предполагая, что эти бѣдняки безъ насъ не имѣли возможности идти дальше; когда же мы увидѣли ихъ тутъ въ добромъ здоровьѣ, радость наша была очень велика. Мы обнимались и цѣловались какъ братья послѣ многолѣтней разгулки. Какъ отрадно было моему сердцу, когда хаджи Сали, султанъ Махмудъ и остальные товарищи снова собрались вокругъ меня! Сознаюсь, что внутренно я былъ расположенъ ко всѣмъ одинаково, хотя хаджи Билала считалъ наиболѣе близкимъ другомъ. Мутный Этрекъ давалъ намъ случай вдоволь напиться свѣжей прѣсной воды; до Оксуса же было двадцать дней пути, а потому я предложилъ не упустить случая въ послѣдній разъ напиться здѣсь чаю. Поставлены были огромные чайники, я предложилъ друзьямъ свой только-что испеченный хлѣбъ, и весело отпраздновали мы наше свиданье. Долго потомъ вспоминали мы объ этомъ пирѣ.

Между тѣмъ прибылъ и караванбаши, нашъ вожатый и охранитель въ пустынѣ. Такъ какъ мнѣ нужно было выказать себя съ хорошей стороны, то я немедленно отправился къ нему въ сопровожденіи хаджи Сали и хаджи Мессуда, которые говорили ему обо мнѣ еще въ дорогѣ.

Представьте же мое удивленіе и тревогу, когда Амандурди (такъ его звали), этотъ дородный и добродушный туркменъ, встрѣтилъ меня съ явною холодностью, тогда такъ къ друзьямъ моимъ отнесся съ особеннымъ уваженіемъ. И чѣмъ больше хаджи Сали старался навести разговоръ на меня, тѣмъ холоднѣе становился Амандурди. Онъ отвѣчалъ только: «я уже знаю этого хаджи». Всячески стараясь скрыть мое крайнее замѣшательство, я замѣтилъ, что Илья, бывшій тутъ же и сидѣвшій рядомъ съ эмиръ-Мехмедомъ, извѣстнымъ уже читателю любителемъ опіума, бросалъ на него гнѣвные взгляды, какъ бы показывая этимъ, что онъ, эмиръ Мехмедъ, виновникъ такого пріема. Мы ушли, и когда разсказали объ этомъ хаджи Билалу, другъ мой гнѣвно воскликнулъ: «Этотъ негодный, пьяный афганецъ еще въ Этрекѣ сказалъ, что нашъ хаджи Решидъ, который годится ему въ учителя корана и арабскаго языка, — переодѣтый френги (при этомъ онъ произнесъ троекратное эстафаруллахъ, т. е. «Боже, прости мои прегрѣшенія»). Хотя я увѣрялъ Мехмеда, что нашимъ попеченіямъ ввѣрилъ его посланникъ великаго султана, что онъ имѣетъ при себѣ паспортъ съ печатью халифа *), онъ не хотѣлъ вѣрить этому и продолжалъ злословить. Мнѣ кажется, что именно Мехмедъ и вскружилъ голову караванбаши; но онъ раскается въ томъ, когда мы придемъ въ Хиву: тамъ, гдѣ есть кади и улемы, мы его научимъ отличать правовѣрнаго мусульманина отъ невѣрныхъ».

Только теперь началъ я понимать, въ чемъ было дѣло. Эмиръ Мехмедъ, родомъ кандагарецъ, совершивъ какое-то преступленіе, бѣжалъ изъ отечества. Англичане въ то время уже заняли Афганистанъ, Мехмедъ и имѣлъ случай

*) Такъ называютъ здѣсь константинопольскаго султана.

часто видать европейцевъ. По чертамъ лица онъ съ перваго же взгляда узналъ во мнѣ уроженца Европы. Считая меня за переодѣтаго лазутчика, скрывающаго сокровище подъ своимъ нищенскимъ одѣяніемъ, онъ хотѣлъ воспользоваться имъ съ помощью угрозъ или доноса. Часто онъ старался убѣдить меня бросить нищенствующихъ товарищей и отправиться въ путь съ нимъ, на что я всегда отвѣчалъ, что дервишъ купцу—не пара. «Объ истинной дружбѣ», говорилъ я, «можетъ быть рѣчь только тогда, когда ты отречешься отъ опіума и предашься благочестивымъ омовеніямъ и молитвамъ». Его раздражало мое упорное противодѣйствіе; но такъ какъ за безбожіе его ненавидѣли всѣ хаджи, то я считалъ даже за особенное счастіе открытую вражду его ко мнѣ.

Почти два часа спустя послѣ этого случая караванбаши, принявшій теперь начальство надъ караваномъ, приказалъ каждому изъ насъ наполнить свой мѣхъ водою, такъ какъ до ближайшаго колодца было три дня пути; я взялъ свой козій мѣхъ и вмѣстѣ съ другими спутниками отправился къ потоку. До сихъ поръ жажда не особенно мучила меня, а потому я и не позаботился наполнить свой мѣхъ, какъ слѣдовало. Замѣтивъ это, товарищи сказали мнѣ, что въ пустынѣ капля воды иногда спасаетъ жизнь и что каждый долженъ беречь свой мѣхъ какъ зеницу ока, какъ источникъ жизни. Наконецъ, верблюды были навьючены, караванбаши пересчиталъ всѣхъ, и оказалось, что караванъ нашъ состоялъ изъ 80 верблюдовъ и 40 человѣкъ, въ числѣ коихъ было 26 безоружныхъ хаджи, остальные же, туркмены-іомуты, одинъ узбекъ и одинъ афганецъ—были довольно хорошо вооружены. Мы составили такимъ образомъ небольшой караванъ, и предоставивъ все, по восточному обычаю, на волю рока, тронулись въ путь. Когда всѣ усѣлись, нужно было отпустить нашихъ турк-

менскихъ провожатыхъ, доведшихъ насъ до окраины пустыни. Хаджи Билалъ и Кулханъ затянули напутственное фатиха. Сказавъ въ послѣдній разъ «аминь» и проведя рукой по бородѣ, мы разошлись въ разныя стороны. Наши прежніе спутники, перешедши Этрекъ и потерявъ уже насъ изъ виду, послали намъ нѣсколько выстрѣловъ въ знакъ послѣдняго прощанья. Отсюда мы направились къ сѣверу.

VII.

Караванбаши требуетъ, чтобъ авторъ не дѣлалъ замѣтокъ.—Благородство Эйдъ-Мехмеда и его брата.—Вожатый сбивается съ пути.—Керентаги, древнія, по всей вѣроятности, греческія развалины.—Малый и Большой Балканъ.—Древнее русло Оксуса.—Кровавая месть.— Страданіе отъ жажды.

13 мая 1863 г.—Не имѣя никакой возможности отличить дороги даже по слѣдамъ верблюдовъ или какихъ-нибудь другихъ животныхъ, караванъ нашъ подвигался къ сѣверу—днемъ соображаясь съ положеніемъ солнца, а ночью—съ полярною звѣздой, называемою здѣсь, за ея неподвижность, желѣзнымъ гвоздемъ *). Верблюды были привязаны одинъ къ другому и тянулись длинною вереницей; впереди ихъ шелъ погонщикъ, лице почетное, потому что быть ближе всѣхъ къ караванбаши считается за честь. Мѣстность по ту сторону Этрека составляетъ предверіе великой пустыни и называется Богдайла. Часа два послѣ солнечнаго заката шли мы по не очень рыхлому песку, представлявшему небольшія возвышенія, которыя придавали странѣ волнообразный видъ. Мало-по-малу песокъ исчезъ, и около полуночи вступили мы на совершенно гладкую, глинистую почву. Издали слышно было, какъ верблюды ровнымъ шагомъ, въ тактъ, выступали по этой въ высшей степени твердой глинѣ. Такія мѣста у туркменъ носятъ названіе такиръ; если же глина красноватаго цвѣта, то—кизиль-такиръ. Не останавливаясь шли мы вплоть до разсвѣ-

*) Темиръ казикъ, по-туркменски, желѣзный гвоздь.

та, но прошли немного, всего миль шесть, потому что боялись утомить верблюдовъ; да и буйволы не могли поспѣвать за нами, тѣмъ болѣе что одна изъ буйволицъ была стельна.

Утромъ (14 мая) мы сдѣлали привалъ на восемь часовъ, и пока верблюды ѣли ворсянку и другія степныя растенія, мы могли приняться за завтракъ. На этотъ разъ онъ былъ еще довольно раскошенъ, потому что въ запасѣ было много прѣсной воды. Прихлебывая ее, мы могли довольно легко глотать нашъ тяжелый, не заквашенный хлѣбъ. Всѣ расположились недалеко другъ отъ друга, и я замѣтилъ, что караванбаши, разговаривая съ Ильей и важнѣйшими изъ моихъ спутниковъ, пристально посматривалъ на меня. Конечно, легко было угадать, о чемъ они говорили, но я сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаю, углубился сначала въ коранъ, потомъ всталъ и показалъ, что хочу присоединиться къ бесѣдующимъ. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ Илья и хаджи Сали сами подошли ко мнѣ, отвели въ сторону и сообщили, что караванбаши затрудняется взять меня съ собою въ Хиву, потому что мое лицо кажется ему очень подозрительнымъ. Онъ боится, говорили они, ханскаго гнѣва. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ былъ такой случай: этотъ караванбаши привелъ въ Хиву одного френги, который, во время своего путешествія, снялъ полную карту всей дороги и съ такой дьявольскою точностью, что не было пропущено ни одного колодца, ни одного холмика. Ханъ такъ разгнѣвался, что велѣлъ повѣсить двоихъ, принесшихъ ему это извѣстіе. Самъ караванбаши спасся отъ казни только благодаря сильному заступничеству. «Долго возражали мы ему, увѣряли, что не можемъ оставить тебя одного въ пустынѣ, и наконецъ успѣли уговорить его взять тебя. Но онъ требуетъ, чтобы ты позволилъ обыскать себя: нѣтъ ли и при тебѣ ри-

сунковъ или деревянныхъ перьевъ[1]), какія обыкновенно бываютъ у френги; во-вторыхъ, ты долженъ дать обѣщанье не дѣлать тайныхъ замѣтокъ о горахъ и дорогахъ; въ противномъ же случаѣ ты останешься одинъ среди пустыни».

Терпѣливо выслушалъ я все это, и когда они кончили, притворился сильно разсерженнымъ. Обратясь къ хаджи Сали, я сказалъ ему такъ громко, чтобы слова мои могъ слышать самъ караванбаши: «Хаджи, ты видѣлъ меня въ Тегеранѣ, ты знаешь, кто я. Скажи Амандурди[2]), что ему, какъ честному человѣку, не слѣдуетъ основываться на словахъ пьянаго бинамаза[3]), каковъ афганецъ. Съ религіей шутить не должно, такъ пусть не касается онъ болѣе этого опаснаго предмета; въ Хивѣ узнаетъ онъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло». Послѣднія слова я произнесъ такъ громко, что ихъ слышалъ весь караванъ. Товарищи мои разгорячились, и еслибъ я ихъ не остановилъ, они бросились бы всѣ на эмиръ-Мехмеда, коварнаго афганца. Караванбаши былъ смущенъ моимъ поступкомъ, и я слышалъ, какъ на всѣ замѣчанія онъ давалъ одинъ отвѣтъ: «Богъ знаетъ!»[4]) Это былъ честный, добродушный человѣкъ, но, какъ житель Востока, не изъ злобы, а по склонности ко всему таинственному, онъ всячески старался открыть во мнѣ переодѣтаго чужестранца, несмотря на то, что не разъ уже обращался ко мнѣ съ разными религіозными вопросами и еще въ Гёмюштепе слышалъ, что я человѣкъ весьма свѣдущій во многихъ книгахъ.

Описанная уловка уменьшила для меня опасность; но, къ величайшему моему удивленію, подозрѣнія росли съ

---

[1]) Т. е. карандашей.

[2]) Такъ звали караванбаши.

[3]) Бинамазъ—человѣкъ, не читающій молитвъ.

[4]) Худаимъ билиръ—Богъ знаетъ.

каждымъ шагомъ, и мнѣ чрезвычайно трудно было дѣлать самыя краткія замѣтки о нашемъ пути: я не могъ даже спрашивать о названіи станцій. Въ пустынѣ, какъ ни обширна она, номады, живущіе на различныхъ оазисахъ, имѣютъ особыя названія для каждой мѣстности, для каждаго холма и долины, такъ что еслибы возможно было только спрашивать объ этихъ названіяхъ, то я могъ бы обозначить каждую точку на картѣ Средней Азіи. Я вынужденъ былъ пускаться на хитрости, и тѣ немногія замѣтки о нашемъ пути, которыя мною собраны, были плодомъ искусныхъ уловокъ, описаніемъ которыхъ я не желаю наскучать читателямъ. Какъ горько и тяжело бываетъ путешественнику, когда, послѣ долгихъ ожиданій и опасностей, онъ достигаетъ желаннаго источника и не можетъ утолить въ немъ жажды!

Послѣ осьмичасоваго отдыха мы снова тронулись въ путь; но, прошедши безостановочно около двухъ часовъ, стали подвигаться медленнѣе. Нѣкоторые туркмены пошли пѣшкомъ и начали внимательно осматривать всѣ холмики, встрѣчавшіеся справа и слѣва. Вскорѣ я узналъ, чего они искали: одному изъ нашихъ спутниковъ, Эйдъ-Мехмеду, хотѣлось найти могилу своего брата, въ прошломъ году погибшаго здѣсь въ битвѣ. Мехмедъ взялъ съ собой и гробъ, чтобы перевезти братній прахъ въ Хиву. Было около двухъ часовъ пополудни, когда мы остановились и принялись разрывать найденную могилу. По прочтеніи приличествующихъ молитвъ изъ корана, въ чемъ и я долженъ принимать участіе, полусгнившее тѣло положили въ гробъ и обернули войлокомъ. Одинъ изъ очевидцевъ сраженія разсказалъ намъ всѣ его подробности, желая тѣмъ прославить покойнаго; онъ успѣлъ въ этомъ, потому что разсказанный подвигъ дѣйствительно заслуживалъ великихъ похвалъ. «Въ нашемъ караванѣ», говорилъ разскащикъ, «бы-

ло много персіянъ, отправлявшихся изъ Хивы въ Астрабадъ, и между ними одинъ очень богатый купецъ, мулла Кассимъ, изъ Астрабада; онъ уже нѣсколько лѣтъ велъ торговлю съ Хивою и по коммерческимъ дѣламъ ежегодно ѣздилъ изъ Персіи въ Хиву; онъ останавливался всегда у покойнаго, и даже въ дорогѣ находился подъ его покровительствомъ. Въ прошломъ году случилось ему возвращаться домой съ большими деньгами и, несмотря на то, что онъ былъ одѣтъ туркменомъ и очень хорошо владѣлъ нашимъ языкомъ, этрекскіе разбойники узнали, что онъ въ нашемъ караванѣ, и напали на насъ. Они были гораздо многочисленнѣе насъ, но, несмотря на то, мы храбро отбивались въ продолженіе восьми часовъ. Когда двое изъ нихъ были убиты, они стали просить, чтобы мы выдали имъ жирную персидскую собаку (такъ называли они муллу Кассима), обѣщая прекратить сраженіе: до насъ имъ не было никакого дѣла. Конечно, никто изъ нашихъ, особенно покойный, не хотѣлъ согласиться выдать персіянина, хотя самъ мулла Кассимъ, устрашенный свиставшими вокругъ насъ пулями, просилъ прекратить битву и готовъ былъ отдаться въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ Мехмеда (тутъ разскащикъ указалъ на трупъ) поразила пуля. Онъ упалъ съ лошади и въ немногихъ словахъ, произнесенныхъ съ трудомъ, поручилъ своего гостя, плакавшаго отъ страха какъ дитя, брату своему Эйдъ-Мехмеду, подъ начальствомъ котораго мы продолжали битву до утра. Разбойники отступили съ урономъ. Зарывъ тѣло покойнаго, мы отправились далѣе и черезъ три дня доставили персіянина невредимымъ въ Астрабадъ.

Въ память такого горестнаго событія, Эйдъ-Мехмедъ на этомъ мѣстѣ велѣлъ испечь хлѣбъ и раздѣлилъ его между нами; затѣмъ мы направились къ сѣверу чрезъ большую, безплодную равнину. Чтобы наверстать потерянное время,

мы должны были ѣхать, не останавливаясь, всю ночь. Погода стояла великолѣпная. Свернувшись въ своей корзинѣ, я любовался прекраснымъ звѣзднымъ небомъ: въ пустынѣ оно величественнѣе и восхитительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Наконецъ сонъ овладѣлъ мной, но я проспалъ не болѣе часа, какъ вдругъ былъ разбуженъ раздававшимися со всѣхъ сторонъ криками: «Хаджи, посмотри на свою кибленуму*),— мы, кажется, заблудились!» Я проснулся и, при свѣтѣ горящаго куска трута, увидѣлъ, что мы направились вмѣсто сѣвера на востокъ. Караванбаши перепугался, думая, что мы находимся близь опасныхъ болотъ, и, боясь попасть въ нихъ, рѣшился ждать здѣсь разсвѣта. Къ счастью, съ тѣхъ поръ, какъ небо заволокло облаками и мы сбились съ дороги, прошло не болѣе получаса. Несмотря на остановку, мы скоро добрались до слѣдующей станціи и пустили утомленныхъ животныхъ въ ворсянку и тернъ. Я былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ, что на мѣстѣ нашей стоянки спутники мои стали собирать ростущую здѣсь въ изобиліи морковь, длиной въ полфута и толщиной въ палецъ. Морковь эта очень сладка и вкусна, но сердцевина ея жестка какъ дерево и не годится въ пищу, также какъ и дикій чеснокъ, попадающійся здѣсь въ большомъ количествѣ. Воспользовавшись случаемъ, я наварилъ себѣ къ завтраку моркови и запасся ею на дорогу.

15 мая. Сегодня путь нашъ шелъ среди дикой мѣстности, перерѣзанной рвами, которые, какъ мнѣ разсказывали, безпрестанно измѣняютъ свой видъ и, образуя множество крутыхъ обрывовъ, всякій разъ представляютъ новыя затрудненія для путниковъ. Бѣдные верблюды, тяжело навьюченные, страдали невыносимо: рыхлый песокъ

*) Кибленума—компасъ. Называется онъ, собственно, кибле, что значитъ: показывающій сторону, гдѣ находится Мекка; отъ обыкновеннаго компаса кибле отличается тѣмъ, что имѣетъ еще стрѣлку, указывающую на юго-западъ.

разсыпался подъ ногами, и безпрерывно приходилось то подниматься на крутизны, то спускаться съ нихъ; они съ трудомъ переступали. Замѣчательно, что здѣсь привязываютъ верблюдовъ одного къ другому веревкой, одинъ конецъ которой прикрѣпляется къ хвосту идущаго впереди, другой же продѣвается въ носъ слѣдующаго за нимъ. Тяжело бываетъ смотрѣть, когда въ этой, плотно сцѣпленной вереницѣ, остановится одинъ верблюдъ; остальные продолжаютъ подвигаться впередъ и тянутъ несчастнаго до тѣхъ поръ, пока не порвется веревка, причиняя тѣмъ несчастному животному страшную боль. Жалѣя бѣдныхъ верблюдовъ, мы сходили съ нихъ тамъ, гдѣ дорога была дурна. Сегодня я прошелъ четыре часа по глубокому песку, хотя и тихо, но безостановочно. Во время этого мучительнаго шествія, нѣсколько разъ подходилъ я къ караванбаши, который послѣ моей выходки сдѣлался гораздо учтивѣе со мной. Особенно выказалъ ко мнѣ расположеніе племянникъ его, молодой, прямодушный туркменъ изъ Хивы, по имени Хали-мулла. Около года не видалъ онъ своей жены и потому въ разговорѣ безпрестанно заводилъ рѣчь объ овѣ (такъ называютъ здѣсь жену, когда хотятъ по вѣжливѣе выразиться о ней *). Онъ вполнѣ повѣрилъ, что я дервишъ и, къ моему удивленію, даже попросилъ меня отыскать въ коранѣ предсказанье о судьбѣ его семьи. Я сдѣлалъ обычный фокусъ-покусъ: зажмуривъ глаза, раскрылъ книгу и, къ счастью, мнѣ попалось такое мѣсто, гдѣ говорилось о женщинѣ (такихъ мѣстъ въ коранѣ очень много). Толкованіе арабскаго текста привело туркмена въ вос-

---

*) По мусульманскому закону, говоря о женѣ, въ высшей степени невѣжливо называть ее по имени. Поэтому должно выражаться о ней иносказательно. У турокъ существуютъ для жены слѣдующія названія: гаремъ, семейство или чолукъ-чодшукъ; у персовъ—хане-домъ или аіяль-ю-авладъ—ребенокъ; у туркменъ—ова; въ Средней Азіи—балачака—дѣти.

торгъ; онъ отъ всего сердца поблагодарилъ меня, и я былъ очень радъ, что пріобрѣлъ его дружбу.

До сихъ поръ не было извѣстно, по которому изъ трехъ путей пойдетъ нашъ караванъ. Скрывать планъ своихъ дѣйствій здѣсь положительно необходимо, ибо ни на минуту нельзя считать себя въ безопасности отъ нападенія какихъ-нибудь хищниковъ. Впрочемъ можно было предугадать, что мы изберемъ средній путь: взятый нами запасъ воды былъ уже на исходѣ, а потому намъ необходимо было не позже завтрашняго дня дойти до цистерны, доступъ къ которой возможенъ только въ мирное время. Вечеромъ шествіе наше продолжалось благополучно; только изрѣдка прорывалась цѣпь верблюдовъ, но это тотчасъ же замѣчали и нѣсколько человѣкъ отправлялось за отставшими животными. Караванъ же, не останавливаясь, продолжалъ свой путь; а чтобы посланные не могли заблудиться среди наступившаго мрака, одному изъ шедшихъ въ караванѣ поручено было постоянно перекликаться съ ними. Этотъ заунывный крикъ въ темнотѣ ночи указывалъ имъ путь; бѣда, еслибы противный вѣтеръ заглушилъ эти звуки.

На слѣдующее утро (16 мая) стала открываться передъ нами въ сѣверо-восточномъ направленіи цѣпь горъ Кёренъ-таги. Стельная буйволица сильно задерживала насъ, и потому только послѣ обѣда мы могли явственно разглядѣть подошву горъ. Въ Этрекѣ говорили, что въ настоящее время въ этомъ краю тихо, и что мы встрѣтимъ здѣсь іомутовъ; но въ это плохо вѣрилось и всѣ тревожно ожидали, подтвердится ли эта радостная вѣсть или же іомуты оставили горы, и мы должны будемъ опасаться на каждомъ шагу нападенія какой-нибудь непріязненной орды. Одного храбраго туркмена послали разузнать дѣло повѣрнѣе, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія. Но

по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ и могли уже различать отдѣльно стоявшія палатки, страхъ исчезалъ и единственнымъ желаніемъ нашимъ было узнать, къ какому племени принадлежали раскинувшіе здѣсь станъ іомуты. Мои спутники наслаждались чудеснымъ зрѣлищемъ, представляемымъ горами Кёренъ-таги, съ ихъ зелеными долинами; мое сердце билось отъ радости по другой причинѣ: я увидалъ вдали, немного къ западу отъ этихъ горъ, нѣсколько развалинъ, по всей вѣроятности греческаго происхожденія. Когда горы стали совершенно видны, на юго-западъ отъ нихъ я замѣтилъ одиноко стоявшую колонну, издали казавшуюся живою колоссальною фигурой. Когда мы поднялись выше въ томъ же направленіи, то показалась другая колонна—пониже, но толще первой. Когда же подошли мы къ самой горной цѣпи, то развалины, находившіяся влѣво отъ насъ, представились намъ такъ явственно, что я могъ разглядѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Такъ какъ здѣсь расположились мирные іомуты, то мы рѣшились сдѣлать привалъ и прикупить еще верблюдовъ. Я былъ очень радъ этому, такъ какъ явилась возможность получше осмотрѣть развалины, извѣстныя здѣсь подъ именемъ Мешеди-Мизріянъ. На слѣдующее утро (17 мая) я отправился туда. Вмѣстѣ со мной пошелъ Илья и нѣкоторые другіе товарищи-хаджи; но съ моей стороны нужно было нѣкоторое умѣнье убѣдить ихъ посѣтить это мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, обитаютъ духи (джины). Ходьбы до развалинъ было полчаса, хотя онѣ казались намъ и ближе. Онѣ состояли изъ четыреугольной, еще совершенно крѣпкой стѣны, отъ 6 до 8 футовъ въ толщину и 40 — 50 футовъ въ длину, изъ двухъ цѣльныхъ и двухъ полуразрушенныхъ куполообразныхъ башенъ. Вокругъ этой высокой стѣны идетъ другая, нѣсколько ниже, совершенно развалившаяся съ южной стороны. Она вѣ-

роятно служила внѣшнимъ укрѣпленіемъ до сихъ поръ еще сохранившагося форта; вся же постройка, сколько я могъ судить по уцѣлѣвшимъ остаткамъ ея, была вѣроятно крѣпостью. При этомъ считаю необходимымъ упомянуть, что здѣсь, на протяженіи 150 англійскихъ миль къ юго-западу, по направленію къ персидской горной цѣпи, шелъ величественный водопроводъ, вѣроятно служившій для доставленія оттуда воды въ крѣпость. Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ археологіи и архитектурѣ, я не имѣю права полагаться на собственные выводы объ этихъ интересныхъ развалинахъ, но вполнѣ увѣренъ, что онѣ греческаго происхожденія: квадратные кирпичи были точно такого же качества и цвѣта и такой же величины, какъ и найденные мною въ Гёмюштепе и Кизиль-Аланѣ *). Кромѣ этой полуразрушенной крѣпостцы, на сѣверной оконечности Кёренъ-таги я видѣлъ еще группу развалинъ, состоявшихъ, на сколько можно было разглядѣть въ темнотѣ, изъ шести отдѣльно стоявшихъ зданій.

Сегодня караванъ нашъ посѣтила толпа живущихъ здѣсь кочевниковъ: между ними и купцами, находившимися въ нашемъ караванѣ, заключены были торговыя сдѣлки въ кредитъ. Нѣкоторые обратились ко мнѣ съ просьбой написать имъ росписки, и я былъ очень удивленъ, когда узналъ, что долговая росписка здѣсь, какъ и вездѣ у туркменъ, передается для храненья должнику, а не заимодавцу. Когда я спросилъ одного заимодавца о причинѣ такой странности, то получилъ въ отвѣтъ: «къ чему мнѣ росписка? должнику же она будетъ напоминать о долгѣ». Вечеромъ, когда мы были уже готовы къ отъѣзду, буйво-

*) По поводу этихъ развалинъ туркмены разсказываютъ, что Богъ, изъ особенной любви къ своимъ храбрымъ туркменамъ, поставилъ каабу сперва здѣсь, а не въ Аравіи, но ее разрушилъ зеленый хромой волшебникъ, по имени Кёкленосъ, отъ котораго произошло племя кёкленовъ. Вслѣдствіе такого преступленія ихъ праотца, туркмены находятся въ постоянной враждѣ съ этимъ племенемъ.

лица, къ великой радости караванбаши, подарила насъ здоровымъ теленкомъ. Когда мы были уже въ дорогѣ, караванбаши пришло въ голову, что слабый теленокъ не можетъ идти за нами, и что потому нужно помѣстить его на одного изъ верблюдовъ. Кедшеве было два: у меня да у хаджи Билала, а потому глаза всѣхъ обратились на насъ, и всѣ стали просить, чтобы мы уступили мѣсто новорожденному. Мой другъ былъ на столько смѣтливъ, что самъ предложилъ свое кедшеве, замѣтивъ, что дѣлаетъ это по дружбѣ ко мнѣ, ибо знаетъ, что съ больною ногой мнѣ не вездѣ удобно сидѣть. Но едва теленка помѣстили напротивъ меня, какъ запахъ отъ него далъ мнѣ почувствовать причину любезности моего друга. Ночью было еще сносно, только безпрестанное мычаніе моего сосѣда не давало мнѣ спать; но днемъ, особенно въ самый зной, мое положеніе сдѣлалось невыносимо. Къ счастію, мученія мои скоро окончились, — теленокъ на другой же день околѣлъ.

18 мая. До Большаго Балкана намъ оставалось еще два дня пути; оттуда въ Хиву — 12 дней, и на всемъ этомъ четырнадцатидневномъ пути нашли мы только четыре колодца съ горько-соленою водой и не встрѣтили ни одной человѣческой души. Наши вожатые питали еще надежду найти въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ низменностяхъ дождевую воду (называемую какъ), потому что май не былъ еще на исходѣ. Въ Кёренъ-таги нашли мы двѣ жалкія цистерны и наполнили мѣхи илистою ихъ водою, которая отъ долгаго взбалтыванья на спинахъ верблюдовъ превратилась въ совершенную грязь отвратительнаго вкуса. Но мы должны были все-таки дорожить ею, такъ какъ на дождевую воду можно было разсчитывать только пройдя одну станцію за Большимъ Балканомъ. Когда все было готово, мы двинулись и ежедневно дѣлали по три привала, отъ полутора до двухъ часовъ каждый. Передъ вос-

ходомъ солнца мы пекли себѣ хлѣбъ на цѣлый день; въ полдень давался отдыхъ людямъ и животнымъ; вечеромъ, передъ закатомъ солнца мы садились за скудный свой ужинъ, состоявшій изъ одного хлѣба и нѣсколькихъ капель воды. У моихъ товарищей и у туркменъ были небольшіе запасы бараньяго сала, которое они ѣли съ хлѣбомъ и предлагали мнѣ, но я отказывался, въ полной увѣренности, что только крайнее воздержаніе можетъ облегчить мученія отъ жажды и дать намъ возможность перенести всѣ трудности путешествія. Путь нашъ шелъ по глинистому грунту; только изрѣдка попадалась скудная трава. Почти всюду страна представляла безплодные пустыри; отъ зноя въ глинѣ образовалось множество трещинъ. Какъ утомляетъ путешественника эта равнина, лишенная даже слѣдовъ жизни, и какъ отрадно, достигнувъ наконецъ стоянки, успокоиться на нѣсколько минутъ и отдохнуть отъ непріятной качки верблюда!

Въ полдень (19 мая) увидѣли мы на сѣверѣ темно-синее облако: это былъ Малый Балканъ; о его высотѣ, красотѣ и минеральномъ богатствѣ мнѣ много разсказывали туркмены. Мы должны были еще утромъ прибыть туда, но, къ несчастію, нашего караванбаши, который до сихъ поръ бодрствовалъ, одолѣлъ сонъ. Проводникъ, замѣнившій его на время, завелъ насъ въ такія мѣста, гдѣ мы могли легко погибнуть. У подошвы Малаго Балкана много опасныхъ соляныхъ болотъ, которыя трудно отличить отъ твердой земли. Вся почва здѣсь покрыта корой соли, часто въ палецъ толщиною. Мы такъ далеко зашли въ болото, что верблюды не могли уже держаться на ногахъ. Всѣ мы тотчасъ же соскочили, и представьте мой испугъ, когда я почувствовалъ, что земля колеблется подо мною, какъ лодка на зыбкой поверхности воды. Смятеніе было общее. Караванбаши крикнулъ намъ, чтобы всѣ оставались на сво-

ихъ мѣстахъ, и что только на разсвѣтѣ можно будетъ подумать о выходѣ. Сильный запахъ соды былъ почти невыносимъ. Мы должны были прождать здѣсь три часа, пока не показалась благодатная заря. Выходъ представлялъ не мало затрудненій, но мы были все-таки очень рады, что небо было еще такъ милостиво къ намъ. Еслибы мы зашли нѣсколько далѣе, то легко могло бы случиться, что болото поглотило бы часть каравана, а пожалуй бы и весь,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорили туркмены.

Въ 10 часовъ утра (20 мая) мы были у подножія Малаго Балкана, идущаго съ юго-запада на сѣверо-востокъ; продолжая путь по направленію сѣверной его части, мы замѣтили вдали неясныя очертанія Большаго Балкана. Малый Балканъ, у подошвы котораго караванъ нашъ теперь остановился, образуетъ почти непрерывную цѣпь вездѣ одинаковой высоты и простирающуюся почти на 12 миль въ длину; онъ однако не такъ безплоденъ и голъ, какъ горы Персіи: нѣкоторыя мѣста его покрыты травой, остальныя же синевато-сѣраго цвѣта. Высота цѣпи достигаетъ, по глазомѣру, отъ 2000 до 3000 футовъ. Какъ въ этотъ, такъ и слѣдующій день путь нашъ лежалъ вдоль той же цѣпи, до самыхъ отроговъ Большаго Балкана. Хотя я видѣлъ вблизи только часть его, но готовъ подтвердить, что названіе «Большой» дано ему справедливо: на всемъ протяженіи, которое можно окинуть взоромъ, онъ выше и шире «Малаго». Мы находились около восточной его части; главная же цѣпь направляется съ юга на сѣверъ и, судя по тому, что я слышалъ въ Хивѣ и отъ туркменъ, должна быть богата минералами, но это требуетъ подтвержденія со стороны болѣе компетентныхъ судей.

Вообще нашъ сегоднешній вечерній привалъ не лишенъ былъ нѣкоторой прелести; заходящее солнце бросало свои послѣдніе лучи на восхитительныя долины Малаго Балка-

на, и легко было вообразить себя въ гористой мѣстности. Страну можно бы назвать прекрасной, еслибы не была она такъ безлюдна и мертвенна. Всюду боишься увидать врага; въ пустынѣ всякаго человѣка приходится встрѣчать съ оружіемъ въ рукахъ.

Спустя часъ по закатѣ солнца, мы кончили нашъ переходъ, и караванбаши объявилъ, что только отсюда начинается настоящая пустыня. Хотя по наружности мы всѣ казались опытными путешественниками, однако онъ счелъ нужнымъ замѣтить, чтобы мы и днемъ и ночью, по возможности, избѣгали громкихъ разговоровъ и крика и чтобы хлѣбъ свой пекли до заката солнца, такъ какъ ночью опасно разводить огонь. Онъ совѣтовалъ намъ въ своихъ молитвахъ просить объ амандшиликъ, т. е. о безопасности, а въ критическую минуту не быть бабами. Намъ дали нѣсколько сабель, копье и два ружья, конечно съ фитилями; такъ какъ меня считали весьма храбрымъ, то на мою долю пришлось ружье съ достаточнымъ количествомъ пуль и пороха. Сознаюсь откровенно, что подобныя приготовленія возбуждали во мнѣ далеко не розовыя надежды.

Мы оставили уже за собой Балканскія горы. Несмотря на то, что даже и теперь вожатые скрывали отъ насъ путь, избранный нашимъ караванбаши, я узналъ, благодаря компасу, что мы шли по средней дорогѣ. Въ Кёренъ-таги сказали намъ, что 50 каракчи изъ племени текке бродятъ въ окрестностяхъ горъ; на это караванбаши обратилъ вниманіе и сдѣлалъ обходъ, миновавъ источникъ и станцію Дженакъ-Куюсу, гдѣ вода впрочемъ такъ солона, что могла бы освѣжить только верблюдовъ, не пившихъ три дня. Вѣроятно около полуночи, пройдя мили двѣ, мы пришли къ довольно крутому склону. Всѣмъ намъ велѣно было сойти: это значило, что мы были у Дёдена (такъ называютъ здѣшніе кочевники прежнее ложе Оксуса). Бу-

ри и проливные дожди совершенно уничтожили слѣды дороги, которые были еще видны прошлою зимой. Мы пересѣкли бывшее русло рѣки по длинной кривой линіи, стараясь найти удобное мѣсто, чтобы подняться на противоположный крутой берегъ; послѣ многихъ усилій, только на разсвѣтѣ, взобрались мы на возвышенную равнину. Кочевники въ своихъ преданіяхъ соединили ложе Оксуса съ развалинами Мешеди-Мизріянъ и утверждаютъ, что Оксусъ прежде протекалъ около самыхъ стѣнъ зданія, назначеннаго быть каабой, и что только впослѣдствіи, по грѣхамъ гёкленовъ, онъ повернулъ къ сѣверу.

Чѣмъ болѣе Балканъ исчезалъ позади насъ въ голубыхъ облакахъ, тѣмъ ужаснѣе представлялось величіе необозримой пустыни. Прежде я думалъ, что пустыня тогда только поражаетъ душу, когда наша фантазія придаетъ картинѣ свои краски, но я ошибся. Въ низменностяхъ моей дорогой родины я видѣлъ пустыню въ миніатюрѣ и въ нѣсколько большихъ размѣрахъ увидѣлъ ее въ Персіи, когда проѣзжалъ по соляной пустынѣ (Дешти-Кувиръ); но какія новыя ощущенія испыталъ я теперь! Воображеніе безсильно передъ природою, хотя люди утверждаютъ противное. Чтобы нѣсколько смягчить мрачный колоритъ пустыни, я пробовалъ нѣсколько разъ представлять себѣ среди нея многолюдные города, кипящіе жизнію, но напрасно: необозримые песчаные холмы, мертвенная тишина, красно-желтый цвѣтъ солнца при восходѣ и закатѣ — все доказывало, что мы находимся въ обширной, а можетъ-быть и въ величайшей пустынѣ земнаго шара.

Въ полдень (22 мая) расположились мы въ мѣстечкѣ Іёти-Сири, названномъ такъ потому, что здѣсь въ прежнее время было семь колодцевъ; въ трехъ изъ нихъ есть еще вода, хотя очень соленая и вонючая, остальные же четыре изсякли совершенно. Я не рѣшился замѣнить остав-

шуюся у меня воду, хотя и обратившуюся уже въ глину, этою горькой и отвратительной жидкостью, тѣмъ болѣе, что караванбаши подалъ намъ надежду найти вечеромъ хоть немного дождевой воды; верблюдовъ однако напоили. Меня очень удивило, что нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ не только не чувствовали къ этой водѣ отвращенія, но даже чуть не оттѣснили отъ нея животныхъ. Они смѣялись надъ тѣмъ, что я совѣтовалъ имъ быть умѣреннѣе, но потомъ, конечно, раскаялись. Послѣ небольшой остановки мы снова отправились въ путь и перешли черезъ одинъ изъ холмовъ, казавшійся выше другихъ; на немъ стояли двѣ пустыхъ кедшеве. Мнѣ сказали, что путешественники, сидѣвшіе въ нихъ, погибли здѣсь въ пустынѣ, и что туркмены особенно чтятъ все, что какимъ-либо образомъ служило пріютомъ человѣку, и считаютъ грѣхомъ прикасаться къ нему. Странное суевѣріе! Чтить корзину потому только, что въ ней когда-то сидѣлъ человѣкъ, и въ то же время опустошать цѣлыя страны! Пустыня, какъ и ея обитатели, дѣйствительно странна и поражаетъ путешественника; читатель еще болѣе убѣдится въ этомъ, если я разскажу ему о томъ, что случилось съ нами въ тотъ же вечеръ. Когда стало прохладнѣе, я сошелъ съ верблюда, чтобы съ караванбаши и другими туркменами поискать дождевой воды; всѣ мы были вооружены и пошли по разнымъ направленіямъ; я слѣдовалъ за караванбаши; но не прошли мы и 40 шаговъ, какъ онъ замѣтилъ на пескѣ какіе-то слѣды и, совершенно пораженный, вскрикнулъ: «Здѣсь долженъ быть человѣкъ!» Мы приготовили ружья и по слѣдамъ, становившимся все болѣе и болѣе ясными, подошли ко входу въ пещеру. Такъ какъ по слѣду было видно, что намъ предстоитъ имѣть дѣло только съ однимъ человѣкомъ, то мы тотчасъ вошли въ пещеру; мною овладѣлъ невыразимый ужасъ при видѣ одичавшаго человѣка,

съ длинными волосами и бородой, одѣтаго въ шкуру газели. Пораженный не менѣе нашего, онъ вскочилъ и бросился на насъ съ поднятымъ копьемъ. Между тѣмъ какъ я съ невыразимымъ волненіемъ смотрѣлъ на эту сцену, мой спутникъ казался совершенно спокойнымъ. Когда онъ увидѣлъ полудикаго, то опустилъ свое ружье, прошептавъ едва слышно аманболь, т. е. миръ тебѣ, и удалился отъ пещеры. «Канли диръ» (на немъ кровь лежитъ), сказалъ онъ мнѣ, прежде чѣмъ я рѣшился спросить его. Послѣ я узналъ, что этотъ человѣкъ, укрываясь отъ справедливой мести за убійство*), уже многіе годы, зиму и лѣто, скитается по пустынѣ. Онъ не можетъ и не долженъ видѣть людей.

Взволнованный видомъ этого бѣднаго грѣшника, я и забылъ, что вмѣсто хорошей прѣсной воды мы нашли только кровь; товарищи также вернулись безъ успѣха, и мысль, что нынѣшній вечеръ я выпью послѣднія капли моего прѣснаго ила, приводила меня въ трепетъ. Вода, драгоцѣннѣйшая изъ стихій, зачѣмъ прежде я не цѣнилъ тебя! Расточительно пользуются люди твоими дарами, а на моей родинѣ даже боятся ихъ! Чего бы я не далъ за нѣсколько капель этой божественной влаги!

Я съѣлъ только нѣсколько кусочковъ хлѣба, размочивъ ихъ въ горячей водѣ, такъ какъ мнѣ сказали, что отъ кипяченья вода теряетъ свой горькій вкусъ. Я рѣшился терпѣть все, пока мы не найдемъ прѣсной воды: такъ напугало меня положеніе моихъ товарищей, страдавшихъ сильнымъ поносомъ. Нѣкоторыхъ туркменъ, осо-

---

*) Сама религія допускаетъ здѣсь месть. Въ Этрекѣ я самъ былъ очевидцемъ, какъ черезъ восемь лѣтъ по смерти отца сынъ отомстилъ за участіе въ убійствѣ его своему отчиму въ присутствіи его жены, а своей матери. Замѣчательно то, что люди, пришедшіе на похороны, утѣшали мать, а сына поздравляли съ окончаніемъ добраго дѣла.

Дикарь въ пустынѣ.

бенно караванбаши, подозрѣвали въ томъ, что у нихъ былъ запасъ хорошей воды; а такъ какъ въ пустынѣ разсчитывать на чужой мѣхъ съ водой считается посягательствомъ чуть не на жизнь, то всякаго, попросившаго воды даже взаймы, сочли бы сумасшедшимъ. Сегодня вечеромъ я совершенно потерялъ аппетитъ и чувствовалъ себя сильно ослабѣвшимъ отъ неимовѣрнаго дневнаго зноя. Я лежалъ совершенно обезсиленный; вдругъ замѣтилъ я, что всѣ стали тѣсниться около караванбаши; мнѣ тоже кивнули, чтобъ и я присоединился къ толпѣ. Слова: «вода, вода!» вдругъ возвратили мнѣ бодрость, я вскочилъ и съ радостнымъ чувствомъ увидалъ, что караванбаши раздавалъ почти по два стакана чистой прѣсной воды на человѣка. Онъ сказалъ намъ, что уже нѣсколько лѣтъ, отправляясь въ пустыню, онъ имѣетъ обыкновеніе всегда прятать нѣкоторое количество воды для того, чтобы раздавать ее въ случаѣ крайней необходимости; конечно, это великій севаба (подвигъ благочестія): «капля воды, поданная жаждущему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ», говоритъ туркменская пословица.

Невозможно выразить, какъ велико это благодѣяніе, точно также какъ нельзя описать того наслажденія, которое доставляетъ глотокъ воды въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я совершенно ожилъ и чувствовалъ себя на столько крѣпкимъ, что могъ продолжать путь. Жажду я утолилъ, но съ хлѣбомъ мнѣ не посчастливилось; вслѣдствіе слабости и отсутствія аппетита мнѣ не хотѣлось двигаться, и я вообразилъ, что вмѣсто дровъ, за которыми нужно было идти довольно далеко, можно употребить въ дѣло верблюжій пометъ, наше обыкновенное топливо; но его я набралъ слишкомъ мало. Зарывъ тѣсто въ горячую золу, я только черезъ полчаса увидѣлъ, что жара было недостаточно; я побѣжалъ за дровами, но когда снова развелъ

огонь, сдѣлалось уже темно и караванбаши прикрикнулъ на меня, потому что я могъ выдать нашъ караванъ разбойникамъ. Итакъ, я долженъ былъ погасить огонь и и взять съ собою свой прѣсный хлѣбъ недопеченнымъ. На слѣдующее утро (23 мая) остановились мы у Кайматъ-Ата, гдѣ нѣкогда былъ колодезь, теперь уже изсохшій; это впрочемъ не составляло для насъ большой потери, потому что въ немъ, какъ и въ остальныхъ здѣшнихъ колодцахъ, вода совершенно была негодна для питья. Къ несчастью, жаръ сдѣлался невыносимъ, особенно въ полдень. Солнечные лучи часто раскаляютъ сухой песокъ на цѣлый футъ глубины; земля тогда становится такъ горяча, что даже самый дикій житель Средней Азіи, считающій обыкновенно обувь лишнею, вынужденъ бываетъ привязывать къ подошвамъ по куску кожи въ видѣ сандалій. Не удивительно поэтому, что вчерашній освѣжительный глотокъ воды былъ забытъ, и меня снова начала мучить жажда. Около полудня караванбаши объявилъ намъ, что мы были недалеко отъ слѣдующей станціи, Кариманъ-Ата—священнаго мѣста, много посѣщаемаго богомольцами. Мы должны были исполнить священную обязанность, т. е. идти пѣшкомъ по крайней мѣрѣ четверть часа до гроба святаго. Представьте же мое мученье, когда я, истомленный и обезсилѣвшій отъ зноя и жажды, принужденъ былъ сойти съ моего верблюда и, присоединившись къ шедшей толпѣ, добрую четверть часа, невзирая на пересохшую глотку, изо всей силы, какъ сумасшедшій, горланить вмѣстѣ съ товарищами телькины и разныя изреченія изъ корана; къ тому же могила находилась на возвышеніи. «Жестокій святой», думалъ я, «не могъ развѣ ты заставить похоронить себя на другомъ мѣстѣ, чтобъ избавить меня отъ адской муки посѣщать тебя!» Едва не задохшись, упалъ

я передъ могилой въ 30 футовъ длины *), покрытою бараньими рогами—эмблемой верховной власти въ Средней Азіи. Караванбаши сообщилъ намъ, что покойникъ былъ такихъ же исполинскихъ размѣровъ, какъ и гробница, что онъ въ незапамятныя времена защитилъ здѣшніе колодцы отъ покушеній злыхъ духовъ, хотѣвшихъ завалить ихъ камнями. Вокругъ гробницы видно было еще нѣсколько небольшихъ могилъ, гдѣ покоились бѣдные путники, погибшіе или отъ стихій, или отъ разбойниковъ въ разныхъ мѣстахъ пустыни. Меня обрадовало извѣстіе о колодцахъ, бывшихъ подъ защитой святаго, и я поспѣшилъ туда, надѣясь найти годную для питья воду; вскорѣ я увидѣлъ какую-то мутную лужу и зачерпнулъ руками воды. Она была холодна, какъ ледъ; я поднесъ ее къ губамъ и, о мученье, не могъ проглотить ни одной капли,—такъ она была солона, горька и вонюча! Моя ярость, а потомъ отчаяніе не имѣли границъ, и здѣсь-то въ первый разъ я серьезно испугался за свою будущность.

---

*) Жители Востока любятъ возвеличивать своихъ святыхъ, придавая ихъ тѣлу необыкновенные размѣры. Въ Персіи я видѣлъ много исполинскихъ гробницъ; даже въ Константинополѣ, на азіятскомъ берегу Босфора, у такъ-называемой горы Іисуса Навина, существуетъ подобная по длинѣ могила, приписываемая турками Іисусу Навину, а греками—Геркулесу.

*

VIII.

Гроза.—Газели и дикіе ослы.—Прибытіе каравана на возвышенность Кафланкиръ.—Прежнее русло Оксуса.—Станъ мирныхъ кочевниковъ.—Приближеніе всадниковъ.—Газаватъ.—Въѣздъ въ Хиву.—Злой умыселъ афганца.—Свиданіе съ ханомъ.—Отъ автора требуютъ, чтобъ онъ написалъ что-нибудь по-турецки.—За головы убитыхъ непріятелей здѣсь награждаютъ почетными халатами.—Казнь плѣнныхъ.—Особенная казнь женщинъ.—Кунгратъ.—Послѣднее благословеніе хану отъ автора.

Около полуночи нашла грозная туча и оросила насъ нѣсколькими крупными каплями дождя: это было предвѣстіемъ скораго конца нашимъ мученіямъ. Къ утру (25 мая) мы уже миновали пески, по которымъ тащились цѣлыхъ трое сутокъ, и были увѣрены, что сегодня же, на глинистой почвѣ, найдемъ дождевую воду. По слѣдамъ газелей и дикихъ ословъ караванбаши первый догадался о близости воды; не говоря намъ ничего, онъ поспѣшилъ впередъ, и дѣйствительно зоркій глазъ его прежде всѣхъ примѣтилъ небольшое озеро дождевой воды. Онъ сообщилъ эту радость нашему каравану. «Су! су!» (вода! вода!) воскликнули всѣ мы въ восторгѣ и, еще не пивши воды, многіе, въ томъ числѣ и я, почувствовали облегченье отъ одной надежды и успокоились. Около полудня прибыли мы къ озеру и близь него нашли много такихъ же водоемовъ съ необыкновенно пріятною на вкусъ водой. Одинъ изъ первыхъ подбѣжалъ я къ водѣ не для того, чтобы напиться, а чтобы набрать ея въ мѣхъ, пока еще не успѣли замутить ее. Черезъ полчаса сѣли мы за завтракъ, и трудно,

даже невозможно описать нашу радость. Отъ этой станціи, по имени Дели-Ата, до Хивы мы уже не имѣли недостатка въ водѣ, и путь нашъ былъ если не пріятенъ, то по крайней мѣрѣ покоенъ. Вечеромъ прибыли мы въ мѣстность, гдѣ природа имѣла совершенно весенній, праздничный видъ. Мы расположились среди безчисленныхъ маленькихъ озеръ, окруженныхъ зеленѣющими лугами, и когда я вспомнилъ о вчерашнемъ нашемъ положеньи, оно показалось мнѣ сномъ. Къ довершенію благополучія, мы узнали, что опасность подвергнуться нападенью разбойниковъ уже миновала, но вечеромъ все-таки еще страшно было раскладывать огонь. Едва ли нужно говорить, что сыны пустыни считали неожиданно найденный нами богатый запасъ воды даромъ неба, посланнымъ намъ, хаджи, за наше благочестіе.

Наполнивъ мѣхи водою, мы весело продолжали свой путь и вечеромъ того же дня были у глубокаго рва, котораго такъ давно ожидали. За нимъ начинается плоская возвышенность, Кафланкиръ (поле тигровъ), принадлежащая уже Хивинскому ханству. Довольно трудно было людямъ и животнымъ взбираться на высоту почти 300 футовъ. Сѣверный склонъ возвышенности, говорятъ, такъ же крутъ и высокъ. Эта мѣстность имѣетъ странный видъ: она представляется островомъ, подымающимся изъ необозримаго моря песковъ. Предѣловъ глубокаго рва не видать ни здѣсь, ни на сѣверо-восточной окраинѣ возвышенности, до которой мы шли два дня (25 и 26 мая). Если вѣрить туркменамъ, эти рвы — высохшія русла Оксуса, Кафланкиръ же — островъ между ними. И въ самомъ дѣлѣ, вся эта полоса земли, по растительному богатству, по множеству встрѣчающихся здѣсь животныхъ и по качеству почвы, отличается отъ остальной пустыни. До сихъ поръ намъ попадались газели и дикіе ослы, но мы рѣдко встрѣ-

чали ихъ больше двухъ-трехъ штукъ заразъ, здѣсь же я, къ моему удивленію, увидѣлъ огромныя стада ихъ. На другой день, въ полдень, съ сѣвера поднялось громадное облако пыли. Караванбаши и туркмены взялись за оружіе, и чѣмъ ближе подвигалось грозное облако, тѣмъ сильнѣе становилась наша тревога. Наконецъ мы могли различить всю двигавшуюся массу: она походила на правильную колонну эскадроновъ, готовыхъ въ атакѣ. Наши предводители опустили оружіе. Я старался быть вѣрнымъ восточному характеру и не выказывалъ ни малѣйшаго любопытства, но моему нетерпѣнію не было границъ. Облако пыли подвигалось къ намъ все ближе и ближе, и на разстояніи пятидесяти шаговъ мы услышали шумъ, какъ будто тысячи искусныхъ всадниковъ остановились по командѣ. Передъ нами предстало безчисленное множество дикихъ ословъ, здоровыхъ, добрыхъ, выстроившихся въ правильную линію. Пристально посмотрѣли они на насъ и, убѣдившись, что мы имъ не родня, съ быстротою стрѣлы помчались отъ насъ по направленію къ западу.

Со стороны Хивы Кафланкиръ похожъ на правильную стѣну. Его окраины такъ горизонтальны и ровны, какъ будто только вчера омыло его водой. Черезъ день (28 мая) достигли мы Шоръ-Гёля (Соленаго озера); онъ образуетъ прямоугольникъ и имѣетъ 12 англійскихъ миль въ окружности. Здѣсь рѣшились мы остановиться на шесть часовъ, чтобы совершить гусль *), т. е. омовеніе; оно предписывается религіей и въ особенности необходимо сегодня, по случаю великаго мусульманскаго праздника, Эйди-Курбана. Товарищи мои развязали свои узелки и вынули чистыя рубашки; только у меня ея не было. Хаджи Билалъ предло-

*) Гусль, общее омовеніе, необходимо только въ особенныхъ случаяхъ. Обыкновенное омовеніе передъ каждою изъ пяти молитвъ дня называютъ по-турецки — абдестъ, по-арабски — вуду и въ Средней Азіи — тегаретъ.

жилъ мнѣ свою, но я отказался, думая, что чѣмъ бѣднѣе буду казаться, тѣмъ безопаснѣе будетъ мое положеніе. Невольно разсмѣялся я, когда здѣсь, въ первый разъ, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и увидалъ, что лицо мое покрыто слоемъ пыли чуть не въ палецъ толщиной. Я могъ не разъ умыться въ пустынѣ, но нарочно не дѣлалъ этого, разсчитывая, что образовавшаяся отъ пыли кора защититъ меня отъ палящаго солнца; но средство это оказалось не дѣйствительнымъ, и на моемъ лицѣ останется на всю жизнь много знаковъ въ память моихъ страданій. Впрочемъ не я одинъ, а всѣ были обезображены, благодаря тейемюну. Тейемюномъ называется своего рода омовеніе пескомъ и пылью, которое пророкъ повелѣваетъ совершать въ безводной пустынѣ. Умывшись и переодѣвшись, товарищи мои, въ сравненіи со мной, казались господами. Они выказали ко мнѣ состраданіе и хотѣли снабдить одеждой, но я поблагодарилъ ихъ и отказался, говоря, что подожду, пока меня одѣнетъ хивинскій ханъ.

Часа четыре мы шли рѣдкимъ лѣсомъ, называемымъ Іилгинъ, и встрѣтили здѣсь одного узбека, ѣхавшаго изъ Хивы и сообщившаго намъ тамошнія новости. Мы всѣ обрадовались, увидавъ этого всадника; но это было ничто въ сравненіи съ моею радостью, когда послѣ полудня мы увидали нѣсколько покинутыхъ глиняныхъ мазанокъ. Ничего напоминающаго человѣческія жилища я не видалъ съ самаго Каратепе, то-есть съ персидской границы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ были обитаемы и принадлежали къ области Медемину, лежащему отсюда на востокъ. Этимъ именемъ называется полоса Хивинскаго ханства, далѣе другихъ углубляющаяся къ югу въ Великую пустыню; у насъ она называется Гирканскою степью. Назадъ тому пятнадцать лѣтъ ее воздѣлалъ одинъ офицеръ, Мехмедъ-Еминъ. Съ тѣхъ поръ она и называется

его сокращеннымъ именемъ — Медеминомъ. Съ послѣдней войны мѣстность эта опять обезлюдѣла и заглохла, подобно многимъ другимъ мѣстамъ въ Туркестанѣ.

Сегодня утромъ (29 мая) я былъ удивленъ тѣмъ, что, перемѣнивъ сѣверо-восточное направленіе, мы направились прямо къ сѣверу. Я сталъ разспрашивать и узналъ, что этотъ обходъ дѣлается ради безопасности. Узбекъ, котораго мы встрѣтили вчера, совѣтовалъ намъ быть осторожнѣе: «чаудоры», говорилъ онъ, «возмутились противъ хана и часто дѣлаютъ аламаны на пограничныя хивинскія селенья». Въ этотъ вечеръ мы принимали еще нѣкоторыя предосторожности, но на слѣдующее утро, по обѣимъ сторонамъ пути, увидали группы палатокъ и отвсюду услыхали самыя дружескія привѣтствія: «аманъ гельдингизъ!» (добро пожаловать). У нашего Ильи нашлись здѣсь пріятели, и онъ отправился къ нимъ за мягкимъ хлѣбомъ и тому подобными праздничными лакомствами. Илья возвратился съ обильными дарами и принялся одѣлять насъ мясомъ, хлѣбомъ и кумысомъ. Только одинъ часъ пробыли мы здѣсь, но насъ посѣтило довольно много богобоязненныхъ кочевниковъ, чтобы пожать намъ руку и тѣмъ совершить богоугодное дѣло. Благословеніе — здѣсь весьма выгодная статья: за четыре или пять благословеній я получилъ большое количество хлѣба, нѣсколько кусковъ верблюжьяго, лошадинаго и бараньяго мяса. Мы перешли черезъ много яп, т. е. рвовъ, выкопанныхъ для орошенія почвы, и въ полдень достигли покинутой крѣпости Ханабадъ, высокія квадратныя стѣны которой виднѣются еще за три мили. Здѣсь провели мы полдень и вечеръ. Солнце жгло, и какъ пріятно было дремать въ тѣни, бросаемой этою стѣной, хотя постелей намъ служила голая земля, а подушкою камень. До Хивы оставалось двадцать пять миль; мы оставили Ханабадъ еще до раз-

свѣта и, къ нашему удивленію, не встрѣтили во весь день (30 мая) ни одной палатки. Вечеромъ мы опять очутились среди высокихъ песчаныхъ холмовъ, и мнѣ представилось, что мы снова попали въ пустыню. Мы сидѣли за чаемъ, какъ вдругъ верблюды, пущенные на пастбище, тревожно забѣгали около насъ; мы подумали, что кто-нибудь напугалъ ихъ, и въ самомъ дѣлѣ скоро показались пять всадниковъ, быстро направлявшихся къ намъ. Въ одинъ мигъ чашки замѣнились въ нашихъ рукахъ ружьями, и мы выстроились въ рядъ. Всадники между тѣмъ приближались къ намъ медленнѣе, и по стуку копытъ туркмены узнали, что мы, къ счастію, ошиблись и встрѣчаемъ не враговъ, а друзей, готовыхъ сопутствовать намъ до Хивы.

На слѣдующее утро (31 мая) мы прибыли въ небольшое селеніе узбековъ, составляющее часть Акіапа. Здѣсь оканчивается пустыня, лежащая между Гёмюштепе и Хивой. Обитатели этого селенья, первые встрѣченные мною узбеки, были народъ весьма хорошій. По обычаю страны, мы обошли всѣ дома и раздачею благословеній собрали довольно обильную жатву. Давно не видалъ я издѣлій моего дорогаго Запада, и здѣсь, при видѣ ихъ, сердце мое забилось отъ радости.—Мы могли бы сегодня же дойти до жилища нашего Ильи, находившагося въ Акіапѣ, но другъ нашъ былъ нѣсколько тщеславенъ и не желалъ, чтобы мы вошли въ его домъ нежданными гостями; а потому ночь пришлось провести въ двухъ часахъ пути отъ него, у богатаго дяди Ильи, Аллахасръ-бая *), принявшаго насъ чрезвычайно радушно. Между тѣмъ Илья далъ знать своей женѣ о нашемъ прибытіи. На слѣдующее утро (1 іюня), радушно встрѣченные безчисленнымъ множествомъ его близкихъ и дальнихъ родственниковъ, мы вступили въ его

*) Бай или би (по-турецки бей)—особа знатнаго происхожденія.

владѣнія. Илья предложилъ мнѣ щегольскую палатку, но я предпочелъ ей садъ, потому что тамъ были деревья и тѣнь, по которой такъ давно тосковала моя душа. Какъ давно уже не видалъ я ни одного дерева!

Въ теченіе двухдневнаго пребыванія моего у полуцивилизованныхъ, т. е. полуосѣдлыхъ, туркменъ, больше всего удивило меня ихъ отвращеніе ко всему, напоминающему домъ или правильный образъ жизни.

Хотя уже нѣсколько столѣтій живутъ они среди узбековъ, но до сихъ поръ чуждаются ихъ нравовъ и обычаевъ и избѣгаютъ общенія съ ними. Близкіе къ нимъ по происхожденію и языку, узбеки чужды имъ не меньше, чѣмъ намъ готтентоты. Отдохнувъ немного, мы отправились къ столицѣ и прошли Газаватъ, гдѣ въ это время былъ базаръ, повторяющійся каждую недѣлю. Здѣсь впервые открылась передъ нами картина хивинской жизни. Мы переночевали на лугу передъ Шейхларъ-Калеси, гдѣ я увидалъ самыхъ безстрашныхъ и огромныхъ комаровъ. Животныя и мы мучились всю ночь, и я далеко не былъ въ бодромъ состояніи духа, когда утромъ, послѣ ночи, проведенной безъ сна, я опять сѣлъ на верблюда. Къ счастію, весна была въ разгарѣ, и подъ ея впечатлѣніемъ, среди природы, становившейся все роскошнѣе и роскошнѣе, по мѣрѣ приближенія нашего каравана къ Хивѣ, безсонница была совершенно забыта. Я думалъ, что Хива показалась мнѣ такою прекрасною отъ того, что представляла контрастъ съ пустыней, страшный образъ которой живо рисовался въ моемъ воображеніи. Но и потомъ, посѣтивъ восхитительнѣйшія мѣстности Европы, я нашелъ, что окрестности Хивы, съ ихъ маленькими хавли *), имѣю-

*) Хавли значитъ собственно лучъ; но этимъ словомъ называется здѣсь нѣчто въ родѣ нашихъ дворовъ. Въ нихъ помѣщаются палатки, конюшни, погреба и тому подобныя принадлежности узбекскаго деревенскаго хозяйства.

щими видъ укрѣпленій, съ тѣнистыми, высокими тополями, прекрасными лугами и полями, представляютъ восхитительное зрѣлище. Еслибы здѣсь поэты Востока взялись за свои лиры, то нашли бы для фантазіи больше пищи, чѣмъ въ пустынной Персіи.

И сама столица, съ своими куполами и башнями, издали производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Оригинальность картины заключается особенно въ томъ, что мертвая песчаная пустыня оканчивается всего въ получасѣ пути отъ города и тѣмъ поразительнѣе представляетъ контрастъ между жизнью и смертью. Она оканчивается песчаною косой, называемою Тейесшити, такъ что, находясь передъ самыми городскими воротами, мы еще видѣли ея песчаные холмы.

Читателю не трудно представить себѣ, что я испытывалъ (3 іюня) предъ воротами Хивы, если онъ вспомнитъ, какимъ опасностямъ подвергали меня легко узнаваемыя европейскія черты моего лица. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что еслибы хивинскій ханъ, ненавидимый даже татарами за его жестокость, обличилъ меня въ обманѣ, то онъ поступилъ бы со мной еще ужаснѣе, чѣмъ туркмены. Я слышалъ, что ханъ имѣетъ обыкновеніе обращать въ рабство всѣхъ подозрительныхъ иностранцевъ; еще недавно онъ надѣлъ цѣпи на одного индостанца, по всей вѣроятности княжескаго происхожденія, и заставилъ его, вмѣстѣ съ другими рабами, возить артиллерійскія орудія. Я былъ сильно взволнованъ, но вовсе не трусилъ. Постоянная опасность закалила меня. Мысль, что смерть можетъ прервать мои похожденія, уже три мѣсяца жила во мнѣ; въ эти критическія минуты я не трепеталъ отъ страха, а обдумывалъ, какъ бы обмануть зоркость суевѣрнаго тирана. Между прочимъ, я собиралъ свѣдѣнія о знатныхъ хивинцахъ, бывавшихъ въ Константинополѣ. Чаще всего при-

ходилось мнѣ слышать о нѣкоемъ Шюкруллахъ-баѣ, который лѣтъ десять былъ посланникомъ при дворѣ султана. Я смутно припоминалъ, что видалъ его у Али-паши, теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ. «Этотъ Шюкруллахъ-бай», думалъ я, «знаетъ Стамбулъ, его языкъ и обычаи и знакомъ со всѣми его знаменитостями; во всякомъ случаѣ я познакомлюсь съ нимъ. Въ самой столицѣ Турціи я съумѣлъ бы выдать себя за истаго жителя Стамбула, и конечно бывшій посланникъ не откроетъ моего обмана и согласится быть мнѣ полезнымъ».

Въ воротахъ города насъ ожидало много хивинцевъ; они поднесли намъ хлѣбъ и сушеные плоды. Уже давно не навѣщало ихъ такое множество хаджи, а потому на насъ смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ удивленіемъ и со всѣхъ сторонъ до нашего слуха доносились восклицанія: «аманъ эзенъ гельдингизъ!» (добро пожаловать); «ха шахбазимъ! ха арсланимъ!» (соколъ мой, левъ мой). При въѣздѣ на базаръ, хаджи Билалъ затянулъ телькинъ; я нарочно пѣлъ громче всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ былъ весьма тронутъ, видя, какъ эти люди цѣловали мои руки и ноги, даже лохмотья одежды, какъ будто я былъ какой-нибудь великій святой, только-что нисшедшій съ неба. По обычаю страны, у каравансарая, служившаго въ то же время и таможней, мы сошли съ верблюдовъ. Здѣсь подвергаютъ строгому осмотру всѣхъ пріѣзжающихъ и привезенные товары; при этомъ, конечно, всего болѣе полагаются на показаніе предводителя каравана. Обязанность начальника таможни исполняетъ въ Хивѣ первый мехремъ (родъ камергера и наперсника ханскаго). Не успѣлъ онъ сдѣлать намъ обычныхъ вопросовъ, какъ афганецъ вышелъ впередъ и воскликнулъ: «въ Хиву привели мы троихъ замѣчательныхъ четвероногихъ, да одного не менѣе замѣчательнаго двуногаго». Первый намекъ относился къ невиданнымъ еще въ Хивѣ буйволамъ,

второй же явно былъ направленъ на меня; не удивительно, что тотчасъ же многіе стали всматриваться въ меня, и мнѣ послышались шепотомъ произнесенныя слова: «джанзисъ» [1]) (шпіонъ), «френги, урусъ!» (русскій). Я старался не покраснѣть и хотѣлъ уйти, но мехремъ велѣлъ мнѣ остаться и въ самыхъ невѣжливыхъ выраженіяхъ сталъ дѣлать мнѣ допросъ. Я хотѣлъ отвѣчать, но въ это время подошелъ хаджи Сали, почтенная наружность котораго внушала довѣріе; не зная, что между нами происходило, онъ отрекомендовалъ меня мехрему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; сановникъ былъ крайне удивленъ этимъ, перемѣнилъ тонъ разговора и, улыбаясь, предложилъ мнѣ сѣсть рядомъ съ нимъ. Хотя хаджи Сали и кивалъ мнѣ, чтобъ я принялъ предложенье, но я притворился оскорбленнымъ, грозно взглянулъ на мехрема и тотчасъ же ушелъ.

Прежде всего я отправился къ Шюкруллахъ-баю, который хоть и не имѣлъ никакой должности, однако занималъ отдѣленіе въ медрессѣ [2]) хана Мехмедъ-Эмина, лучшемъ зданіи города. Я велѣлъ доложить баю, что нѣкій эфенди, прибывшій изъ Стамбула и познакомившійся съ нимъ тамъ, желаетъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Присутствіе эфенди въ Хивѣ—дѣло небывалое; старикъ очень изумился и самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу; къ еще большему удивленію, онъ увидалъ передъ собою обезображеннаго нищаго въ лохмотьяхъ, но тѣмъ не менѣе принялъ меня. Не успѣлъ я обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами на стамбульскомъ нарѣчіи, какъ онъ съ возрастающимъ любопытствомъ забросалъ меня вопросами о своихъ многочисленныхъ друзьяхъ въ Константинополѣ и о положеніи дѣлъ въ царствѣ османли при новомъ султанѣ. Я сказалъ уже, что былъ достаточно увѣренъ въ

---

[1]) Джанзисъ—исковерканное арабское слово джазусъ.

[2]) Медрессе—училище.

томъ, что съумѣю выдержать свою роль. Шюкруллахъ-бай былъ очень радъ, что я сообщилъ ему новости о его знакомыхъ, но не могъ понять, какимъ образомъ я попалъ въ Хиву. «Ради Бога, скажи мнѣ, эфенди, что побудило тебя прибыть въ эту ужасную страну, и притомъ изъ Стамбула, этого земнаго рая?»—«Іа, пиръ!» (о, пиръ!) отвѣчалъ я со вздохомъ и закрылъ глаза рукою, что было знакомъ повиновенія. Добрый старецъ, довольно свѣдущій въ исламѣ, могъ понять, что я принадлежу къ какому-нибудь ордену дервишей и своимъ пиромъ, т. е. духовнымъ руководителемъ, посланъ совершить путешествіе обязательное для каждаго мюрида (ученика ордена дервишей), хотя бы оно было сопряжено съ опасностью для жизни. Мое объясненіе обрадовало Шюкруллаха, и онъ спросилъ только о названіи моего ордена. Я назвалъ накишбенди, и бай заключилъ изъ этого, что цѣлью моего путешествія должна быть Бухара. Онъ хотѣлъ выхлопотать мнѣ помѣщенье въ медрессе, но я отказался, ссылаясь на товарищей, и ушелъ, обѣщаясь посѣтить его въ скоромъ времени.

Возвратившись въ каравансарай, я узналъ, что товарищи мои помѣщены въ Текки, зданіи въ родѣ монастыря, въ которомъ останавливаются проѣзжающіе дервиши. Этотъ монастырь называется Тёшебазомъ *). Я пошелъ туда и увидѣлъ, что и для меня приготовлена была келья. Товарищи встрѣтили меня распросами, куда я уходилъ, и сожалѣли, что меня не было, когда презрѣнный афганецъ, намѣревавшійся выдать меня, былъ принужденъ бѣжать отъ брани и проклятій, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ. «Хорошо», подумалъ я; «въ народѣ теперь нѣтъ

*) Отъ Тёртъ Шахбазъ, т. е. четырехъ соколовъ или героевъ, называемыхъ четырьмя царями, могила которыхъ, послужившая поводомъ для основанія этой обители, находится тутъ же.

противъ меня подозрѣній, а потому легко будетъ поладить и съ ханомъ, которому Шюкруллахъ-бай навѣрное сообщитъ о моемъ прибытіи. Правители Хивы всегда съ особеннымъ почтеніемъ относились къ султану, и нынѣшній ханъ навѣрное постарается привлечь къ себѣ эфенди; можетъ-быть даже онъ приметъ меня съ особеннымъ почетомъ, какъ перваго константинопольца, прибывшаго въ Харесмъ (политическое названіе Хивы).

Я не обманулся въ своемъ разсчетѣ. На слѣдующій день пришелъ ясаулъ (придворный офицеръ) съ небольшимъ подаркомъ отъ хана и съ повелѣніемъ явиться сегодня вечеромъ въ аркъ, т. е. во дворецъ, такъ какъ хазретъ *) непремѣнно желаетъ получить благословеніе отъ дервиша, уроженца святой земли. Я обѣщалъ исполнить приказаніе и за часъ до назначеннаго времени отправился къ Шюкруллахъ-баю, который, желая непремѣнно быть при аудіенціи, пошелъ со мною во дворецъ и дорогой далъ нѣсколько наставленій о томъ, какія церемоніи нужно было соблюдать, представляясь хану. Шюкруллахъ разсказалъ мнѣ о своихъ натянутыхъ отношеніяхъ къ мехтеру (родъ министра внутреннихъ дѣлъ), видѣвшему въ немъ себѣ соперника и потому всячески старавшагося вредить ему. Онъ предупредилъ меня, что мехтеръ могъ принять меня весьма неблагосклонно за то, что я представленъ имъ хану. За отсутствіемъ кушбеги (перваго министра) и старшаго брата хана, отправившихся въ походъ противъ чаудоровъ, мехтеръ былъ въ это время главнымъ сановникомъ при дворѣ. Обычай требовалъ, да и вообще для меня было необходимо представиться мехтеру, тѣмъ болѣе, что онъ съ своею канцеляріей помѣщался въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, передъ самымъ входомъ во дворецъ хана.

---

*) Его величество.

Такъ какъ въ этотъ часъ почти ежедневно бываетъ арсъ, т. е. открытая аудіенція, то въ ханскомъ жилищѣ, у главнаго входа и по дорогѣ, гдѣ мы шли, тѣснилась толпа просителей всякаго званія, пола и возраста. Всѣ они были одѣты по-домашнему; многія женщины пришли даже съ младенцами на рукахъ. Здѣсь никто не записывался, а потому тотъ, кто умѣлъ лучше толкаться, допускался прежде другихъ. Толпа вездѣ давала намъ дорогу, и я очень обрадовался, когда услыхалъ, что женщины, указывая на меня пальцемъ, говорили между собою: «гляди, вотъ это дервишъ изъ Константинополя; онъ сегодня благословитъ нашего хана. Да услышитъ его Господь!»

Мехтера я нашелъ окруженнымъ своими шергами, которые улыбались въ знакъ согласія при каждомъ его словѣ. По смуглому лицу его и густой, длинной, падавшей на грудь, бородѣ видно было, что онъ былъ сартъ, т. е. родомъ персіянинъ. Его неуклюжая одежда и особенно большая мѣховая шапка очень шли къ его крупнымъ чертамъ лица. Увидавъ меня, онъ, улыбаясь, сказалъ что-то своимъ приближеннымъ. Я смѣло подошелъ къ нему, поклонился съ очень важнымъ видомъ и, по праву дервиша, занялъ самое почетное мѣсто. Прочитавъ обычныя молитвы, на которыя всѣ, проведя рукой по бородѣ, отвѣтствовали: «аминь», я обмѣнялся съ мехтеромъ обычными вѣжливостями. Желая, вѣроятно, выказать свое остроуміе, онъ замѣтилъ, что въ Константинополѣ даже дервиши весьма образованны и говорятъ по-арабски (хотя при немъ я выражался только на стамбульскомъ нарѣчіи). Онъ сказалъ мнѣ, что хазретъ,—при этихъ словахъ всѣ встали,—желаетъ меня видѣть, и что ему будетъ очень пріятно, если я привезъ хоть нѣсколько строкъ отъ султана или его посланника въ Тегеранѣ. На это я отвѣчалъ, что мое путешествіе чуждо всякихъ земныхъ цѣлей, что я ни отъ

кого ничего не желаю и только ради безопасности взялъ съ собою фирманъ, скрѣпленный тугрой (печатью султана). Съ этими словами подалъ я ему мой печатный паспортъ. Взявъ священный документъ, мехтеръ почтительно поцѣловалъ его, провелъ имъ по своему лбу и пошелъ вручить его хану, послѣ чего велѣлъ мнѣ войти въ пріемную залу.

Сначала вошелъ Шюкруллахъ-бай, я же долженъ былъ подождать нѣсколько минутъ, пока не окончились всѣ необходимыя приготовленія къ моей встрѣчѣ. Хоть и доложили обо мнѣ, какъ о дервишѣ, но представлявшій меня бай не забылъ сказать, что я знаюсь со всѣми значительными пашами въ Константинополѣ, и потому нужно было позаботиться, чтобы пріемъ произвелъ на меня по возможности благопріятное впечатлѣніе. Чрезъ нѣсколько минутъ два ясаула почтительно взяли меня подъ руки, занавѣсъ поднялся, и я увидѣлъ предъ собою хивинскаго хана или, говоря торжественнѣе, Зейдъ-Мехемедъ-Ханъ-Падишахи-Харезма. Онъ возсѣдалъ на возвышеніи, имѣвшемъ видъ террасы, облокотясь лѣвою рукой на круглую бархатную подушку и держа въ правой небольшой золотой скипетръ. По наставленію, данному мнѣ тоже баемъ, я поднялъ къ верху руки, что сдѣлали ханъ и всѣ присутствовавшіе; потомъ я произнесъ коротенькую сура изъ корана, двѣ аллахумуселла и наконецъ, послѣ обычной молитвы, начинающейся словами: «аллахуму раббена», громко сказалъ «аминь» и провелъ рукою по бородѣ. Пока ханъ еще держалъ руку на бородѣ, каждый изъ присутствовавшихъ воскликнулъ: «кабулъ болгай!» (да будетъ услышана твоя молитва). Когда я подошелъ къ хану, онъ протянулъ мнѣ руки и, по совершеніи муссафеха*), я отошелъ на нѣсколь-

[1]) Муссафеха—поклонъ, предписываемый кораномъ; дѣлая его, кланяющіеся протягиваютъ другъ къ другу руки.

ко шаговъ, чѣмъ и окончился церемоніалъ. Ханъ началъ меня разспрашивать, для чего я предпринялъ свое путешествіе, какое впечатлѣніе произвели на меня пустыня и ея обитатели, туркмены. Я отвѣчалъ, что испыталъ много страданій, но теперь вознагражденъ тѣмъ, что вижу благословенную красоту его величества и благодарю Аллаха, что онъ сподобилъ меня испытать такое высокое счастіе; я въ этомъ усматриваю, прибавилъ я, милость кисмета (судьбы) и доброе предзнаменованіе для дальнѣйшаго моего путешествія. Хотя, вмѣсто стамбульскаго нарѣчія, котораго здѣсь не понимаютъ, я старался употреблять узбекское, все-таки хану приходилось обращаться иногда къ помощи переводчика. Ханъ спросилъ меня, долго ли я намѣренъ здѣсь остаться и имѣю ли все нужное для путешествія, на что я отвѣчалъ, что предполагаю посѣтить всѣхъ святыхъ, покоющихся въ здѣшней благословенной странѣ, и потомъ отправиться дальше; что же касается средствъ, то мы, дервиши, пренебрегаемъ такими житейскими мелочами. Нефесъ (благословеніе), полученный мною на дорогу отъ моего пира (главы ордена), дастъ мнѣ силы въ продолженіе четырехъ, даже пяти сутокъ пробыть безъ всякой пищи, и я желаю только одного, чтобы Богъ продлилъ жизнь его величества еще на сто двадцать лѣтъ.

Мои слова, кажется, понравились хану; онъ соблаговолилъ приказать, чтобы мнѣ дали двадцать дукатовъ и хорошаго осла. Отъ первой милости я отказался, замѣтивъ, что у насъ, дервишей, считается грѣхомъ имѣть деньги, вторую же принялъ и, отъ всего сердца благодаря за нее, позволилъ себѣ обратить высочайшее вниманіе на святую заповѣдь, повелѣвающую совершать благочестивое путешествіе на бѣломъ ослѣ. Я собирался удалиться, но ханъ сталъ просить меня, чтобъ я по крайней мѣрѣ во время короткаго пребыванія своего въ Хивѣ былъ его гостемъ и,

ежедневно, на содержаніе свое бралъ по двѣ тенги (почти по полутора франка) отъ его хазнадара. Поблагодаривъ его, я произнесъ прощальное благословеніе и удалился. Когда я пробирался домой черезъ шумную толпу, со всѣхъ сторонъ на дворѣ и на базарѣ меня почтительно привѣтствовали словами: «селамъ алейкумъ». Только въ четырехъ стѣнахъ своей кельи вздохнулъ я свободно и порадовался, что свирѣпый ханъ въ каждой чертѣ котораго видѣнъ слабоумный, развратный и дикій тиранъ, такъ хорошо обошелся со мною; теперь я безпрепятственно могу разъѣзжать по его владѣньямъ. Весь вечеръ представлялся мнѣ образъ хана съ его глубоко впавшими глазами, рѣдкою бородой, бѣлыми губами и дрожащимъ голосомъ. «Счастливо человѣчество», думалъ я, «что хоть грубое суевѣріе полагаетъ границы своеволію и кровожадности такихъ тирановъ».

Желая предпринять дальнія поѣздки во внутреннія области Хивинскаго ханства, я намѣревался какъ можно меньше пробыть здѣсь; все замѣчательное въ Хивѣ я могъ бы осмотрѣть весьма скоро, еслибы не отнимали у меня пропасть времени безпрестанныя приглашенія отъ хана, его сановниковъ и знатныхъ купцовъ. Услыхавъ о благоволеніи ко мнѣ хана, всѣ звали въ меня гости вмѣстѣ съ остальными хаджи; для меня было истиннымъ мученьемъ принимать каждый день отъ шести до восьми подобныхъ приглашеній и, по обычаю, что-нибудь ѣсть въ каждомъ домѣ. Волосы становятся дыбомъ, когда вспомню, какъ часто приходилось въ три или четыре часа утра, еще до восхода солнца, сидѣть предъ колоссальнымъ блюдомъ риса, плавающаго въ бараньемъ салѣ, и во что бы то ни стало, натощакъ, глотать эту пищу. Какъ хорошъ казался мнѣ тогда прѣсный хлѣбъ пустыни, и какъ охотно промѣнялъ бы я эту убійственную роскошь на прежнюю ни-

щету. Въ Средней Азіи существуетъ обычай даже при простомъ визитѣ разстилать предъ посѣтителемъ дестурханъ, т. е. пеструю, большею частію грязную салфетку, на которой кладется хлѣбъ для двухъ лицъ; и гость непремѣнно долженъ съѣсть хоть одинъ кусочекъ предложенной пищи. «Не могу больше ѣсть»—такое выраженіе среднеазіятецъ считаетъ неприличнымъ или даже просто немыслимымъ. Товарищи мои всегда давали блистательныя доказательства своего знанія хорошаго тона, и я удивляюсь, какъ они не лопнули отъ тяжелаго пилава; я однажды сосчиталъ, что каждый изъ нихъ съѣдаетъ по фунту бараньяго сала и по два фунта риса, не считая хлѣба, моркови, рѣпы и рѣдьки, и въ добавокъ еще, безъ преувеличенія, отъ 15 до 20 большихъ суповыхъ чашекъ зеленаго чая. Въ подобныхъ подвигахъ, конечно, я долженъ былъ отстать отъ нихъ, и всѣ удивлялись, что я, несмотря на свою книжную ученость, такъ плохо воспитанъ.

Не менѣе мучили меня улемы города Хивы. Предпочитая Турцію и Константинополь всему на свѣтѣ, они желали, чтобъ я, какъ представитель турецко-исламитской учености, рѣшилъ многіе мезеле (религіозные вопросы). Какъ досаждали мнѣ эти тупоумные узбеки съ своими колоссальными тюрбанами, когда заводили разговоръ о томъ, какъ слѣдуетъ мыть руки, ноги, лицо, затылокъ, какъ, согласно со святою религіей, нужно сидѣть, ходить, лежать, спать и т. д. Султанъ (какъ признанный преемникъ Магомета) и его приближенные служили въ Хивѣ образцами при исполненіи этихъ важныхъ религіозныхъ постановленій. Его величество турецкаго императора представляютъ себѣ здѣсь такимъ мусульманиномъ, тюрбанъ котораго долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 50 локтей въ длину, борода падать на грудь, а одежда касаться пятъ; тотъ рисковалъ бы жизнію, кто сталъ бы разсказывать, что во-

лосы на головѣ и борода у него подстрижены à la Fiesco, и что платье свое онъ заказываетъ у Дюзетуа въ Парижѣ. Дѣйствительно, мнѣ было жаль, что этимъ любезнымъ и добродушнымъ людямъ я не могъ дать удовлетворительныхъ объясненій; но какъ было мнѣ отважиться на эти объясненья при столь рѣзкой противоположности нашихъ взглядовъ. Когда мы придемъ въ Бухару, тогда хорошенько займемся этимъ интереснымъ предметомъ; здѣсь же мы касаемся его только потому, что на немъ прежде всего видна разница между восточной исламитской и западной исламитской цивилизаціями.

Тёшебасъ (монастырь) съ его огромнымъ водоемомъ и мечетью можно было принять за мѣсто народныхъ сборищъ,—такъ много на дворѣ его толпилось посѣтителей и посѣтительницъ. Узбеки носятъ коническія мѣховыя шапки, большіе неуклюжіе юфтяные сапоги, и при этомъ въ лѣтнее время одну только длинную рубашку. Впослѣдствіи и я завелъ себѣ такое же одѣяніе: пока рубашка чиста, въ ней не считается неприличнымъ являться даже на базаръ. Женщины же, съ длинными, конусообразными тюрбанами на головѣ, сдѣланными изъ 15—20 русскихъ носовыхъ платковъ, должны, несмотря на томительный зной, таскать къ себѣ домой воду въ тяжелыхъ кувшинахъ, закутанныя въ толстую свою одежду и съ неуклюжими сапогами на ногахъ. Иногда нѣкоторыя изъ нихъ останавливались у моихъ дверей и просили немного хаки-шифа (праха здравія) *), или нефеса (святаго дыханія), жалуясь на недуги дѣйствительные или воображаемые. Я не могъ отказывать въ просьбахъ этихъ бѣдныхъ созданій, изъ которыхъ нѣкоторыя живо напомнили мнѣ германскихъ жен-

*) Его приносятъ съ собой пилигримы изъ Медины, изъ того дома, гдѣ, какъ утверждаютъ, жилъ пророкъ. Правовѣрные потребляютъ его какъ лекарство отъ многихъ болѣзней.

щинъ. Онѣ садились по-турецки передъ моею дверью; я прикасался къ больной части тѣла, шевелилъ губами, какъ бы читая молитву, и потомъ трижды дулъ на нихъ; послѣ этого онѣ глубоко вздыхали, и нѣкоторыя изъ несчастныхъ тотчасъ же чувствовали облегченіе. Что у насъ въ Европѣ кофейные дома, то въ Хивѣ дворы мечетей: посреди почти каждаго изъ этихъ дворовъ можно найти огромный водоемъ, отѣненный прекраснѣйшими чинарами и вязами. Хотя іюнь былъ еще въ началѣ, но жара стояла невыносимая; несмотря на это, я долженъ былъ оставаться въ своей кельѣ, не имѣвшей оконъ: какъ только я выходилъ изъ нея подъ манящую тѣнь, меня тотчасъ же окружала толпа и забрасывала глупѣйшими вопросами. Одинъ требовалъ религіознаго наставленія; другой спрашивалъ, есть ли еще на свѣтѣ такія прелестныя мѣстности, какъ Хива; третій хотѣлъ знать, правда ли, что султанъ получаетъ ежедневно обѣдъ и ужинъ изъ Мекки и дѣйствительно ли они доставляются ему изъ каабы въ константинопольскій дворецъ въ одну минуту. Еслибы добродушные узбеки знали, сколько шато-лафита и морго выпивалось за высочайшимъ столомъ Абдулъ-Меджида!

Изъ всѣхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною здѣсь подъ тѣнію чинаръ, интереснѣе всѣхъ было знакомство съ хаджи Измаиломъ, котораго представили мнѣ какъ константинопольца; его языкъ, манеры и одежда, несмотря на узбекское происхожденіе, дѣлали его до того похожимъ на обитателя Стамбула, что я долженъ былъ нѣжно обнять его, какъ соотечественника. Хаджи Измаилъ прожилъ 25 лѣтъ въ столицѣ Турціи, былъ знакомъ со многими знатными семействами и утверждалъ, что встрѣчалъ меня въ такихъ-то домахъ; онъ говорилъ даже, что помнитъ моего отца, бывшаго муллой въ Топхане *). Я не сталъ уличать

*) Одинъ изъ кварталовъ Константинополя.

его во лжи, а напротивъ увѣрялъ, что онъ въ Стамбулѣ оставилъ хорошую о себѣ память, и что тамъ съ нетерпѣніемъ ждутъ его возвращенья. Хаджи Измаилъ разсказывалъ мнѣ, что на берегахъ Босфора онъ исполнялъ обязанности воспитателя, содержателя бань, шорника, каллиграфа, химика, а слѣдовательно и волшебника. Въ родномъ городѣ были о немъ высокаго мнѣнія, особенно же славился онъ какъ колдунъ. Въ его домѣ было много небольшихъ снарядовъ для дистилляціи, и такъ какъ онъ умѣлъ добывать масло изъ листьевъ, плодовъ и другихъ предметовъ, то не мудрено, что его соотечественники приходили къ нему за разнаго рода элексирами. Мадшунъ (декоктъ), принимаемый противъ безсилія, здѣсь въ такомъ же употребленіи, какъ въ Турціи и Персіи. Ханъ долгое время пользовался искусствомъ хаджи Измаила, но его величество не выполнилъ предписанной діэты, потому что не могъ выдерживать стрѣлъ купидона. Слѣдствіемъ этого было общее разслабленіе и ломъ въ костяхъ. Ханъ разгнѣвался на своего придворнаго врача, уволилъ его отъ службы и на его мѣсто взялъ лекарку, славившуюся своимъ искусствомъ.

Эта госпожа возымѣла счастливую мысль предписать больному хану пятьсотъ дозъ того лекарства, которое такъ благотворно подѣйствовало на царя-поэта въ древности. Приготовленіе лекарства по такому рецепту было бы затруднительно въ Европѣ; но при хивинскихъ учрежденіяхъ это было легко, и бѣдный паціентъ, проглотивъ пятьдесятъ или шестьдесятъ такихъ пилюль, замѣтилъ, что онѣ имѣютъ совершенно противоположное дѣйствіе. За неудачный совѣтъ бѣдная женщина поплатилась головой. Это случилось не задолго до нашего прибытія, и послѣднимъ докторскимъ предписаніемъ было молоко буйволицы, о чемъ мы уже говорили выше. Во время пребыванія въ Хивѣ,

ханъ хотѣлъ въ другой разъ взять къ себѣ Измаила и дать ему должность врача, колдуна и аптекаря; но тотъ отказался; дерзость эта могла бы стоить ему головы, еслибы суевѣрный государь осмѣлился посягнуть на человѣка, творящаго чудеса.

Въ Хивѣ я и мои товарищи-хаджи съ величайшимъ успѣхомъ занимались раздачей благословеній и святаго дыханія. Мнѣ этотъ божественный товаръ доставилъ пятнадцать дукатовъ. Хивинскіе узбеки грубы по виду, но въ сущности они самый лучшій народъ во всей Средней Азіи; свое пребываніе здѣсь я могъ бы назвать самымъ пріятнымъ временемъ въ своемъ путешествіи, еслибы соперничество между мехтеромъ и Шюкруллахомъ не подвергало меня нѣкоторой опасности. Мехтеръ, изъ непріязни къ моему покровителю, всячески старался вредить мнѣ, а такъ какъ не было возможности заподозрить, что я не турокъ, онъ сталъ наговаривать хану, что я только разыгрываю роль дервиша, а вѣроятно посланъ отъ султана съ какимъ-нибудь тайнымъ порученіемъ въ Бухару.

Я былъ извѣщенъ объ интригахъ, веденныхъ противъ меня, и потому ни мало не удивился, когда послѣ аудіенціи снова былъ приглашенъ къ хану. Мнѣ было очень непріятно, что этимъ приглашеніемъ нарушили мой покой, въ особенности же потому, что мнѣ приходилось идти черезъ площадь, гдѣ назначена была казнь плѣнныхъ чаудоровъ. Ханъ, въ присутствіи всѣхъ придворныхъ, сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, занимавшемся также и свѣтскими науками и обладавшимъ цвѣтистымъ инша (стилемъ); поэтому ему хотѣлось бы, чтобъ я написалъ для образца нѣсколько строкъ въ томъ родѣ, какъ пишутъ въ Стамбулѣ. Я зналъ, что все это устроено было мехтеромъ, который пользовался славою каллиграфа и выспрашивалъ обо мнѣ у хаджи. Я сѣлъ и на-

писалъ слѣдующія строки: «Величественный, могущественный, грозный царь и владыка! Твой нижайшій рабъ, осыпанный твоими ханскими милостями, имѣя въ виду арабскую пословицу: «всѣ каллиграфы—дураки», до сихъ поръ мало занимался каллиграфическимъ искусствомъ, и только помня персидскую пословицу: «недостатокъ, который нравится царю, есть уже добродѣтель», осмѣлился всеподданнѣйше начертать тебѣ сіи строки».

Данные мною высокіе титулы, впрочемъ употребляемые въ Константинополѣ, очень польстили хану, а мехтеръ былъ слишкомъ глупъ, чтобы понять мой намекъ. Меня просили сѣсть, подали чаю съ хлѣбомъ, и ханъ вступилъ со мною въ разговоръ, который касался на этотъ разъ исключительно политики. Ему стоило большаго труда добиться отъ меня нѣсколькихъ словъ, такъ какъ я не хотѣлъ измѣнить своему званію дервиша. Мехтеръ, желая удостовѣриться въ своихъ догадкахъ, строго слѣдилъ за моими выраженіями; но всѣ его старанія оказались тщетными, и ханъ отпустилъ меня очень милостиво, при чемъ поручилъ мнѣ взять у казначея назначенныя для моего дневнаго содержанія деньги. Я сказалъ, что не знаю мѣста его жительства, и мнѣ дали въ проводники ясаула, которому кромѣ того поручено было исполнить другія приказанія. Страшно вспоминать о тѣхъ сценахъ, которыхъ я былъ зрителемъ, идя съ нимъ. На наружномъ дворѣ я увидалъ 300 военноплѣнныхъ чаудоровъ; покрытые лохмотьями, измученные страхомъ смерти и голодомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, несчастные походили на мертвецовъ, вставшихъ изъ гробовъ. Они были уже раздѣлены на двѣ группы: одни, не достигшіе еще сорокалѣтняго возраста, назначались въ продажу или въ подарокъ, другіе же, считавшіеся, вслѣдствіе положенія или старости, аксакалами (сѣдобородыми предводителями), должны

были подвергнуться наказанію по опредѣленію хана. Первыхъ сковали по 10 и 15 человѣкъ вмѣстѣ и увели; послѣдніе, покорные своей участи, ожидали приговора; палачи пришли и потащили ихъ точно такъ же, какъ таскаютъ перевязанныхъ ягнятъ. Въ то время, какъ многихъ повели на висѣлицу или въ темницу, 8 старцевъ легли навзничъ по одному знаку палача. Связавъ ихъ по рукамъ и по ногамъ, палачъ выкололъ имъ глаза; всякій разъ, послѣ такой операціи, онъ становился на грудь ослѣпленнаго и обтиралъ объ его сѣдую бороду свой окровавленный ножъ. Ужасно было видѣть, какъ эти жертвы послѣ мучительнаго наказанія, освободившись отъ веревокъ, старались приподняться, ощупывая руками окружающіе ихъ предметы. Одни ударялись головами другъ объ друга, другіе падали безъ чувствъ на землю и испускали глухой стонъ. Одно воспоминаніе объ этомъ всякій разъ, до конца моей жизни, будетъ приводить меня въ содроганіе.

Нужно замѣтить, что такая жестокость, можетъ-быть, вызвана была отчасти мщеніемъ за варварскій поступокъ самихъ чаудоровъ. Прошлою зимой, одинъ богатый узбекскій караванъ изъ 2.000 верблюдовъ шелъ изъ Оренбурга въ Хиву. Чаудоры напали на него и разграбили его совершенно. Алчные туркмены не удовольствовались тѣмъ, что завладѣли всѣми русскими товарами,—они отняли у путешественниковъ (которые были большею частію хивинскіе узбеки) платье и съѣстные припасы, такъ что многіе изъ нихъ умерли съ голода, другіе же замерзли; изъ 60 человѣкъ осталось въ живыхъ только восемь.

Впрочемъ, и помимо случаевъ мщенія, жестокое наказаніе военноплѣнныхъ составляетъ здѣсь вообще очень обыкновенное явленіе. Въ Хивѣ, какъ и во всей Средней Азіи, окончательно не знаютъ, что такое жестокость; безчело-

Награда за непріятельскія головы въ Хивѣ.

вѣчное обращеніе считается здѣсь совершенно естественнымъ, такъ какъ оно согласно съ обычаями, закономъ и религіей. Настоящій ханъ, желая пріобрѣсти славу защитника вѣры, наказывалъ самымъ жестокимъ образомъ за малѣйшій проступокъ противъ религіи. Было достаточно взглянуть на женщину, закрытую покрываломъ, чтобы быть казненнымъ по предписанію религіи. Мущину религія повелѣваетъ вѣшать, женщину же зарывать до половины въ землю около висѣлицы и побивать каменьями. Но такъ какъ въ Хивѣ нѣтъ камней, то для этого употребляютъ кезеки (твердые куски земли); при третьемъ ударѣ несчастная жертва покрывается уже совершенно пылью и ея окровавленное тѣло страшно обезображивается. Одна только смерть избавляетъ ее отъ мученій. Ханъ казнилъ не только за нарушеніе супружеской вѣрности, но и за другіе проступки противъ законовъ религіи, такъ что сами улемы нашли нужнымъ сдерживать его ревность къ вѣрѣ. Но, несмотря на это, не проходитъ дня, чтобы на аудіенціи ханъ не обратился къ кому-нибудь съ грозными словами: «алибъ баринъ!» (возьмите его).

Я совсѣмъ позабылъ упомянуть о томъ, что ясаулъ привелъ меня къ казначею за полученіемъ моего дневнаго содержанія. Меня тотчасъ же удовлетворили, но дѣло не въ томъ: я засталъ казначея за такимъ страннымъ занятіемъ, о которомъ считаю нужнымъ разсказать. Онъ сортировалъ халаты (почетныя платья), которыя посылались въ лагерь въ награду героямъ. Это были шелковые яркіе кафтаны съ большими цвѣтами, вытканными золотомъ, четырехъ сортовъ: ихъ называли здѣсь четырехъ, двѣнадцати, двадцати и сороко головыми кафтанами. Такъ какъ на нихъ не было ни нарисованныхъ, ни вытканныхъ головъ, то я и спросилъ о причинѣ такого страннаго названія; мнѣ отвѣчали, что простые кафтаны назначаются въ награду за 4

отрубленныя непріятельскія головы, самые же красивые за сорокъ. «Впрочемъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ присутствовавшихъ, «если у васъ въ Румѣ нѣтъ такого обычая, то приходи завтра на главную площадь посмотрѣть на раздачу». Дѣйствительно, на другой день прибыли изъ лагеря 100 всадниковъ, всѣ въ пыли. Каждый изъ нихъ велъ плѣнныхъ, между которыми были дѣти и женщины, привязанные или къ хвосту лошади, или къ лукѣ. Къ каждому сѣдлу было привязано по мѣшку съ отрубленными непріятельскими головами, которыя служили доказательствомъ геройскихъ дѣлъ всадника. Прибывъ на площадь, всадникъ дарилъ плѣнныхъ хану или какому-нибудь вельможѣ, затѣмъ развязывалъ мѣшокъ, бралъ его за два угла и къ ногамъ пріемщика высыпалъ, какъ картофель, головы съ бородами и безъ бородъ. Слуги сталкивали ихъ ногами въ одно мѣсто, гдѣ скоро образовалась большая куча изъ нѣсколькихъ сотенъ головъ. Каждый герой получалъ квитанцію въ доставленныхъ головахъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого слѣдовала уплата.

Несмотря на суровость хивинскихъ нравовъ и на кровавыя сцены, которыя пришлось мнѣ видѣть, я провелъ въ Хивѣ и ея провинціяхъ самые лучшіе дни моего путешествія. Вообще къ хаджи были ласковы, а ко мнѣ благоволили въ особенности; какъ только я являлся, проходящіе, не дожидаясь моей просьбы, бросали мнѣ деньги, платья и разныя другія вещи. Я остерегался принимать большія суммы и отдавалъ самыя лучшія и красивыя платья своимъ товарищамъ, которые были не такъ счастливы, какъ я, а себѣ оставлялъ самыя бѣдныя и скромныя, какъ и подобаетъ дервишу. Несмотря на это, въ моемъ положеніи произошла большая перемѣна; откровенно говоря, я былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ продолжать путешествіе, имѣя сильнаго осла, деньги, платье и съѣстные припасы.

Я могъ бы прибавить къ этой книгѣ еще двѣ новыя главы о приключеніяхъ во время моей поѣздки во внутренность страны до Кунграта, но я боюсь надоѣсть читателямъ новыми подробностями при изображеніи нравовъ и обычаевъ, о которыхъ я уже говорилъ. Въ сопровожденіи тестя Шюкруллахъ-бая я доѣхалъ по рѣкѣ Оксусу *) до Кунграта въ $4^1/_2$ сутокъ; для того чтобы возвратиться назадъ по сухому пути, нужно было употребить вдвое болѣе времени. Оба берега, кромѣ небольшой мѣстности, гдѣ возвышается Канли противъ горъ Овейсъ-Карайнъ, плоски, обитаемы и хорошо обработаны. Между Канли и Кунгратомъ лежитъ пустыня, для объѣзда которой необходимо употребить три дня; противуположный же берегъ, въ особенности та страна, гдѣ живутъ каракалпаки, покрыта дѣвственными лѣсами. По пріѣздѣ моемъ въ Хиву, нетерпѣливо ожидавшіе меня друзья убѣдили меня, по случаю увеличивающагося жара, ѣхать поскорѣе въ Бухару. Я пошелъ проститься съ Шюкруллахъ-баемъ, которому очень многимъ обязанъ. Меня сильно тронуло то, что благородный старецъ старался отговорить меня отъ моей поѣздки въ Бухару-шерифъ (благородную Бухару), изображая ее мнѣ въ самыхъ черныхъ краскахъ. Онъ объявилъ мнѣ, что политика эмира основана на недовѣріи и измѣнѣ, что онъ поступаетъ враждебно не только съ англичанами, но и со всякимъ иностранцемъ. Подъ великою тайной передалъ онъ мнѣ, что одинъ османли, посланный въ Бухару нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ Решидъ-пашою въ качествѣ военнаго учителя, былъ коварно убитъ эмиромъ, какъ только онъ вздумалъ послѣ двухлѣтняго пребыванія возвратиться въ Стамбулъ.

Меня поразило, что Шюкруллахъ-бай такъ ревностно

*) Чтобы доѣхать вверхъ по рѣкѣ отъ Кунграта до Хивы нужно 18 дней.

отговаривалъ меня; сначала онъ вполнѣ вѣрилъ моему званію дервиша; теперь же если еще не узналъ, кто я, то, по крайней мѣрѣ, при нашихъ частыхъ сношеніяхъ, догадался, что я не тотъ, за кого выдаю себя. Этотъ благородный старецъ въ юношескіе годы ѣздилъ по порученіямъ въ Гератъ къ маіору Тодду (въ 1839 г.) и нѣсколько разъ въ Петербургъ и въ Константинополь; онъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ часто и охотно бывалъ въ обществѣ съ френгами. Тамъ вѣроятно онъ узналъ о нашемъ образѣ мыслей и о нашей любви къ наукѣ, почему и принялъ меня съ особеннымъ дружелюбіемъ подъ свое покровительство. Когда онъ мнѣ подалъ поцѣловать свою руку, въ его глазахъ блистали слезы; кто знаетъ, что онъ чувствовалъ въ это время!

Ханъ простился со мною также очень ласково и просилъ на возвратномъ пути ѣхать черезъ Хиву, такъ какъ онъ думалъ отправить со мною посла въ Константинополь для полученія отъ новаго султана обычной инвеституры на ханство. Я сказалъ ему на это, что грѣхъ думать о будущемъ, и что нужно ждать, что предопредѣлитъ судьба. Простившись съ друзьями и знакомыми, я уѣхалъ изъ Хивы, гдѣ провелъ почти цѣлый мѣсяцъ.

IX.

Отъѣздъ изъ Хивы въ Бухару.—Три дороги.—Годше.—Ханка.—Оксусъ и его отмели.—Страшная жара.—Шураханъ.—Базаръ.—Янкенари.—Аккамишъ.—Тойсбоюнъ.—Разговоръ съ киргизскою женщиной о жизни кочевниковъ.—Тюнюклю.—Разбойничьи набѣги текке.—Угрожаемый опасностію караванъ возвращается въ Тюнюклю.—Онъ вынужденъ остановиться въ пустынѣ.—Жажда.—Смерть верблюдовъ.—Шоркутукъ.—Медеминъ-Булагъ.—Смерть одного хаджи.—Буря.—Авторъ въ опасности.—Гостепріимный пріемъ у персидскихъ невольниковъ.—Первое впечатлѣніе, произведенное «благородною Бухарой».

Когда мы собрались всѣ къ отъѣзду на тѣнистомъ дворѣ Тёшебасъ, я въ первый разъ увидѣлъ, какъ было благотворно для нашего нищенскаго каравана благочестіе хивинцевъ. Не было и слѣда лохмотьевъ: вмѣсто разорванныхъ мѣховыхъ шапокъ, взятыхъ у іомутовъ, появились бѣлоснѣжныя чалмы и всѣ мѣшки были туго набиты; пріятно было видѣть, что даже у самаго бѣднаго изъ насъ былъ оселъ. Со мною произошла также большая перемѣна; въ моемъ распоряженіи былъ цѣлый оселъ и полъ-верблюда. Одинъ везъ меня, другой—мой дорожный мѣшокъ съ платьями, кое-какими манускриптами и съѣстными припасами. Теперь у меня была не одна только черная мука, какъ въ пустынѣ, но и погатша (маленькія лепешки, испеченныя на бараньемъ салѣ), рисъ, масло и даже сахаръ. Только своей одежды я не хотѣлъ измѣнять; хотя я и получилъ рубашку, но не надѣвалъ ее, боясь привыкнуть къ этой роскоши.

Намъ предстоялъ выборъ между тремя дорогами изъ Хивы въ Бухару: а) на Гесарескъ и Фитнекъ, и черезъ Оксусъ мы переѣхали бы при Кюкюртлю; б) на Ханку и Шураханъ правымъ берегомъ рѣки, причемъ нужно было бы идти два дня пустыней до Каракёля; в) водою, вверхъ по теченію рѣки, до Эльтшига, а оттуда сухимъ путемъ.

Мы рѣшились ѣхать сухимъ путемъ и предоставили выбрать одну изъ двухъ дорогъ нашему караванбаши, по имени Аймеду, бухарскому тадшику; мы, хаджи, и хивинскій торговецъ платьями, сопровождавшій насъ, наняли у него верблюдовъ. Онъ посовѣтовалъ намъ ѣхать черезъ Ханку, сказавши, что въ это время года это самый безопасный и удобный путь.

27-го іюня, вечеромъ, послѣ безконечныхъ благословеній и объятій, мы выѣхали изъ Хивы въ ворота Юргендшеръ. Многіе съ полчаса бѣжали за нами; благоговѣніе къ намъ вызвало у нихъ слезы изъ глазъ; они восклицали съ отчаяніемъ: «Богъ знаетъ, когда для Хивы настанетъ такое счастіе, когда въ ея стѣнахъ соберется опять столько благочестивыхъ людей». Эти изъявленія расположенія къ намъ не такъ безпокоили моихъ товарищей, какъ меня, потому что они сидѣли высоко на верблюдахъ, а я на ослѣ. Я былъ очень доволенъ, когда мой оселъ потерялъ терпѣніе и понесъ меня въ галопъ. Отъѣхавши довольно далеко, я старался удержать своего длинноухаго иппогрифа, но могъ добиться только того, что онъ перемѣнилъ галопъ на скорую рысь. Когда же я вздумалъ заставить его идти шагомъ, то оселъ мой разозлился, и мнѣ въ первый разъ пришлось услышать его дребезжащій голосъ, о звонкости, гибкости и полнотѣ котораго мнѣ пріятнѣе было бы судить издали.

Мы остановились ночевать въ Годше, въ двухъ миляхъ отъ Хивы; несмотря на его незначительность, мы нашли

тамъ такую же калентерхану (помѣщеніе для дервишей), какія встрѣчаются въ маленькихъ хивинскихъ и кокандскихъ селеніяхъ (коммунахъ). Отъ Годше до Ханки мы ѣхали сплошь населенною мѣстностію; по всей дорогѣ росли тутовыя ягоды, которыми я и утолялъ жажду, такъ какъ мой оселъ все бѣжалъ впереди каравана. Въ Ханку, гдѣ былъ недѣльный базаръ, я пріѣхалъ прежде каравана и остановился въ калентерханѣ, находившейся на концѣ городка, на берегу рѣчки, подъ тѣнью тополей и вязовъ. Здѣсь я встрѣтилъ двухъ полунагихъ дервишей; они собирались проглотить свой полуденный пріемъ опіума. Дервиши предложили и мнѣ порядочную порцію его и очень удивились, когда я отказался. Вмѣсто этого они приготовили мнѣ чаю, а сами выпили своего яда. Черезъ полчаса оба перешли уже въ царство блаженныхъ; судя по выраженію лица одного изъ нихъ, можно было сказать, что онъ видѣлъ пріятные сны; лицо же другаго было покрыто судорогами смертнаго страха.

Мнѣ хотѣлось дождаться ихъ пробужденія, чтобъ узнать, о чемъ они грезили; но я не могъ удовлетворить своего желанія, такъ какъ нашъ караванъ уходилъ тотчасъ же изъ города. Намъ необходимо было какъ можно скорѣе доѣхать до Оксуса и въ этотъ же день переправиться чрезъ него, если только позволитъ время. Къ несчастію, эта дорога была очень плоха,—болота и тина постоянно задерживали насъ; мы пріѣхали къ берегу только вечеромъ и рѣшились ночевать на открытомъ воздухѣ.

Оксусъ въ это время, вѣроятно вслѣдствіе обильныхъ весеннихъ дождей, разлился необыкновенно широко и съ своими желтыми волнами и быстрымъ теченіемъ представлялъ живописный видъ. На этой сторонѣ берега были разбросаны, на сколько могъ окинуть глазъ, деревья и хавли (дворы); на томъ берегу, по направленію во внутрь

страны, виднѣлись слѣды земледѣлія, а на сѣверѣ, подобно нависшему облаку, возвышались горы Овейсъ-Карайнъ. Вода въ Оксусѣ, по причинѣ содержащагося въ ней большаго количества песка, не такъ хороша для питья, какъ въ каналахъ, гдѣ, вслѣдствіе медленнаго теченія, песокъ нѣсколько осаживается. Онъ хруститъ даже на зубахъ, но за то вода, постоявши нѣсколько, дѣлается чрезвычайно пріятною. Жители Туркестана утверждаютъ, что ни одна рѣка на свѣтѣ, даже Нилъ мубарекъ (благословенный), не можетъ по вкусу воды равняться съ Оксусомъ. Прежде я думалъ, что вода понравилась намъ вслѣдствіе того, что мы пріѣхали на берегъ рѣки прямо изъ безводной пустыни; но теперь я долженъ сознаться, что дѣйствительно ни въ Азіи, ни въ Европѣ не встрѣчалъ ни одной рѣки и ни одного источника, гдѣ бы была такая вкусная вода, какъ въ Оксусѣ.

На другой день, рано утромъ, начались приготовленія къ переправѣ. Здѣсь, какъ и въ Герленѣ, Гесареспѣ и другихъ мѣстахъ, перевозы составляютъ собственность государства; оно отдаетъ ихъ на откупъ частнымъ людямъ, и они имѣютъ право перевозить на ту сторону только тѣхъ изъ иностранныхъ путешественниковъ, у которыхъ есть петекъ (свидѣтельство, буквально—писаніе) отъ хана. Свидѣтельство это можно получить за небольшую плату. У хаджи былъ общій паспортъ, я же досталъ себѣ отдѣльный слѣдующаго содержанія: «Симъ объявляется пограничнымъ стражамъ и таможенникамъ, что хаджи-муллѣ Абдулъ-Решиду-эфенди дано позволеніе. Никто не смѣетъ его останавливать».

Со стороны полиціи мы дѣйствительно не встрѣчали никакихъ препятствій; дѣло остановилось только за тѣмъ, что мы, въ качествѣ хаджи, не хотѣли платить за переправу на суднѣ, принадлежащемъ хану; перевозчикъ сначала не соглашался, но потомъ рѣшился перевезти насъ,

Переправа черезъ Оксусъ.

нашу поклажу и нашихъ ословъ на ту сторону берега. Мы начали переправляться въ 10 часовъ утра и только къ вечеру добрались до высокаго праваго берега Шураханскаго канала. На переѣздъ черезъ самую рѣку требовалось не болѣе получаса, но теченіе унесло насъ внизъ, и мы принуждены были провести цѣлый день подъ страшнымъ зноемъ, прежде чѣмъ достигли желаемаго мѣста. Въ серединѣ рѣки дѣло шло довольно хорошо, но въ ея притокахъ каждые десять шаговъ мы садились на мель, почему и принуждены были вмѣстѣ съ нашими ослами постоянно вылѣзать изъ лодки и влѣзать снова въ нее. Съ ослами приходилось всякій разъ страшно мучиться, особенно съ нѣкоторыми упрямцами, которыхъ надо было вынимать и сажать на рукахъ, какъ маленькихъ капризныхъ дѣтей. Я не могу даже теперь безъ смѣха вспомнить, какъ долговязый хаджи Якубъ сажалъ своего ослика къ себѣ на спину и держалъ его за переднія свѣсившіяся ноги, между тѣмъ какъ животное, дрожа отъ страха, прятало голову на затылкѣ своего хозяина.

Мы должны были ждать цѣлый день на упомянутомъ берегу Шурахана, пока не перевезли нашихъ верблюдовъ. 29 іюня мы отправились въ путь и пошли черезъ Япкенари (берегъ канала), обитаемую узбеками и повсюду перерѣзанную рвами. Хорошо обстроенная Япкенари представляетъ оазисъ, имѣющій 8 миль длины и отъ 5 до 6 миль ширины. За ней идетъ пустыня, край которой, называемый Аккамишъ, богатъ пастбищами и населенъ киргизами. Отъ Аккамиша караванъ пошелъ своимъ путемъ, а я, караванбаши и два другіе товарища, разсчитывая на проворство своихъ ословъ, поѣхали въ Шураханъ, который лежалъ нѣсколько въ сторонѣ отъ нашей дороги; здѣсь мы думали пополнить нашъ провіантъ.

Шураханъ окруженъ хорошей земляною стѣной; въ немъ

очень мало жилыхъ домовъ, но до 320 сводовъ, которые открываются два раза въ недѣлю для окрестныхъ кочевниковъ и осѣдлыхъ жителей. Шураханъ принадлежитъ эмиру юль-Умера, или старшему брату хана, у котораго здѣсь великолѣпный садъ. Я поручилъ своимъ товарищамъ сдѣлать всѣ закупки, а самъ отправился въ калентерхану, находящуюся передъ городскими воротами. Тутъ я увидалъ нѣсколькихъ дервишей, валявшихся на сырой землѣ въ мрачныхъ палаткахъ; вслѣдствіе гибельнаго употребленія опіума, бенга, приготовляемаго изъ льна и дшера, обезображенные дервиши походили на скелеты. Они привѣтствовали меня и велѣли подать плодовъ и хлѣба. Когда я хотѣлъ дать имъ денегъ, они засмѣялись и сказали, что многіе изъ нихъ уже въ продолженіе 20 лѣтъ не брали ихъ въ руки. Дервиши содержатся на счетъ окрестнаго населенія; я самъ видѣлъ, какъ, въ теченіе дня, узбекскіе всадники пріѣзжали къ нимъ съ какимъ-нибудь подаяньемъ и получали за свое благочестивое усердіе по чилиму (трубкѣ), изъ котораго они тянули свой любимый ядъ. Въ Хивѣ бенгъ—самый любимый наркотическій напитокъ; многіе предаются ему оттого, что вино и другіе спиртные напитки запрещены кораномъ и за употребленіе ихъ правительство казнитъ смертію. Довольно поздно пошелъ я на базаръ отыскивать своихъ друзей, гдѣ мнѣ было довольно трудно пробираться сквозь шумную толпу. Всѣ были на лошадяхъ, какъ купцы, такъ и покупатели. Смѣшно было видѣть, какъ киргизскія женщины, сидя верхомъ на лошадяхъ, держали свои бараньи мѣха, полные кумыса, надъ открытымъ ртомъ жаждущихъ и искусно вливали его имъ въ горло. Ловкость съ обѣихъ сторонъ была удивительная, такъ что только изрѣдка проливалось нѣсколько капель*).

*) Кумысъ—прокислое верблюжье молоко, приготовленіемъ котораго славятся

Узбекскій базаръ на лошадяхъ.

Я отыскалъ своихъ друзей и отправился съ ними къ каравану, который опередилъ насъ на пять часовъ; день былъ очень жаркій, но, къ нашему счастію, несмотря на песчаную страну, мы постоянно встрѣчали киргизскія палатки; какъ только я подходилъ къ той или другой изъ нихъ, являлись женщины съ кожаными мѣшками, и если я не выпивалъ у каждой изъ нихъ понемногу, то между ними начиналась ссора. Напоить въ лѣтній зной жаждущаго путешественника считается высшею степенью гостепріимства; поэтому киргизы бываютъ очень довольны, когда имъ представляется случай сдѣлать это. Караванъ ожидалъ насъ съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что мы должны были съ сегоднешняго дня идти только по ночамъ, что́ было большимъ облегченіемъ какъ для насъ, такъ и для нашихъ животныхъ. Не могу не упомянуть о прекрасномъ видѣ, который представился нашимъ глазамъ, когда мы вышли въ путь: тянувшійся караванъ при свѣтломъ сіяніи луны, шумящій Оксусъ, налѣво ужасная пустыня Татаріи—все это вмѣстѣ представляло чудную картину. На слѣдующее утро мы остановились на возвышеніи берега упомянутой рѣки; вѣроятно, отъ изгибовъ Оксуса эта страна получила названіе Тойебоюнъ, т. е. верблюжья шея; въ ней живутъ киргизы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ продолженіе 10 часовъ мнѣ пришлось увидѣть три киргизскія семьи; онѣ останавливались не болѣе какъ на 3 часа вблизи отъ насъ и потомъ шли далѣе. Они представили мнѣ картину кочующей жизни, и когда я заговорилъ съ одной изъ женщинъ о неудобствѣ такой жизни, она смѣясь сказала мнѣ: «Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, муллы: мы не станемъ сидѣть по вашему на одномъ

киргизы. Достоинство его состоитъ въ томъ, что употребляющіе его полнѣютъ. Я впрочемъ не могъ выпивать болѣе нѣсколькихъ капель, такъ какъ острая кислота вязала мнѣ ротъ и набивала оскомину на нѣсколько дней.

мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что все движется: солнце, луна, звѣзды, вода, животныя, птицы и рыбы, и только мертвый и земля неподвижны». Я хотѣлъ сдѣлать нѣсколько возраженій моей философкѣ, занятой раскидываніемъ шатровъ, но въ это время вдали раздался крикъ; изъ него я могъ только понять одно слово: «бюри, бюри!» (волкъ, волкъ!). Услыхавъ это, киргизка бросилась съ быстротой молніи къ пасущемуся стаду; благодаря ея крику, волкъ убѣжалъ, удовольствовавшись на этотъ разъ однимъ только жирнымъ хвостомъ овцы. Мнѣ очень хотѣлось подробнѣе разспросить возвратившуюся женщину о выгодахъ передвиженья, но она была очень опечалена постигшею ее потерею, и я вернулся къ своему каравану.

Передъ закатомъ солнца мы отправились въ путь и ѣхали постоянно по близости рѣки, берега которой заросли сплошь ивами, кустарникомъ и высокою травой. Хотя намъ и говорили, что дорога между Хивой и Бухарой людна, однако мы никого не встрѣтили, кромѣ пограничныхъ сторожей и кочевниковъ, и были очень удивлены, когда къ намъ въ полночь подъѣхало пять всадниковъ. Это были хивинскіе купцы, ѣхавшіе изъ Бухары черезъ Каракёлъ; они сообщили намъ радостное извѣстіе, что эта дорога совершенно безопасна и что мы черезъ день встрѣтимся съ ихъ караваномъ.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Хивы насъ встревожили слухи, что текке-туркмены, пользуясь отсутствіемъ эмира и его войска, грабятъ по дорогѣ въ Бухару, теперь же мы были успокоены и надѣялись окончить наше путешествіе въ шесть или восемь дней, разсчитывая пробыть только два дня безъ воды въ пустынѣ между Оксусомъ и Каракёломъ. На слѣдующее утро мы остановились, не доѣзжая Тюнюклю, у развалинъ прежней крѣпости, на холмикѣ, подошва котораго орошается Оксусомъ и покрыта кра-

сивою зеленью. Отсюда въ сѣверо-восточномъ направленіи лежитъ дорога черезъ песчаную пустыню Халата-Тшёлю, называемую иначе Дшанъ-батирдурганъ *) (истребитель жизни); но этою дорогой ѣздятъ только зимою послѣ сильнаго снѣга, когда проѣздъ по каракёльскимъ дорогамъ дѣлается опаснымъ, такъ какъ въ это время года туркмены, вслѣдствіе замерзанія Оксуса, бродятъ повсюду безпрепятственно.

Между тѣмъ жара увеличивалась съ каждымъ днемъ (это было въ первыхъ числахъ іюля), но она не очень безпокоила насъ, такъ какъ мы днемъ отдыхали на берегу потока, вода котораго была очень вкусна. Какъ мы радовались нашему положенію, когда вспоминали о Кариманъ-Ата и о другихъ мѣстахъ Великой пустыни между Хивой и Гёмюштепе! Но вскорѣ намъ было не до воспоминаній,— нужно было подумать о предстоявшей опасности, избавленіемъ отъ которой мы были обязаны положительно судьбѣ; на этотъ разъ и я, по примѣру восточныхъ жителей, повѣрилъ въ нее.

Къ разсвѣту 4-го іюля мы увидали двухъ полунагихъ людей, еще издали что-то кричавшихъ нашему каравану; когда мы подъѣхали къ нимъ, они закричали намъ: «хлѣба! хлѣба!» и тутъ же упали на землю. Я первый подалъ имъ хлѣба съ бараньимъ саломъ; поѣвши немного, они разсказали намъ, что они лодочники изъ Гесареспа, что текке напали на нихъ и отняли судно, платье и съѣстные припасы и оставили ихъ совершенно нагими. Они сообщили намъ также, что разбойниковъ 150 человѣкъ и что они намѣреваются напасть на стада кочующихъ здѣсь киргизовъ. «Ради Бога, бѣгите или скройтесь куда-нибудь, иначе вы встрѣтитесь съ ними черезъ нѣсколько часовъ,

*) Собственно батирдурганъ—настоящее причастіе отъ глагола батирмакъ, означающаго—разрушать, истреблять.

и если даже вы пилигримы, они все равно отнимутъ у васъ пищу и животныхъ и оставятъ васъ въ пустынѣ совершенно голыми; кафиръ (невѣрующій) текке способенъ на все». Нашъ караванбаши, уже два раза ограбленный и съ трудомъ спасшій свою жизнь, не нуждался въ этихъ совѣтахъ; какъ только онъ услыхалъ слова: «текке, аламанъ», тотчасъ скомандовалъ: «назадъ!» и постоянно погонялъ несчастныхъ навьюченныхъ верблюдовъ. Надѣяться убѣжать на верблюдахъ отъ туркменскихъ лошадей было бы, конечно, безуміемъ, но мы разсчитывали, что эти 150 всадниковъ переправятся черезъ рѣку только къ утру; въ это время мы, быть-можетъ, успѣемъ добраться до Тюнюклю, наполнить наши мѣхи водой и укрыться потомъ въ песчаной пустынѣ Халата; тамъ мы могли хоть сколько-нибудь надѣяться на спасеніе. Послѣ страшныхъ усилій наши усталыя животныя прибыли наконецъ въ Тюнюклю. Здѣсь необходимо было накормить ихъ и дать имъ нѣсколько отдохнуть, потому что въ противномъ случаѣ они не имѣли бы силъ идти далѣе; со страхомъ пробыли мы здѣсь около трехъ часовъ, наполняя мѣхи водою и дѣлая нѣкоторыя другія приготовленія къ этой ужасной дорогѣ.

Между тѣмъ хивинскому торговцу платьями, уже разъ ограбленному туркменами, удалось уговорить многихъ хаджи, у которыхъ мѣшки были полны, а смѣлости не хватало, укрыться лучше съ нимъ въ кустарникахъ на берегу, чѣмъ ѣхать съ караванбаши по пустынѣ во время саратана (самые жаркіе лѣтніе дни), когда жажда и теббадъ (горячій восточный вѣтеръ) угрожаютъ смертію. Онъ такъ живо изобразилъ всѣ опасности, что нѣсколько человѣкъ отдѣлилось отъ насъ; къ тому же на рѣкѣ появилось судно, и шкипера, приблизившись къ берегу, предлагали перевезти насъ въ Гесареспъ; все это повело къ

тому, что только 14 человѣкъ не отступило отъ плана караванбаши. Это была самая важная для меня минута во все время моего путешествія. Возвращеніе въ Хиву, размышлялъ я самъ съ собою, могло измѣнить мой планъ, опасность же смерти грозила мнѣ повсюду, слѣдовательно лучше было идти впередъ и умереть отъ ярости стихій, чѣмъ отъ пытки тирановъ. Я остался съ караванбаши, вмѣстѣ съ хаджи Сали и хаджи Билаломъ. Разлука съ товарищами была очень тяжела; судно уже отчаливало отъ берега, какъ вдругъ находившіеся на немъ предложили фаль *). Камешки были розданы, и какъ только хаджи Сали съ видомъ знатока возвѣстилъ о счастливомъ окончаніи путешествія, почти всѣ хаджи оставили судно и присоединились къ намъ. Такъ какъ уже все было готово, то мы поторопились уѣхать, желая предупредить дальнѣйшее колебаніе; солнце еще не зашло, когда мы, оставивъ развалины Тюнюклю, были уже на дорогѣ къ Халата.

Легко себѣ представить, каково было мнѣ и моимъ спутникамъ, испытавшимъ уже всѣ ужасы пустыни. Изъ Гёмюштепе въ Хиву мы ѣхали въ маѣ, теперь же былъ іюль; тогда попадалась намъ дождевая вода, теперь не предстояло встрѣтить ни одного горькаго источника. Съ невыразимою грустью смотрѣли мы вправо на все болѣе и болѣе удалявшійся отъ насъ Оксусъ, освѣщенный послѣдними лучами солнца; даже верблюды, которыхъ предъ отъѣздомъ напоили вдоволь, часто посматривали въ ту сторону своими выразительными глазами.

Уже нѣсколько звѣздъ показалось на небѣ, когда мы

---

*) Гаданіе, состоящее въ томъ, что открываютъ коранъ или другую священную книгу и на открывшейся страницѣ отыскиваютъ мѣсто, которое бы соотвѣтствовало тому, о чемъ спрашиваютъ. Въ Средней Азіи берутъ 30 камешковъ, раздаютъ ихъ гадающимъ, и каждый долженъ прочитать одинъ изъ трехъ послѣднихъ стиховъ корана столько разъ, сколько получитъ камешковъ.

достигли песчаной степи. Караванъ соблюдалъ на пути величайшую тишину, опасаясь привлечь вниманіе туркменъ, которые, вѣроятно, были не вдалекѣ, но въ темнотѣ не могли насъ видѣть, такъ какъ мѣсяцъ еще не всходилъ. Шаговъ животныхъ по мягкому песку не было слышно, и мы боялись только, чтобы нашимъ осламъ не пришла охота пѣть: громкимъ крикомъ своимъ въ тиши ночи они могли бы насъ выдать. Отъ души смѣялся я надъ средствомъ, которое употреблялось для того, чтобы заставить ихъ молчать, когда они готовились затянуть свою пѣсню. Къ полуночи мы достигли такой мѣстности, гдѣ всѣ должны были сойти съ животныхъ, потому что ослы и верблюды по колѣно утопали въ мелкомъ пескѣ, который къ тому же образовалъ непрерывную цѣпь холмовъ. Во время вечерней прохлады я еще могъ идти, но къ утру почувствовалъ, что рука, которою я обыкновенно опирался на посохъ, начала сильно пухнуть; я навьючилъ свой багажъ на осла, самъ же сѣлъ на верблюда, который, правда, едва переводилъ духъ, но все же былъ здѣсь болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ я съ моей хромою ногой.

Наша утренняя станція носила прекрасное названіе «Адамкирилганъ» (т. е. мѣсто, гдѣ погибаютъ люди). Достаточно было взглянуть на горизонтъ, чтобъ убѣдиться, что названіе это справедливо. Представь себѣ, читатель, необозримое песчаное море — съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя страшными бурями, съ другой зеркально-гладкую поверхность, слегка волнуемую тихимъ вѣтромъ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни червя, ни жука; есть лишь слѣды угасшей жизни—кости погибшихъ здѣсь людей и животныхъ, которыя каждый путникъ собираетъ въ кучу, чтобъ онѣ служили указателями пути. Едва ли нужно говорить, что мы были спасены отъ напа-

денія туркменъ: нѣтъ лошади въ мірѣ, которая бы могла сдѣлать здѣсь хоть одну станцію. Но удастся ли намъ устоять въ борьбѣ съ стихіями—вотъ мысль, потрясавшая даже восточное спокойствіе. Мрачный видъ моихъ спутниковъ въ продолженіе всего нашего пути по Халата былъ лучшимъ доказательствомъ этого.

По словамъ караванбаши, отъ Тюнюклю до Бухары намъ предстояло только шесть дней ѣзды, частію по песку, частію по твердой равнинѣ, тамъ и сямъ поросшей травой и въ извѣстное время посѣщаемой пастухами. Осмотрѣвъ мѣхи, мы разочли, что намъ придется быть безъ воды день или полтора дня; однако въ первый уже день я замѣтилъ, что воды, почерпнутой въ Оксусѣ, намъ недостанетъ, что драгоцѣнная жидкость, несмотря на всю экономію, вѣроятно отъ дѣйствія солнца, безпрестанно уменьшается. Это открытіе заставило меня удвоить надзоръ за моимъ мѣхомъ, въ чемъ мало-по-малу всѣ начали слѣдовать моему примѣру, и смѣшно было смотрѣть, какъ спящіе крѣпко обнимали свои мѣхи. Несмотря на палящій зной, мы должны были идти отъ 5-ти до 9-ти часовъ въ день, потому что чѣмъ скорѣй вышли бы изъ песковъ, тѣмъ болѣе вѣроятности было бы избѣжать страшнаго теббада *), который на твердой равнинѣ только мучитъ лихорадочными припадками, среди же песковъ въ одно мгновеніе можетъ всѣхъ засыпать. Бѣдныхъ верблюдовъ не жалѣли; усталые отъ скораго ночнаго пути, вступили они въ пустыню, и не удивительно, что, измученные песками и жаромъ, нѣкоторые изъ нихъ заболѣли, и двое на сегоднешней станціи (6 іюля), называемой Шоркутукъ, пали. Шоркутукъ значитъ соляной колодезь: здѣсь прежде, должно-быть, находился колодезь для водопоя животныхъ,

*) Теббадъ—персидское слово и значитъ лихорадочный вѣтеръ.

но бури совершенно засыпали его, и надо было бы копать по крайней мѣрѣ цѣлый день, чтобы добыть воды, годной для питья.

Удушливый трехдневный жаръ и безъ теббада отнялъ у всѣхъ насъ силу, и двое изъ нашихъ бѣднѣйшихъ спутниковъ, принужденные идти пѣшкомъ подлѣ своихъ ослабѣвшихъ животныхъ и выпившіе всю свою воду, такъ расхворались, что мы должны были положить ихъ на верблюдовъ и привязать, потому что они не были въ состояніи ни ѣхать верхомъ, ни сидѣть. При этомъ ихъ прикрыли, и пока еще они могли говорить, «воды, воды!»— были единственными ихъ словами. Къ сожалѣнію, даже ихъ лучшіе друзья отказывали имъ въ живительномъ напиткѣ; на третій день (7 іюля), когда мы достигли Медеминъ-Булага *), смерть избавила одного изъ нихъ отъ ужасныхъ мученій жажды. Это былъ одинъ изъ трехъ братьевъ, потерявшихъ отца въ Меккѣ. Я присутствовалъ при кончинѣ этого несчастнаго. Языкъ его былъ совершенно черенъ, нёбо — сѣровато-бѣлаго цвѣта, впрочемъ черты лица не слишкомъ исказились, только губы растрескались и ротъ былъ открытъ. Не думаю, чтобы въ этомъ болѣзненномъ состояніи вода могла помочь ему, да и кто бы далъ ему воды? Ужасно видѣть, какъ отецъ отъ сына, братъ отъ брата прячутъ свою воду, потому что каждая капля ея—жизнь, а при мученіяхъ жажды нѣтъ самопожертвованія, нѣтъ великодушія, какъ нѣтъ его и при другихъ опасностяхъ, грозящихъ жизни.

Послѣ трехдневнаго пути по песчаной части пустыни, мы должны были наконецъ достигнуть твердой равнины и увидать разстилавшійся къ сѣверу хребетъ Халата. Къ сожалѣнію, наши животныя не могли больше идти, и мы

*) Медеминъ-Булагъ значитъ источникъ Медемина; мы нашли его въ такомъ же состояніи, какъ источникъ Шоркутука.

Теббадъ (песчаный ураганъ въ пустынѣ).

провели еще четвертый день (8 іюля) среди песковъ. Въ моей кожаной флягѣ было около шести стакановъ воды; я пилъ ее по каплямъ и конечно страшно мучился отъ жажды. Къ ужасу моему, я увидѣлъ, что языкъ мой началъ немного чернѣть; я тотчасъ выпилъ половину моего запаса воды и думалъ этимъ спастись, но напрасно: жажда, сопровождаемая головною болью, къ утру пятаго дня (9 іюля) усилилась, и когда мы къ полудню могли различить облакообразныя очертанія хребта Халата, я почувствовалъ, что силы начали совсѣмъ оставлять меня. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ, песокъ все болѣе и болѣе уменьшался, и всѣ стали уже всматриваться, нѣтъ ли гдѣ стада или пастушьей хижины, какъ вдругъ караванбаши указалъ намъ на приближавшееся облако пыли и велѣлъ поспѣшно сойти съ верблюдовъ. Животныя уже знали, что это былъ приближающійся теббадъ; съ громкимъ ревомъ опустились они на колѣни, вытянули свои длинныя шеи, припали къ землѣ и старались спрятать головы въ песокъ. Только-что успѣли мы прилечь сзади ихъ, какъ вѣтеръ съ глухимъ шумомъ пронесся надъ нами, покрывъ насъ слоемъ песка пальца въ два толщины; первыя песчинки жгли, какъ искры. Застань насъ этотъ вѣтеръ только шестью милями дальше въ степи, мы всѣ погибли бы. Я не замѣтилъ, чтобы дѣйствіе вѣтра производило лихорадку или рвоту, только воздухъ сталъ тяжелѣе и удушливѣе, чѣмъ прежде.

Тамъ, гдѣ песокъ совершенно прекращается, виднѣются три различныя дороги: первая, длиною въ 22 мили, идетъ на Каракёлъ; другая, въ 18 миль, тянется по равнинѣ до самой Бухары; третья, въ 20 миль, идетъ черезъ горы, гдѣ можно найти воду, но гдѣ крутыя, скалистыя тропинки непроходимы для верблюдовъ. Мы избрали, какъ прежде назначено было, средній путь, какъ самый корот-

кій, въ особенности потому, что насъ оживляла надежда достать немного воды у пастуховъ. Къ вечеру нашли мы нѣсколько колодцевъ, которыхъ не посѣщали еще пастухи въ этомъ году; вода, негодная для людей, освѣжила нашихъ животныхъ; всѣ мы чувствовали себя очень дурно и походили на полумертвыхъ; только непоколебимая надежда на спасеніе оживляла насъ.

Я не могъ уже сходить съ сѣдла безъ посторонней помощи; меня сняли и положили на землю; всю внутренность жгло адскимъ огнемъ, и отъ головной боли я впалъ въ какое-то безпамятство. Перо мое слишкомъ слабо, чтобъ изобразить картину мученій, которыя мы вытерпѣли отъ жажды; я думаю, что нѣтъ смерти мучительнѣй. Въ опасностяхъ я достаточно умѣлъ владѣть собою, но здѣсь ослабѣлъ совершенно и думалъ, что настаетъ послѣдній конецъ моей жизни. Около полуночи я заснулъ; утромъ (10 іюля) я проснулся въ какой-то мазанкѣ; меня окружали незнакомые люди, въ которыхъ я тотчасъ призналъ сыновъ Ирана. «Шума ки хаджи нистидъ!» (вѣдь вы не хаджи), восклицали они; отвѣчать имъ у меня не было силъ. Мнѣ тотчасъ дали выпить чего-то теплаго, а потомъ кислаго молока, смѣшаннаго съ водой и солью (называемаго здѣсь айранъ); оно меня подкрѣпило и поставило на ноги. Тогда только мнѣ стало ясно, что я съ товарищами былъ въ гостяхъ у персіянъ-невольниковъ, стерегшихъ овецъ въ десяти миляхъ отъ Бухары. Хозяинъ этихъ невольниковъ скудно снабдилъ ихъ хлѣбомъ и водой, боясь, чтобъ они не вздумали бѣжать черезъ степь, а бѣдные плѣнники были такъ великодушны, что подѣлились водою съ отъявленными врагами своими, муллами-суннитами! Особенно хороши они были со мной, когда я заговорилъ на ихъ родномъ языкѣ; хотя въ Бухарѣ и говорятъ по-персидски, но бухарское нарѣчіе очень далеко отъ иранскаго. Осо-

бенно тронулъ меня одинъ пятилѣтній мальчикъ, тоже невольникъ, показавшійся мнѣ очень живымъ ребенкомъ. Только два года тому назадъ былъ онъ захваченъ и проданъ вмѣстѣ съ отцомъ, и когда я спрашивалъ о немъ бѣднаго мальчика, онъ радостно отвѣчалъ: «Отецъ мой купилъ себя (т. е. выкупилъ); только два года остается мнѣ быть въ неволѣ, и тогда отецъ навѣрное соберетъ нужныя деньги и выкупитъ меня». У несчастнаго ребенка едва было нѣсколько лохмотьевъ, прикрывавшихъ слабое тѣло, а кожа его жесткостью и цвѣтомъ напоминала нашу сапожную кожу. Я далъ ему одно изъ своихъ платьевъ, и онъ обѣщалъ передѣлать его для себя.

Несчастные персіяне дали намъ еще немного воды на дорогу; я оставилъ ихъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности и состраданія. Мы отправились къ ближайшей станціи Ходша-Обанъ, чтобы посѣтить гробъ святаго этого имени; въ качествѣ хаджи, мы непремѣнно должны были поклониться ему, и для этого нужно было сдѣлать небольшой обходъ нѣсколько на сѣверъ. Къ великому сожалѣнію моихъ спутниковъ, мы заблудились ночью между песчаными холмами, лежащими по краямъ пустыни; среди этихъ-то холмовъ, подобно оазису, возвышается Ходша-Обанъ. Когда настало утро (11 іюля), мы увидали, что находимся у береговъ озера, полнаго прѣсной воды. Здѣсь оканчивалась пустыня, а съ ней и опасность смерти отъ жажды, разбойниковъ, вѣтра и тому подобныхъ невзгодъ. Тутъ вступили мы собственно въ предѣлы Бухары, и черезъ 2 часа прибывъ въ Хакемиръ (деревня, гдѣ жилъ нашъ караванбаши), мы находились уже въ хорошо обработанной мѣстности. Вся страна орошается каналами рѣки Карасу, которую одни считаютъ рукавомъ Серефшана, другіе же— совершенно отдѣльною рѣкой. Далѣе она теряется въ преждеупомянутомъ озерѣ, вода котораго, какъ мнѣ сказали,

только весною и въ первыхъ мѣсяцахъ лѣта бываетъ годна для питья, а потомъ убываетъ и дѣлается соленою.

Въ Хакемирѣ, имѣющемъ двѣсти домовъ и находящемся только въ двухъ часахъ ѣзды отъ Бухары, мы должны были переночевать, для того чтобъ извѣстить о нашемъ прибытіи бухарскихъ чиновниковъ, бадшгира (таможеннаго) и ваканювиса (докладчика), которые, по законамъ страны, еще внѣ города подвергаютъ путешественниковъ обыску и допросу. Въ этотъ же день нарочно былъ посланъ вѣстовой, а на слѣдующій, рано утромъ, пріѣхало трое офицеровъ эмира съ очень важными бюрократическими физіономіями, для полученія съ насъ таможенной подати, но главное—для отобранія свѣдѣній о насъ и о сосѣднихъ земляхъ. Начали съ поклажи. У хаджи, въ мѣшкахъ, большею частью, были святыя четки изъ Мекки, финики изъ Медины, гребни изъ Багдада, тростниковыя перья изъ Персіи, ножи, ножницы, наперстки и маленькія зеркальца изъ Френгистана. Хотя чиновники увѣряли, что бухарскій ханъ («дай Богъ прожить ему 120 лѣтъ») никогда не беретъ пошлинъ съ хаджи, однако бадшгиръ не стѣснялся и записалъ каждую вещь отдѣльно. Напослѣдокъ остался я съ двумя бѣдняками; посмотрѣвъ мнѣ въ лицо, онъ засмѣялся и сказалъ, чтобъ я показалъ свой сундукъ, такъ какъ у насъ (онъ вѣроятно счелъ меня за европейца) всегда бываютъ хорошія вещи. Я тогда былъ въ хорошемъ расположеніи духа, на мнѣ былъ надѣтъ мой дервишскій или дурацкій колпакъ, и я прервалъ лукаваго бухарца, сказавъ ему, что у меня есть въ самомъ дѣлѣ хорошія вещи, и спросилъ его, что онъ желаетъ прежде видѣть: мое движимое или недвижимое имущество? Когда онъ пожелалъ осмотрѣть все, я побѣжалъ на дворъ, отыскалъ моего осла, ввелъ его по лѣстницамъ и коврамъ въ комнату и представилъ его, при громкомъ смѣхѣ моихъ товарищей;

потомъ открылъ свой мѣшокъ и показалъ нѣсколько лоскутковъ и старыхъ книгъ, которыя я пріобрѣлъ въ Хивѣ. Обманутый бухарецъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на всѣхъ и спросилъ: неужели въ самомъ дѣлѣ у меня нѣтъ ничего кромѣ этого. Хаджи Сали далъ ему необходимыя объясненія о цѣли моего путешествія и о моемъ званіи и характерѣ; онъ все это отмѣтилъ и смотрѣлъ на меня выразительно, покачивая головой. Послѣ осмотра бадшгира приступилъ къ исполненію своей обязанности ваканювисъ, записыватель происшествій. Сначала онъ отмѣтилъ каждаго путешественника, подробно записывая его личныя примѣты, а потомъ новости, которыя тотъ могъ сообщить. Какъ забавны были подробные распросы о Хивѣ, странѣ родственной бухарцамъ по языку, происхожденію и религіи—странѣ, которая въ теченіе многихъ столѣтій граничитъ съ Бухарою и отстоитъ отъ ея столицы только на нѣсколько дней ѣзды.

Все было въ порядкѣ. О первомъ нашемъ пристанищѣ въ городѣ были различнаго мнѣнія; бадшгиръ предложилъ намъ остановиться въ таможнѣ, надѣясь тамъ еще что-нибудь вытянуть и подвергнуть меня болѣе строгому допросу, но хаджи Сали (онъ сталъ во главѣ каравана, потому что пользовался въ Бухарѣ бо́льшимъ вліяніемъ) хотѣлъ остановиться только въ текки. Мы выѣхали изъ Хакемира и не успѣли проѣхать получаса по странѣ, пестрѣющей садами и полями, какъ уже показалась Бухара-шерифъ (благородная Бухара, какъ называютъ ее обитатели Средней Азіи) съ своими неуклюжими башнями, верхушки которыхъ, всѣ безъ исключенія, украшены аистовыми гнѣздами *).

*) Въ Хивѣ много соловьевъ, но совсѣмъ нѣтъ аистовъ, въ Бухарѣ же, напротивъ нельзя найти ни одной башни или другаго какого-нибудь возвышеннаго строенія на которомъ эти птицы не выставили бы своихъ одноногихъ часовыхъ. И потому

Почти на разстояніи получаса ѣзды отъ города переѣхали мы чрезъ текущую къ югу рѣку Серефшанъ, которую верблюды и лошади переходили въ бродъ, несмотря на ея довольно быстрое теченіе. На другомъ берегу еще видна была передняя часть прежняго, хорошо выстроеннаго, высокаго каменнаго моста; рядомъ съ нимъ лежали развалины дворца, также выстроеннаго изъ камня; все это, какъ мнѣ сказали, было твореніемъ знаменитаго Абдуллахъ-хана-Шейбани. Вообще, въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы Средней Азіи видны только немногіе остатки ея прежняго величія.

хивинецъ свою насмѣшку надъ бухарцами выражаетъ слѣдующими словами: «аисты стучатъ тебѣ клювомъ—вотъ и вся твоя соловьиная пѣсня».

X.

Бухара.—Пріемъ въ текки, разсадникѣ Ислама.—Рахметъ-би.—Базары.—Баха-эд-динъ, великій святой Туркестана.—Шпіоны, подосланные къ автору.—Судьба путешественниковъ, недавно прибывшихъ въ Бухару.—Книжный базаръ.—Червь (риште).—Снабженіе города водою.—Прежніе эмиры и нынѣшній.—Гаремъ, правленіе, семейство правительствующаго эмира.—Невольничье дѣло и торговля.—Отъѣздъ изъ Бухары и посѣщеніе могилы Баха-эд-дина.

Намъ нужно было проходить чрезъ восточныя ворота (дервазе) Имамъ, чтобы пробраться къ нашему текки, лежащему на сѣверо-востокъ; но путь шелъ черезъ базаръ, и для того, чтобъ избѣжать тѣснившейся тамъ толпы, мы обогнули городскую стѣну, во многихъ мѣстахъ имѣющую огромныя трещины, и черезъ ворота дервазе-Мезаръ, 12-го іюля, вошли въ текки. Это было обширное зданіе, отѣненное прекрасными деревьями и представлявшее правильный квадратъ съ 48 кельями въ нижнемъ этажѣ. Нынѣшній хальфа, т.-е. настоятель, внукъ хальфы Гуссейна, который прославился своею святостью и отъ имени котораго текки получилъ свое названіе. Какимъ уваженіемъ пользуется семья Гуссейна, видно изъ того, что упомянутый внукъ его былъ въ это время имамомъ и хатибомъ, т.-е. придворнымъ священникомъ эмира. Я не мало гордился тѣмъ, что мой хозяинъ имѣлъ такое высокое оффиціальное положеніе. Хаджи Сали, мюридъ (ученикъ) упомянутаго святаго, а потому считавшійся членомъ его семьи, пред-

ставилъ меня и знатнѣйшихъ изъ моихъ спутниковъ этой высокой священной особѣ; имамъ, человѣкъ пріятной наружности и съ мягкими пріемами, со вкусомъ одѣтый въ тонкое шелковое лѣтнее платье и бѣлый тюрбанъ, принялъ меня очень радушно. Онъ былъ въ восторгѣ, когда я поговорилъ съ нимъ съ полчаса въ изысканныхъ, напыщенныхъ выраженіяхъ, и пожалѣлъ только, что бадевлета *) (его величества эмира) не было въ Бухарѣ и что онъ не могъ меня представить ему.

Онъ велѣлъ отвести мнѣ отдѣльную келью въ почетномъ мѣстѣ, т.-е. близь мечети, гдѣ я и помѣстился въ сосѣдствѣ съ однимъ ученымъ муллой и съ хаджи Сали. Текки былъ полонъ знаменитостей: незамѣтно попалъ я въ самое гнѣздо исламитскаго фанатизма въ Бухарѣ; еслибъ я съумѣлъ хорошо устроиться, это самое мѣсто могло бы служить для меня вѣрнѣйшимъ ручательствомъ противъ всякаго подозрѣнія свѣтскихъ властей. Докладчикъ сообщилъ о моемъ пріѣздѣ, какъ о важномъ событіи; первый офицеръ эмира, Рахметъ-би, въ продолженіе похода своего повелителя въ Кокандъ управлявшій Бухарою, въ тотъ же самый день велѣлъ распросить обо мнѣ у хаджи; но въ текки эмиръ не имѣлъ права отдавать приказаній; на его розыски не было обращено никакого вниманія, и даже мнѣ ничего не сказали о нихъ.

Добрые друзья мои толковали всѣмъ: «Хаджи Решидъ не только хорошій мусульманинъ, но и ученый мулла, и подозрѣвать его въ чемъ бы то ни было—смертный грѣхъ». Между тѣмъ товарищи мои руководили меня своими совѣтами, и ихъ благородной дружбѣ обязанъ я тѣмъ, что въ Бухарѣ не случилось со мной никакого несчастія. Не только для насъ, европейцевъ, но и для каждаго чужезем-

*) Бадевлетъ—собственно значитъ блаженный.

ца Бухара представляетъ очень много опасностей, ибо здѣшнее правительство довело свою систему шпіонства до высокой степени совершенства; не меньшаго развитія достигло и развращеніе здѣшняго народонаселенія.

На слѣдующее утро, въ сопровожденіи хаджи Сали и еще четырехъ товарищей, я отправился осматривать городъ и базары. Хотя бѣдность улицъ, жалкій видъ домовъ, съ которыми даже не могутъ сравниться бѣднѣйшія жилища въ персидскихъ городахъ, и густая пыль дали мнѣ не очень выгодное понятіе о «благородной» Бухарѣ, тѣмъ не менѣе я былъ пораженъ, когда въ первый разъ очутился на базарѣ среди волнующейся толпы. Далеко не столь великолѣпные и величественные, какъ базары Тегерана, Тебриса и Исфагана, бухарскіе базары, разнообразіемъ народностей, одеждъ и обычаевъ, представляютъ взору чужеземца поразительную, своеобразную картину. Большинство отличается иранскимъ типомъ и носитъ бѣлую или голубую чалму: первая означаетъ благороднаго и муллу, послѣдняя же, чрезвычайно красивая,—купца, ремесленника и слугу. Вмѣстѣ съ иранскимъ типомъ встрѣчается татарскій во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, отъ узбека до дикаго киргиза; впрочемъ, туранца, несмотря на его лицо, всегда можно отличить отъ иранца—по его твердой, неуклюжей походкѣ. Среди этого смѣшенія двухъ главныхъ азіатскихъ племенъ, читатель можетъ себѣ представить, разсѣянными тамъ и сямъ, нѣсколько индійцевъ (мультани, какъ ихъ здѣсь называютъ) и евреевъ, которые носятъ на головѣ, какъ отличительный знакъ *), нѣчто въ родѣ польской шапки и опоясываются веревкой. Индіецъ, съ краснымъ значкомъ на лбу и съ своимъ желтымъ, отталкивающимъ

*) Эламети-тефрике. Коранъ требуетъ, чтобы такъ покрывались всѣ немусульманскіе подданные правовѣрныхъ государей, для того, чтобы никто напрасно не привѣтствовалъ ихъ словами «селамъ алейкумъ» (міръ вамъ).

лицомъ, могъ бы служить пугаломъ на большомъ рисовомъ полѣ; еврей же, со своими благородными, изящными чертами лица и великолѣпными глазами, былъ бы хорошимъ образцомъ мужской красоты для нашихъ художниковъ. Вотъ и туркменъ выдается изъ толпы и, сверкая глазами, точно думаетъ о томъ, какъ бы хорошо было разграбить все это. Изрѣдка попадаются и афганцы въ своихъ грязныхъ рубашкахъ и съ еще болѣе грязными, падающими на плечи, волосами, завернутые въ полотно на подобіе римской тоги; взглянувъ на нихъ, подумаешь, что это люди—въ полночь выбѣжавшіе на улицу изъ своихъ пылающихъ домовъ.)

Этотъ пестрый хаосъ — бухарцевъ, хивинцевъ, кокандцевъ, киргизовъ, кипчаковъ, туркменъ, индійцевъ, евреевъ и афганцевъ — встрѣчается тутъ на всѣхъ главныхъ базарахъ; но хотя здѣсь все непрестанно движется туда и сюда, однако я не могъ найти и слѣда той шумной базарной жизни, которая въ Персіи проявляется такъ характеристично. Я не отставалъ отъ своихъ спутниковъ и бросилъ бѣглый взглядъ на лавки, въ которыхъ было мало западно-европейскихъ товаровъ, привезенныхъ чрезъ Оренбургъ, но за то много русскихъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ вещей; для путешественника, прибывшаго въ этотъ дальній городъ, они только потому и интересны, что напоминаютъ родной Западъ; въ каждомъ фабричномъ клеймѣ или кускѣ ситца онъ видитъ своего соотечественника. Какъ забилось у меня сердце, когда я прочелъ слова: «Манчестеръ, Бирмингамъ», и какъ боялся я выдать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ восклицаніемъ! Большихъ торговыхъ складовъ, какъ и богатыхъ купцовъ, здѣсь мало; хотя, за исключеніемъ рестей-тшитъ-фуруши (мѣсто, гдѣ продается тшитъ, т.-е. выбойка), гдѣ 284 лавки, выбойка, коленкоръ и ситецъ продаются еще во многихъ дру-

гихъ частяхъ города, я однако могъ бы смѣло утверждать, что у моихъ друзей Ханхартъ и К° въ Тебрисѣ столько же всѣхъ этихъ товаровъ, сколько во всемъ городѣ Бухарѣ, несмотря на то, что Бухара по справедливости называется главнымъ городомъ Средней Азіи. Гораздо интереснѣе для иностранцевъ то мѣсто на бухарскомъ базарѣ, гдѣ выставлены произведенія туземной промышленности: двухцвѣтныя, полосатыя и узко-вытканныя бумажныя матеріи, называемыя аладша; шелковыя издѣлія, отъ тончайшихъ, какъ паутина, платковъ до тяжелаго атреса и въ особенности кожаныя издѣлія играютъ здѣсь главную роль. Должно упомянуть также о шорномъ и, въ особенности, башмачномъ товарѣ. Мужская и женская обувь сработана довольно хорошо; у мужской высокіе каблуки съуживаются къ концу до величины шляпки гвоздя; женская обувь хотя нѣсколько неуклюжа, но за то часто украшена прекраснымъ шелковымъ шитьемъ. Также надо упомянуть о базарѣ готоваго платья, гдѣ въ лавкахъ разложены блестящія одежды яркихъ цвѣтовъ, съ пышными складками. Восточный житель, являющійся только здѣсь въ своей полной оригинальности, любитъ чахчухъ (шумъ платья), и мнѣ часто доставляло большое удовольствіе смотрѣть, какъ покупатель, въ новомъ чапанѣ (одеждѣ), дѣлалъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ, чтобы послушать, какъ шумитъ его платье. Всѣ туземныя произведенія очень дешевы, и потому платяной рынокъ Бухары снабжаетъ фешенэбельною одеждой всѣхъ правовѣрныхъ до самой Китайской Татаріи. Киргизы, кипчаки и калмыки также имѣютъ обыкновеніе заѣзжать сюда изъ пустыни, и дикій татаринъ, съ своими косыми глазами и выдающимся подбородкомъ, смѣется отъ удовольствія, обмѣнивая свою одежду изъ не выдѣланной лошадиной кожи на легкій иктей (родъ лѣтней одежды). Здѣсь видитъ онъ

самый высокій образецъ цивилизаціи; Бухара — это его Парижъ и Лондонъ.

Проходивъ около трехъ часовъ, я просилъ моего проводника и благороднаго друга хаджи Сали показать мнѣ мѣсто, гдѣ бы можно было нѣсколько отдохнуть: онъ повелъ меня чрезъ тимтше-чай-фуруши (чайный базаръ) къ знаменитому леби-хаусъ-Диванбеги (т. е. берегъ пруда Диванбеги). Для Бухары здѣсь было очень мило. Это довольно правильный квадратъ, среди котораго находится глубокій прудъ въ 100 футовъ длины и 80 ширины, выложенный четыреугольными камнями; къ его зеркальной поверхности ведутъ 8 ступеней. Прудъ отѣненъ нѣсколькими красивыми вязами; подъ ними приглашаютъ васъ напиться чаю неизбѣжныя чайныя лавки съ колоссальными самоварами, которые въ Россіи нарочно дѣлаются для Бухары. По тремъ сторонамъ площади, подъ навѣсомъ изъ тростниковыхъ цыновокъ, на столахъ продаются лакомства, хлѣбъ, овощи, теплыя и холодныя кушанья; сотни импровизованныхъ лавокъ, окруженныхъ, какъ пчелами, жадной и голодною толпой, представляютъ своеобразное зрѣлище. На четвертой, западной сторонѣ, спускающейся уступами, стоитъ мечеть (месдшиди Диванбеги), передъ которой растетъ нѣсколько деревьевъ; дервиши и медда (разсказчики), всегда окруженные толпою любопытныхъ слушателей, съ неестественною мимикой разсказываютъ тутъ въ стихахъ и прозѣ о геройскихъ подвигахъ знаменитыхъ воителей и пророковъ. Для дополненія интересной картины, подошедши къ упомянутому мѣсту, мы увидали интересную процессію, повторяющуюся еженедѣльно и состоявшую человѣкъ изъ пятнадцати дервишей изъ ордена накишбенги, который былъ здѣсь основанъ и здѣсь имѣетъ свое мѣстопребываніе. Я никогда не забуду, какъ эти люди, полные дикаго воодушевленія, въ высокихъ конусо-

образныхъ шапкахъ, съ развѣвающимися волосами, съ длинными посохами, какъ бѣснующіеся, прыгали кругомъ, завывая хоромъ гимнъ, отдѣльныя строфы котораго запѣвалъ ихъ сѣдовласый начальникъ.

Мои глаза и уши были такъ заняты, что я скоро забылъ усталость. Мой другъ силой ввелъ меня въ лавку, и когда благородный шивинъ (родъ чая) былъ поданъ, онъ хотѣлъ насладиться моимъ удивленіемъ и спросилъ съ внутреннею радостью: «Ну, какъ понравилась тебѣ Бухара-шерифъ?»—«Очень понравилась», отвѣчалъ я. Хотя въ это время, по случаю враждебныхъ отношеній, онъ, какъ кокандецъ, и питалъ вражду къ Бухарѣ, но, какъ среднеазіятъ, былъ очень доволенъ, что я похвалилъ главный городъ Туркестана. Хаджи Сали обѣщалъ мнѣ показать въ слѣдующіе дни самыя лучшія мѣста. Несмотря на надѣтый мною въ этотъ день строго-бухарскій костюмъ и на сильный загаръ, при которомъ даже мать съ трудомъ узнала бы меня, всюду, гдѣ я показывался, меня окружала толпа любопытныхъ, которые мнѣ ужасно надоѣли своими объятіями и пожиманіями рукъ. По моему огромному тюрбану[1]) и большому корану, я имѣлъ видъ ишана или шейха и не долженъ былъ тяготиться этими заявленіями вниманія. При этомъ святость моего званія защищала меня отъ свѣтскаго любопытства, и я слышалъ, какъ обо мнѣ распрашивали моихъ друзей и какъ потомъ многіе перешептывались между собой. «Какъ нужно быть благочестивымъ», разсуждалъ одинъ, «чтобъ идти совершенно одному изъ Константинополя въ Бухару, единственно за тѣмъ, чтобы посѣтить нашего Баха-эддина!» [2])—«Да», ска-

[1]) Извѣстно, что чалма представляетъ саванъ, который каждый набожный мусульманинъ долженъ носить на головѣ для постояннаго напоминанія о смерти. Коранъ предписываетъ саванъ (кефенъ) въ 7 локтей; но святоши носятъ отъ 4 до 6 савановъ, т. е. отъ 28 до 42 локтей, впрочемъ изъ тонкой кисеи.

[2]) Баха-эддинъ, по произношенію бухарцевъ Баведдинъ, знаменитый аскетъ и

залъ другой, «хотя мы также ходимъ въ Мекку, къ святѣйшему мѣсту, и съ неменьшимъ трудомъ, но этимъ людямъ (указывая на меня) нечего больше дѣлать; ихъ жизнь проходитъ въ молитвѣ, путешествіи по святымъ мѣстамъ и дѣлахъ благочестія».—«Браво! ты угадалъ», думалъ я и былъ очень доволенъ, что мое инкогнито въ Бухарѣ имѣло такой успѣхъ. Во время всего моего пребыванія въ столицѣ Туркестана, я дѣйствительно никогда не казался подозрительнымъ этому очень хитрому и злому народу; ко мнѣ подходили подъ благословеніе, меня слушали, когда я передъ толпою народа читалъ исторію великаго багдатскаго шейха Абдулъ-Кадеръ-Гиляни, и меня хвалили. Но никогда никто не далъ мнѣ ни гроша; притворная набожность этого народа сильно отличается отъ искренняго благочестія и благотворительности хивинскихъ узбековъ.

Съ правительствомъ мнѣ было гораздо труднѣе ладить, нежели съ народомъ. Вышеупомянутый Рахметъ-би, не имѣя возможности открыто пробраться къ намъ, безпрестанно подсылалъ шпіоновъ, которые въ своихъ длинныхъ разговорахъ постоянно затрогивали Френгистанъ, въ надеждѣ, что я выдамъ себя какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Когда они увидали, что это средство не вело къ цѣли, они начали говорить о томъ, какъ сильно желаютъ френги пріобрѣсть благородную Бухару, и какъ многіе изъ ихъ шпіоновъ, въ особенности англичане Кёнёлли и Истоддеръ Сахибъ (т. е. Конолли, Стоддартъ), были строго наказаны *). Или разсказывали мнѣ объ очень недавно прибыв-

---

святой, основатель ордена накшбенди, послѣдователи котораго встрѣчаются въ Индіи, Китаѣ, Персіи, Аравіи и Турціи, извѣстенъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Онъ умеръ въ 1388 г. Монастырь, мечеть и каменная ограда около его гроба въ деревнѣ Баведдинъ построены въ 1490 г. по повелѣнію Абдулъ-Азисъ-хана.

*) Грустная кончина этихъ двухъ мучениковъ даже въ Бухарѣ до сихъ поръ осталась тайной, и самые различные слухи носятся еще и теперь объ этомъ предметѣ. Читатель пойметъ, что я, при моемъ инкогнито, никакъ не могъ собрать точныхъ свѣдѣній о судьбѣ этихъ несчастныхъ. Впрочемъ, объ этомъ печальномъ

шихъ сюда и посаженныхъ въ тюрьму френгахъ (несчастныхъ итальянцахъ), которые будто бы привезли съ собой нѣсколько ящиковъ чая, осыпаннаго алмазнымъ порошкомъ, чтобъ отравить всѣхъ жителей святаго города, и которые превращали день въ ночь и дѣлали другіе адскіе фокусы.—Эти ищейки были большею частью хаджи, жившіе много лѣтъ въ Константинополѣ и хотѣвшіе испытать мое знаніе тамошняго языка и обычаевъ. Послѣ долгаго, терпѣливаго слушанія, я принималъ видъ недовольнаго и просилъ избавить меня отъ разговора о френгахъ. Я говорилъ, что оставилъ Константинополь, чтобъ убѣжать отъ этихъ френговъ, похитившихъ умъ у дьявола. «Теперь я, слава Богу, въ благородной Бухарѣ и не хочу отравлять свое пребываніе здѣсь подобными воспоминаніями». Такіе же отвѣты давалъ я хитрому муллѣ Шерефъ-эддину аксакалу (книгопродавцу), который показалъ мнѣ списокъ книгъ, оставленный у него, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однимъ русскимъ посланникомъ, а также и другія англійскія и итальянскія бумаги. Я бросилъ на нихъ презрительный взглядъ и сказалъ: «Хвала Аллаху, моя память не осквернилась еще френгскою наукой и книгами, что, къ сожалѣнію, нерѣдко случается съ константинопольскими турками» *).

Когда Рахметъ-бп увидалъ, что и чрезъ посланныхъ

происшествіи, Ферри, Вольфъ, В. Кай и другіе оффиціальные и неоффиціальные корреспонденты такъ много говорили, что мои мимолетно собранныя замѣчанія совершенно безполезны.

*) Разъ пришелъ ко мнѣ слуга визиря съ маленькимъ, худымъ человѣкомъ, котораго я долженъ былъ испытать, дѣйствительно ли онъ арабъ изъ Дамаска, какъ онъ утверждалъ. Когда онъ вошелъ, черты его лица показались мнѣ необыкновенными, и я принялъ его за европейца; мое удивленіе возрасло еще больше, когда онъ началъ говорить и я нашелъ, что выговоръ у него совсѣмъ не арабскій. Онъ сказалъ мнѣ, что предпринялъ путешествіе къ св. мѣсту въ Котенъ (въ Китаѣ), къ находящемуся тамъ гробу Джаферъ-Бенъ-Садика, и на этихъ дняхъ хотѣлъ ѣхать далѣе. Въ чертахъ его лица, во время нашего разговора, можно было замѣтить волненіе. Мнѣ было жаль, что я не могъ его видѣть во второй разъ, и я готовъ думать, что онъ игралъ одинаковую со мною роль.

своихъ не можетъ добиться никакого толка, онъ велѣлъ позвать меня, разумѣется, подъ видомъ вѣжливаго приглашенія на пилавъ; на пиру присутствовалъ небольшой кружокъ изъ бухарскаго духовенства. Войдя, я увидалъ, что мнѣ предстояла трудная задача, такъ какъ все засѣданіе было какимъ-то испытаніемъ, въ которомъ моему инкогнито предстояло выдержать сильный огонь. Чтобы не попасться врасплохъ при томъ или другомъ вопросѣ, я притворился любознательнымъ и самъ предложилъ этимъ господамъ нѣсколько вопросовъ относительно различій между фарсомъ, сюннетомъ, вадшибомъ и мустахабомъ *). Моя набожность понравилась имъ, и скоро завязалось горячее разсужденіе о многихъ пунктахъ хидаіета, шерхи, векаіе и другихъ книгахъ подобнаго содержанія; очень осмотрительно высказывалъ я свое мнѣніе, но громко провозглашалъ превосходство бухарскихъ законоучителей не только надъ собой, но и надъ всѣми константинопольскими улемами. И здѣсь все обошлось благополучно. Высокоученые муллы знаками и словами дали Рахметъ-би понять, что его доносчикъ былъ въ заблужденіи, и что хотя я не былъ очень «ученымъ муллой», но былъ человѣкомъ, находившимся на пути къ просвѣщенію свѣтомъ истиннаго знанія.

Послѣ этого происшествія я жилъ довольно спокойно въ Бухарѣ. Дома обыкновенно я исполнялъ трудную обязанность, которую налагало на меня званіе дервиша, потомъ отправлялся на книжный базаръ, состоявшій изъ 26 лавокъ, гдѣ до сихъ поръ печатныя книги считаются рѣдкостью. Здѣсь, какъ и въ домахъ книгопродавцевъ, я ви-

---

*) Заповѣди ислама, по своей важности, раздѣляются на четыре степени: фарсъ означаетъ данную Богомъ чрезъ пророка заповѣдь; сюннетъ—отъ самого пророка исходящее преданіе безъ божественнаго вдохновенія; два послѣднія слова—вадшибъ и мустахабъ — означаютъ предписанія новѣйшихъ толкователей корана. Первыя обязательны для всякаго, послѣднія же предоставляются произволу каждаго.

дѣлъ нѣкоторыя драгоцѣнности, которыя могли бы быть очень полезны для исторіи Востока и для языкознанія; но пріобрѣтеніе ихъ было невозможно, во-первыхъ потому, что у меня не было достаточныхъ средствъ, во-вторыхъ потому, что вниманіемъ къ мірскому знанію я могъ повредить своему инкогнито. Немногія рукописи, привезенныя мною изъ книжныхъ лавокъ Бухары и Самарканда, стоили мнѣ большаго труда, и сердце мое обливалось кровью, когда я долженъ былъ оставлять тѣ произведенія, которыя могли бы пополнить большіе пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о Востокѣ. Изъ книжнаго базара я имѣлъ обыкновеніе отправляться на довольно отдаленный ригистанъ; хотя онъ обширнѣй и шумнѣе выше описаннаго леби-хауза, но далеко не такъ пріятенъ. Здѣсь также есть окруженный чайными лавками прудъ, съ береговъ котораго можно видѣть высоколежащій на противуположной сторонѣ замокъ или дворецъ (аркъ) эмира. Порталъ, надъ которымъ устроены часы, имѣетъ мрачный, отталкивающій видъ, и тайный ужасъ овладѣлъ мною, когда я проходилъ мимо этого гнѣзда тиранніи, гдѣ многіе изъ моихъ предшественниковъ были убиты, и гдѣ даже въ это время томились три несчастныхъ европейца далеко отъ отечества и всякой помощи *). Подлѣ воротъ лежало на землѣ 14 мѣдныхъ пушекъ съ длинными и украшенными стволами, присланныя сюда эмиромъ, какъ трофеи его походовъ въ Кокандъ. Направо отъ дворца стоитъ медшиди Келанъ, самая большая мечеть въ Бухарѣ, выстроенная при Абдулъ-ханъ-Шейбани. Хотя ригистанъ находится почти совсѣмъ передъ глазами эмира, но во всей Бухарѣ, быть-можетъ

*) Это тѣ три итальянца, которые во время моего пребыванія въ Бухарѣ были схвачены и потомъ лишены всѣхъ наличныхъ денегъ; свою жизнь они сохранили только благодаря вмѣшательству русскаго правительства.

даже во всемъ Туркестанѣ, нѣтъ мѣста, гдѣ совершалось бы такъ много мерзостей, какъ здѣсь. Извѣстный отвратительный порокъ восточныхъ жителей, который начинается на берегахъ Босфора и дѣлается все замѣтнѣе по пути къ востоку, достигаетъ здѣсь наибольшаго развитія. Надъ вещами, которыя бы сильно возмутили наше европейское чувство, здѣсь смѣются какъ надъ невинною шуткой; даже религія, наказывающая смертью всякое легкое отступленіе при омовеніи или другихъ обрядахъ, смотритъ на все это сквозь пальцы.

Я часто посѣщалъ чайную лавку одного китайца изъ Комуля *), очень хорошо владѣвшаго турецко-татарскимъ языкомъ и слывшаго здѣсь за мусульманина. Этотъ добрый человѣкъ былъ очень расположенъ ко мнѣ, несмотря на то, что наши отечества были такъ далеки одно отъ другаго. Онъ разсказывалъ мнѣ много о красивыхъ мѣстностяхъ, объ обычаяхъ и хорошихъ яствахъ своей родины. Онъ особенно былъ опытенъ въ чайной торговлѣ и воодушевлялся, говоря о чайныхъ растеніяхъ, которыя на одномъ стволѣ даютъ листья совсѣмъ различнаго вкуса. У него въ лавкѣ было 16 сортовъ чая, которые онъ могъ различать по осязанію. Вотъ ихъ названія: 1) киркма, 2) ахбаръ, 3) аккуирукъ, мало употребляемые въ Средней Азіи и Китаѣ, но больше всего въ Россіи, Персіи и Европѣ, 4) кара-чай, 5) сепетъ-чай, которые, какъ и китайскій кнастеръ, продаются въ формѣ кирпичей; ихъ пьютъ только утромъ со сливками и солью, и они сильно возбуждаютъ, 6) шибаглу, 7) горэ-шибаглу, 8) шивинъ, 9) итъ-келлези, 10) бёнге, 11) пошунъ, 12) пу-чай, 13) тунтей, 14) гульбуи, 15) мишкгёзъ и 16) лонка. Это все зеленые чаи, потому что въ сѣверномъ Китаѣ и Средней Азіи ихъ только и любятъ. Лонка счи-

*) Комуль—въ 40 станціяхъ отъ Кашгара и въ 70-ти отъ Бухары.

тается самымъ лучшимъ, и для одной чашки, вдвое больше нашей, достаточно одного листа *).

Благодаря многому, что я узналъ изъ разсказовъ своихъ спутниковъ на пути изъ Тегерана сюда, я черезъ недѣлю уже былъ въ Бухарѣ какъ у себя дома. Сначала вездѣ водилъ меня хаджи Сали, но потомъ я одинъ продолжалъ посѣщать городъ, базаръ, медрессе, и тогда только сопровождалъ своихъ друзей, когда насъ приглашали всѣхъ вмѣстѣ къ одному поселившемуся здѣсь китайскому татарину. Тутъ насъ обыкновенно угощали національными кушаньями, которыхъ мои друзья, особенно хаджи Билалъ съ компаніей, были давно лишены. Изъ этихъ кушаньевъ я опишу одно и рекомендую его европейскимъ читателямъ, какъ вкусное блюдо: это мантуи, мучное кушанье, начиненное рубленою говядиной, смѣшанною съ жиромъ и пряностями и сваренное особеннымъ образомъ. Котелъ съ водою ставятъ на огонь, сверху закрываютъ его и оставляютъ только отверстіе величиною въ кулакъ. На это отверстіе ставятъ три или четыре рѣшета, которыя плотно прикрываютъ одно другое и изъ которыхъ нижнее приклеивается къ котлу тѣстомъ. Когда вода вскипитъ и рѣшета наполнятся паромъ, тогда кладутъ мантуи сначала въ верхнее рѣшето, потомъ въ нижнія, гдѣ оставляютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не сварятся. Не удивительно ли, что китайцы употребляютъ паръ даже для своихъ кушаній? Вареныя мантуи часто жарятся въ жирѣ и тогда ихъ называютъ занбузи (дамскій поцѣлуй). У моихъ друзей изъ Кашгара и Яркенда было еще много особенныхъ кушаній, но предоставимъ описаніе ихъ тому, кто пожелаетъ составить татарскую поваренную книгу.

---

*) Обыкновенный покупатель пробуетъ чай по вывареннымъ листкамъ, которые въ хорошемъ чаѣ должны быть необыкновенно тонки и мягки.

Во время пребыванія моего въ Бухарѣ погода стояла невыносимо жаркая, и я страдалъ вдвойнѣ, потому что, боясь риште (filaria medinensis), отъ которой, во время лѣта, изъ десяти человѣкъ непремѣнно одинъ заболѣваетъ, я постоянно пилъ чай или горячую воду. Такъ же легко, какъ мы получаемъ насморкъ, заболѣваютъ этою болѣзнью бухарцы или иностранцы, живущіе лѣтомъ въ Бухарѣ. Начинаютъ чесаться ноги или другія части тѣла; нѣсколько позднѣе показывается маленькое красное пятно и изъ него выходитъ червякъ, толщиною въ бичевку, достигающій иногда длины одного фута; червяка этого, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, надо осторожно вытягивать, наматывая на палочку. Это обыкновенный способъ, не причиняющій никакой особенной боли; но если червякъ оборвется, то начинается воспаленіе, и вмѣсто одного является отъ шести до десяти червей, которые, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, сильно мучатъ больнаго и приковываютъ его къ постели. Кто посмѣлѣе, тотчасъ же, вначалѣ, вырѣзываетъ риште; бухарскіе цирюльники довольно хорошо исполняютъ эту операцію: они вырѣзываютъ въ одно мгновеніе мѣсто, въ которомъ чувствуется щекотанье, червякъ вытаскивается и рана скоро заживаетъ. Иногда эта болѣзнь, встрѣчающаяся также въ Бендеръ-Абаси въ Персіи, обнаруживается только на слѣдующее лѣто и даже въ другомъ климатѣ; такимъ образомъ случилось, что знаменитый докторъ Вольфъ вывезъ съ собой изъ Бухары подобное долгое воспоминаніе о своемъ путешествіи: болѣзнь обнаружилась у него только въ Англіи. Кромѣ того у жителей Бухары, отъ дѣйствія дурнаго климата и еще худшей воды, бываютъ другія злокачественныя раны; въ особенности лица большинства женщинъ, красивыхъ брюнетокъ, совершенно обезображиваются рябинами отъ сидячей жизни.

Бухара получаетъ воду изъ Серефшана (сыплющій золото); его русло лежитъ ниже города и поэтому лѣтомъ онъ снабжаетъ его водой очень скудно. По каналу, у воротъ дервазе-Мезаръ, довольно глубокому, но содержащемуся нечисто, вода проходитъ въ городъ разъ въ недѣлю или въ двѣ, смотря по тому, какъ позволяетъ высота воды въ рѣкѣ. Появленіе волнъ, довольно грязныхъ уже при самомъ вступленіи въ городъ, составляетъ радостное событіе для жителей Бухары. Молодые и старые бросаются купаться во рвы и резервуары, потомъ въ нихъ купаютъ лошадей, коровъ и ословъ; когда всѣ, даже и собаки, нѣсколько освѣжатся, купанье запрещается; вода осаждается, дѣлается свѣтлѣй и прозрачнѣй, но въ ней уже растворены всякаго рода міазмы и грязь. Такъ снабжается водою «благородная» Бухара, гдѣ тысячи изучаютъ религію, которая говоритъ: «чистота исходитъ изъ религіи».

Никогда не забуду я видѣнной мною въ Бухарѣ религіозной ревности правительства и самого народа. Я постоянно слышалъ, что Бухара—«настоящая опора ислама»; но это названіе кажется мнѣ недостаточно сильнымъ,—ее можно было бы назвать «Римомъ ислама», такъ какъ Мекка и Медина только его Іерусалимъ. Бухара знаетъ свое достоинство и гордится имъ предъ другими мусульманскими народами, даже предъ султаномъ, который оффиціально признается главой религіи; но ему никакъ не могутъ простить, что въ его земляхъ отъ вліянія френговъ многое измѣнилось. Отъ меня, какъ османли, часто требовали отчета: 1) Почему султанъ не уничтожитъ всѣхъ френговъ, такъ какъ они живутъ въ его государствѣ и не платятъ дшизи (подати); зачѣмъ онъ не предпринимаетъ ежегодно дшихада (религіозной войны),—вѣдь на всѣхъ его границахъ живутъ невѣрные? 2) Почему османли, въ сущности сунниты, принадлежащіе къ сектѣ Эбу-Ханифе, не

носятъ чалмы и предписываемаго длиннаго, до пятъ, платья; отчего у нихъ не длинныя бороды и не короткіе усы, какъ было у «славы всѣхъ земныхъ созданій» (такъ называется пророкъ)? 3) Зачѣмъ сунниты, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Меккѣ, говорятъ на-распѣвъ эсанъ (призывъ къ молитвѣ), что считается большимъ грѣхомъ; почему не всѣ они дѣлаются хаджи,—вѣдь они живутъ такъ близко отъ святыхъ мѣстъ и т. д., и т. д.

Я дѣлалъ все возможное, чтобы спасти религіозную честь османли, и хотя мнѣ приходилось, краснѣя, признавать ихъ грѣшными во многомъ, но внутренно я радовался тому, что они, несмотря на свой искаженный исламъ, сохранили такія хорошія качества и такія прекрасныя черты характера, тогда какъ ихъ единовѣрцы, черпающіе изъ кладезя чистой вѣры, коснѣютъ въ грязной лжи, лицемѣріи и притворствѣ. Какъ часто я долженъ былъ принимать участіе въ халкасѣ (кольцо или кругъ), когда святоши послѣ молитвы тѣсно садятся одинъ подлѣ другаго и предаются теведшу—созерцанію величія Бога, славы пророка и ничтожества нашего существованія. Чужестранецъ, глядя на этихъ людей въ большихъ чалмахъ, съ потупленными глазами, съ опущенными на колѣни руками, съ ихъ сокрушеннымъ видомъ, можетъ подумать, что это все высшія существа, желающія сбросить съ себя бремя земнаго существованія и глубоко усвоившія себѣ арабское изреченіе: «міръ есть мерзость, и только псы могутъ стремиться къ мірскому». Продолжая наблюдать за ними, увидишь, что многіе изъ глубокаго размышленія погружаются въ еще болѣе глубокій сонъ; но хотя они храпятъ, какъ собаки послѣ утомительной охоты, никакъ нельзя высказать своего удивленія или какихъ-нибудь замѣчаній, потому что бухарецъ тотчасъ возразитъ вамъ: «Эти люди дошли до того, что, даже всхрапывая,

думаютъ о Богѣ и о безсмертіи души». — Въ Бухарѣ болѣе всего требуются внѣшнія формы. Въ каждомъ городѣ есть свой рейсъ (надзиратель за религіей); съ дере (четырехвосткой) объѣзжаетъ онъ улицы и площади и испытываетъ въ вѣрѣ: невѣждъ, хотя бы это были шестидесятилѣтніе старики, посылаетъ въ дѣтскую школу на срокъ отъ 1 до 14-ти дней, и въ часъ молитвы гонитъ въ мечеть всѣхъ и каждаго. Но учится ли старикъ въ школѣ или спитъ, молится ли каждый въ мечети или думаетъ о своемъ прерванномъ дневномъ занятіи, это ни до кого не касается. Правительству нужна только внѣшность, а что подъ этою внѣшностью—извѣстно одному Богу.

Едва ли нужно говорить о томъ, что религія имѣетъ сильное вліяніе на общество и правленіе. Иранская кровь,— такъ какъ пять шестыхъ населенія Бухары состоятъ изъ персіянъ, мерви и тадшиковъ,—придаетъ нѣкоторую жизнь базару и площадямъ; но какая скука и однообразіе въ частной, домашней жизни! Малѣйшій слѣдъ веселости и оживленности изгоняется изъ кружковъ, куда религія и строго-заботливое правительство являются съ такимъ самовластіемъ. Шпіоны эмира проникаютъ даже въ святилище семействъ, и горе тому, кто провинился въ несоблюденіи религіозныхъ формъ или противъ власти эмира. Вѣчная тиранія такъ напугала людей, что мужъ и жена, даже наединѣ, никогда не произносятъ имени эмира, не прибавивъ словъ: «дай Богъ прожить ему 120 лѣтъ». Бѣдные люди нисколько не питаютъ ненависти къ своимъ властителямъ, потому что деспотическій произволъ не только никого не удивляетъ, но считается необходимою принадлежностью царственнаго сана. Эмиръ Насруллахъ, отецъ теперешняго правителя Бухары, въ послѣдніе годы своего правленія былъ жестоко развратенъ: онъ наказывалъ смертью испорченность нравовъ и въ то же время возму-

тительнымъ образомъ оскорблялъ честь подданныхъ. Только немногія семейства избавились отъ его преступныхъ посягательствъ, и, несмотря на то, всякій опасался высказать вслухъ малѣйшее порицаніе. Теперешній эмиръ, Мосаффаръ-эддинъ-ханъ, къ счастію, добродушный человѣкъ; въ отношеніи религіи и нравовъ онъ, быть-можетъ, строже своего отца, но и его самого никто не можетъ обвинить въ какомъ-нибудь преступленіи; отсюда ему безконечныя похвалы и прославленіе отъ народа.

Эмиръ, котораго потомъ я видѣлъ въ Самаркандѣ, человѣкъ лѣтъ 42, средняго роста, нѣсколько дородный, но все-таки очень пріятной наружности, съ красивыми черными глазами и негустою бородой. Въ молодости своей онъ исправлялъ должность губернатора—одинъ годъ въ Карши и 18 лѣтъ въ Кермине—и всегда отличался кротостью и привѣтливостью. Онъ строго слѣдуетъ правительственной системѣ своего отца и, въ качествѣ муллы и набожнаго мусульманина, отъявленный врагъ всякихъ нововведеній, даже тѣхъ, въ пользѣ которыхъ самъ увѣренъ. Вступая на престолъ, онъ объявилъ своимъ дивизомъ «справедливость» и добросовѣстно держится его, что подтверждаютъ многіе, носящіеся о немъ, слухи. Конечно, эмиръ поступилъ уже черезчуръ справедливо, когда велѣлъ казнить своего мехтера за то, что тотъ, какъ разсказывали въ Кокандѣ, бросилъ двусмысленный взглядъ на одну изъ придворныхъ невольницъ. И въ покоренныхъ земляхъ никакой справедливый властитель не долженъ бы былъ поступать такъ, какъ поступилъ эмиръ въ Кокандѣ; но подобные промахи простительны бухарскому хану. Къ своимъ вельможамъ, и часто не безъ основанія, онъ очень строгъ: за всякую малость наказываетъ смертью, но щадитъ бѣднѣйшій классъ народа, и названіе филькушъ (убиватель слоновъ) и мушперверъ (вскармливающій мышей),

данное ему народомъ, дѣлаетъ ему четь. Удивительно, какъ эмиръ старается препятствовать всему, что могло бы вывести его народъ изъ состоянія скромности и простоты, въ которомъ онъ, по мнѣнію эмира, теперь очень счастливъ. Привозъ предметовъ роскоши или какихъ-нибудь другихъ дорогихъ товаровъ запрещенъ, точно также какъ и роскошь въ домахъ или одеждахъ, и ни для кого въ этомъ случаѣ не дѣлается исключенія. Его сердари-куль (главнокомандующій), Шахрухъ-ханъ, происходящій отъ побочной линіи царствующаго персидскаго дома (Кадшаръ), бѣжалъ сюда изъ Астрабада, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и долгое время пользовался большими почестями; онъ хотѣлъ жить здѣсь на персидскій ладъ и выстроилъ себѣ съ большими издержками одноэтажный домъ, какіе строятъ въ Тегеранѣ, и въ этомъ домѣ, кромѣ другихъ предметовъ роскоши, велѣлъ сдѣлать стеклянныя окна. Домъ стоилъ, кажется, 15.000 тиллъ, что въ Бухарѣ считается огромною суммой, и былъ такъ убранъ, что затмѣвалъ собою даже ханскій аркъ (дворецъ). Эмиру донесли о постройкѣ въ самомъ ея началѣ, но онъ дождался, пока домъ былъ совсѣмъ готовъ; тогда Шахрухъ-ханъ былъ обвиненъ въ преступленіи противъ религіи, потомъ подвергнутъ заключеніе и, наконецъ, изгнанъ. Домъ достался эмиру; за него давали болѣе настоящей цѣны, но эмиръ велѣлъ его сломать и даже уничтожить развалины, на которыхъ оставались еще нѣкоторыя украшенія. Только дерево, въ насмѣшку людямъ, любящимъ роскошь, было продано булочнику за 200 тиллъ.

Въ своей домашней жизни эмиръ совершенно отличается отъ своего отца. Я едва нашелъ половину прислуги, видѣнной г. Ханыковымъ при дворѣ Насруллаха и описанной имъ такъ тщательно и подробно. У Мосаффаръ-эддинъ-хана, по освященному религіей обычаю, четыре законныхъ

жены и около 20 незаконныхъ; первыя—туземки, а послѣднія—невольницы и, какъ мнѣ передавали по секрету, приставлены только въ услуженіе къ дѣтямъ, число которыхъ простирается до 16—десять дѣвочекъ (княженъ) и шесть мальчиковъ (тёре). Двѣ старшія дочери эмира замужемъ за губернаторами въ Серепулѣ и Акче; но такъ какъ эти города подпали подъ власть афгановъ, то оба зятя гостятъ теперь у эмира въ качествѣ rois sans portefeuilles. Вообще гаремъ, въ которомъ распоряжается теперь мать эмира, бывшая персидская невольница (урожденная изъ Кадемгія близъ Мешеда), и его бабушка Хакимъ-Айимъ, славится примѣрнымъ цѣломудріемъ и дисциплиной. Мірянину подъ смертною казнью запрещено не только входить въ гаремъ или смотрѣть на него, но даже мысленно воображать себя въ немъ; только благочестивые шейхи и муллы, извѣстные святостью своего нефеса (дыханія), допускаются въ гаремъ. Такъ нашъ хаджи Сали былъ позванъ туда, чтобы принести хаки-шифа (прахъ здравія) изъ Медины. Расходы гарема на платье, кухню и другія потребности очень ограничены. Женщины шьютъ сами не только свои собственныя платья, но часто и одежду эмира, который извѣстенъ бережливостью и строго провѣряетъ всѣ отчеты. Разсказываютъ, что кухонные расходы эмира не составляютъ 19 — 20 тенге въ день (1 тенге=75 сантимамъ), что весьма вѣроятно, такъ какъ обѣдъ рѣдко заключаетъ лакомыя блюда и состоитъ только изъ варенаго на овечьемъ салѣ пилава. Выраженіе «царскій столъ» не идетъ къ Бухарѣ, потому что тамъ ханъ, чиновникъ, купецъ, ремесленникъ и крестьянинъ ѣдятъ одно и то же.

Кто долго блуждалъ въ пустыняхъ Средней Азіи, тотъ найдетъ всегда въ Бухарѣ, несмотря на ея бѣдность, нѣчто похожее на столицу. У меня былъ теплый хорошій хлѣбъ,

чай, плоды и разныя вареныя кушанья; я заказалъ себѣ также двѣ рубашки, и удобства цивилизованной жизни такъ мнѣ понравились, что мнѣ сдѣлалось жаль ихъ, когда друзья мои пригласили меня приготовиться къ отъѣзду: имъ хотѣлось до наступленія зимы добраться до своей отдаленной родины. Я намѣревался проводить ихъ до Самарканда, такъ какъ тамъ легко могъ встрѣтить эмира, и ихъ общество было бы мнѣ въ такомъ случаѣ очень полезно. Въ Самаркандѣ уже надо было рѣшить, ѣхать ли мнѣ въ Кокандъ и Кашгаръ или возвращаться одному черезъ Карши, Керки и Хератъ. Мои благородные друзья, хаджи Билалъ и хаджи Сали, не пробовали меня уговаривать, и чтобы, въ случаѣ моего возвращенія, быть мнѣ по возможности полезными, они познакомили меня съ однимъ караванбаши изъ Хората, который съ 150-ю верблюдами находился въ Бухарѣ и по прошествіи трехъ недѣль думалъ возвратиться на родину. Этотъ караванбаши, по имени мулла Семанъ, былъ еще прежде знакомъ съ моими друзьями; они рекомендовали меня ему, какъ брата, какъ сына, и рѣшили, что, въ случаѣ если я захочу возвратиться изъ Самарканда, долженъ буду сойтись съ нимъ черезъ три недѣли въ Керки, на лѣвомъ берегу Оксуса. Этотъ первый шагъ, напоминавшій мнѣ о разлукѣ съ моими спутниками, былъ для всѣхъ насъ очень печаленъ, но меня утѣшала перспектива путешествія въ Кашгаръ, Аксу и богатый мечетями Котенъ,—страны, въ которыхъ до меня еще не бывало ни одного европейца.

Мѣсто, гдѣ я встрѣтилъ муллу Семана, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это былъ одинъ изъ каравансараевъ, назначенныхъ для торговли невольниками; я представлю читателямъ его краткое описаніе. Это—четыреугольное зданіе и имѣетъ отъ 30-ти до 35-ти келій; оно нанято тремя большими торговцами, занимающимися этой отвратитель-

ною спекуляціей, и обращено въ депо частью ихъ собственныхъ невольниковъ, частью полученныхъ ими на коммиссію отъ туркменъ. Какъ извѣстно, каракчи не имѣютъ обыкновенія держать долго у себя захваченныхъ ими невольниковъ, а продаютъ ихъ болѣе зажиточнымъ туркменамъ; тѣ перевозятъ несчастныхъ въ Бухару и получаютъ отъ этой транспортной торговли большія выгоды, такъ какъ товаръ доставляется имъ изъ первыхъ рукъ. Эти торговцы продаютъ невольниковъ, которыхъ могутъ сбыть въ первые дни своего пребыванія въ столицѣ, а остальныхъ оставляютъ маклеру (деллалу), который ведетъ настоящую оптовую торговлю. На рынкахъ въ Бухарѣ и Хивѣ продаются люди отъ 3-хъ до 60-ти лѣтняго возраста. По законамъ религіи, невольниками могутъ быть только невѣрные. Бухарецъ, набожный только по внѣшности, не глядитъ на это и обращаетъ въ неволю не только шіитовъ персіянъ, которыхъ мулла Шемзеддинъ (1400 г.) объявилъ невѣрными, но даже и своихъ единовѣрцевъ суннитовъ, заставляя ихъ побоями и дурнымъ обращеніемъ выдавать себя за шіитовъ. Неспособенъ, т. е. недостоинъ быть невольникомъ одинъ только еврей. Это презрѣніе впрочемъ радуетъ сыновъ Израиля. Туркменъ ограбитъ еврея, но тѣла его не коснется. Прежде исключались также и индусы; но такъ какъ въ послѣднее время многіе изъ нихъ идутъ черезъ Хератъ въ Бухару, то племена текке и сарикъ установили новое правило: несчастный поклонникъ Вишну обращается сначала въ исламъ, потомъ долженъ сдѣлаться шіитомъ и, только два раза перемѣнивъ религію и лишившись всего состоянія, удостоивается чести сдѣлаться невольникомъ.

Назначенный къ продажѣ невольникъ мужскаго пола осматривается публично, и продавецъ долженъ поручиться, что у него нѣтъ ни тѣлесныхъ, ни нравственныхъ недо-

статковъ. Часъ освобожденія изъ рукъ торговца—для невольника одинъ изъ самыхъ счастливыхъ; самое жестокое обращеніе, которое ожидаетъ его въ услуженіи, не можетъ быть такъ тяжело и мучительно, какъ время, которое онъ проводитъ въ лавкѣ въ качествѣ товара. Цѣна бываетъ различная, смотря по тому, часто или рѣдко туркмены могутъ дѣлать свои аламаны на сосѣднія земли. Теперь стоитъ самая высокая цѣна: за крѣпкаго мужчину—отъ 40 до 50-ти тиллъ (до 13-ти англійскихъ шиллинговъ); послѣ пораженія персіянъ при Мерве, гдѣ въ одинъ разъ было взято въ плѣнъ 18.000 персидскихъ солдатъ, такого же точно человѣка можно было купить за 3 или 4 тиллы.

Промедливъ въ Бухарѣ 18 дней, я не могъ болѣе задерживать моихъ товарищей: нужно было отправляться въ Самаркандъ. Жизнь въ Бухарѣ очень разстроила наши финансы, такъ какъ здѣсь всѣ только пожимали намъ руки, но никто не далъ ни гроша милостыни. Сбереженныя въ Хивѣ деньги приходили къ концу, и я, подобно многимъ изъ моихъ товарищей, продалъ своего осла и долженъ былъ отсюда продолжать путешествіе въ наемной повозкѣ. Нѣкоторые спутники каравана, изъ Ходшенда и Коканда, уже разстались съ нами и одни отправились въ свое недолгое путешествіе; оставались только эндидшанцы и китайскіе татары, которые изъ Бухары пошли разными путями въ Самаркандъ. Я, хаджи Сали, хаджи Билалъ и ихъ товарищи рѣшились избрать прямую дорогу, тогда какъ прочіе пѣшеходы хотѣли идти черезъ Гиджованъ, чтобы поклониться гробу святаго Абдулъ-Халика *). Такъ какъ многіе бухарцы хотѣли провожать меня на возвратномъ пути въ Мекку, то я долженъ былъ употребить боль-

*) Хаджа Абдулъ-Халикъ, прозванный Гиджовани, умеръ въ 1601 году. Онъ былъ современникъ знаменитаго Пайенде-Самини и, какъ великій аскетъ и ученый, признанъ святымъ.

шую хитрость, чтобъ избѣгнуть ихъ общества; для нихъ и для меня было бы непріятно, еслибы вмѣсто Каабы мы очутились на берегу Темзы.

Я простился со всѣми друзьями и знакомыми. Рахметъ-би далъ мнѣ рекомендательныя письма въ Самаркандъ, и я обѣщалъ представиться эмиру. Кокандская повозка, которую мы наняли до Самарканда, была выслана впередъ въ деревню Баведдинъ, такъ какъ мы, сообразно обычаямъ страны, должны были проститься съ этимъ св. мѣстомъ.

Деревня Баведдинъ отстоитъ отъ Бухары на два часа ѣзды; тамъ находится, какъ я уже говорилъ, гробница знаменитаго Баха-эддинъ-Накишбенди, основателя ордена того же имени и главнаго виновника всѣхъ тѣхъ религіозныхъ сумасбродствъ, которыми восточный исламъ отличается отъ западнаго. Здѣсь не мѣсто говорить объ этихъ особенностяхъ, и я хочу только замѣтить, что Баха-эддинъ, народный святой Туркестана, уважается какъ второй Магометъ. Бухарецъ твердо увѣренъ, что восклицаніе: «Іа Баха-эддинъ белагерданъ!» (О, Баха-эддинъ избавитель отъ бѣдъ!) можетъ спасти его отъ всякаго несчастія. Даже изъ отдаленнаго Китая пилигримы приходятъ сюда на богомолье. Изъ Бухары обыкновенно ѣздятъ туда разъ въ недѣлю, и сообщеніе съ городомъ поддерживается тремя стами ословъ, которые стоятъ у воротъ (дервазе) Мезаръ и нанимаются за нѣсколько пули (мелкая мѣдная монета). Хотя дорога во многихъ мѣстахъ покрыта глубокимъ пескомъ, однако эти животныя бѣгутъ туда съ необыкновенною скоростью, и это тѣмъ болѣе удивительно, что на возвратномъ пути ихъ только побоями можно заставить двигаться впередъ. Бухарецъ приписываетъ это привязанности, которую даже животныя чувствуютъ къ святому: съ радостью бѣгутъ они къ его гробу и неохотно отъ него удаляются.

Могила находится въ маленькомъ саду, къ одной сторонѣ котораго примыкаетъ мечеть; къ ней можно пройти только черезъ дворъ, населенный слѣпыми и другими изувѣченными, неотвязчивость которыхъ могла бы пристыдить ихъ римскихъ и неаполитанскихъ собратій. На лицевой сторонѣ гробницы находится знаменитый сенги мурадъ (камень желаній), довольно потертый лбами набожныхъ пилигримовъ. На самомъ гробѣ лежитъ нѣсколько бараньихъ роговъ, знамя и метла, служившая долгое время для выметанія святилища въ Меккѣ. Нѣсколько разъ пробовали все это мѣсто покрыть куполами, однако Баха-эддинъ, какъ и другіе святые Туркестана, предпочитаетъ свѣжій воздухъ, и всякій разъ зданіе вскорѣ послѣ постройки обрушивалось. Это разсказываютъ шейхи, потомки святаго, которые по очереди стерегутъ гробъ и съ величайшимъ безстыдствомъ сообщаютъ пилигримамъ, что ихъ родоначальникъ особенно любилъ число семь: въ седьмомъ мѣсяцѣ онъ родился, по 7-му году зналъ наизусть коранъ, на 70-мъ умеръ, а потому милостыни и подаянія, которыя кладутся на его гробъ и идутъ въ собственность шейховъ, могутъ состоять изъ повтореннаго нѣсколько разъ числа семи, но никогда не должны быть меньше.

XI.

Изъ Бухары въ Самаркандъ.—Небольшая пустыня Хёль-Мелекъ.—Усиленное движеніе по дорогѣ вслѣдствіе войны.—Видъ Самарканда.—Хазрети-шахѣ-Синде.—Мечеть Тимура.—Цитадель (аркъ).—Пріемная зала Тимура.—Кёкташъ или престолъ Тимура.—Странная скамья.—Могилы Тимура и его учителя.—Авторъ посѣщаетъ настоящую могилу Тимура въ подземельѣ.—Коранъ in folio, приписываемый Осману, писцу Магомета.—Коллегіи.—Старая обсерваторія.—Греческая и армянская библіотека не ограблена Тимуромъ, какъ утверждаютъ.—Архитектура публичныхъ зданій не китайская, а персидская.—Нынѣшній Самаркандъ.—Его населеніе.—Дебидъ.—Авторъ рѣшается возвратиться.—Пріѣздъ эмира.—Свиданіе съ нимъ автора.—Прощаніе съ хаджи и отъѣздъ изъ Самарканда.

Во время путешествія изъ Бухары въ Самаркандъ нашъ караванъ состоялъ всего изъ двухъ повозокъ; въ одной изъ нихъ сидѣли я и хаджи Сали, а въ другой хаджи Билалъ съ своими домашними. Защищенный отъ солнца тростниковою циновкой, охотно присѣлъ бы я на свой коверъ, но это было невозможно: нашъ тряскій, первобытный экипажъ сильно перебрасывалъ насъ изъ стороны въ сторону. Отъ безпрестанныхъ толчковъ мы не только изранили себѣ головы, но въ первое время я почувствовалъ даже морскую болѣзнь; вообще я страдалъ теперь гораздо болѣе, чѣмъ на верблюдѣ, хотя сначала я очень боялся его движеній, подобныхъ корабельной качкѣ. Бѣдная лошадь, которой едва подъ силу было бы тащить и пустую телѣгу съ ея неуклюжими и не совсѣмъ круглыми колесами, по трудной дорогѣ—то глубоко-песчаной, то грязной, должна была еще, кромѣ того, везти на себѣ сѣдока и мѣ-

шокъ съ кормомъ; туркменъ совершенно правъ, говоря, что бухарцы будутъ отвѣчать на страшномъ судѣ за то, что они такъ дурно обращаются съ лошадью, этимъ благороднѣйшимъ изъ животныхъ.

Мы выѣхали изъ Баведдина ночью, и нашъ возница (урожденный кокандецъ), плохо знавшій дорогу, заблудился. Такимъ образомъ вмѣсто полуночи мы только утромъ прибыли въ городокъ Мезаръ, находящійся въ пяти ташахъ (ферзахъ) *) отъ Бухары и служащій первою станціей на пути ка Самарканду. Здѣсь мы остановились на самое короткое время и послѣ полудня достигли Шейхъ-Казима, гдѣ встрѣтились съ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей, шедшими черезъ Гиджованъ, и отдыхали съ ними вмѣстѣ до поздней ночи.

Мнѣ уже прежде разсказывали много чудеснаго о цвѣтущей культурѣ страны, находящейся между Бухарой и Самаркандомъ; но на сегоднешнемъ пути мои, быть-можетъ преувеличенныя, ожиданія не сбылись: я не нашелъ ничего особеннаго, кромѣ обработанной земли, виднѣвшейся по всей дорогѣ. Я былъ дѣйствительно удивленъ на слѣдующее утро, когда мы проѣзжали маленькую пустыню Хёль-Меликъ, имѣющую въ ширину 4, а въ длину 6 часовъ пути, и достигли области Кермине. Въ Хёль-Меликѣ есть каравансарай и резервуаръ воды. Здѣсь (это былъ уже третій день путешествія) намъ приходилось каждый часъ, а иногда даже каждые полчаса, проѣзжать мимо базарли-джай (маленькихъ рынковъ), гдѣ мы встрѣчали гостиницы, торговцевъ съ съѣстными припасами и даже—высшая степень цивилизаціи и комфорта—исполинскіе, постоянно кипѣвшіе, самовары. Эти деревни отличаются отъ

*) Камень—по-турецки ташъ; это же слово употребляется для означенія мили. Такъ и персидское слово ферзенгъ (на теперешнемъ персидскомъ языкѣ ферзахъ) составлено изъ фер (высокій) и зенгъ (камень).

персидскихъ и турецкихъ совершенно инымъ характеромъ: крестьянскіе дворы гораздо изобильнѣе снабжены разными произведеніями земли, и еслибы здѣсь было побольше деревьевъ, то можно было бы сказать, что, начиная отъ Понтійскаго хребта горъ, гдѣ прекращается дикая растительность, это единственная мѣстность, напоминающая нашъ Западъ. Около полудня мы остановились въ Кермине въ прекрасномъ саду, на тѣнистомъ берегу пруда. Общество моихъ друзей становилось для меня все дороже: приближалось время нашей разлуки, и я никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что мнѣ одному придется ѣхать изъ Самарканда въ Европу.

Изъ Кермине мы выѣхали при закатѣ солнца, чтобы ночная прохлада облегчила нѣсколько наше сильно утомленное животное; около полуночи мы остановились на два часа и на слѣдующее утро, до наступленія жары, пріѣхали на станцію. По дорогѣ я замѣтилъ во многихъ мѣстахъ частью цѣльныя, частью изломанныя каменныя плиты, обозначающія мили и относящіяся еще ко времени Тимура; это впрочемъ нисколько не удивительно: Марко-Поло, еще во времена Октая, видѣлъ въ Средней Азіи правильныя почтовыя дороги. Вообще по всему пути изъ Бухары въ Кашгаръ видны еще слѣды прежней культуры, мѣстами пропадающіе, но замѣтные до самаго Китая. Теперешній эмиръ, желая также прославиться и польстить ханженству народа, велѣлъ сдѣлать во многихъ мѣстахъ по дорогѣ небольшія террасообразныя возвышенія для молитвы, для того чтобъ эти возвышенія, какъ импровизованныя мечети, напоминали проходящимъ объ исполненіи ихъ обязанностей. Такъ каждый вѣкъ имѣетъ свойственныя ему стремленія.

Нынѣшній вечеръ мы провели въ деревнѣ Миръ, въ мечети, возвышающейся среди красиваго цвѣтущаго сада.

Я расположился около пруда и очень испугался, когда въ полночь былъ разбуженъ толпой ругающихся туркменъ. Это были всадники изъ племени текке; они служили эмиру вспомогательнымъ войскомъ во время его похода въ Кокандъ и теперь возвращались въ Мерве съ добычей, отнятой у киргизовъ. Эмиръ хотѣлъ цивилизовать ихъ и далъ многимъ изъ нихъ бѣлыя чалмы въ замѣнъ ихъ грубыхъ мѣховыхъ шапокъ, но туркмены не поддались и носили эти чалмы, пока находились при эмирѣ, а потомъ, какъ я слышалъ, продали ихъ.

Изъ Мира мы прибыли въ Кетте-Курганъ (большая крѣпость), мѣстопребываніе губернатора; здѣсь, между прочимъ, дѣлаются лучшіе башмаки во всемъ ханствѣ. Такъ какъ ночью нельзя войти въ крѣпость, окруженную массивными стѣнами и глубокими рвами, то мы остановились въ одномъ изъ каравансараевъ, стоящихъ на дорогѣ. Тутъ мы нашли много повозокъ. Вообще дороги въ это время были очень оживлены, такъ какъ, по случаю похода изъ Бухары въ Кокандъ, всѣ повозки были въ работѣ. Изъ Кетте-Кургана, черезъ пустыню Карши, идетъ особенная дорога, которая на четыре часа ѣзды короче идущей туда изъ Самарканда; но путешественники должны брать съ собой воду, такъ какъ въ этой части пустыни много колодцевъ съ водой годною для животныхъ и очень мало воды пригодной для людей. Я слышалъ, какъ погонщики и поселяне, стоя передъ чайными лавками, толковали о политикѣ. Эти разсужденія здѣсь, въ деревнѣ, не такъ преслѣдуются, какъ въ самой Бухарѣ. Бѣдные люди приходили въ восторгъ, говоря о геройскихъ подвигахъ своего эмира; они разсказывали, что онъ проникъ изъ Коканда въ Китай и, покоривъ все подъ свой скипетръ на востокѣ, хочетъ также завоевать Иранъ, Афганистанъ, Индію и Френгистанъ—всѣ страны до самаго Рума; та-

кимъ образомъ міръ раздѣлится между султаномъ и эмиромъ.

Послѣ Карасу наша пятая и послѣдняя станція предъ Самаркандомъ была Даулъ. Дорога шла по возвышенностямъ, съ которыхъ видны были разстилающіеся слѣва большіе лѣса. Мнѣ говорили, что они тянутся до половины дороги въ Бухару и служатъ мѣстомъ жительства двумъ узбекскимъ племенамъ—китаи и кипчакъ; эти племена бываютъ очень часто яги (во враждѣ) съ эмиромъ, но ихъ не легко усмирить, такъ какъ они хорошо знаютъ всѣ потаенныя мѣста въ своихъ лѣсахъ. Хотя важное историческое значеніе, которое я прежде приписывалъ Самарканду, уже ослабѣло въ моихъ глазахъ еще въ Бухарѣ, тѣмъ не менѣе мною овладѣло невыразимое любопытство, когда мнѣ показали лежащую на востокѣ гору Чобаната; у ея подошвы находилась Мекка моихъ стремленій. Я со вниманіемъ смотрѣлъ кругомъ, и когда, послѣ двухчасовой ѣзды, мы начали спускаться съ одного холма, я увидалъ среди хорошо воздѣланной мѣстности городъ Тимура. Я долженъ признаться, что видъ пестрыхъ куполовъ, блистающихъ отъ лучей утренняго солнца, былъ привлекателенъ и производилъ особенное впечатлѣніе.

Такъ какъ Самаркандъ, благодаря очарованію, которое имѣетъ для насъ прошедшее, а также вслѣдствіе его отдаленности отъ Европы, считается чѣмъ-то необыкновеннымъ, то, за неумѣніемъ владѣть кистью, я постараюсь изобразить видъ города перомъ. Я попрошу читателя сѣсть въ мою повозку; въ восточномъ направленіи ему представится вышеупомянутая гора, на конусообразной вершинѣ которой красуется домикъ, гдѣ покоится Чобаната, святой покровитель пастуховъ. У ея подошвы разстилается городъ, который въ окружности такъ же великъ, какъ и Тегеранъ, только не такъ тѣсно застроенъ; но онъ пред-

ставляетъ болѣе величественный видъ своими возвышающимися зданіями и развалинами. Болѣе всего поражаютъ куполообразныя зданія, находящіяся на сѣверо-востокѣ: это четыре медрессе (пиштакъ), которыя издали кажутся стоящими близко одна отъ другой. Подвигаясь впередъ, мы видимъ два купола—одинъ небольшой, другой болѣе величественный; первый—гробница, а послѣдній—мечеть Тимура. Прямо передъ ними на юго-западномъ краю города возвышается на пригоркѣ цитадель (аркъ), которую окружаютъ другія зданія—частью мечети, частью гробницы. Представьте себѣ все это въ перемежку съ тѣнистыми садами, и вы получите о Самаркандѣ только слабое понятіе: «слышать не то, что видѣть», гласитъ персидская поговорка.

Едва ли нужно говорить, что впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ города издали, исчезало по мѣрѣ приближенія къ нему. Особенно обидно было разочарованіе въ самомъ Самаркандѣ, когда мы, въѣхавъ въ бухарскія ворота, должны были долго пробираться по кладбищу, чтобы достигнуть обитаемой части города; тогда мнѣ вспомнился персидскій стихъ: «Самаркандъ—сіяющая точка земнаго шара», и я отъ души разсмѣялся, несмотря на дурное расположеніе духа. Мы повернули сперва къ одному каравансараю, гдѣ хаджи получаютъ даровое помѣщеніе, но въ тотъ же вечеръ насъ пригласили въ домъ одного частнаго лица, находящійся недалеко отъ гробницы Тимура. Я очень обрадовался, что нашъ хозяинъ былъ сановникомъ при дворѣ и что ему даже порученъ надзоръ за дворцомъ въ Самаркандѣ.

Было объявлено, что эмиръ, окончившій свой побѣдоносный походъ въ Кокандъ, прибудетъ сюда черезъ нѣсколько дней; мои спутники поэтому рѣшились остаться для меня въ Самаркандѣ до тѣхъ поръ, пока я не увижу

эмира и не найду другихъ хаджи, съ которыми я могъ бы отправиться въ путь. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобъ осмотрѣть достопримѣчательности, которыми городъ, несмотря на свой жалкій видъ, богаче всѣхъ прочихъ городовъ Средней Азіи. Какъ хаджи, я началъ осмотръ со святыни; такъ какъ здѣсь все, что имѣетъ даже чисто-историческій интересъ, тѣсно связано съ какой-нибудь священною легендой, то видѣть все было моею прямой обязанностью, конечно совпадавшею вполнѣ и съ моимъ собственнымъ желаніемъ. Здѣсь насчитываютъ нѣсколько сотъ святыхъ мѣстъ, привлекающихъ къ себѣ толпы усердныхъ богомольцевъ, и чужестранцы, при благоговѣйномъ осмотрѣ ихъ, придерживаются извѣстнаго порядка, сообразно степени важности мѣстъ и лицъ. Мы также будемъ слѣдовать этому порядку при описаніи достопримѣчательностей Самарканда, позволяя себѣ не упоминать только о тѣхъ мѣстахъ и о тѣхъ святыхъ, которые не имѣютъ историческаго значенія.

1. Хазрети-шахъ Синде. Настоящее имя этого святаго Казимъ-бинъ-Аббасъ; вѣроятно онъ былъ корейшитъ. Здѣсь онъ пользуется особеннымъ уваженіемъ за то, что предводительствовалъ арабами, которые ввели исламъ въ Самаркандѣ. Его гробница находится къ сѣверо-востоку отъ города, не далеко отъ стѣны, въ зданіи, служившимъ лѣтнимъ жилищемъ великому Тимуру; оно и до сихъ поръ сохранило многое отъ своего прежняго великолѣпія. Зданіе это расположено на возвышенности, къ которой ведутъ 40 довольно широкихъ мраморныхъ ступеней. При входѣ наверхъ, глазамъ прежде всего представляется находящееся на концѣ маленькаго сада зданіе, изъ котораго узкіе корридоры ведутъ въ большую комнату, а отсюда устроенъ узкій мрачный ходъ къ такой же мрачной гробницѣ святаго. Кромѣ этой части, служащей мечетью, есть еще и

другія комнаты, пестрые кирпичи и мозаика которыхъ блестятъ такими великолѣпными красками, какъ будто они только вчера вышли изъ подъ руки мастера. При входѣ въ каждую новую комнату, мы должны были класть по два рикаатъ-намаза (поклона), и у меня болѣли уже колѣни, когда насъ привели въ комнату, выложенную мраморомъ, гдѣ мы должны были приложиться къ тремъ знаменамъ, старому мечу и панцырю, хранящимся здѣсь въ честь и память великаго эмира. Я приложился къ этимъ вещамъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и другіе, но очень сомнѣваюсь въ ихъ подлинности. Мнѣ разсказывали также о мечѣ, о панцырѣ, коранѣ и о другихъ предметахъ, принадлежавшихъ святому, но я ничего подобнаго не видалъ. Противъ этого зданія теперешній эмиръ велѣлъ выстроить маленькую медрессе, которая, впрочемъ, болѣе похожа на дворцовую конюшню.

2. Месдшиди-Тимуръ (мечеть Тимура). Эта мечеть находится въ южной части города и по величинѣ и великолѣпнымъ украшеніямъ изъ кашиса (выкрашенный кирпичъ) имѣетъ большое сходство съ Месдшиди-шахъ, которую Аббасъ II-й велѣлъ выстроить въ Исфаганѣ; разница только въ томъ, что куполъ первой имѣетъ форму дыни, а второй не имѣетъ такой формы. Надписи изъ корана, сдѣланныя золотыми буквами, самыя красивыя, какія я когда-либо видѣлъ послѣ надписей въ развалинахъ Султани.

3. Аркъ (цитадель). Къ цитадели ведетъ довольно крутая дорога; цитадель раздѣляется на двѣ части: на внѣшнюю и внутреннюю; въ послѣдней находятся жилища частныхъ лицъ, первая же служитъ только мѣстопребываніемъ эмира. Хотя о дворцѣ мнѣ разсказывали какъ о достопримѣчательности, однако я не нашелъ ничего достойнаго замѣчанія въ архитектурѣ этого дома, построеннаго не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Сначала мнѣ показали комна-

ты эмира, изъ которыхъ одна, айнехане, со стѣнами, составленными изъ зеркальныхъ кусочковъ, считается чудомъ свѣта; но мнѣ она понравилась менѣе той, которую мнѣ указали подъ именемъ талари-Тимуръ (пріемная зала Тимура). Это—длинный, узкій дворъ, окруженный крытою узкой галлереей; на его передней сторонѣ находится знаменитый кёкташъ, т. е. зеленый камень, на которомъ эмиръ воздвигъ свой тронъ; кругомъ, по галлереѣ, размѣщались, сообразно своему званію, вассалы, собиравшіеся къ нему на поклонъ со всѣхъ концовъ свѣта. На срединѣ двора, имѣющей видъ арены, четыре герольда, на коняхъ, немедленно передавали слова побѣдителя міра лицамъ, находившимся на самомъ концѣ галлереи. Такъ какъ камень имѣетъ $4^1/_2$ фута вышины, то какой-нибудь плѣнникъ знатнаго происхожденія долженъ былъ всегда служить скамейкой. Съ трудомъ вѣрится сказанію, что этотъ колоссальный камень, имѣющій, при упомянутой вышинѣ, 10 футовъ длины и 4 фута ширины, привезенъ сюда изъ Бруссы. Съ правой стороны камня заложенъ въ стѣну кусокъ желѣза, имѣющій форму половины кокосоваго орѣха; на немъ вырѣзана арабская надпись куфическими письменами [1]). Онъ также привезенъ сюда изъ сокровищницы султана Баязета-Ильдирима и служилъ талисманомъ одному изъ калифовъ. Надъ камнемъ, на стѣнѣ, я видѣлъ два фирмана, писанные золотыми буквами; ихъ прислали изъ Стамбула султанъ Махмудъ и султанъ Абдулъ-Меджидъ эмиру Саиду и эмиру Насруллаху. Эти фирманы заключаютъ въ себѣ какъ рухсати-намазъ, т. е. оффиціальное разрѣшеніе на молитву [2]), такъ и инвеституру на должность придвор-

---

[1]) Такъ называются эти древне-арабскія письмена отъ Куфы—города, находящагося въ теперешнемъ Багдадскомъ пашалыкѣ. *Прим. перев.*

[2]) Именно разрѣшеніе праздничныхъ молитвъ, которыя всякій суннитъ можетъ совершать только послѣ калифа или представителя.

наго виночерпія. Инвеститура эта издавна, по правиламъ этикета, дается бухарскимъ эмирамъ. Эмиры, при вступленіи на престолъ, принимаютъ отъ своихъ подданныхъ присягу на кёкташѣ; въ другое же время его посѣщаютъ только набожные пилигримы, которые, произнося три фатиха, съ особеннымъ благоговѣніемъ трутъ свои головы о то мѣсто, съ котораго разносились нѣкогда повелѣнія ихъ славныхъ государей въ самыя отдаленныя части Азіи. Въ Самаркандѣ говорятъ о Тимурѣ, какъ будто извѣстіе о его смерти только вчера пришло изъ Отрара, и меня, какъ османли, спрашивали, съ какимъ чувствомъ иду я ко гробу человѣка, отъ котораго нашъ султанъ потерпѣлъ такое страшное пораженіе.

4. Турбети-Тимуръ (гробница Тимура) находится на юго-востокѣ отъ города; она состоитъ изъ невысокой часовни, увѣнчанной великолѣпнымъ куполомъ и обнесенной стѣной. По обѣимъ сторонамъ довольно высокихъ воротъ находятся два маленькіе купола, очень похожіе на большой. Пространство между стѣной и часовней засажено деревьями. Входъ въ часовню съ востока, фасадъ же обращенъ къ югу (кибле). Сначала входятъ въ небольшое преддверіе, а оттуда въ самую часовню—осьмиугольную, имѣющую въ поперечникѣ 10 небольшихъ шаговъ. Въ срединѣ, подъ куполомъ, т. е. на почетномъ мѣстѣ, стоятъ два гроба, обращенные головой къ Меккѣ. На одномъ изъ нихъ лежитъ темнозеленый, очень дорогой камень, шириною въ $2^1/_2$ пяди, приблизительно въ 6 пальцевъ толщины, а длиною въ 10 пядей; камень раздѣленъ на два куска *). Это-

*) О причинѣ раздѣленія камня существуютъ различныя сказанія. Нѣкоторые говорятъ, что побѣдоносный Надиръ-шахъ хотѣлъ привезти его къ себѣ, но на дорогѣ камень развалился на двѣ части. Другіе же утверждаютъ, что онъ и прежде состоялъ изъ двухъ кусковъ и подаренъ какою-то китайской (монгольской) принцессой.

гробница Тимура. Другой гробъ, покрытый чернымъ камнемъ такой же длины и нѣсколько большей толщины— гробница Миръ-Сеидъ-Берке, учителя Тимура, подлѣ котораго могущественный эмиръ желалъ быть погребеннымъ, въ знакъ своей къ нему признательности. Вокругъ нихъ стоятъ еще другія большія и маленькія гробницы, въ которыхъ лежатъ жены, внуки и правнуки эмира; тѣла ихъ, если я не ошибаюсь, были перенесены сюда позднѣе изъ разныхъ частей города. Надгробныя надписи сдѣланы на персидскомъ и арабскомъ языкахъ, безъ особенныхъ титуловъ; даже надпись надъ гробомъ эмира очень проста.

Что же касается до внутренности часовни, то въ высшей степени изящныя арабески, съ богатою позолотой и съ великолѣпною лазурью, въ самомъ дѣлѣ поразительно хороши; внутренность гробницы Меезуме-Фатма *) въ Комѣ (въ Персіи) можетъ дать о нихъ самое слабое понятіе, хотя послѣдняя великолѣпно разукрашена, а первая изящна своею простотой.

У изголовья гробовъ стоятъ двѣ рале (столы съ двумя крыльями, на которые на Востокѣ кладутъ священныя книги); передъ ними муллы попеременно днемъ и ночью читаютъ коранъ. За это они получаютъ изъ вакфа (богоугодное заведеніе) Турбы хорошее содержаніе. Они, также какъ и мутевали (надсмотрщики), выбирались изъ ногайскихъ татаръ, и даже теперь главные мутевали бываютъ иногда изъ свѣтловолосыхъ. Я сдѣлалъ визитъ главному мутевали и долженъ былъ пробыть цѣлый день у него въ гостяхъ. Въ знакъ особеннаго своего благоволенія, онъ

*) Сестра имама Ризы, которая послѣ долгихъ просьбъ получила позволеніе отъ Мимуна калифа посѣтить своего брата, находившагося въ изгнаніи въ Тусѣ. Во время своего путешествія она умерла въ Комѣ и ея гробница, внутренности которой до меня не видѣлъ ни одинъ европеецъ, считается въ Персіи высокопочитаемою святыней, много посѣщаемой богомольцами.

велѣлъ показать мнѣ подземную, т. е. настоящую гробницу, которую, какъ онъ увѣрялъ меня, рѣдко показываютъ даже туземцамъ. Сюда сходятъ по узкой, длинной лѣстницѣ, которая находится сзади входа и ведетъ въ комнату, находящуюся подъ часовней. Эта комната не только одинаковой величины съ верхней, но и украшена точно такими же, какъ нельзя вѣрнѣе скопированными, арабесками; гроба стоятъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и наверху, но не такъ многочисленны. Утверждаютъ, что въ могилѣ Тимура скрыто много драгоцѣнностей; но это было бы противъ заповѣди ислама, почему и не правдоподобно. Также и здѣсь стоитъ рале, на которомъ лежитъ коранъ (большое in folio), написанный на кожѣ газели. Я слышалъ отъ многихъ и вѣрныхъ людей, что это тотъ самый экземпляръ, который былъ написанъ Османомъ, секретаремъ Магомета и вторымъ калифомъ. Тимуръ принесъ съ собой эту святыню изъ сокровищницы султана Баязета въ Бруссѣ; съ этого времени ее скрываютъ здѣсь какъ драгоцѣнность: еслибъ узнали объ этомъ мусульманскіе государи, то непремѣнно возненавидѣли бы Бухару.

На фасадѣ Турбы, на самомъ видномъ мѣстѣ, написаны бѣлыми буквами по голубому фону слова: «сдѣлано Абдуломъ, сыномъ Махмуда изъ Исфагана». Я не могъ найти года, когда именно сдѣлана эта надпись.—Почти во ста шагахъ отъ описаннаго зданія находится другой куполъ, болѣе простой архитектуры, но довольно старый, гдѣ покоится любимая жена Тимура, которую почитаютъ здѣсь какъ святую. На самомъ верху купола повѣшено нѣчто въ родѣ клубка, который содержитъ въ себѣ волосы изъ бороды пророка (муйсеадетъ) и, какъ полагаютъ здѣсь, уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ предохраняетъ отъ разрушенія надтреснутый со всѣхъ сторонъ куполъ.

5. Медрессе. Изъ нихъ нѣкоторыя еще обитаемы, а

другія совершенно оставлены и скоро превратятся въ развалины. Лучше другихъ сохранились медрессе Ширударъ и Тиллакари, которыя однако построены много времени спустя послѣ Тимура. Послѣдняя очень богата золотыми украшеніями, почему и называется Тиллакари. т. е. сдѣланная изъ золота; она выстроена въ 1028 (1618) г. однимъ богатымъ калмыкомъ, по имени Іеленктошъ, принявшимъ исламъ; часть, называемая Ханка, дѣйствительно такъ богата, что уступаетъ въ богатствѣ только внутренности мечети имама Ризы. Противъ нея находится медрессе Мирза-Улудгъ, которую велѣлъ выстроить въ 828 г. (1434) внукъ Тимура, страстный любитель астрологіи. Уже въ 1113 г. (1701) эта медрессе была такъ повреждена, что, выражаясь словами моего проводника, въ кельяхъ хозяйничали, вмѣсто учениковъ, ночныя совы, а двери, вмѣсто шелковыхъ занавѣсей, были завѣшаны паутиной. Въ этомъ зданіи находилась знаменитая обсерваторія, постройка которой начата была въ 832 г. (1440) подъ надзоромъ Гаясъ-еддинъ-Дшемшида, Муанина-Кашани и ученаго израильтянина Сила-еддинъ-Багдади, а окончена при Али-Кушчи. Эта обсерваторія была вторая и послѣдняя послѣ выстроенной въ Марага при Гелагу ученымъ Недшемъ-еддиномъ. Мнѣ показали мѣсто обсерваторіи, но я едва могъ отыскать ея малѣйшій слѣдъ.

Эти три медрессе составляютъ центръ или ригистанъ Самарканда, который хотя и менѣе бухарскаго ригистана, но также заключаетъ въ себѣ много лавокъ и также полонъ вѣчно шумящею толпой.

Вдали отъ нихъ, около бухарскихъ дервазе (воротъ), находятся развалины нѣкогда величественной медрессе Ханимъ, выстроенной по приказанію одной китайской принцессы, супруги Тимура, на ея собственныя деньги; въ этой медрессе, какъ говоритъ преданіе, было до тысячи учени-

ковъ, изъ которыхъ каждый получалъ ежегодно на содержаніе по 100 тиллъ. По всей вѣроятности, число учениковъ вымышлено, по восточному обычаю, но во всякомъ случаѣ развалины, отъ которыхъ въ настоящее время еще сохранились три стѣны и фасадъ (пиштакъ) вышиною болѣе чѣмъ во 100 футовъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что строеніе было дѣйствительно великолѣпно. Фасадъ, башни и порталъ покрыты мозаикой. Цвѣта мозаики подобраны удивительно хорошо и составъ такъ проченъ, что я съ величайшимъ трудомъ едва могъ отломить цвѣточную чашечку; отъ нея мнѣ удалось сохранить только внутреннюю почку, состоящую изъ трехъ листковъ, вложенныхъ одинъ въ другой. Хотя опустошеніе производится очень ревностно, но внутри, гдѣ теперь останавливаются наемныя повозки, отправляющіяся въ Кокандъ и Карши, еще замѣчательна мечеть съ своимъ чудотворнымъ исполинскимъ рале; еще много десятковъ лѣтъ придется самаркандцамъ рѣзать и вырубать, чтобъ уничтожить все.

Кромѣ упомянутыхъ памятниковъ, есть еще отдѣльныя башни и куполообразныя зданія — произведенія минувшихъ столѣтій. Я осматривалъ по возможности все, но, несмотря на всѣ усилія, не могъ отыскать и слѣда той знаменитой греческой и армянской библіотеки, которую, какъ утверждаетъ всюду распространенное преданіе, побѣдоносный Тимуръ привезъ въ Самаркандъ для того, чтобъ украсить ею свою столицу. Эта басня — иначе не могу назвать это преданье — произошла вслѣдствіе крайняго патріотизма одного армянскаго священника, по имени Хадшатора, который прибылъ изъ Кабула въ Самаркандъ и открылъ, будто бы, огромные фоліанты на тяжелыхъ цѣпяхъ въ башняхъ, куда ни одинъ мусульманинъ не смѣлъ войти изъ опасенія подпасть подъ власть злыхъ духовъ. Позднѣе эта басня, если я не ошибаюсь, была занесена

однимъ французскимъ ученымъ какъ несомнѣнный фактъ въ «Исторію армянъ»; и такъ какъ мы, европейцы, подъчасъ не хуже жителей Востока любимъ самовольно обращаться съ предметами, облеченными въ таинственную неизвѣстность, то наши археологи пресерьезно утверждаютъ, что азіятскій завоеватель навьючилъ нѣсколько сотъ муловъ греко-армянскими манускриптами и отправилъ ихъ въ свою столицу для того, чтобъ его татары изучили иностранные языки и исторію чуждыхъ народовъ.

Какъ мало мы вѣримъ въ существованіе упомянутой библіотеки, точно такъ же должны отвергнуть то мнѣніе, которое приписываетъ китайскій характеръ памятникамъ Самарканда. Правда, границы Китая отстоятъ отъ Самарканда только на 10 дней ѣзды и самый Китай на 60 дней, но кто имѣетъ понятіе о замкнутости границъ «небесной имперіи», тотъ легко пойметъ, какъ мало можетъ быть общаго между китайцами и магометанами, которые притомъ и сами не отличаются общежитіемъ.

Надпись на фасадѣ гробницы Тимура, съ которой по стилю и украшеніямъ болѣе или менѣе сходны и остальные памятники Самарканда, ясно доказываетъ, что строителями были персіяне; чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить эти памятники съ находящимися въ Гератѣ, Мешедѣ и Исфагани.

Вотъ что можно сказать о древнемъ, историческомъ Самаркандѣ. Новый городъ, находящійся на разстояніи одного часа ѣзды отъ развалинъ старой стѣны *), имѣетъ 6 во-

*) Очень можетъ быть, что эти развалины означаютъ прежнія границы предмѣстьевъ. Р. Г. де-Клавіо, бывшій при посольствѣ, отправленномъ ко двору Тимура, сообщаетъ (какъ видно изъ перевода Маркхама, стр. 172), что цитадель была на краю города, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится и теперь. Пространство между упомянутыми развалинами стѣны, гдѣ находится также глубокій ровъ, и новыми стѣнами хотя и было обитаемо, но могло не принадлежать къ городу.

ротъ и нѣсколько базаровъ, существующихъ съ самыхъ древнихъ временъ; на этихъ базарахъ выставляютъ для продажи знаменитыя кожаныя издѣлія и деревянныя сѣдла, сработанныя со вкусомъ; отдѣлка ихъ могла бы сдѣлать честь даже европейскому мастеру. Во время моего пребыванія въ городѣ Тимура, какъ на базарахъ, такъ на площадяхъ и улицахъ было всегда очень много народа, потому что войска возвращались изъ похода; но обыкновенное число жителей не превышаетъ 15—20.000, изъ которыхъ ⅔ узбековъ, а ⅓ таджиковъ. Резиденція эмира находится собственно въ Бухарѣ, но онъ проводитъ здѣсь каждое лѣто 2 или 3 мѣсяца, потому что Самаркандъ лежитъ выше и дѣйствительно имѣетъ климатическія преимущества. Въ то время, когда въ Бухарѣ была невыносимая жара, въ Самаркандѣ стояла пріятная погода; только вода, которую мнѣ хвалили какъ абихаятъ (амброзія), была въ высшей степени дурна. Особенно красиво мѣстоположеніе Дебидъ (десять ивъ), куда приходятъ на поклоненіе и гдѣ также путешественники располагаются для отдыха; это мѣсто отстоитъ на часъ пути отъ Самарканда и находится на противоположной сторонѣ Серефшана. Въ Дебидѣ живутъ потомки покоящагося здѣсь Махдунъ-А'азама, умершаго въ 949 г. (1542); они построили здѣсь красивый ханка (монастырь) и принимаютъ пилигримовъ. Удивительно, что, хотя Дебидъ лежитъ выше Самарканда, здѣсь я видѣлъ тутовыя ягоды въ половинѣ августа, а въ большой аллеѣ, которую Незръ-Диванбеги велѣлъ насадить въ честь святаго въ 1632 г., было прохладно даже въ полдень. На дорогѣ въ Дебидъ мнѣ показали мѣсто, гдѣ находился знаменитый баги-чинаранъ, т. е. тополевый садъ; развалины указываютъ на остатки дворца, а изъ деревьевъ уже не видно ни одного.

Хотя мы не можемъ согласиться съ жителями Средней

Азіи, которые теперешнимъ развалинамъ даютъ названіе «раю подобный Самаркандъ», тѣмъ не менѣе древняя столица Средней Азіи, по своему положенію и по окружающей ее роскошной растительности, должна быть названа самымъ красивымъ городомъ въ Туркестанѣ. Туземцы ставятъ выше Кокандъ и Наменганъ, но мы должны сперва ихъ видѣть, чтобъ отдать имъ пальму первенства.

Пробывъ въ Самаркандѣ 8 дней, я твердо рѣшился отправиться отсюда по вышеупомянутой дорогѣ къ отдаленному Западу. Хаджи Билалъ хотѣлъ взять меня съ собою въ Аксу и обѣщалъ отправить меня въ Мекку черезъ Іеркендъ, Тибетъ и Кашмиръ, или, если счастье будетъ благопріятствовать, черезъ Комулъ въ Бедшингъ (Пекинъ); но хаджи Сали отговаривалъ меня, указывая на слишкомъ дальній путь и крайне ограниченныя средства, находившіяся въ моемъ распоряженіи. Онъ говорилъ мнѣ: «до Аксу, можетъ-быть даже до Комула, ты еще дойдешь какъ-нибудь, потому что на этомъ пространствѣ все еще живутъ мусульмане и братья, которые будутъ оказывать тебѣ подобающую честь, какъ дервишу изъ Рума, а дальше ты встрѣтишь черныхъ невѣрныхъ, которые хотя и не сдѣлаютъ тебѣ худаго, за то и не дадутъ ничего. За Тибетомъ ты найдешь, можетъ-быть, попутчиковъ изъ Кашгара и Іеркенда; но я не рѣшусь взять тебя съ собой въ Кокандъ, гдѣ, по случаю войны, происходятъ страшные безпорядки. Если тебѣ нужно видѣть Кокандъ, отправляйся туда, когда тамъ все успокоится, а въ настоящее время поѣзжай лучше обратно въ Тегеранъ черезъ Гератъ съ попутчиками, которыхъ мы нашли для тебя».

Хотя слова моего друга казались мнѣ справедливыми, однако я въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сильно боролся съ собою, желая перемѣнить прежнее рѣшеніе. Путешествіе сухимъ путемъ въ Пекинъ, при чемъ нужно было

проходить землями татаръ, киргизовъ, калмыковъ, монголовъ и китайцевъ (путь, на который не отважился самъ Марко-Поло), было въ самомъ дѣлѣ заманчиво. Но разсудокъ говорилъ мнѣ: «пока довольно». Я мысленно взглянулъ на все пройденное мною пространство и увидалъ, что до меня въ этихъ странахъ не было еще ни одного путешественника, который бы совершилъ такое длинное и оригинальное путешествіе, и я пришелъ къ тому убѣжденію, что не слѣдуетъ жертвовать уже пріобрѣтенными знаніями, какъ бы они ни были незначительны, для достиженія опасной и невѣрной цѣли. Мнѣ только 31 годъ, думалъ я; чего не случилось, то можетъ случиться, а безразсудной отважностью можно заразъ погубить все. Хаджи Билалъ, шутя, упрекнулъ меня въ недостаткѣ мужества; европейскій читатель, быть-можетъ, также согласится съ нимъ въ этомъ, но опытъ научилъ меня, по крайней мѣрѣ здѣсь, не пренебрегать турецкою поговоркой: «лучше сегодня яйцо, нежели завтра курица».

Я былъ занятъ приготовленіями къ отъѣзду, когда эмиръ съ тріумфомъ вступилъ въ городъ; еще за нѣсколько дней было объявлено объ его прибытіи, и цѣлыя массы народа собрались въ ригистанѣ. Въѣздъ однако же не отличался особенною торжественностью. Впереди ѣхали 200 сербазе, которые сверхъ своего нескладнаго бухарскаго платья надѣли еще какую-то кожаную одежду, почему и назывались регулярнымъ войскомъ; за ними слѣдовали всадники съ знаменами и литаврами; самъ эмиръ Мосаффаръ-еддинъ и первые сановники, окружавшіе его, съ своими бѣлоснѣжными чалмами и пестрыми широкими шелковыми одеждами, были похожи скорѣе на женскій хоръ изъ оперы «Навуходоносоръ», чѣмъ на толпу татарскихъ воиновъ; одна только свита, въ которой было много кипчаковъ, вооруженныхъ стрѣлами, луками и щитами, напоминала мнѣ о

Туркестанѣ. Въ день своего въѣзда въ городъ эмиръ велѣлъ устроить народный праздникъ; въ ригистанѣ выставили нѣсколько огромныхъ котловъ съ «царскимъ пилавомъ»; на каждый котелъ пошло по мѣшку риса, по три, изрубленныхъ въ куски, овцы, по мѣшку рѣпы и столько бараньяго сала, что изъ него можно было бы сдѣлать пять фунтовъ свѣчей. Такъ какъ позволялось брать сколько хотѣлось, то все было съѣдено и выпито чрезвычайно живо.

На другой день былъ назначенъ арсъ или публичная аудіенція. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представиться эмиру въ сопровожденіи моихъ друзей, но былъ непріятно удивленъ, когда меремъ остановилъ насъ при входѣ во внутренній аркъ и сообщилъ, что бадевлетъ (его величество) желаетъ видѣть меня одного безъ моихъ товарищей. Не только я, но и друзья мои предчувствовали что-то недоброе; я послѣдовалъ за меремомъ и послѣ цѣлаго часа ожиданія меня ввели въ одну изъ видѣнныхъ мною прежде комнатъ. Я нашелъ тамъ эмира, лежащаго на красномъ суконномъ матрасѣ, окруженнаго рукописями и книгами. Я скоро нашелся и прочелъ небольшое суре съ краткою молитвой о благоденствіи властителя; сказавъ: «аминь», которое повторилъ и эмиръ, я сѣлъ подлѣ него, не получивъ на это позволенія. Мое смѣлое обращеніе, соотвѣтствующее впрочемъ званію дервиша, очень понравилось эмиру; онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ бы желая испытать, на сколько я усовершенствовался въ искусствѣ притворяться, и сказалъ:

— Хаджи, я слышалъ, что ты пришелъ изъ Рума для того, чтобы поклониться гробницѣ Баха-еддина и другихъ святыхъ Туркестана!

— Да, тахзиръ (господинъ), и для того, чтобы насладиться твоей благословенною красотой (Дшемали мурабекъ — общепринятое выраженіе вѣжливости).

Въѣздъ эмира въ Самаркандъ.

— Странно; неужели ты не имѣлъ никакой другой цѣли, отправляясь сюда изъ столь далекихъ странъ?

— Нѣтъ, тахзиръ! Видѣть знаменитую Бухару и восхитительный Самаркандъ, на святой почвѣ которыхъ слѣдовало бы, какъ замѣчаетъ шейхъ Джилалъ, ходить головой, а не ногами, было всегда моимъ искреннимъ желаніемъ. Къ тому же у меня нѣтъ другихъ занятій, и я уже давно странствую по свѣту.

— Какъ, ты странствуешь по свѣту съ хромой ногой?! Это въ самомъ дѣлѣ удивительно.

— Пусть буду я твоей жертвой (соотвѣтствуетъ нашему «извини») тахзиръ! Твой славный предокъ [1]),—миръ ему,—имѣлъ такой же недостатокъ и однако былъ завоевателемъ міра.

Этотъ отвѣтъ очень понравился эмиру; онъ спрашивалъ меня о моемъ путешествіи и о впечатлѣніи, которое произвели на меня Бухара и Самаркандъ. Мой разсказъ, изукрашенный персидскими стихами и изреченіями изъ корана, произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, такъ какъ онъ самъ мулла и довольно хорошо знаетъ по-арабски. Онъ велѣлъ мнѣ выдать серпай [2]) и тридцать тенге и простился со мной, приказавъ, чтобъ я навѣстилъ его во второй разъ въ Бухарѣ. Когда мнѣ передали царскій подарокъ, я поспѣшилъ, какъ бѣшеный, къ своимъ друзьямъ, которые не мало порадовались моему счастью. Рахметъ-би, какъ я слышалъ, и что очень вѣроятно, сдѣлалъ обо мнѣ двусмысленное донесеніе; потому-то эмиръ принялъ меня съ недовѣріемъ, которое мнѣ удалось разсѣять благодаря счастливой развязности моего языка. Латинская

---

[1]) Тимуръ, отъ котораго теперешніе бухарскіе эмиры ошибочно ведутъ свой родъ, былъ, какъ извѣстно, хромъ, потому-то враги и назвали его Тамуръ-ленгъ (Тамерланъ)—хромающій Тимуръ.

[2]) Собственно сер-та-пей, т. е. одежда съ головы до ногъ, которая состоитъ изъ чалмы, верхняго платья, пояса и сапогъ.

поговорка: «Quot linguas calles, tot homines vales» — оправдалась на этотъ разъ какъ нельзя лучше.

Послѣ этого происшествія друзья мои совѣтовали мнѣ скорѣй оставить Самаркандъ и даже не останавливаться въ Карши, а какъ можно скорѣй переправиться на другой берегъ Оксуса, гдѣ у гостепріимныхъ туркменъ, изъ племени эрзари, я могъ дождаться прибытія каравана, отправлявшагося въ Гератъ. Наступилъ часъ разлуки: я чувствую, что перо мое слишкомъ слабо, чтобы живо изобразить моимъ читателямъ ту трогательную сцену, которая произошла между мною и моими не менѣе тронутыми благородными друзьями. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ мы раздѣляли величайшія опасности, которыми угрожали намъ пустыня, разбойники и стихіи; не удивительно, что здѣсь исчезало всякое различіе состоянія, лѣтъ, національностей, и что мы составляли какъ бы одно семейство. Въ нашихъ глазахъ разлука равнялась смерти, да и какъ могло быть иначе въ этой странѣ, гдѣ вторичное свиданіе для насъ было почти невозможно. Сердце мое сжималось при мысли, что я не могу довѣрить тайну моего инкогнито своимъ самымъ лучшимъ друзьямъ въ мірѣ, которымъ я обязанъ жизнью, и что я долженъ ихъ обманывать. Я думалъ было сообщить имъ объ этомъ, но религіозный фанатизмъ, не чуждый даже образованной Европѣ, особенно силенъ у мусульманъ. Мое сознаніе въ поступкѣ, который, по закону Магомета, равняется смертному грѣху *), можетъ-быть и не нарушило бы тотчасъ же нашихъ дружескихъ отношеній, но какъ горько было бы это разочарованіе для истинно-религіознаго хаджи Сали. Нѣтъ, я хотѣлъ избавить его отъ горя, я не хотѣлъ быть неблагодарнымъ и рѣшился лучше оставить его въ пріятномъ заблужденіи. Мои друзья поручили меня, какъ са-

*) Меня слѣдовало бы, какъ муртада (богоотступника), побить камнями.

маго дорогаго брата или сына, нѣкоторымъ пилигримамъ, которыхъ я долженъ былъ сопровождать въ Мекку; послѣ заката солнца они проводили меня за городскія ворота, гдѣ насъ ждали повозки, нанятыя моими товарищами для переѣзда въ Карши. Я плакалъ какъ дитя, когда, освободившись отъ послѣднихъ объятій, сѣлъ въ повозку; мои друзья также заливались горькими слезами; они долго стояли на томъ же самомъ мѣстѣ, поднимая руки къ небу и испрашивая мнѣ благословеніе у Аллаха на такой далекій путь. Я оборачивался нѣсколько разъ назадъ; но они скоро исчезли изъ виду, и я видѣлъ только одни куполы Самарканда, тускло освѣщенные восходившею луной.

XII.

Изъ Самарканда въ Карши черезъ пустыню.—Кочующія племена.—Карши, древній Нахшебъ.—Торговля и мануфактура.—Керки.—Оксусъ.—Авторъ обвиненъ въ томъ, что онъ бѣглый невольникъ.—Туркмены изъ племени эрзари.—Мезари-Шерифъ.—Белхъ.—Авторъ присоединяется къ каравану изъ Бухары.—Невольничество.—Сеидъ.—Андкуй.—Іекетутъ.—Хайрабадъ.—Меймене.—Аккале.

Не стану знакомить читателя съ моими товарищами, ѣхавшими изъ Ооша, Мерголана и Наменгана (Кокандское ханство); они далеко не были для меня тѣмъ, чѣмъ были мои друзья, и я скоро разстался съ ними. Тѣмъ болѣе я привязался къ одному молодому муллѣ изъ Кунграда, который ѣхалъ съ ними до Самарканда, а оттуда надѣялся отправиться со мной въ Мекку. Это былъ добродушный молодой человѣкъ, бѣдный, какъ и я; во всемъ, что касалось учености, онъ смотрѣлъ на меня какъ на своего учителя и былъ очень предупредителенъ ко мнѣ.

Изъ Самарканда въ Карши идутъ три дороги: первая, самая длинная, черезъ Шери-Себсъ; ее почти можно назвать объѣздомъ; вторая, черезъ Дшамъ, простирается на 15 миль и идетъ черезъ каменистую горную страну, почему ѣзда по ней въ повозкахъ очень затруднительна; третья, длиною въ 18 миль, идетъ черезъ пустыню. Изъ Самарканда нужно было ѣхать сначала той же самою дорогой, которая ведетъ въ Бухару, до того холма, съ котораго въ первый разъ становится виденъ городъ. Здѣсь

повернули мы влѣво, миновали двѣ хорошо выстроенныя деревни и, проѣхавъ три мили, остановились въ караван-сараѣ Робати; тутъ дорога раздѣляется: влѣво она идетъ чрезъ Дшанъ, а вправо чрезъ пустыню. Мы предпочли ѣхать по послѣдней. Эту пустыню, въ сравненіи съ тѣми, которыя мы видѣли прежде, скорѣе можно назвать незначительнымъ лугомъ. По ней во всѣхъ направленіяхъ проходятъ стада овецъ, такъ какъ здѣсь много колодцевъ съ довольно хорошею водой, вблизи коихъ почти повсюду встрѣчаются палатки узбековъ. Колодцы большею частью глубоки; подлѣ нихъ дѣлается изъ камня или изъ дерева высокій резервуаръ, въ видѣ четыреугольника, въ который наливается для животныхъ вода изъ колодца. Такъ какъ ведра не велики и частое накачиваніе воды утомило бы пастуховъ, то для этого употребляютъ осла или еще чаще верблюда: къ его сѣдлу прикрѣпляютъ веревку, съ помощью которой онъ и вытаскиваетъ воду, проходя разстояніе, соотвѣтствующее длинѣ веревки. Видъ этихъ колодцевъ, окруженныхъ пьющими овцами и суровыми пастухами, представляетъ въ тихое вечернее время нѣчто поэтическое, и меня очень поразило сходство этой части пустыни съ нашими венгерскими пуштами.

Вслѣдствіе строгаго надзора полиціи, которую повсюду разставилъ бухарскій эмиръ, дороги здѣсь такъ безопасны, что не только небольшіе караваны, но даже одинокіе путешественники могутъ проѣзжать спокойно черезъ пустыню. На другой день мы встрѣтились у одного колодца съ караваномъ, шедшимъ изъ Карши. Между путешественниками была одна молодая женщина, предательски проданная своимъ мужемъ, за 30 тиллъ, старому тадшику. Она узнала только въ пустынѣ объ этой отвратительной сдѣлкѣ; бѣдная женщина металась, какъ безумная, плакала, рвала на себѣ волосы и, подбѣгая ко мнѣ, кричала:

*

«Хаджимъ (мой хаджи)! Ты читалъ книги, скажи мнѣ, гдѣ написано, что мусульманинъ можетъ продать свою жену, отъ которой у него есть дѣти». Я сказалъ, что это великій грѣхъ, но тадшикъ не обратилъ вниманія на мои слова: онъ, вѣроятно, уже поладилъ съ кази-келаномъ (главнымъ судьею) и былъ совершенно спокоенъ относительно своей покупки.

Вслѣдствіе сильной жары, мы ѣхали очень медленно и пробыли въ дорогѣ два дня и три ночи. Мы увидали Карши только тогда, когда достигли плоской возвышенности, откуда направо идетъ дорога въ Кетте-Курганъ, а налѣво начинается рѣка, выходящая изъ Шери-Себса и исчезающая въ пескахъ по ту сторону Карши. Отсюда до города, находящагося въ двухъ миляхъ, дорога идетъ среди воздѣланной земли и многочисленныхъ садовъ, и такъ какъ у Карши нѣтъ стѣнъ, то, только проѣхавъ мостъ, узнаешь, что уже находишься въ городѣ.

Карши, древній Нахшебъ, какъ по величинѣ, такъ и по торговлѣ—второй городъ въ Бухарскомъ ханствѣ. Онъ состоитъ изъ самаго города и слабо укрѣпленной цитадели (курганче), находящейся въ сѣверо-западной его части. Въ Карши въ настоящее время 10 каравансараевъ и богатый базаръ; еслибы не политическія несогласія, онъ игралъ бы важную роль въ транзитной торговлѣ между Бухарой, Кабуломъ и Индіей. Жители, число которыхъ, какъ мнѣ говорили, простирается до 25.000, большею частью узбеки; они составляютъ самую лучшую часть, ядро бухарскаго войска. Кромѣ ихъ здѣсь живутъ тадшики, индійцы, афганцы и евреи; послѣдніе пользуются привилегіей въѣзжать въ самый городъ, что имъ запрещается въ другихъ мѣстахъ ханства. Карши отличается также промышленностью; сосѣдній же съ нимъ Хиссаръ славится производствомъ ножей. Различные сорты этихъ ножей развозятся

по всѣмъ частямъ Средней Азіи; хаджи доставляютъ ихъ даже въ Персію, Аравію и Турцію и продаютъ тамъ въ три или четыре раза дороже. Одинъ сортъ, именно дамасскіе клинки съ рукоятью, выложенною золотомъ или серебромъ, дѣлается съ большимъ искусствомъ и какъ по изяществу отдѣлки, такъ и по прочности превосходитъ знаменитѣйшія произведенія въ этомъ родѣ.

Между рекомендательными письмами къ ишанамъ и муллам, которыми снабдили меня мои друзья, было одно, адресованное къ нѣкоему Хасану, пользующемуся въ Карши большимъ уваженіемъ. Я отправился къ нему, и онъ принялъ меня очень любезно. Хасанъ посовѣтовалъ мнѣ купить длинноухаго бѣгуна, такъ какъ здѣсь домашнія животныя, а въ особенности ослы, очень дешевы; на остальныя же деньги, которыхъ впрочемъ было у меня очень немного, онъ совѣтовалъ мнѣ пріобрѣсти ножей, иголокъ, нитокъ, бусъ, бухарскихъ платковъ, въ особенности же сердоликовъ, привозимыхъ сюда изъ Индіи и продаваемыхъ очень дешево.

Хасанъ сказалъ мнѣ, что за этотъ товаръ можно выручить кое-что у кочевниковъ, мимо которыхъ намъ предстояло ѣхать; по крайней мѣрѣ можно лучше устроить свою жизнь, такъ какъ очень часто за одну иголку или за нѣсколько бусъ даютъ хлѣба и арбузовъ на цѣлый день. Я видѣлъ, что добрый человѣкъ говоритъ дѣло, и съ кунградскимъ муллой накупилъ въ тотъ же день всѣхъ упомянутыхъ вещей; между тѣмъ, какъ одна часть моего мѣшка была наполнена манускриптами, другая превратилась въ магазинъ мелкихъ товаровъ; такимъ образомъ я въ одно и то же время былъ антикваріемъ, торговцемъ галантерейными вещами и хаджи, а мулла кромѣ того занимался продажей благословенія, нефеса, талисмановъ и другихъ чудотворныхъ предметовъ.

Странная перемѣна! Ровно годъ тому назадъ у меня было столько разнообразныхъ занятій, а теперь я долженъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и писать по 8—10 часовъ въ день. Тогда я имѣлъ дѣло съ кочевниками, которые выбирали изъ бусъ самыя яркія, а изъ талисмановъ—росписанные по краямъ самою густой пунцовою краской, теперь же я имѣю дѣло съ издателями, критиками и публикой, желанія которыхъ, конечно, гораздо труднѣе удовлетворить, нежели модный вкусъ молодой туркменки или смуглой джемшидской дѣвы.

Я былъ совершенно пораженъ, увидавъ въ Карши открытое для публики мѣсто отдыха, какого нельзя встрѣтить не только въ Бухарѣ и Самаркандѣ, но даже и въ Персіи. Это большой садъ, раскинутый на берегу рѣки и называющійся календерхане (домъ нищихъ). Въ немъ толпится «beau monde» отъ двухъ часовъ по полудни до часу по полуночи. Въ разныхъ мѣстахъ дымятся самовары, вокругъ которыхъ собираются отдѣльныя группы. Видъ этой веселой толпы представляетъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто необыкновенное для путешествующихъ по Средней Азіи. Вообще жители Карши отличаются веселостью и легкомысліемъ, это—ширази Бухарскаго ханства.

Пробывъ здѣсь три дня, я отправился, въ сопровожденіи муллы Ишака (имя моего товарища, кунградскаго муллы) и двухъ другихъ хаджи, въ Керки. Она отстоитъ отсюда на 14 миль и къ ней ведетъ только одна дорога. Пройдя двѣ мили отъ Карши, мы прибыли въ большую и, какъ я слышалъ, богатую деревню Фейзабадъ; мы миновали ее и провели половину ночи въ развалинахъ одной изъ цистернъ, которыхъ здѣсь много и происхожденіе которыхъ относится ко времени хана Абдула. Хотя вездѣ было спокойно, однако насъ предупредили, чтобы мы были на-сторожѣ, такъ какъ тотчасъ за Карши встрѣ-

чаются уже туркмены. Мы поставили ословъ въ глубинѣ развалинъ, а сами легли въ передней ихъ части на нашихъ мѣшкахъ и спали попеременно до полуночи, а въ полночь отправились въ путь, чтобы достигнуть слѣдующей станціи до полуденной жары. Мы прибыли къ цистернѣ Сенгсулакъ задолго до полудня. Видъ раскинутыхъ вокругъ нея палатокъ и пасущихся стадъ обрадовалъ насъ; теперь мы были увѣрены, что достигнемъ воды, въ чемъ прежде сомнѣвались. Куполообразный, высокій сводъ цистерны, построенный болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, еще совершенно сохранился, также какъ и нѣкоторыя ниши, дающія пріютъ путешественникамъ. Цистерна, лежащая въ углубленіи долины, наполняется весной тающимъ снѣгомъ и дождевою водой. Теперь воды было только на три фута; вокругъ цистерны 200 палатокъ, раскинутыхъ узбеками изъ племени кунградъ и найманъ; ихъ совершенно нагія дѣти полоскались вмѣстѣ со скотомъ въ цистернѣ, чѣмъ и испортили нѣсколько вкусъ воды. Такъ какъ до Керки считаютъ шесть миль, то мы рѣшились ѣхать ночью, чтобъ это путешествіе не слишкомъ утомило нашихъ животныхъ; день же думали употребить для сна. Къ сожалѣнію, нашъ покой былъ скоро нарушенъ: узбекскія дѣвушки, замѣтивши наши кораллы, поспѣшили къ намъ съ большими деревянными блюдами, наполненными верблюжьимъ молокомъ и кумысомъ, и предложили намъ мѣну.

Черезъ часъ послѣ захожденія солнца мы отправились въ путь. Была тихая, великолѣпная ночь; насъ такъ клонило ко сну, что, съ трудомъ проведя въ путешествіи 4 часа, мы наконецъ присѣли и заснули, не выпуская изъ рукъ поводьевъ; къ счастью, мы скоро были разбужены нѣсколькими всадниками, замѣтившими нашу неосторожность. Мы вскочили и, частью пѣшкомъ, частью верхомъ, съ

восхожденіемъ солнца достигли Оксуса. По эту сторону рѣки, на холмѣ, стояла маленькая цитадель, а по ту сторону, на крутомъ возвышеніи, пограничная крѣпость, вокругъ которой расположенъ городокъ Керки.

Здѣсь, между этими двумя возвышеніями, Оксусъ почти вдвое шире, чѣмъ Дунай между Пестомъ и Офеномъ. Его теченіе очень быстро, но, несмотря на это, есть мели; наша переправа продолжалась цѣлыхъ три часа, такъ какъ насъ, къ несчастію, унесло нѣсколько внизъ по теченію. Въ лѣтніе мѣсяцы, въ самое благопріятное для переправы время, именно когда рѣка разливается, нужно употребить на переправу добрые полчаса: не слыхано, чтобы судно могло когда-нибудь переправиться безъ того, чтобы гребцы не сходили въ воду и не тащили его на канатахъ въ болѣе мелкихъ мѣстахъ. Къ счастію, жара не была такъ сильна, какъ при нашей переправѣ при Ханка, и наше положеніе было довольно сносно. Перевозчики были на столько человѣколюбивы, что не взяли съ насъ ничего за переправу. Но едва мы достигли противоположнаго берега, какъ насъ остановилъ дерьябеги губернатора Керки и обвинилъ въ томъ, что мы невольники, желающіе возвратиться въ свое еретическое отечество, именно въ Персію. Онъ заставилъ насъ идти со всѣмъ багажомъ въ крѣпость, чтобъ объясниться съ самимъ губернаторомъ. Представьте себѣ мой страхъ при этомъ подозрѣніи. Мои три товарища, наружность и языкъ которыхъ ясно показывали ихъ происхожденіе, нисколько не смутились и были скоро отпущены; мое же положеніе было очень затруднительно. Но когда я увидалъ, что у меня силой хотятъ отнять осла, я пришелъ въ бѣшенство и, перемѣнивъ турецко-татарское нарѣчіе на константинопольское, передалъ свой паспортъ и энергически требовалъ, чтобъ его показали губернатору или допустили бы меня лично къ нему.

Я замѣтилъ, что, послѣ такого требованія, топчубаши (начальникъ артиллеріи) крѣпости, персъ по происхожденію, бывшій прежде невольникомъ, пошепталъ что-то дерьябеги на ухо. Потомъ подозвалъ меня къ себѣ и разсказалъ, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ изъ Тебриса, своего роднаго города, въ Стамбулъ, и очень хорошо знаетъ людей изъ Рума. Онъ совѣтовалъ мнѣ быть покойнымъ, говоря, что со мной и съ моимъ имуществомъ ничего не случится, что всѣ чужестранцы подвергаются здѣсь осмотру, такъ какъ освободившіеся и возвращающіеся въ свое отечество невольники обязаны платить на этой границѣ по два дуката пошлины, но, желая избѣгнуть этого, часто употребляютъ различныя переодѣванья. Вскорѣ послѣ этого слуга принесъ мой паспортъ съ пятью тенге, присланными мнѣ губернаторомъ безъ всякой съ моей стороны просьбы.

Керки—пограничная крѣпость и служитъ какъ бы ключомъ къ Бухарѣ; мы опишемъ ее впослѣдствіи подробнѣе. Укрѣпленія Керки, какъ я уже сказалъ, раздѣляются на двѣ части. Цитадель, находящаяся на правомъ берегу, очень мала, въ ней только четыре пушки, и въ мирное время въ ней живетъ только нѣсколько сторожей Самая же крѣпость, на лѣвомъ берегу, состоитъ изъ замка, построеннаго на возвышеніи и окруженнаго тремя стѣнами. Онъ вооруженъ, какъ я слышалъ, двѣнадцатью чугунными и 6 мѣдными пушками. Стѣны земляныя, но довольно крѣпкія, особенно нижняя, имѣющая въ ширину пять и въ вышину двѣнадцать футовъ. Вокругъ крѣпости расположенъ городокъ. Въ немъ 150 домовъ, 3 мечети, небольшой базаръ и каравансарай, тоже обнесенный стѣной и обведенный глубокимъ рвомъ. Жители здѣсь—узбеки и туркмены, занимающіеся больше земледѣліемъ, чѣмъ торговлею. Вблизи городской стѣны находится гробъ знамени-

таго Ислама-Керки, написавшаго много сочиненій по экзегетикѣ ислама. Провинція Керки простирается отъ самаго Чардшуя до парома Хаджи-Сали (неправильно называемаго Хоя-Салу) на Оксусѣ. Эта страна населена туркменами изъ племени эрзари, которые одни только платятъ дань эмиру, не желая, чтобъ ихъ тревожили другія племена. Прежде у бухарскаго хана были еще другія владѣнія по ту сторону Оксуса, но побѣдоносный Достъ-Мухамедъ-ханъ отнялъ ихъ у него, и теперь у эмира остались только Чардшуй да Керки.

Когда, къ великому моему сожалѣнію, я узналъ, что мулла Семанъ, предводитель каравана, идущаго изъ Бухары въ Гератъ, прибудетъ сюда не ранѣе какъ черезъ 8 или 10 дней, я счелъ за лучшее поѣздить въ это время среди туркменъ, чѣмъ оставаться въ Керки. Въ сопровожденіи муллы Ишака я отправился къ племенамъ кизильаякъ и хасанменекли, между которыми встрѣтилъ нѣсколько муллъ, видѣвшихъ меня въ Бухарѣ въ обществѣ моихъ друзей. Туркмены эрзари, переселившіеся сюда 200 лѣтъ тому назадъ изъ Мангишлака и не болѣе 40 лѣтъ признающіе надъ собою владычество Бухары, сохранили очень мало чертъ своего національнаго, туркменскаго характера. Ихъ можно назвать только полукочевымъ племенемъ; большая часть ихъ занимается земледѣліемъ, но даже и занимающіеся исключительно скотоводствомъ утратили какъ дикость, такъ и природныя добродѣтели своихъ единоплеменниковъ: Бухара успѣла лишить ихъ воинственности и прямодушія, давъ взамѣнъ коранъ и религіозное лицемѣріе. Никогда я не забуду сценъ, видѣнныхъ въ домѣ моего хозяина, одного изъ уважаемыхъ туркменскихъ ишановъ. Хальфа-Ніясъ наслѣдовалъ отъ своего отца святость, ученость и уваженіе; у него былъ текки (монастырь), гдѣ, какъ въ Бухарѣ, возникли религіозныя братства. Къ

тому же онъ получилъ изъ Мекки разрѣшеніе (иснъ) читать народу священныя стихотворенія (касиде-шерифъ). Читая ихъ, онъ обыкновенно ставилъ передъ собою чашку съ водой, въ которую плевалъ по окончаніи каждаго стихотворенія. Эта слюна, пропитанная святостью словъ, продавалась потомъ какъ священное лекарство тому, кто за него больше давалъ. Только одно осталось у эрзари отъ туркменъ — гостепріимство, которое они оказываютъ каждому иностранцу, пробудетъ ли онъ у нихъ одинъ день или цѣлый годъ. Во всемъ Туркестанѣ развѣ только однимъ тадшикамъ извѣстна французская пословица: «hôte et poisson, en trois jours poisson». Съ хозяиномъ своимъ я ѣздилъ къ Мезари-шерифу (благородная гробница), отстоящему отъ его ова на два дня пути, отъ Керки—на 4—5 дней, отъ древняго Белха—только на 5 часовъ. Утверждаютъ, что это гробница Али, и считаютъ ее великою святыней. Чудотворный гробъ шахи-мердана (героя-повелителя) Али, который называютъ также Мезаромъ, былъ открытъ, какъ говоритъ исторія, во времена султана Сандшара, въ 1150 году. Въ Белхѣ было множество развалинъ, въ которыхъ сохранялись сокровища, оставшіяся будто бы отъ временъ дивовъ (злыхъ духовъ); султанъ Сандшаръ велѣлъ разрывать ихъ. На одной, найденной при этомъ, доскѣ изъ бѣлаго камня начертана была надпись: «это гробъ Али, Абуталибова сына, великаго героя и сподвижника пророка». Это обстоятельство только потому для насъ интересно, что можетъ служить доказательствомъ обширности древняго Белха, «матери городовъ» (Юмъ-юль-Биладъ). Отъ древней Бактры остались одни курганы; изъ позднѣйшихъ развалинъ заслуживаетъ вниманія только одна мечеть, выстроенная по повелѣнію султана Сандшара. Въ началѣ среднихъ вѣковъ Белхъ былъ центромъ мусульманской цивилизаціи и назывался тогда «куполомъ ислама»

(Куббетъ-юль-Исламъ). Замѣчательно, что здѣсь я нашелъ кирпичи такой же величины и такого же достоинства, какъ и въ развалинахъ, встрѣчающихся въ странѣ іомутовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не могъ отыскать клинообразныхъ письменъ. Раскопки имѣли бы здѣсь, безспорно, большой успѣхъ, но онѣ возможны были бы только подъ прикрытіемъ 2—3.000 европейскихъ штыковъ.

Нынѣшній Белхъ считается главнымъ городомъ Афганской провинціи, носящей имя «Туркестанъ», и служитъ мѣстопребываніемъ сердара и его гарнизона. Белхъ обитаемъ только зимой; уже весною даже бѣднѣйшіе его жители удаляются въ выше лежащій Мезаръ, гдѣ жара не такъ удушлива и воздухъ не такъ дуренъ, какъ среди развалинъ древней Бактры. Между тѣмъ, какъ Бактра пользуется дурною славой вслѣдствіе множества опасныхъ скорпіоновъ, Мезари-шерифъ славится своими чудными красными розами (гюли-зурхъ). Эти цвѣты растутъ на мнимой могилѣ Али *); никогда не видалъ я подобныхъ имъ по цвѣту и запаху. Утверждаютъ, что эти розы не принимаются ни на какой другой почвѣ, а потому и не пересаживаютъ ихъ.

Послѣ долгихъ ожиданій мы узнали наконецъ о прибытіи гератскаго каравана. Я поспѣшилъ въ Керки, думая, что скоро буду имѣть возможность продолжать свое путешествіе; но споры о пошлинахъ, возникшіе по поводу возвращавшихся на родину невольниковъ, замедлили нашъ отъѣздъ. Мулла Семанъ захватилъ съ собою до 40 освободившихся невольниковъ частію изъ Герата, частію изъ Персіи; дорого имъ, бѣднымъ, обошлось его покровительство. Они возвращались на родину; однимъ идти было опасно: первый встрѣчный могъ схватить ихъ и вторично продать въ неволю. Семанъ хорошо былъ знакомъ со всѣми

*) Настоящая могила Али находится въ Недшефѣ.

пограничными чиновниками, но онъ ссорился съ ними при каждомъ переѣздѣ черезъ границы и не столько изъ-за таксы, которая здѣсь опредѣлена, сколько изъ-за числа невольниковъ: число это онъ всегда хотѣлъ уменьшить, чиновники же старались его увеличить. Всякаго неизвѣстнаго человѣка здѣсь принимаютъ за невольника и останавливаютъ; а такъ какъ каждый защищается при этомъ, то крику, брани и дракамъ не бываетъ конца. Все предоставляется наконецъ на рѣшеніе караванбаши, который изъ 10—1500 путешественниковъ, находящихся въ его караванѣ, объявляетъ освобожденными невольниками только тѣхъ, которыхъ нельзя не узнать по чертамъ лица, языку или другимъ признакамъ. Вообще, подозрѣніе всего болѣе падаетъ на путешественниковъ, странствующихъ безъ всякой особенной цѣли; а такъ какъ подобные люди обыкновенно выдаютъ себя за хаджи, то политика муллы Семана заключается въ томъ, чтобы захватывать съ собою изъ Бухары какъ можно болѣе настоящихъ хаджи, въ рядахъ которыхъ онъ и скрываетъ своихъ невольниковъ.

Цѣлый день прошелъ въ осмотрѣ товарныхъ тюковъ, людей, лошадей и ословъ. Наконецъ мы отправились въ путь. Сопровождавшій насъ таможенный сторожъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь, объѣздомъ, не присоединился къ нашему каравану. Проѣхавъ съ нами до предѣловъ обитаемой части страны и вмѣстѣ съ тѣмъ бухарскихъ владѣній, онъ вернулся назадъ, а мы продолжали нашъ путь по пустынѣ и должны были, по прошествіи двухъ дней, достичь Андкуйскаго ханства.

Ночь была тихая. Мой тяжело навьюченный осликъ бодро, рысцою, бѣжалъ подо мной. Я былъ внѣ себя отъ радости, что выбрался наконецъ изъ Бухарскаго ханства и нахожусь на возвратномъ пути къ дорогому Западу. Если и не важны свѣдѣнія, собранныя мною во время путе-

шествія, думалъ я, то дорого мнѣ и то, что я возвращаюсь по крайней мѣрѣ живой. Я не могъ придти въ себя отъ восторга при мысли, что, можетъ-быть, счастье будетъ благопріятствовать мнѣ на дальнѣйшемъ пути, и я достигну Персіи, этой Мекки моихъ страстныхъ желаній. Нашъ караванъ тянулся длинною вереницей; въ немъ было до 400 верблюдовъ, нѣсколько лошадей и ословъ. Послѣ ночи, проведенной въ дорогѣ, позднимъ утромъ прибыли мы на станцію Сеидъ, отстоящую отъ Керки на 6 миль. Здѣсь есть нѣсколько колодцевъ съ плохою водой. Въ караванѣ, какъ я замѣтилъ еще на первой станціи, находилось нѣсколько человѣкъ, стремившихся къ самымъ южнымъ предѣламъ Средней Азіи съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я. Это были освободившіеся невольники, съ которыми мы, хаджи, располагались на привалахъ и которые разсказали намъ много печальныхъ исторій. Подлѣ меня лежалъ удрученный лѣтами отецъ, выкупившій своего тридцатилѣтняго сына, чтобы возвратить своей одинокой невѣсткѣ мужа, а внукамъ—отца. Заплативъ за него пятьдесятъ дукатовъ, бѣдный отецъ остался съ однимъ нищенскимъ посохомъ, говоря, что онъ лучше готовъ переносить бѣдность, чѣмъ видѣть сына въ цѣпяхъ. Родина его—Хафъ, въ Персіи. Недалеко отъ насъ лежалъ другой человѣкъ, уроженецъ того же города, еще довольно сильный, но уже посѣдѣвшій отъ горя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ туркмены похитили у него жену, сестру и шесть человѣкъ дѣтей. Несчастный цѣлый годъ разъѣзжалъ по Бухарѣ и Хивѣ и разыскивалъ семью, томившуюся въ рабствѣ. Послѣ долгихъ поисковъ онъ узналъ наконецъ, что жена его, сестра и двое младшихъ дѣтей не вынесли неволи и умерли; изъ оставшихся же четверыхъ дѣтей онъ могъ выкупить только двоихъ: за остальныхъ—двухъ взрослыхъ красивыхъ дѣвушекъ—требовали слишкомъ вы-

сокую цѣну. А вотъ, невдалекѣ отъ меня, юный герати, выкупившій свою пятидесятилѣтнюю мать. Два года тому назадъ она ѣхала изъ Герата въ Гурьянъ, въ сопровожденіи мужа и старшаго сына; на нихъ напали туркмены. Несчастная женщина видѣла, какъ защищавшіеся мужчины пали подъ копьями и мечами разбойниковъ; сама же она, послѣ долгихъ страданій, была продана въ Бухару за 10 дукатовъ. Выкупить ее стоило вдвое дороже: туркмены въ покупателѣ узнали сына и безжалостно эксплуатировали его сыновнее чувство. Я долженъ упомянуть еще объ одномъ несчастномъ изъ Теббесса. Восемь лѣтъ тому назадъ онъ попался въ плѣнъ, но черезъ шесть лѣтъ былъ выкупленъ своимъ отцомъ. На пути въ отечество, въ трехъ часахъ ѣзды отъ роднаго города, они оба были схвачены туркменами и снова проданы въ рабство; теперь они опять освободились и возвращались на родину.

Но къ чему представлять читателю еще другія картины подобныхъ ужасовъ? Сказанное далеко не можетъ дать полнаго представленія о страшныхъ мученіяхъ, которыя претерпѣваютъ люди въ тѣхъ странахъ, особенно же въ сѣверо-восточной Персіи. Въ настоящее время между туркменами текке насчитываютъ болѣе 15.000 наѣздниковъ, которые день и ночь помышляютъ о разбойничьихъ набѣгахъ; а потому легко можно себѣ представить, сколько домовъ и селеній, сколько семейнаго счастья погибаетъ отъ этихъ алчныхъ разбойниковъ.

Изъ Сеида мы выѣхали около полудня. Вся страна представляетъ сухую и ровную пустыню, поросшую тамъ и сямъ извѣстнымъ родомъ кактуса, составляющаго любимый кормъ верблюдовъ. Удивительно, какъ эти животныя ломаютъ языкомъ и глотаютъ это растеніе, которое могло бы изранить самую загрубѣлую руку. Путь нашъ шелъ постоянно въ юго-западномъ направленіи. Издали примѣтили

мы нѣсколько всадниковъ изъ племени кара-туркменъ, которые подстерегали добычу и непремѣнно напали бы на насъ, еслибы караванъ нашъ не былъ такъ многочисленъ. Къ вечеру мы остановились. Хищники проскакали невдалекѣ отъ насъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ; но когда мы послали имъ вслѣдъ нѣсколько выстрѣловъ, они уже не осмѣливались болѣе возвращаться. Мы выступили часъ спустя по закатѣ солнца, всю ночь ѣхали съ величайшею осторожностію и на слѣдующее утро прибыли къ развалинамъ Андкуи.

Караванъ расположился на краю прежняго города, близь дней хорбаха хана; всѣ путешественники боялись отдаляться отъ караванбаши, зная хищническія наклонности здѣшнихъ жителей. Тутъ рѣшено было остановиться на нѣсколько дней, такъ какъ переговоры о пошлинахъ, которые ведетъ съ караванами обыкновенно самъ ханъ или его первый визирь, всегда бываютъ очень продолжительны. Обыкновенно ханъ запрашиваетъ чрезмѣрныя пошлины за невольниковъ, за товарные тюки и за животныхъ, но съ нимъ можно торговаться, и уменьшеніе требуемой суммы зависитъ единственно отъ продолжительности переговоровъ и отъ ловкости караванбаши. Не желая присутствовать при этомъ скучномъ торгѣ, я отправился вмѣстѣ съ другими хаджи въ городъ для того, чтобъ укрыться въ прохладной тѣни старой медрессе и открыть на базарѣ магазинъ, гдѣ бы я могъ продажей своихъ товаровъ добыть себѣ насущный хлѣбъ и выручить немного денегъ. Долго блуждалъ я по развалинамъ и наконецъ нашелъ удобное для себя помѣщеніе на дворѣ одной мечети близь ханскаго жилища. Базаръ состоялъ изъ нѣсколькихъ лавокъ, въ которыхъ продавался хлѣбъ, недорогія полотна и готовое платье. Наше присутствіе нѣсколько оживило базаръ: женщины и дѣти окружали съ утра до вечера наши прилав-

ки, но мы мало сбывали своихъ товаровъ, такъ какъ вмѣсто денегъ намъ предлагали фруктовъ и хлѣба; а мы, конечно, не могли согласиться на мѣновую торговлю въ странѣ, гдѣ за одинъ тенге можно получить 50 дынь. Дыни здѣсь далеко не такъ хороши, какъ на берегу Оксуса; но удивительно, что въ этой пустынной странѣ, скудно орошаемой маленькимъ соленымъ ручьемъ, вытекающимъ изъ Маймене, растетъ множество плодовъ, хлѣба и риса. Лѣтомъ вода этого ручья, къ дурному вкусу которой привыкли туземцы, совсѣмъ почти негодна для иностранцевъ, и хотя не производитъ риште, какъ въ Бухарѣ, но дѣйствуетъ очень вредно. Климатъ пользуется тоже дурною славой, и персидскій стихъ: «горькая, соленая вода, жгучій песокъ, ядовитыя мухи и скорпіоны—все есть въ Андкуѣ; не прославляй его: это настоящій адъ»,—весьма справедливъ. Несмотря на всѣ эти неудобства, Андкуй 30 лѣтъ тому назадъ находился въ очень цвѣтущемъ состояніи; въ немъ насчитывалось до 50.000 жителей, которые вели значительную торговлю въ Персіи мелкимъ чернымъ овечьимъ мѣхомъ, называемымъ у насъ астраханскимъ, и сильно конкурировали съ Бухарой, которая славится этимъ товаромъ. Андкуйскіе верблюды считаются самыми лучшими во всемъ Туркестанѣ, особенно одна порода, называемая «неръ». Верблюды этой породы отличаются густыми волосами, падающими съ шеи и груди, тонкимъ сложеніемъ и особенною силой. Теперь эти верблюды встрѣчаются очень рѣдко, такъ какъ здѣшніе обитатели частью выселились отсюда, частью погибли.

Здѣсь жилъ землякъ муллы Ишака, одинъ изъ важнѣйшихъ ишановъ. Нѣсколько разъ онъ приглашалъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ я и имѣлъ случай познакомиться съ здѣшними знаменитѣйшими духовными лицами. Я былъ пораженъ величайшимъ безпорядкомъ, господствовавшимъ

здѣсь какъ въ судопроизводствѣ, такъ и въ религіозныхъ дѣлахъ. Кази-келанъ (главный судья), пользующійся въ Хивѣ и Бухарѣ значительнымъ уваженіемъ, здѣсь служитъ посмѣшищемъ для дѣтей; всякій дѣлаетъ, что вздумается, и самое вопіющее преступленіе можетъ быть заглажено подаркомъ. Поэтому жители говорятъ о Бухарѣ какъ объ образцѣ справедливости, набожности и земнаго величія; они считали бы себя счастливыми, еслибъ эмиръ принялъ ихъ подъ свой скипетръ. Одинъ старый узбекъ замѣтилъ, что даже френги (англичане)—прости ему Господи его великое прегрѣшеніе!—были бы лучше настоящаго мусульманскаго правительства. Онъ прибавилъ къ этому, что помнитъ еще Хекимъ-баши (Муркрофтъ?), который будто бы умеръ въ домѣ его дяди въ царствованіе эмира Хейдера; онъ говорилъ, что это былъ ловкій колдунъ и хорошій лекарь, который могъ бы легко разбогатѣть; къ тому же онъ былъ снисходителенъ ко всему міру и даже къ женщинамъ. Я спрашивалъ многихъ о смерти этого путешественника, и всѣ говорили мнѣ, что онъ умеръ отъ лихорадки; это гораздо правдоподобнѣе разсказовъ объ его отравленіи.

Въ настоящее время въ Андкуѣ насчитываютъ до двухъ тысячъ домовъ, которые составляютъ городъ, и около трехъ тысячъ палатокъ, находящихся въ окрестностяхъ и на оазисахъ пустыни. Число жителей простирается до 15.000, изъ которыхъ большая часть—туркмены племени аліели и узбеки. Здѣсь меньше всего таджиковъ. Андкуй издавна составляетъ самостоятельное ханство, подобно Кулуму, Кундусу и Белху; но такъ какъ онъ лежитъ на большой гератской дорогѣ, то подверженъ нападеніямъ бухарскаго и афганскаго эмировъ. До 1840 года Андкуй, говорятъ, былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ находился подъ властью Бухары и долженъ былъ отражать нападенія хана Яръ-

Магомета, вторгавшагося побѣдоносно въ страны, лежащія при Оксусѣ. Этотъ Яръ осаждалъ городъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и, взявъ приступомъ, разграбилъ его и превратилъ въ кучу мусора; большая часть жителей, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ, пала подъ мечами безжалостныхъ афганцевъ. Теперешній ханъ, Газанферъ, желая предотвратить окончательную гибель города, передалъ его афганцамъ; это возбудило противъ него съ одной стороны вражду Бухары, а съ другой—сосѣдняго Маймене; онъ долженъ былъ, во время нашего пребыванія въ Андкуѣ, лично участвовать съ белхскимъ сердаромъ въ сраженіи противъ майменцевъ, но оба они потерпѣли пораженіе, несмотря на многочисленность своихъ войскъ.

Между тѣмъ въ нашемъ караванѣ происходила страшная передряга. Визирь, желавшій въ отсутствіе хана обогатиться возвышеніемъ пошлинъ, уже поссорился съ караванбаши. Вскорѣ споръ превратился въ дикую драку; жители, принявшіе сторону каравана, вооружились и готовы были рѣшиться на крайнія мѣры. Къ счастію, ханъ воротился изъ похода. Это былъ, повидимому, добродушный человѣкъ; онъ положилъ конецъ несогласіямъ, понизивъ чрезмѣрную таксу, назначенную визиремъ. Прощаясь съ нами, онъ совѣтовалъ намъ быть осторожнѣе во время путешествія: по дорогамъ, говорилъ онъ, большими толпами разъѣзжаютъ туркмены, пользуясь нынѣшними политическими смутами. Но этого опасались мы всего менѣе: караванъ нашъ въ Андкуѣ сталъ еще вдвое многочисленнѣе, и мы не могли бояться нападеній разбойниковъ.

Въ тотъ же день, около полудня, мы отправились въ путь и остановились у Іекетута, отстоящаго отъ Андкуя на одинъ часъ ѣзды и назначеннаго сборнымъ мѣстомъ. Отсюда тронулись мы ночью. Слѣдующая станція была на берегу вытекающаго изъ Маймене ручья, русло котораго

во многихъ мѣстахъ особенно глубоко, а берегъ густо заросъ лѣсомъ. Отъ Андкуя до Маймене считаютъ 12 миль, и верблюды проходятъ это пространство въ два дня. До сихъ поръ мы прошли четыре мили, и остальныя 8 не представляли бы никакихъ затрудненій, еслибы мы не должны были прокрадываться тихонько мимо Каирабада, второй станціи, и не торопились бы поспѣть на слѣдующее утро во владѣнія Маймене. Каирабадъ находился въ это время во власти афганцевъ, и караванбаши справедливо боялся подходить къ нему близко, потому что даже въ мирное время караваны опасались разбойнически-возвышенной пошлины афганцевъ. Можно себѣ представить, что сдѣлало бы теперь съ караваномъ военное начальство, еслибъ онъ только попался ему въ руки! Нѣкоторые каирабадцы, бывшіе въ нашемъ караванѣ и желавшіе отдѣлиться отъ насъ, при приближеніи къ своему отечеству, были принуждены продолжать путь, потому что мы опасались предательства съ ихъ стороны: въ такомъ случаѣ афганцы отняли бы у насъ все. Хотя бѣдные верблюды были тяжело навьючены, мы, однако, шли безостановочно отъ полудня до 8 часовъ слѣдующаго утра; слишкомъ усталыя животныя были оставлены назади, и велика была наша радость, когда мы на слѣдующее утро прибыли въ ханство Маймене. Эта станція, кромѣ опасностей отъ афганцевъ, представляла еще естественныя затрудненія: въ 9 миляхъ отъ Андкуя мѣстность становится неровною, и чѣмъ болѣе приближаешься къ Маймене, тѣмъ она дѣлается гористѣе. Кромѣ того намъ предстояло еще пройти небольшую часть опаснаго Баткака, болотистой мѣстности, гдѣ во многихъ мѣстахъ, несмотря на жаркое время, стояла еще глубокая грязь, сильно изнурившая нашихъ верблюдовъ и ословъ. У меня было крѣпкое и бодрое животное, но и его маленькія ноги постоянно вязли въ тинѣ, вы-

таскивая ихъ оттуда, оно такъ устало, что только криками, упрашиваніями и потягиваніемъ за узду я могъ заставить эту валаамову ослицу идти впередъ.

Мы расположились у небольшой цитадели, отстоящей отъ Маймене на 4 часа ѣзды. Караванбаши подарилъ хаджи двухъ овецъ, чтобы вознести Богу благодарность за такое счастливое спасеніе. Мнѣ, какъ старшему, поручили раздѣлить ихъ; весь день вмѣсто хлѣба у насъ было жаркое, а вечеромъ мы всѣ вмѣстѣ пропѣли нѣсколько тельниковъ, за которыми воспослѣдовалъ, по моему приказанію, сикръ, т. е. мы во все горло двѣ тысячи разъ прокричали: «я ху! я хакъ!» Отсюда дали знать о нашемъ прибытіи въ Маймене, и къ вечеру явился таможенный чиновникъ, вѣжливый узбекъ, и описалъ все наше имущество. Мы выступили ночью и на слѣдующее утро прибыли въ Маймене.

XIII.

Маймене.—Его политическое положеніе и значеніе.—Царствующій ханъ.—Соперничество между Бухарой и Кабуломъ.—Достъ-Магометъ-ханъ.—Ишанъ Эюбъ и мулла Кальмурадъ.—Ханство Маймене.—Крѣпость Маймене.—Бѣглые русскіе преступники.—Рѣка Мургабъ.—Бала Мургабъ.—Джемшиди и афганцы.—Непомѣрныя пошлины.—Кале-Но.—Хесаре.—Налоги и дурное управленіе въ Афганистанѣ.

Прежде, чѣмъ мы вступимъ въ Маймене, познакомимъ читателя съ политическими дѣлами края, въ которомъ упомянутой городъ играетъ важную роль. Вся полоса земли по сю сторону Оксуса до Гинду-Куха и Герата издавна служитъ мѣстомъ безпрестанныхъ враждебныхъ столкновеній и войнъ между находящимися здѣсь мелкими разбойничьими государствами, изъ которыхъ назовемъ только Кундусъ, Хулумъ, Белхъ, Акче, Серепулъ, Шиборганъ, Андкуй и Маймене. Эмиры Бухары и Кабула, для достиженія своихъ завоевательныхъ цѣлей, то раздували пламя раздора между этими племенами, то, вмѣшиваясь въ ихъ междоусобія, привлекали на свою сторону то одинъ, то другой городъ; сдѣлавъ его зависимымъ отъ себя, они пользовались имъ для своихъ цѣлей. Главными соперниками тутъ были упомянутые эмиры. До начала нынѣшняго столѣтія преобладало вліяніе Бухары, потомъ взяли верхъ афганскія племена дурани, саддуси и барекси, и Достъ-Магометъ-хану отчасти силой, отчасти хитростью удалось покорить всѣ эти небольшія государства, за исключеніемъ Бедахшана

и Маймене. Этотъ завоеватель образовалъ провинцію Туркестанъ и сдѣлалъ Белхъ столицею. Въ этомъ городѣ живетъ сердаръ съ 10.000 человѣкъ частью регулярнаго войска (палтанъ), частью же туземной милиціи, и имѣетъ въ своемъ распоряженіи три батареи полевыхъ орудій. Обладаніе гористымъ Бедахшаномъ не очень было нужно энергическому Достъ-Магометъ-хану: тамошній туземный князь объявилъ себя его вассаломъ, и афганскій завоеватель былъ на время удовлетворенъ этимъ. Не то было съ Маймене, лежащимъ на половинѣ пути между Кабуломъ и Бухарой. Нѣсколько разъ тщетно осаждали его Яръ-Магометъ-ханъ и Достъ-Магометъ. Въ 1862 году, когда старый повелитель Барекси въ послѣдній разъ извлекъ свой мечъ противъ невѣрнаго Герата, затрепетала вся Средняя Азія, но Маймене и на этотъ разъ выказалъ мужественное сопротивленіе. Храбрость здѣшнихъ узбековъ вошла въ пословицу, и можно себѣ вообразить, какъ гордятся обитатели Маймене тѣмъ, что при смерти Достъ-Магометъ-хана они одни могли сказать, что не присягнули афганскимъ знаменамъ.

Смерть Достъ-Магометъ-хана, одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Средней Азіи, была кануномъ великихъ перемѣнъ и политическихъ смутъ. Бухарскій эмиръ хотѣлъ первый поспользоваться удобнымъ случаемъ. Несмотря на всѣмъ извѣстную свою скупость, онъ послалъ 10.000 тиллъ въ пособіе хану Маймене; союзниками было рѣшено—соединенными силами напасть на общихъ враговъ—афганцевъ, какъ только эмиръ перейдетъ Оксусъ. Но нынѣшній правитель Маймене, пылкій, нетерпѣливый двадцатидвухлѣтній юноша, не дожидаясь союзниковъ, началъ сраженіе и, отнявъ у афганцевъ нѣсколько незначительныхъ пунктовъ, украсилъ ворота своего замка тремя стами длинноволосыхъ череповъ. Во время пребыванія нашего въ городѣ

дѣлались приготовленія къ новымъ обширнымъ военнымъ предпріятіямъ.

Такъ какъ караванъ нашъ расположился внѣ города, то я перебрался въ текки къ нѣкоему ишану Эюбу, къ которому хаджи Сали далъ мнѣ рекомендательное письмо. Я всѣми силами старался пріобрѣсти расположеніе этого человѣка, ибо боялся встрѣтиться съ одною личностью, которая могла разоблачить мое инкогнито и подвергнуть меня величайшей опасности. Въ Константинополѣ познакомился я съ однимъ муллой Хальмурадомъ, который выдавалъ себя за майменца и въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ училъ меня джагатайско-тюркскому языку. Этотъ хитрый мулла еще на берегахъ Босфора замѣтилъ, что я не Решидъ-эфенди. Узнавъ о предпринимаемомъ мною путешествіи въ Бухару, онъ предлагалъ мнѣ себя въ проводники и увѣрялъ, что ту же обязанность исполнялъ при англійскомъ муллѣ Юсуфѣ (докторѣ Вольфѣ). Я оставилъ его въ сомнѣніи относительно моихъ намѣреній. Зная, что онъ отправился въ Мекку и оттуда черезъ Бомбей и Карачи хотѣлъ возвратиться на родину, я уже въ Бухарѣ боялся встрѣчи съ нимъ: несмотря на мою доброту къ этому человѣку, я убѣжденъ, что онъ готовъ бы былъ продать меня за самую ничтожную сумму. Такъ какъ сообщенія Маймене съ Бухарой, вслѣдствіе афганскаго похода, были прерваны, то мнѣ до сихъ поръ удалось избѣжать встрѣчи съ этимъ опаснымъ для меня человѣкомъ. Въ Маймене я не надѣялся ускользнуть отъ него и, чтобы предупредить опасность, долженъ былъ пріобрѣсти уваженіе и благосклонность всѣми почитаемаго ишана Эюба. Дня черезъ три по прибытіи въ городъ, я рѣшился освѣдомиться о Хальмурадѣ. «Какъ», воскликнулъ удивленный ишанъ,— «ты зналъ Хальмурада? (Миръ ему и многія лѣта намъ!) Онъ имѣлъ счастіе умереть въ Меккѣ. Такъ какъ онъ былъ

моимъ искреннимъ другомъ, то я взялъ къ себѣ въ домъ его дѣтей, и вотъ», тутъ онъ указалъ на мальчика,—«одинъ изъ его сыновей». Я далъ ребенку цѣлую нитку стеклянныхъ бусъ и сказалъ за упокой души умершаго *) три фатиха. Мои весьма основательныя опасенія такимъ образомъ исчезли.

Теперь я сталъ чувствовать себя свободнѣе; на углу одной улицы устроилъ я складъ товаровъ, число которыхъ, къ величайшему моему сожалѣнію, замѣтно уменьшилось, прикупить же я ничего не могъ. «Хаджи Решидъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ, «ты уже съѣлъ половину своихъ ножей, иголокъ и бусъ, скоро съѣшь и осла, тогда что будешь дѣлать?» Онъ былъ правъ: что мнѣ оставалось дѣлать? Меня озабочивало мое будущее, особенно потому, что зима была на дворѣ, а я все еще былъ далеко отъ персидской границы, и всѣ усилія поправить мои денежныя дѣла оказывались тщетными. Меня утѣшало, впрочемъ, основанное на опытѣ, убѣжденіе, что дервишъ, хаджи и нищій никогда не отойдутъ отъ двери узбека съ пустыми руками: вездѣ я могъ ожидать хлѣба, плодовъ, порою надѣялся выпросить даже что-нибудь изъ стараго платья, а этого было съ избыткомъ достаточно, чтобы продолжать путешествіе. Читатель пойметъ, что я страдалъ, и страдалъ много, но привычка и сладкая надежда воротиться въ Европу облегчали тягость моего положенія. Сладко спалось мнѣ подъ открытымъ небомъ, на сухой землѣ, и я радовался, что опасность быть открытымъ и страхъ умереть мучительною смертью уже миновали.

*) По прибытіи моемъ въ Тегеранъ, мнѣ разсказывалъ мой пріятель Измаилъ-эфенди, тогдашній chargé d'affaires Порты при персидскомъ дворѣ, что за мѣсяцъ до моего пріѣзда проѣзжалъ тутъ одинъ мулла изъ Маймене, наружность котораго, судя по описанію, вполнѣ соотвѣтствовала наружности моего умершаго муллы. Онъ спрашивалъ обо мнѣ, бывшемъ своемъ ученикѣ въ джагатайскомъ языкѣ. Хальмурадъ, слѣдовательно, еще живъ, но судьбѣ угодно было, чтобы мы не встрѣтились.

Обитаемая часть Майменскаго ханства имѣетъ въ длину 20 и въ ширину 18 миль. Кромѣ главнаго города, въ немъ всего десять мѣстечекъ и деревень, изъ которыхъ болѣе замѣчательны: Кайсаръ, Кафиркале, Альваръ и Ходшакенду. Число жителей, осѣдлыхъ и кочевниковъ, простирается до 100.000 человѣкъ, большею частію узбековъ изъ племени минъ-ачмайли-идазъ. Все это населеніе можетъ выставить въ поле 6—8.000 хорошо вооруженной и снабженной хорошими лошадьми конницы, отличающейся, какъ мы уже сказали, необыкновенною храбростію. Теперешняго правителя Маймене зовутъ Гусейнъ-ханъ. Дядя нынѣшнаго правителя велѣлъ сбросить съ крѣпостной стѣны его отца, а своего роднаго брата, Хукуметъ-хана для того, чтобы, какъ онъ самъ говорилъ, доставить престолъ болѣе способному Гусейну. Такъ какъ юноша еще неспособенъ управлять страной, то не трудно угадать дѣйствительную причину этого постыднаго дѣла. Хотя мирза Якубъ (такъ зовутъ любезнаго дядюшку) и разыгрываетъ роль визиря, но здѣсь всѣ знаютъ, что Гусейнъ-ханъ служитъ ему лишь ширмой.

Впрочемъ въ Маймене молодаго правителя любятъ больше, чѣмъ его дядю; у насъ назвали бы его недурнымъ собой, въ глазахъ же узбековъ онъ—Адонисъ. Всѣ въ восторгѣ отъ его доброты, забывая, что, по варварскому закону, ханъ можетъ каждаго своего подданнаго послать на невольничій рынокъ въ Бухару, вмѣсто того, чтобы подвергать его денежному штрафу или тѣлесному наказанію. Майменскіе ханы имѣютъ обыкновеніе каждый мѣсяцъ отсылать туда по нѣскольку такихъ несчастныхъ, и это не кажется удивительнымъ: таковъ старинный обычай.

Городъ Маймене лежитъ въ горахъ, а потому видѣнъ лишь на разстояніи четверти часа пути. Городъ грязенъ въ высшей степени и дурно выстроенъ. Въ немъ 1.500

мазанокъ, кирпичный базаръ, уже близкій къ разрушенію. три мечети и двѣ медрессе—первыя изъ глины, вторыя изъ кирпича. Жители—узбеки; есть также и таджики, герати, около пятидесяти еврейскихъ семействъ, нѣсколько индусовъ и афганцевъ. Всѣ пользуются одинаковою свободой, и никого не тѣснятъ за религію и національность. Что же касается до Маймене, какъ крѣпости, то я не нашелъ особенныхъ укрѣпленій ни въ простыхъ городскихъ стѣнахъ и рвахъ, ни въ цитадели, находящейся въ западной части города, и удивляюсь, какъ она могла устоять противъ афганской артиллеріи, обученной на англійскій ладъ, особенно противъ такой силы, какая была у Достъ-Магометъ-хана. Земляныя городскія стѣны имѣютъ въ вышину двѣнадцать и въ ширину пять футовъ; ровъ не широкъ и не особенно глубокъ; цитадель расположена на отдѣльно возвышающемся, довольно высокомъ и крутомъ холмѣ, но вблизи тянутся высокія горы, съ которыхъ одна батарея можетъ въ нѣсколько часовъ превратить всю крѣпость въ груду развалинъ. Итакъ, прославленная сила Маймене заключается, вѣроятно, не въ стѣнахъ и рвахъ, а въ храбрости его защитниковъ. Въ майменскомъ узбекѣ съ перваго взгляда узнаешь смѣлаго и неустрашимаго наѣздника, и только развѣ узбекъ изъ Шехри-Себса могъ бы потягаться съ нимъ. Воинственный характеръ жителей этого ханства, владѣющаго сверхъ того горнымъ проходомъ при рѣкѣ Мургабѣ, всегда будетъ доставлять много хлопотъ афганцамъ или другимъ подобнымъ завоевателямъ, пробивающимся съ юга къ Оксусу. Укрѣпленія Керки могутъ оказать завоевателямъ только слабое сопротивленіе. Кто захочетъ взять Бухару, тотъ долженъ разрушить Маймене или быть увѣреннымъ въ его дружбѣ.

Въ Маймене задержали насъ не таможенныя формально-

сти, а частные интересы караванбаши и богатѣйшихъ купцовъ нашего каравана. Они хотѣли пробыть здѣсь двѣ или три конныхъ ярмарки. Окрестные узбеки и туркмены приводятъ на здѣшній рынокъ красивыхъ и дешевыхъ лошадей, которыхъ потомъ большею частью отправляютъ въ Гератъ, Кандахаръ, Кабулъ и часто даже въ Индію. Лошади, стоющіе въ Персіи отъ 30—40 дукатовъ, здѣсь продаются за 100—160 тенге (14—15 дукатовъ). Даже въ Бухарѣ, Хивѣ и Карши я не встрѣчалъ такой дешевизны. Но рынокъ въ Маймене богатъ не одними лошадьми. Изъ произведеній туземной промышленности здѣсь продается много ковровъ, шерстяныхъ матерій и тканей изъ верблюжьяго волоса, приготовляемыхъ туркменскими и джемшидскими женщинами. Значительную долю здѣшняго вывоза въ Персію и Багдадъ составляетъ кишмишъ (сушёный виноградъ), анисъ и фисташки, центнеръ которыхъ стóитъ здѣсь отъ 30 до 40 тенги.

Послѣ моего восьмидневнаго пребыванія въ Маймене, я отправился къ своему каравану, чтобъ узнать, когда мои товарищи думаютъ собираться въ путь. Здѣсь, къ моему изумленію, я услыхалъ, что меня ищутъ уже цѣлый день для того, чтобъ я помогъ освободить четверыхъ руми, схваченныхъ по повелѣнію дяди царствующаго хана. Судья рѣшилъ, что только показаніе достовѣрнаго свидѣтеля можетъ избавить ихъ отъ подозрѣнія, что они бѣглые невольники. Прежде, чѣмъ идти къ хану, познакомлю читателя съ этими въ высшей степени интересными личностями въ нашемъ караванѣ. Это были ссыльные, бѣжавшіе изъ Тобольской губерніи послѣ восьми лѣтъ тяжкой работы. Бѣжали они чрезъ большую Киргизскую степь въ Бухару, а оттуда чрезъ Гератъ, Мешхедъ, Тегеранъ и т. д. пробирались въ Гюмрю (Елизаветполь).

Въ послѣднюю русско-турецкую войну, эти турки пред-

приняли, на Кавказѣ, разбойничій набѣгъ, можетъ-быть въ видахъ общей, но вѣроятнѣе своей собственной пользы, попались въ руки русской военной команды и были препровождены въ Сибирь. Въ тобольскихъ лѣсахъ днемъ ихъ заставляли рубить лѣсъ, ночью же запирали въ тюрьму, гдѣ ихъ кормили хлѣбомъ, супомъ, иногда даже мясомъ. Прошли годы, прежде чѣмъ эти турки выучились отъ своихъ сторожей по-русски. Разговоры породили взаимное довѣріе и взаимныя угощенія водкой, и вотъ однажды прошлою весной (1862 г.), когда караульные выпили водки больше обыкновеннаго, ссыльные взялись за свои топоры и, вмѣсто дубовъ, изрубили обоихъ сторожей. Затѣмъ они бросили свои топоры, обмѣнили ихъ на оружіе убитыхъ, и послѣ долгихъ и опасныхъ странствованій, въ теченіе которыхъ питались травой и кореньями, достигли киргизскихъ шатровъ. Тамъ они были уже въ совершенной безопасности, ибо кочевники считаютъ добрымъ дѣломъ оказывать помощь такого рода бѣглецамъ. Изъ Киргизской степи отправились они черезъ Ташкентъ въ Бухару, гдѣ эмиръ далъ имъ немного денегъ на дорогу. Нѣсколько разъ на дорогѣ принимали ихъ за бѣглыхъ невольниковъ, но серьезной опасности подверглись они только въ Маймене.

По неотступнымъ просьбамъ моихъ спутниковъ и караванбаши, я въ тотъ же день, въ сопровожденіи ишана Эюба, отправился въ цитадель. Вмѣсто хана мы были приняты его дядей, который счелъ мои показанія удовлетворительными и велѣлъ выпустить всѣхъ четырехъ бѣглецовъ. Спасенные, со слезами на глазахъ, благодарили меня; весь караванъ былъ доволенъ, что они освободились. Черезъ два дня мы уже были на дорогѣ въ Гератъ.

Путь нашъ шелъ, не прерываясь, по горной странѣ. Первая станція, которой мы достигли послѣ шестичасова-

го пути, въ юго-западномъ направленіи, называлась Альмаръ и состояла изъ трехъ деревень, раскинутыхъ въ безпорядкѣ. Едва успѣлъ расположиться здѣсь нашъ караванъ, какъ явился изъ Маймене таможенный чиновникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, и требовалъ добавочной пошлины. Много было брани и криковъ; нѣсколько часовъ длились переговоры, наконецъ послѣдовало соглашенье; бѣднаго караванбаши и купцовъ еще разъ сильно пощипали. Къ вечеру только мы могли отправиться въ дальнѣйшій путь и послѣ полуночи, миновавъ значительное мѣстечко Кайсаръ, достигли станціи Наринъ. Около пяти миль намъ пришлось идти по узкимъ плодороднымъ долинамъ, покинутымъ жителями, потому что эта прекрасная страна не безопасна отъ нападеній туркменъ, джемшиди и фирускухи. Отдохнувъ лишь нѣсколько часовъ въ Наринѣ, мы шли безостановочно цѣлый день и къ вечеру достигли деревни и станціи Чичекту, невдалекѣ отъ деревни Фемгузаръ. Караванбаши и еще кое-кто имѣли дѣла въ деревнѣ Ходшакенду, отстоящей отъ этой станціи на три часа пути къ сѣверо-востоку и лежащей въ горахъ; поэтому мы остановились здѣсь на цѣлый день. Это мѣсто считается границею Маймене и въ то же время всего Туркестана. Здѣсь снова—уже въ третій разъ въ Майменскомъ ханствѣ—должны мы были уплатить пошлину, такъ называемыя «кнутовыя деньги» одному сосбаши, по имени Девлетъ-Мураду, охранявшему здѣсь границу *). Когда я выразилъ одному купцу изъ Герата свое изумленіе по поводу такихъ несправедливыхъ поступковъ, онъ отвѣчалъ:

---

*) Въ Средней Азіи есть обычай давать конвою, сопровождающему караванъ, кнутовыя деньги (камчинъ-пулу), какъ у насъ даютъ на водку. Девлетъ-Мурадъ имѣлъ отъ своего хана позволеніе заставлять всѣхъ проѣзжающихъ платить себѣ эту пошлину, хоть онъ и не служилъ имъ ни проводникомъ, ни охранителемъ. Въ этомъ и состоялъ его годовой доходъ.

«мы благодаримъ Бога, что насъ облагаютъ только пошлинами. Прежде было очень опасно проѣзжать чрезъ Маймене и Андкуй: самъ ханъ приказывалъ грабить караваны и отнимать у нихъ все имущество». Здѣсь, въ Чичекту, я въ послѣдній разъ видѣлъ узбековъ-кочевниковъ и долженъ признаться, что былъ глубоко растроганъ, прощаясь съ этими прямодушными, честными людьми. Изъ всѣхъ народовъ Средней Азіи эти номады произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Здѣсь къ каравану присоединился отрядъ, посланный ханомъ племени джемшиди изъ Бала-Мургаба; онъ долженъ былъ охранять насъ, такъ какъ дорога здѣсь не совсѣмъ безопасна: она идетъ по широкой долинѣ, вправо отъ которой живетъ туркменское племя сарикъ, а влѣво—разбойничье племя фирускухи. Почва здѣсь въ высшей степени плодородна, но, къ сожалѣнію, заброшена и не воздѣлана. Каравану, какъ я слышалъ, на всемъ пути изъ Бухары ни разу еще не грозила такая опасность, какъ здѣсь. Стража состояла изъ тридцати хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ хорошими конями джемшиди, къ которымъ изъ нашего каравана присоединилось до шестидесяти человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Тѣмъ не менѣе, при каждомъ шагѣ впередъ, высылались дозоры на холмы вправо и влѣво и все было въ величайшемъ напряженьи. Можно себѣ представить, каково было въ подобныя минуты бѣднымъ освободившимся невольникамъ, которымъ спасеніе обошлось такъ дорого и тяжело: теперь они могли снова попасть въ плѣнъ. Къ счастію, многочисленность каравана и особенно взятыя нами предосторожности спасли насъ отъ нападенія. Цѣлый день мы шли по роскошнымъ лугамъ, которые, несмотря на позднее время года, были покрыты по колѣна травою и цвѣтами. Ночью мы отдохнули и на слѣдующее утро достигли развалинъ крѣ-

пости Кале-Вели; два года тому назадъ она еще была обитаема, но туркмены племени сарикъ взяли ее и разграбили. Жители были частію проданы въ неволю, частію убиты, и одиноко стоящіе дома и крѣпостныя стѣны скоро совершенно развалятся. Джемшидскіе всадники, провожавшіе насъ въ теченіе одного дня, потребовали отъ насъ здѣсь своихъ кнутовыхъ денегъ; каждый пѣшеходъ и каждый всадникъ долженъ былъ дать извѣстную сумму, невольники же платятъ вдвое. Эти джемшиди утверждали, что они ничего не получаютъ изъ таможенныхъ денегъ, взимаемыхъ въ Бала-Мургабѣ, и что требованіе ихъ поэтому справедливо

На другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Чичекту, къ вечеру, мы миновали прекрасную страну долинъ, и путь нашъ, направляясь къ рѣкѣ Мургабу, пошелъ по дикому горному проходу. Во многихъ мѣстахъ тропинка, ведущая по ущелью, такъ крута, такъ узка и извилиста, что навьюченные верблюды могли подвигаться по ней съ большимъ трудомъ. Мнѣ говорили, что этимъ путемъ только и можно проникнуть черезъ горы къ рѣкѣ Мургабу. Войска, желающія перейти Мургабъ, должны идти или пустыней, и въ такомъ случаѣ надо быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ племенами сарикъ и салоръ, или по упомянутому горному проходу, если они увѣрены въ дружбѣ джемшиди. Въ ущельяхъ этихъ горъ джемшиди могутъ наносить большой вредъ самой сильной арміи.—Только къ полуночи достигли мы берега рѣки; утомленные трудной ѣздой по горамъ, люди и животныя погрузились въ глубокій сонъ. Проснувшись на слѣдующее утро, я увидѣлъ, что мы находимся въ долинѣ, окруженной высокими горами. Въ глубинѣ долины протекаетъ рѣка Мургабъ *), зеленоватыя во-

*) Мургабъ вытекаетъ изъ высокихъ горъ, лежащихъ отсюда къ востоку и называемыхъ Гуръ, течетъ къ сѣверо-западу мимо Мерва и Пенджде и теряется

ды которой и живописные берега представляютъ восхитительное зрѣлище. Полчаса шли мы по берегу, отыскивая удобнаго для переправы мѣста; рѣка не особенно глубока, но, тѣмъ не менѣе, не вездѣ удобна для перехода вслѣдствіе быстроты теченья, крутизны береговъ и лежащихъ на днѣ ея подводныхъ камней.

Прежде всего переправили лошадей, потомъ верблюдовъ, а за ними и ословъ, съ которыми пришлось долго биться. Извѣстно, что эти животныя не такъ боятся огня и смерти, какъ воды и грязи; поэтому я счелъ необходимою предосторожностью переложить на верблюда свой дорожный мѣшокъ съ рукописями, драгоцѣннѣйшею добычей моего путешествія. Затѣмъ, сѣвъ на своего осла, я погналъ его въ воду. При первыхъ шагахъ по каменистому дну, я почувствовалъ, что не быть добру, и хотѣлъ встать, но мой скакунъ уже повалился въ воду при общемъ смѣхѣ стоявшихъ на берегу спутниковъ; испуганный, онъ вскочилъ и, къ моему удовольствію, помчался на противоположный берегъ. Утреннее купанье въ холодной водѣ Мургаба было непріятно только потому, что я не могъ переодѣться и долженъ былъ покрыться коврами и мѣшками, пока мое промокшее платье не высохло на солнцѣ. Караванъ расположился невдалекѣ отъ цитадели, внутри которой вмѣсто домовъ раскинуты палатки, и гдѣ живутъ ханы или князья джемшиди.

Эта часть долины, носящая названіе Верхняго Мургаба (Бала-Мургабъ *), простирается отъ высокихъ горъ Гесаре до Марча (змѣинаго источника), гдѣ живутъ туркмены

въ пескахъ. Утверждаютъ, что прежде онъ соединялся съ Оксусомъ, но это совершенно невозможно, потому что, будучи всегда стремительнымъ горнымъ потокомъ, онъ не могъ долго течь по песчаной равнинѣ.

*) Другіе говорятъ, что только крѣпость носитъ названіе Бала-Мургабъ. Многочисленныя развалины внутри крѣпости въ окрестности указываютъ на прошлую значительную культуру этой мѣстности.

племени салоръ. Къ юго-западу отъ крѣпости долина такъ узка, что заслуживаетъ скорѣе названія ущелья, среди котораго Мургабъ съ адскимъ шумомъ и пѣною катитъ свои быстрыя волны. Только выше Пенджде, гдѣ рѣка глубже и спокойнѣе, долина ея расширяется на двѣ мили. Страна эта процвѣтала, когда существовалъ еще Мервъ, теперь же здѣсь хозяйничаютъ туркмены, за которыми всюду слѣдуютъ нищета и разоренье.

Джемшиди ведутъ свое происхожденіе отъ Джемшида, баснословнаго царя пишдадировъ. Въ справедливости этого преданія, конечно, можно сомнѣваться. Безспорно однако, что племя это персидскаго происхожденія, что доказывается не столько его языкомъ, сколько иранскимъ типомъ лица: типъ этотъ сохранился въ такой чистотѣ, въ какой можно встрѣтить его развѣ только въ южныхъ областяхъ Персіи. Цѣлыя столѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ джемшиди оттѣснены къ самымъ дальнимъ предѣламъ Персидскаго царства. Число ихъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, очень уменьшилось: теперь можно насчитать не болѣе осьми-девяти тысячъ палатокъ, раскинутыхъ по названной выше долинѣ и прилегающимъ къ нимъ горамъ. Большая часть ихъ при Аллакули-ханѣ была переселена въ Хиву, гдѣ имъ была отведена плодородная полоса земли (Кёткъ-шегъ), обильно орошаемая Оксусомъ. Имъ тамъ было лучше, но тоска по роднымъ горамъ побудила ихъ переселиться опять въ долину Мургаба, гдѣ ихъ положеніе теперь не очень цвѣтуще. По одеждѣ, характеру и образу жизни, джемшиди имѣютъ большое сходство съ туркменами, но они не такъ часто, какъ тѣ, предпринимаютъ разбойничьи набѣги. Теперь ихъ ханы (которыхъ двое: Мегди-ханъ и Аллакули-ханъ) подчиняются афганцамъ, за что ихъ щедро награждаетъ гератскій сердаръ. Афганцы уже со временъ Достъ-Магометъ-хана употребляютъ всѣ уси-

лія, чтобы склонить джемшиди на свою сторону; тогда на сѣверной границѣ Мургаба было бы у нихъ постоянное сторожевое войско противъ Маймене, и они ослабили бы туркменъ, дружбы которыхъ Достъ-Магометъ-ханъ не могъ пріобрѣсть самыми огромными жертвами. Мегди-ханъ, извѣстный предводитель джемшиди, оказалъ, какъ слышно, великія услуги Достъ-Магомету при осадѣ Герата и пріобрѣлъ за это полное благоволеніе не только покойнаго эмира, но и наслѣдника его, теперешняго государя Ширъ-Али-хана. Ширъ-Али назначилъ его опекуномъ своего несовершеннолѣтняго сына, котораго поставилъ во главѣ управленія Гератомъ. Поэтому расширеніе афганскихъ границъ до Мургаба сомнительно, такъ какъ джемшиди ни мало не признаютъ верховной власти гератскаго сердара, а съ той минуты, какъ перестанутъ получать отъ него свой ежегодный окладъ, вступятъ съ нимъ въ открытую вражду.

Здѣсь, какъ и вездѣ, таможенныя пошлины составляютъ для каравана единственное затрудненіе. Всю дорогу твердили намъ, что на лѣвомъ берегу Мургаба начинается Афганистанъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, прекратится невольничья пошлина. Однако мы въ этомъ очень обманулись. Ханъ джемшиди лично велъ переговоры съ караванбаши и наложилъ на тюки, животныхъ и невольниковъ такую пошлину, какой не взимали и его предшественники. Когда тарифъ былъ объявленъ, то не было границъ смущенію и даже слезамъ моихъ спутниковъ. И хаджи должны были уплатить за каждаго осла по два франка пошлины; для каждаго изъ насъ, особенно же для меня, это было очень затруднительно. Тяжелѣе всѣхъ было одному индѣйскому торговцу, который въ Маймене купилъ на 30 тенге анису. Провозъ этого груза въ Гератъ стоилъ ему 20 тенге; пошлинъ до сихъ поръ уплатилъ онъ 11 тенге, а здѣсь

*

долженъ былъ отдать еще 30, такъ что всѣ издержи доходили до 61 тенге. Неслыханный грабежъ, прикрытый законными формами, препятствуетъ всякой торговлѣ, и жители, благодаря ужасной тираніи своихъ властителей, не могутъ извлечь никакихъ выгодъ изъ драгоцѣнныхъ произведеній природы, растущихъ въ окрестностяхъ въ дикомъ состояніи; доходъ съ нихъ могъ бы быть употребленъ на потребности ихъ обыденной жизни. Гористая родина джемшиди производитъ три цѣнныхъ продукта, растущихъ въ дикомъ видѣ и не требующихъ никакого ухода, никакого труда, кромѣ собиранія ихъ. Это: 1) фисташки; 2) бусгундшъ, плодъ, похожій на орѣхъ и употребляемый какъ красильное вещество (батманъ первыхъ стóитъ $^1/_2$ франка, а послѣднихъ отъ 6 до 8 франковъ); 3) терендшебинъ, сахаристое вещество, которое собираютъ съ кустовъ какъ манну; оно имѣетъ не дурный вкусъ и употребляется въ Гератѣ и Персіи для выдѣлки сахара. Хребетъ Бадхисъ (буквально—гдѣ поднимается вѣтеръ) богатъ вышеупомянутыми предметами, и жители собираютъ ихъ; но купецъ, по причинѣ огромныхъ пошлинъ, можетъ дать за нихъ только небольшую плату; такимъ образомъ эта торговля мало способствуетъ уничтоженію бѣдности. Женщины джемшиди выдѣлываютъ изъ шерсти и козьяго волоса различныя матеріи; изъ нихъ замѣчательна такъ-называемая «шаль», родъ сукна; она цѣнится въ Персіи довольно дорого.

Четыре дня оставались мы на берегу Мургаба, вблизи вышеупомянутыхъ развалинъ. Цѣлые часы бродилъ я по берегу этой зеленоватой рѣки, посѣщая разсѣянныя группами палатки, бѣдныя, убогія, покрытыя старыми, изорванными кусками войлока. Напрасно предлагалъ я имъ свои бусы, свое благословеніе и святой нефесъ; они хотѣли хлѣба и не нуждались въ подобныхъ предметахъ рос-

коши. Джемшиди не очень религіозны, а потому я не могъ слишкомъ разсчитывать на свое званіе хаджи и дервиша и долженъ былъ отказаться отъ поѣздки въ Марча. Тамъ, говорятъ, есть какія-то каменныя развалины съ мунарами (башни) и колонны, можетъ-быть, отъ временъ древнихъ персовъ. Едва ли это правда: англичане, хорошо ознакомившіеся съ Гератомъ и его окрестностями, упомянули бы объ этихъ развалинахъ. Поэтому я не рѣшился подвергать себя опасности для того только, чтобъ удостовѣриться въ правдивости разсказа.

Отъ Бала-Мургаба до Герата считаютъ четыре дня ѣзды на лошадяхъ; на верблюдахъ же въ этой гористой странѣ нужно ѣхать вдвое долѣе, а наши животныя были сверхъ того еще тяжело навьючены. Въ два дня мы должны были достигнуть двухъ высокихъ горъ, видимыхъ къ югу отъ Мургаба и носящихъ названіе Дербендъ (т. е. проходъ). Эти горные проходы гораздо выше, уже и удобнѣе для защиты, чѣмъ проходъ, ведущій къ Маймене и лежащій на правой сторонѣ Мургаба. Чѣмъ далѣе проникаешь въ страну, тѣмъ угрюмѣе и романтичнѣе становится природа. Высокіе обломки скалъ, образующіе первый проходъ, увѣнчаны древними развалинами укрѣпленнаго мѣста, о которомъ разсказываютъ самыя разнообразныя сказки. Далѣе, около втораго Дербенда, близъ берега Мургаба лежатъ развалины стараго увеселительнаго дворца. Онъ былъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ знаменитаго Гусейнъ-мирзы, по повелѣнію котораго построенъ былъ каменный мостъ Пультабанъ, слѣды котораго видны и теперь. Во времена этого просвѣщеннѣйшаго изъ властителей Средней Азіи вся страна процвѣтала, и на берегахъ Мургаба находились увеселительные дворцы.

Миновавъ второй проходъ, мы оставили Мургабъ, и дорога пошла къ западу по возвышенной равнинѣ, которая

непосредственно граничитъ съ частію пустыни, обитаемой племенемъ салоръ. Здѣсь начинается высокая гора Телхъ-Гузаръ, для обхода которой нужно было не меньше пяти часовъ. Около полуночи остановились мы въ мѣстечкѣ, называемомъ Могоръ, и оттуда на слѣдующее утро достигли развалинъ стараго города и крѣпости Кале-Но, окруженныхъ теперь нѣсколькими хезарскими палатками, которыя на видъ бѣднѣе даже джемшидскихъ. Кале-Но, говорили мнѣ, еще назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ былъ цвѣтущимъ городомъ и служилъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ изъ Персіи въ Бухару. Хезаре, владѣвшіе тогда этимъ городомъ, сдѣлались слишкомъ самонадѣянны, стали заявлять притязанія на владычество надъ Гератомъ и въ борьбѣ съ нимъ утратили всѣ свои силы. Они возбудили противъ себя вражду персіянъ, ибо разбойничьими набѣгами своими тревожили Хорасанъ не менѣе, чѣмъ туркмены. Для торговли невольниками Кале-Но былъ тогда тѣмъ же, чѣмъ теперь Мервъ.

Встрѣчающіеся здѣсь хезаре отъ смѣшенія съ иранскимъ элементомъ не сохранили монгольскаго типа въ такой чистотѣ, какъ ихъ братья изъ окрестностей Кабула. Притомъ же они большею частію сунниты, между тѣмъ какъ послѣдніе принадлежатъ къ шіитской сектѣ. Если собранныя мною свѣдѣнія справедливы, то сѣверные хезаре отдѣлились отъ южныхъ во времена Надира; господствующее племя, среди котораго они жили, успѣло принудить многихъ изъ нихъ перейти въ суннитскую секту. Изъ своей первой родины, Монголіи, хезаре *) переселены въ южную

*) Хезаре въ Персіи называютъ берберами, отъ города Шери-бербера, находящагося въ горахъ между Кабуломъ и Гератомъ. О прежнемъ величіи, роскоши и могуществѣ этого города разсказываютъ чудеса. Бёрнсъ въ своемъ сочиненіи о Кабулѣ говоритъ: The remains of this imperial city of the same name (Berber) are still to be seen (стр. 232).

часть Средней Азіи Чингисъ-ханомъ, въ шіитизмъ же обращены благодаря усиліямъ шаха Аббаса II. Удивительно, что свой родной языкъ они перемѣнили на персидскій, который не находится въ общемъ употребленіи; даже и въ нынѣ обитаемой ими странѣ только небольшая часть этого племени, одиноко поселившаяся въ горахъ близъ Герата и нѣсколько столѣтій уже занимающаяся добываніемъ угля, говоритъ испорченнымъ монгольскимъ нарѣчіемъ. Себя и населенную ими мѣстность они называютъ Гоби.

Баба-ханъ, вождь хезаре изъ Кале-Но, вслѣдствіе своей бѣдности и слабости, долженъ былъ признать надъ собою владычество Герата, отстоящаго отъ его области на два дня пути. Но и онъ желаетъ казаться независимымъ государемъ, и какъ только нашъ караванъ расположился вблизи развалинъ, онъ лично явился къ намъ и потребовалъ пошлины. Новые споры, новая брань. Караванбаши грозилъ отправить къ сердару въ Гератъ жалобу на притѣсненье; угроза подѣйствовала, и вмѣсто пошлины онъ удовольствовался порядочнымъ камчинпулу. Безбожный ханъ не пощадилъ и хаджи, и я долженъ былъ еще разъ за своего осла отдать два франка. Купцы наши запаслись здѣсь большимъ количествомъ фисташекъ и легкой шерстяной матеріи, приготовленіемъ которой славятся здѣшнія женщины и которая употребляется во всей сѣверной Персіи и Афганистанѣ на верхнюю одежду—чекмень.

Отъ Кале-Но къ Герату опять пошли высокія горы. Разстоянія всего двадцать миль, но путь такъ труденъ, что мы совершили его только въ четыре дня. Въ первый день остановились мы у деревни Альваръ, близъ развалинъ одного разбойничьяго зáмка, гдѣ обиталъ когда-то Ширъ-Али-хезаре. На другой день перешли мы гору Серабендъ, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, и изрядно померзли здѣсь,

несмотря на то, что раскладывали огромные костры. На третій день дорога пошла подъ гору и намъ представлялись иногда очень опасныя мѣста: часто тропинка имѣла въ ширину не болѣе фута, и стоило верблюду оступиться, чтобы вмѣстѣ съ сѣдокомъ низвергнуться въ бездну. Мы благополучно прибыли въ долину Серчешме, гдѣ протекаетъ главный рукавъ полноводнаго потока, который, оросивъ Гератъ съ сѣвера, низвергается въ Гери-Рудъ. На четвертый день, наконецъ, достигли мы Керруха, принадлежащаго Герату и отстоящаго отъ этого города на четыри мили.

Караванъ отправился изъ Герата въ Бухару весной, въ то время, какъ городъ былъ еще осажденъ Достъ-Магометъ-ханомъ. Съ тѣхъ поръ прошло шесть мѣсяцевъ, и вѣсть о взятіи, разграбленіи и опустошеніи города дошла уже до моихъ спутниковъ-гератцевъ; можно поэтому представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ каждый изъ нихъ желалъ увидать снова свой родной домъ, свою семью и друзей. Но мы должны были ждать цѣлый день, пока таможенный чиновникъ, еще утромъ поразившій насъ своимъ грубымъ обращеньемъ, не составилъ росписи намъ и всему привезенному нами товару. Я представлялъ себѣ Афганистанъ полуобразованною страной, гдѣ, вслѣдствіе долгаго соприкосновенія съ западною цивилизаціей, можно встрѣтить нѣчто похожее на порядокъ и человѣколюбіе. Я надѣялся, что близокъ конецъ моимъ страданіямъ и моей роли дервиша. Къ великому огорченью, я обманулся. Первый увидѣнный мною афганскій чиновникъ своею безчеловѣчностію и варварствомъ далеко превзошелъ среднеазіятцевъ, и все, что мнѣ разсказывали ужаснаго о сборѣ пошлинъ въ Афганскихъ владѣніяхъ, показалось мнѣ слишкомъ слабымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что я увидѣлъ здѣсь. Тюки, которыхъ не хотѣли распаковывать, были

отправлены въ городъ; поклажа путешественниковъ разобрана и переписана, и каждый изъ насъ долженъ былъ раздѣться, несмотря на холодное время. Всѣ части одежды, за исключеніемъ рубашки, панталонъ и верхняго платья, были объявлены подлежащими пошлинѣ. Строже всего грубый чиновникъ поступилъ съ хаджи: онъ не пощадилъ даже самаго малаго запаса галантерейныхъ товаровъ и—неслыханное дѣло—за каждаго осла требовалъ по пяти крановъ пошлины. А мы и такъ уже не мало переплатили за этихъ животныхъ, стоющихъ, каждое, отъ 20 до 25 крановъ. Нѣкоторые хаджи были такъ бѣдны, что не могли уплатить требуемаго, но онъ заставилъ ихъ продать животныхъ. Такія возмутительныя требованія были тяжелы и для меня: они лишили меня почти всѣхъ моихъ средствъ

Около вечера, когда окончился грабежъ, явился губернаторъ Керруха и потребовалъ своего камчинпулу. Онъ былъ довольно суровъ, но его чисто-военная осанка, застегнутый на груди мундиръ—первый встрѣченный мною предметъ, напомнившій мнѣ европейскую жизнь—произвели на меня неописанно-пріятное впечатлѣніе. Баторъ-ханъ (такъ звали губернатора) замѣтилъ мое изумленье и мои не азіятскія черты; онъ освѣдомился обо мнѣ у караванбаши, посадилъ меня подлѣ себя и обошелся со мной любезно и предупредительно. Въ продолженіе разговора, который онъ постоянно наводилъ на Бухару, Баторъ-ханъ таинственно улыбался мнѣ, какъ будто желая высказать свою радость о счастливомъ окончаніи моей миссіи. Онъ полагалъ, что я имѣлъ туда какое-нибудь политическое порученіе. Несмотря на то, что я упорно хранилъ свое инкогнито, Баторъ-ханъ хотѣлъ, на прощаньи, по англійскому обычаю, пожать мнѣ руку, но я предупредилъ его, поднялъ руку къ небу и хотѣлъ благословить его; онъ разсмѣялся и ушелъ.

На слѣдующее утро караванъ нашъ долженъ былъ вступить въ Гератъ, употребивъ на обратное путешествіе изъ Бухары болѣе шести недѣль, между тѣмъ какъ разстоянія здѣсь всего отъ 20 до 25 дней пути. Какъ удобна дорога эта для торговли, мы уже видѣли; теперь представимъ списокъ таможенныхъ пошлинъ, взятыхъ съ каравана за невольниковъ и животныхъ, переведя счетъ на тенге (75 сантимовъ).

НА СТАНЦІЯХЪ.	За тюкъ съ товаромъ.	За каждаго верблюда.	За лошадь.	За осла.	За невольника.
Керки. . .	20	5	3	1	22
Андкуй . . .	26	5	3	2	20
Маймене. .	28	5	3	1	25
Альмаръ. .	—	3	2	—	—
Фемгузаръ. .	1	3	2	1	1
Кале-Вели. .	—	5	3	1	5
Мургабъ . .	30	5	3	2	15
Кале-Но. . .	—	5	3	2	—
Керрухъ. . .	—	15	10	5	—
Итого . .	105	51	32	15	88

Если къ этому прибавимъ, что въ Гератѣ уплачено по 20 процентовъ со стоимости товаровъ, то можно составить себѣ понятіе о цѣнахъ, которыя долженъ брать торговецъ, чтобы вознаградить себя за труды.

XIV.

Гератъ. — Его развалины. — Базаръ.—Авторъ покинутъ товарищами.—Сердаръ Мехемедъ-Якубъ-ханъ.—Парады афганскихъ войскъ.—Свиданіе съ сердаромъ.—Обзоръ дѣйствій афганцевъ при штурмѣ Герата.—Визирь Назиръ-Наимъ.—Финансы края.—Маіоръ Тоддъ.—Мосалла, могила султана Гусейнъ-мирзы.—Могилы Ходжа-Абдулла-Ансари и Достъ-Магометъ-хана.

Путешественникъ, направляющійся въ Гератъ съ сѣвера, обогнетъ гору Хаджа-Абдулла-Ансари; его поражаетъ прелестный видъ необозримой равнины Джолгей-Гератъ. Между многочисленными каналами здѣсь разсѣяно множество деревень. Деревьевъ, красы всякаго ландшафта, здѣсь вовсе не встрѣчаешь; несмотря на это, нельзя не догадаться, что тутъ конецъ Туркестана—Средней Азіи въ собственномъ смыслѣ.

Гератъ по справедливости можетъ быть названъ воротами Средней Азіи, ключомъ ея, и если нельзя совсѣмъ согласиться съ жителями Востока, называющими его «подобнымъ раю», тѣмъ не менѣе нельзя не назвать эту мѣстность прелестною и плодородною. Богатства природы, соединенныя съ политическимъ значеніемъ, къ несчастію, способствовали тому, что страна эта была яблокомъ раздора для сосѣднихъ племенъ; если мы вспомнимъ о вѣчныхъ столкновеніяхъ, осадахъ, которыя выдерживалъ городъ, то надо удивляться тому, какъ быстро залечивалъ онъ свои глубокія раны. Назадъ тому не болѣе двухъ мѣсяцевъ дикія афганскія орды опустошили и раззорили здѣсь все, но, несмотря на это, поля и виноградники находятся уже

въ цвѣтущемъ состояніи и высокая трава, перемѣшанная съ цвѣтами, покрываетъ луга.

Какъ во всѣхъ городахъ Востока, въ Гератѣ много развалинъ—и древнихъ, и болѣе позднихъ; какъ вездѣ, первыя изящнѣе и величественнѣе послѣднихъ. Остатки памятниковъ строительнаго искусства на мосалла (мѣстѣ молитвы) напоминаютъ развалины Тимурова города; отдѣльныя же, тамъ и сямъ разсѣянныя, круглыя башни напоминаютъ окрестности Исфагани. Но городъ или крѣпость, въ то время, какъ я видѣлъ ихъ, представляли собою такія развалины, которыя трудно встрѣтить даже на Востокѣ. Въ городъ мы вошли воротами дервазе-Аракъ. Дома, мимо которыхъ намъ нужно было проѣзжать, укрѣпленія и ворота имѣли видъ груды развалинъ. Высокая цитадель, находящаяся недалеко отъ внутреннихъ воротъ города, почти вся разрушена и сожжена афганцами: на нее главнымъ образомъ направлены были ихъ выстрѣлы. Съ дверей и оконъ содрано все дерево, такъ какъ во время осады былъ большой недостатокъ въ топливѣ; чрезъ пустыя отверстія въ стѣнахъ виднѣлось нѣсколько нагихъ индусовъ и афганцевъ, достойныхъ стражей этого мѣста. Подвигаясь впередъ, мы встрѣчали все больше и больше слѣдовъ разгрома: цѣлые кварталы обезлюдѣли и опустѣли. Только украшенный куполомъ базаръ, выдержавшій не одну осаду, представлялъ замѣчательную картину индійской, персидской и среднеазіятской жизни; въ этомъ отношеніи онъ еще замѣчательнѣе базара въ Бухарѣ. Только отъ каравансарая Хаджи-Резула до каравансарая Но тѣснилась большая толпа; хотя пространство между ними не велико, но тутъ въ высшей степени поражаетъ смѣсь племенъ: афганцевъ, индусовъ, татаръ, туркменъ, персовъ и евреевъ. Афганецъ красуется или въ своемъ національномъ платьѣ, состоящемъ изъ длинной рубашки, панта-

лонъ и грязнаго полотнянаго платка, или въ военномъ negligé—любимомъ красномъ англійскомъ мундирѣ, накинутомъ поверхъ рубашки, съ которымъ не разстается онъ даже и во время сна; на головѣ его живописно красуется индійско-афганская чалма. Болѣе цивилизованные имѣютъ обыкновеніе носить полуперсидскій костюмъ. Оружіе носятъ всѣ, даже и не военные: рѣдко кто выходитъ на базаръ безъ сабли и щита; много видѣлъ я и такихъ, которые, чтобы казаться поважнѣе, носятъ съ собою саблю, кинжалъ, хадшаръ, ружье, два пистолета,—словомъ, цѣлый арсеналъ. Съ дико-воинственнымъ афганцемъ можетъ поравняться развѣ только похожій на туркмена джемшидъ, а бѣдно одѣтый гератецъ, нагой хезаре, житель окрестной страны теймури много теряютъ передъ нимъ; все преклоняется передъ афганцемъ. Но ни одинъ народъ не питаетъ такой ненависти къ своимъ завоевателямъ и властителямъ, какъ гератцы къ афганцамъ.

Самый базаръ, постройка котораго относится ко времени султана Хусейнъ-мирзы, слѣдовательно къ блестящему періоду въ исторіи Герата, прекрасенъ даже въ своихъ развалинахъ. Ему около 400 лѣтъ. Прежде составлялъ онъ цѣлую улицу между дервазе-Аракомъ и дервазе-Кондахаромъ *); очень понятно, что послѣ недавней осады и разгрома своды базара возстановляются лишь понемногу. При грабительской таможенной системѣ афганцевъ, здѣшней торговлѣ и промышленности не предстоитъ блестящей будущности: пошлины, взимаемыя при продажѣ съ покупщика и продавца, почти невѣроятны; къ тому же для сбора не положено никакой таксы. Съ пары сапогъ, стоющей

*) Изъ всѣхъ воротъ только эти мало потерпѣли во время осады. Они, по мнѣнію жителей Герата, никогда не будутъ разрушены: ихъ строили англичане, а они кладутъ кирпичи со справедливостью, не такъ, какъ афганцы, которые растворяютъ известь слезами угнетеннаго народа.

5 франковъ, взимаютъ $1^1/_2$ франка; съ колпака, стоющаго 2 франка, взимаютъ половину этой цѣны; за мѣхъ, стоющій 8 франковъ, берется пошлины три франка, и т. д. На каждый привозимый и вывозимый товаръ собиратели пошлинъ, размѣщенные по различнымъ частямъ базара, должны налагать клейма.

Коренные жители Герата—персы и принадлежатъ къ племени, населявшему пространство отъ Систана къ сѣверовостоку; пространство это образовало провинцію Хорасанъ, главнымъ городомъ которой до послѣдняго времени былъ Гератъ. Впослѣдствіи персы смѣшались съ турецко-татарскимъ племенемъ, переселеннымъ сюда Чингисомъ и Тимуромъ. Все смѣшанное населеніе называется общимъ именемъ «аймакъ» или «чахръ-аймакъ» и раздѣляется на хезаре, джемшиди, фирускухи, теймени или тимури—племена различнаго происхожденія и составляющія одинъ народъ только въ политическомъ отношеніи. Этимъ мы заключимъ наше замѣчаніе о населеніи Дшёлгей-Герата.

Въ крѣпости живутъ большею частію персіяне, переселившіеся сюда въ прошломъ столѣтіи для пропаганды въ пользу Персіи; они большею частію ремесленники или купцы. На десять персовъ здѣсь приходится развѣ одинъ афганецъ, да и тотъ на половину сдѣлался персомъ. Особенно со времени послѣдней осады Герата здѣшніе афганцы враждебно настроены противъ своихъ единоплеменниковъ: житель Кабула или какеръ изъ Кандагара, какъ поработитель, чуждъ имъ не менѣе, чѣмъ кореннымъ обитателемъ Герата.

Пестрая толпа, встрѣченная мною въ Гератѣ, произвела на меня радостное впечатлѣніе. Афганскіе солдаты въ англійскихъ мундирахъ и чакко—головномъ уборѣ, не дозволяемомъ исламомъ и не мыслимомъ въ турецкомъ войскѣ *)—

*) Османли утверждаютъ, что суннитъ (преданіе) строго запрещаетъ носить синоръ (фуражку съ козырькомъ) и суннаръ (веревку, которой опоясываются мона-

навели меня на мысль, что мы въ странѣ, гдѣ мусульманскій фанатизмъ уже не страшенъ и гдѣ я могу понемногу избавиться отъ своей непріятной роли. Когда я встрѣтилъ нѣсколькихъ солдатъ съ обритыми усами (мода, на которую даже въ Константинополѣ смотрятъ какъ на смертный грѣхъ), мною овладѣла радостная надежда встрѣтить здѣсь англійскихъ офицеровъ. Какъ былъ бы я счастливъ, еслибы нашелъ тутъ хоть одного сына Британіи, который, при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ, навѣрное бы могъ быть мнѣ полезенъ. Но я забылъ, что на Востокѣ все кажется инымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, и горько разочаровался.

Я уже замѣтилъ, что денежныя средства мои совершенно истощились. Только-что пріѣхалъ я въ Гератъ, какъ уже долженъ былъ продать своего осла. За бѣдное животное, совершенно истощенное путешествіемъ, я получилъ всего 26 кранъ, и изъ нихъ пять пошло на пошлину при продажѣ и на уплату мелкихъ долговъ. Я былъ въ затруднительномъ положеніи. Отъ голода можно было спастись, но ночи были очень холодны, и, несмотря на мою привычку къ лишеніямъ, я сильно страдалъ отъ недостатка одежды и отъ спанья на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, среди развалинъ. Меня оживляла мысль, что до Персіи всего десять дней пути, но добраться туда было дѣломъ не легкимъ. Одному мнѣ идти было невозможно, караванъ же, снаряжавшійся въ Мешхедъ, хотѣлъ дожидаться подкрѣпленія и благопріятной минуты, такъ какъ туркмены, изъ племени текке, не только дѣлали дальнее путешествіе крайне опаснымъ, но даже передъ самыми во-

---

хи), какъ напоминающіе христіанство. Султанъ Махмудъ II, вводя въ Турціи европейское военное устройство, очень желалъ замѣнить безполезнѣйшій фесъ чако или другой подобною фуражкой, но даже онъ, побѣдитель янычаръ, не посмѣлъ этого сдѣлать, боясь, что лучшіе друзья объявятъ его за это отступникомъ.

ротами Герата грабили караваны и деревни и уводили людей въ неволю. Въ первые дни по пріѣздѣ я услышалъ, что Мехеммедъ-Бакиръ-ханъ, отправленный въ Гератъ принцемъ-правителемъ Хорасана, намѣренъ скоро ѣхать обратно въ Мешхедъ. Я немедленно отправился къ нему и просилъ его взять меня съ собою. Персіянинъ былъ со мною очень вѣжливъ, но не обратилъ вниманія на мое бѣдственное положеніе, хотя я и повторялъ о немъ безпрестанно. У меня, страшно обезображеннаго хаджи, онъ спросилъ, не привелъ ли я съ собою изъ Бухары хорошихъ лошадей. Каждое его слово, казалось, направлено было къ тому, чтобъ изобличить мое инкогнито. Замѣтивъ, что отъ Бакиръ-хана ничего не добьешься, я ушелъ отъ него. Скоро послѣ этого онъ оставилъ Гератъ, взявъ съ собою почти всѣхъ хаджи, ѣхавшихъ со мною изъ Самарканда и Керки. Всѣ покинули меня, кромѣ муллы Ишака, вѣрнаго моего спутника изъ Кунграта; онъ вѣрилъ, что въ Тегеранѣ меня ждетъ лучшая участь, потому и не оставлялъ меня. Добрый малый днемъ собиралъ милостыню, выпрашивалъ хлѣба и топлива, вечеромъ же готовилъ ужинъ и только послѣ долгихъ просьбъ соглашался ѣсть со мною съ одного блюда. Въ событіяхъ моей жизни муллѣ Ишаку пришлось играть очень интересную роль; теперь онъ живетъ въ Пештѣ, вмѣсто Мекки, и я впослѣдствіи поговорю еще о немъ.

Чтобъ изыскать какія-нибудь средства для путешествія въ Мешхедъ, я отправился къ управлявшему въ то время Гератомъ сердару Мехемедъ-Якубъ-хану, шестнадцатилѣтнему сыну нынѣшняго владѣтеля Афганистана. Тотчасъ по воцареніи своемъ, нынѣшній ханъ отправился въ Кабулъ для расправы съ братьями, оспаривавшими у него престолъ, въ покоренномъ же Гератѣ оставилъ намѣстникомъ своего сына. Юный принцъ помѣстился въ

чаербагѣ—дворцѣ, въ которомъ жилъ маіоръ Тоддъ. Дворецъ сильно пострадалъ во время осады, но все еще представлялъ больше удобствъ для жизни, чѣмъ цитадель, совершенно превратившаяся въ развалины. Одна часть четырехугольнаго дворца или сада, какъ его здѣсь называютъ (хотя деревьевъ въ немъ и очень мало), служила ночлегомъ для правителя и многочисленной его прислуги. Другую часть составляла длинная зала, въ которой въ теченіе четырехъ или пяти часовъ давались публичныя аудіенціи (арсъ). Принцъ обыкновенно сидѣлъ у окна, въ креслѣ, одѣтый непремѣнно въ мундиръ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ. Многочисленные просители скоро надоѣдали ему, и тогда онъ приказывалъ рисале, отборному афганскому войску, парадировать передъ окнами дворца; онъ былъ, повидимому, въ восхищеніи отъ волнующихся рядовъ войска и громовыхъ возгласовъ командира, произносившаго съ чистымъ англійскимъ акцентомъ: «right shoulder forward! left shoulder forward!»

Когда я, вмѣстѣ съ муллой Ишакомъ, вошелъ на дворъ, ученье было въ самомъ разгарѣ. Солдаты были очень хорошо обучены, гораздо лучше оттоманской арміи, въ которой введена военная выправка уже лѣтъ сорокъ тому назадъ. Ихъ можно было бы принять за европейское войско, еслибы на ихъ босыхъ ногахъ не было надѣто красныхъ кабульскихъ, остроконечныхъ, башмаковъ и еслибы короткіе панталоны съ длинными штрипками не были подтянуты такъ сильно, что каждую минуту, казалось, должны были лопнуть выше колѣнъ. Посмотрѣвъ немного на ученье, я направился къ дверямъ пріемной залы, наполненной множествомъ слугъ, солдатъ и просителей. Благодаря нашимъ огромнымъ чалмамъ и моей наружности отшельника, истомленнаго длиннымъ путешествіемъ, всѣ давали мнѣ дорогу и позволили немедленно войти въ за-

лу. Принцъ сидѣлъ, какъ я уже выше сказалъ, въ своемъ креслѣ у окна; по правую руку отъ него сидѣлъ визирь, а вдоль стѣны другіе офицеры, муллы и гератцы. Между ними былъ одинъ персіянинъ по имени Имамверди-ханъ, бѣжавшій изъ Мешхеда по случаю какой-то продѣлки. Передъ юношей стоялъ его мохюрдаръ (хранитель печати) и пять человѣкъ придворныхъ. Вѣрный своей роли дервиша, я сказалъ при входѣ обычное привѣтствіе, потомъ направился прямо къ сердару, сѣлъ между нимъ и визиремъ и довольно грубо заставилъ послѣдняго, довольно тучнаго афганца, подвинуться и дать мнѣ мѣсто. Это вызвало общій смѣхъ, но ни мало не смутило меня. Тотчасъ же поднялъ я руки, чтобы произнести обычную молитву *). Принцъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, и я замѣтилъ, что онъ былъ изумленъ. Когда я произнесъ «аминь», всѣ присутствовавшіе вслѣдъ за мною прикоснулись къ бородамъ, сердаръ же приподнялся въ креслѣ и, указывая на меня пальцемъ, вскрикнулъ со смѣхомъ: «валлахи биллахи шума ингилисъ хестидъ!» (клянусь богомъ, вы англичанинъ).

При этихъ словахъ раздался общій громкій хохотъ, но принцъ не смутился, вскочилъ съ кресла, сталъ передо мною и, хлопая въ ладоши, какъ ребенокъ, сдѣлавшій счастливое открытіе, сказалъ: «хоть убей меня, ты переодѣтый англичанинъ, не правда ли, хаджи?» Говоря это, онъ былъ такъ наивенъ, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ почти было жаль разувѣрять его, но, боясь дикаго фанатизма афганцевъ, я сдѣлалъ видъ, что нахожу шутку неумѣстною и сказалъ: «Сагибъ мекунъ (полно), ты знаешь

*) Молитва эта, произносимая по-арабски, имѣетъ слѣдующій смыслъ: Боже, Господи нашъ, дай намъ занять благословенное мѣсто: ибо, по-истинѣ, ты лучшій мѣстъ даровательъ.

„Клянусь, вы Англичанинъ!“

поговорку: кто правовѣрнаго даже въ шутку обзоветъ невѣрнымъ, тотъ самъ невѣрный. Подай лучше мнѣ за мое фатиха милостыню, чтобъ я могъ продолжать мой путь». Мой серьезный видъ и произнесенныя слова привели молодаго человѣка въ крайнее недоумѣніе. Онъ опять сѣлъ, сконфузился и принялся извиняться, говоря, что еще никогда не видывалъ хаджи изъ Бухары съ такими чертами лица. Я отвѣчалъ ему, что я не бухарецъ, а стамбулецъ, и когда показалъ свой турецкій паспортъ и заговорилъ съ нимъ объ его двоюродномъ братѣ, Джаламъ-эддинъ-ханѣ, сынѣ Акбаръ-хана, бывшемъ въ 1860 году въ Меккѣ и въ Константинополѣ и удостоившемся отъ султана милостиваго пріема,—онъ совершенно измѣнилъ свое обращеніе. Мой паспортъ пошелъ по рукамъ и былъ признанъ дѣйствительнымъ. Сердаръ далъ мнѣ нѣсколько кранъ и отпустилъ съ приказаніемъ посѣщатъ его почаще. Несмотря на то, что эта шутка окончилась для меня такъ счастливо, она имѣла нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя для меня послѣдствія. По примѣру правителя, каждый непремѣнно хотѣлъ открыть во мнѣ переодѣтаго англичанина. Персіяне, афганцы и гератцы приходили ко мнѣ толпами съ цѣлію провѣрить свои подозрѣнія. Самымъ несноснымъ изъ нихъ былъ нѣкто хаджи-шейхъ-Мехеммедъ, старикъ, слывшій за великаго астролога и астронома; въ самомъ дѣлѣ, это былъ, на сколько могъ я замѣтить, человѣкъ весьма начитанный въ арабской и персидской литературахъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что путешествовалъ вмѣстѣ съ Ханыковымъ, что оказалъ ему много услугъ во время пребыванія его въ Гератѣ и получилъ отъ него письмо къ русскому послу въ Тегеранѣ. Это письмо очень хотѣлось ему вручить мнѣ для передачи по адресу. Тщетно старался я убѣдить добраго старика, что не имѣю съ русскими ничего общаго: онъ простился со мною, оставшись

*

при своихъ убѣжденіяхъ. Смѣшнѣе всего были предположенія афганцевъ и персіянъ. Они предполагали во мнѣ нѣчто подобное Эльдреду Поттингеру, прибывшему въ Гератъ въ качествѣ лошадинаго барышника и потомъ сдѣлавшемуся его властелиномъ. Они увѣряли меня, что здѣсь готовы повѣрить мнѣ на сотни, даже на тысячи дукатовъ, но никто не хотѣлъ дать нѣсколькихъ крановъ на хлѣбъ.

Какъ безконечно долго пришлось мнѣ ждать въ Гератѣ прибытія каравана! Городъ имѣлъ мрачный, подавляющій видъ. Страхъ, внушаемый дикими завоевателями, изображался на лицѣ всѣхъ жителей, и постояннымъ предметомъ разговора были послѣдняя осада Герата, его взятіе и разграбленіе. По словамъ гератцевъ, впрочемъ совершенно несправедливымъ, не храбрость афганцевъ, а измѣна гарнизона помогла Достъ-Магомету взять городъ. Они утверждаютъ, что ихъ любимый султанъ Ахмедъ былъ отравленъ, а сынъ его, Шанаувазъ, котораго гератцы чуть не обожаютъ, только тогда узналъ объ измѣнѣ, когда большая часть солдатъ уже вошла въ крѣпость. Осажденный государь, съ своими вѣрными подданными, истинно любившими его, долго бился противъ своего ожесточеннаго тестя, и битва эта была одна изъ самыхъ страшныхъ; больно слышать описаніе всѣхъ ужасовъ, но еще больнѣе слышать разсказъ о томъ, какъ черезъ нѣсколько дней по взятіи крѣпости были ограблены гератцы, воротившіеся съ своими пожитками въ родной городъ. Четыре тысячи афганскихъ солдатъ, нарочно выбранныхъ изъ различныхъ племенъ и полковъ, по данному знаку ринулись въ беззащитные дома и отняли у жителей не только деньги, платье, оружіе, домашнюю утварь,—словомъ, все, что на глаза попадалось,—но даже раздѣли всѣхъ почти до нага. У больныхъ отнимали постели; брали ничего не стоющія колыбели и пеленки у дѣтей. Одинъ мулла, у котораго отня-

ты были всѣ книги, разсказывалъ мнѣ, что онъ лишился около шестидесяти прекрасныхъ рукописей. Всего тяжелѣе было ему разстаться съ кораномъ, который оставилъ ему въ наслѣдство дѣдъ. Мулла умолялъ грабителя оставить ему хоть одну эту книгу и обѣщалъ по ней молиться за него: «не безпокойся», отвѣчалъ ему кабули: «у меня дома есть маленькій сынъ, такъ онъ по ней за тебя будетъ молиться. Давай-ка ее сюда!»

Кто знаетъ жадность грязныхъ афганцевъ, тотъ легко представитъ себѣ, что позволяли они себѣ при разграбленіи города. Цѣлый день войско грабило городъ и цѣлый мѣсяцъ окрестности. Не станемъ слишкомъ обвинять афганцевъ за эти жестокости, естественныя слѣдствія войны, которыя совершаются иногда и цивилизованными народами. Жаль только, что безжалостное афганское правительство, вмѣсто того, чтобы залечить нанесенныя странѣ раны, старается еще болѣе раззорять ее; вслѣдствіе этого, сосѣднія племена, на которыя Кабулъ могъ бы имѣть сильное вліяніе, питаютъ къ афганцамъ такую ненависть, что готовы скорѣе вести съ ними борьбу на жизнь или смерть, чѣмъ признать надъ собою ихъ владычество. Гератъ, который могъ бы теперь ожить снова, предоставленъ управленію добраго, но неопытнаго юноши. Опекунъ его, ханъ племени джемшиди, вмѣсто того, чтобъ охранять страну отъ туркменъ, находится въ стачкѣ съ ними. Эти кочевники осмѣливаются грабить въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Герата; не проходитъ недѣли, чтобъ они не сдѣлали нападенія на какое-нибудь селеніе, не ограбили и не отвели жителей въ неволю. Визирь принца, Назиръ-Наимъ,—олицетворенная глупость, о чемъ еще издали говоритъ его неуклюжее лицо; впрочемъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ съумѣлъ такъ обогатиться, что купилъ себѣ два дома съ виноградниками. Такъ какъ управленіе городомъ и про-

винціей ввѣрено ему, то онъ почти весь день окруженъ просителями и тяжущимися. Это сильно надоѣдаетъ ему и, чтобъ отдѣлаться отъ докучныхъ вопросовъ и просьбъ о новомъ порядкѣ управленія, онъ кстати и не кстати повторяетъ стереотипную фразу: «геръ чи пишъ будъ», т. е. все какъ было прежде. По разсѣянности, онъ даетъ такой же отвѣтъ, когда ему приносятъ жалобу на убійцу или вора. Изумленный проситель еще разъ обращается къ нему съ своею жалобой, но визирь громовымъ голосомъ повторяетъ ему свое: «геръ чи пишъ будъ», и онъ долженъ удаляться.

Поразительнымъ доказательствомъ путаницы въ дѣлахъ служитъ то, что, несмотря на неслыханныя пошлины и налоги, несмотря на вѣчныя репрессаліи, молодой сердаръ изъ доходовъ провинніи не можетъ покрыть расходовъ на чиновниковъ и на гарнизонъ въ 1.400 человѣкъ. Мистеръ Иствикъ *), основываясь на словахъ правителя Хорасана, пишетъ, что ежегодный доходъ Герата простирается до 80.000 томановъ (38.000 фунт. стерл.); эта сумма назначается на содержаніе гражданскихъ чиновниковъ, пяти пѣхотныхъ полковъ и около четырехъ тысячъ кавалеріи; ея конечно на все это не хватаетъ. Гератъ въ настоящее время, при гораздо большихъ доходахъ, требуетъ меньшихъ издержекъ: напуганный городъ не трудно держать въ повиновеніи и только дурной администраціи слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что для покрытія расходовъ по управленію изъ Кабула присылаются въ Гератъ ежемѣсячныя субсидіи. Проживи Достъ-Магометъ еще только одинъ годъ, онъ бы окончательно устроилъ дѣла покоренной провинціи, и Гератъ могъ бы слиться съ Афганистаномъ. Теперь все сковано однимъ страхомъ, и еслибы ка-

*) «Journal of a Diplomate's three years Residence in Persia». II, 244.

кой-нибудь завоеватель вторгнулся въ Гератъ, гератцы первые бы поднялись въ союзѣ съ нимъ противъ афганцевъ. Не только шіиты, обитатели крѣпости, естественно симпатизирующіе Персіи, но даже ревностные сунниты-гератцы предпочли бы кизильбаша нынѣшнимъ своимъ притѣснителямъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что они всего больше были бы рады ингилизамъ (англичанамъ), гуманность и справедливость которыхъ заставляютъ ихъ забывать даже разницу религій и національностей. Гератцы видѣли, съ какимъ усердіемъ, съ какими пожертвованіями, маіоръ Тоддъ, правившій Гератомъ, выкупалъ невольниковъ *)—человѣколюбіе, не мыслимое въ туземномъ правителѣ. Они привыкли видѣть правителей грабящими и убивающими, а не кроткими и благотворительными.

За два дня до отъѣзда, я согласился отправиться съ однимъ афганцемъ въ близлежащую деревню, Газергіахъ, на поклоненіе могилѣ Ходжа-Абдуллъ-Ансари и Достъ-Магометъ-хана. По дорогѣ, я посѣтилъ на прощанье красивыя развалины мосалла. Остатки мечети и надгробнаго памятника, построеннаго для себя великимъ султаномъ Гусейнъ-мирзою за десять лѣтъ до смерти (901 г.), напоминаютъ, какъ я уже замѣтилъ, памятники Самарканда **). Время надолго сохранило бы еще эти произведенія искусства, но въ послѣднія двѣ осады они сильно пострадали отъ фанатизма шіитовъ. Жаль, что европейскіе офицеры, какъ напримѣръ генералъ Боровскій и генералъ Бюлеръ (первый—полякъ, а второй—эльзасецъ), участвовавшіе въ

*) Въ Гератѣ распространено преданіе, что Стоддартъ былъ отправленъ въ Бухару съ порученіемъ выкупить жителей Герата, томившихся въ плѣну.

**) Особенно одинъ небольшой памятникъ имѣетъ сходство съ памятникомъ на могилѣ Тимура. Скульптурныя украшенія и надгробныя надписи такой работы, что лучшей нельзя себѣ представить. На многихъ камняхъ по три надписи, начертанныхъ одна надъ другой тонкимъ сюлюзскимъ почеркомъ; каждая составляетъ особый стихъ.

упомянутой кампаніи, не съумѣли предотвратить подобныхъ проявленій варварства. Въ самомъ Газергіахѣ, находящемся отъ Герата на разстояніи одного часа пути, много интересныхъ скульптурныхъ и архитектурныхъ памятниковъ, относящихся ко времени Шарухъ-мирзы, сына Тимура. Всѣ они были подробно описаны Ферръе *), хотя и съ нѣкоторыми погрѣшностями, вполнѣ извинительными впрочемъ путешествующему офицеру. Святаго, покоящагося въ Газергіахѣ, зовутъ Ходжа-Абдуллъ-Ансари; послѣдняя приставка къ имени указываетъ на то, что онъ былъ арабъ и принадлежалъ къ роду, бѣжавшему вмѣстѣ съ пророкомъ изъ Мекки. Шесть сотъ лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ изъ Багдада въ Мервъ, а оттуда въ Гератъ, гдѣ умеръ и былъ признанъ святымъ. Теперь онъ считается покровителемъ города и провинціи. Достъ-Магометъ-ханъ самъ пожелалъ быть погребеннымъ у ногъ этого святаго, чѣмъ сильно огорчилъ своихъ враговъ и обрадовалъ единоплеменниковъ. На могилѣ Достъ-Магомета при мнѣ не было ни камня, ни украшеній: сынъ его и наслѣдникъ хотѣлъ сначала заложить прочное основаніе своему наслѣдію, потомъ уже воздвигнуть памятникъ тому, кто оставилъ ему это наслѣдство. Это впрочемъ не мѣшаетъ афганцамъ ходить на поклоненіе на могилу Достъ-Магомета, и скоро этотъ сильный соперникъ затмитъ собою святаго Ансари. Такъ и слѣдуетъ: Ансари вѣроятно былъ однимъ изъ многочисленныхъ арабскихъ бродягъ, а Достъ-Магометъ-ханъ основалъ афганскую націю.

---

*) «Caravan Journeys and Wanderings, by J. P. Ferriel»; 1847, стр. 177 и 178.

XV.

Авторъ присоединяется къ каравану, отправляющемуся въ Мешхедъ.—Кухзунъ, послѣдній афганскій городъ.—Напрасное опасеніе, причиненное появленіемъ дикихъ ословъ.—Спорная земля между афганскими и персидскими владѣніями.—Дорога развѣтвляется въ двухъ направленіяхъ.—Юзуфъ-ханъ-Хезаре.—Ферямонъ.—Полковникъ Долмэджъ.—Принцъ султанъ-Мурадъ-мирза.—Авторъ пишетъ гератскому сердару, кто онъ.—Шахрудъ.—Тегеранъ и пріемъ, сдѣланный автору турецкимъ уполномоченнымъ Измаилъ-эфенди.—Дружескій пріемъ мистера Алисона и англійскаго посольства.—Свиданіе съ шахомъ.—Кавванъ-уд-Довлетъ и пораженіе при Мервѣ.—Возвращеніе черезъ Трапизондъ и Константинополь въ Пештъ.—Авторъ оставляетъ хивинскаго муллу въ Пештѣ и отправляется въ Лондонъ.—Пріемъ, сдѣланный ему въ этомъ городѣ.

10-го ноября 1863 г. оставилъ я Гератъ, ворота Средней Азіи или Индіи, какъ его называютъ иные, и отправился съ большимъ караваномъ, шедшимъ въ Мешхедъ. Это былъ послѣдній переходъ въ моемъ путешествіи. Караванъ состоялъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ половина были кабульскіе гезаре; эти бѣдные люди, несмотря на предстоящія имъ лишенія, предприняли путешествіе съ женами и дѣтьми къ шіитскимъ святымъ. Хотя всѣ путешественники принадлежали къ одному каравану, однако они раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Я очутился въ толпѣ афганцевъ изъ Кандагара, торговавшихъ съ Персіей мѣхами и индиго; они наняли того же самаго дшилодара, котораго я уговорилъ позволить мнѣ сѣсть на легко навьюченнаго мула, за что обѣщалъ въ Мешхедѣ заплатить, какъ за исключительное пользованіе имъ. Высказавъ надежду въ Мешхедѣ поправить свои дѣла, я самъ подалъ ему поводъ усомниться въ

моемъ званіи хаджи, но совершенно снять маску я не рѣшался, такъ какъ афганцы, болѣе фанатичные, чѣмъ бухарцы, вѣроятно дорогою отомстили бы мнѣ за это. Закравшееся въ нихъ сомнѣніе было не лишено для меня интереса. Одни принимали меня за истаго турка, другіе хотѣли открыть во мнѣ англичанина; противники спорили между собою, и было забавно смотрѣть, какъ послѣдніе брали верхъ надъ первыми по мѣрѣ того, какъ, приближась къ Мешхеду, я изъ согбеннаго, смиреннаго дервиша превращался въ настоящаго европейца. Нѣкоторые афганцы, агенты значительныхъ домовъ, ведущихъ торговлю индиго въ Мултанѣ и Шикарпурѣ, казалось, были совершенно довольны моимъ превращеніемъ; хотя въ предѣлахъ Герата они съ гордостію и называли себя гази (борцами противъ англичанъ) и хвалились побѣдой надъ ними въ Кабулѣ,—здѣсь, близъ Мешхеда, они сообщили мнѣ, что и они тоже англійскіе подданные, и просили представить ихъ въ Мешхедѣ Векиль-Доулету, агенту англійскаго консульства, могущественное покровительство котораго могло быть имъ весьма полезно въ ихъ коммерческихъ дѣлахъ. Все это они дѣлали, нисколько не краснѣя. Восточный житель родится и умираетъ въ маскѣ; искренности здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.

Путь нашъ шелъ черезъ Нукре, Кале-Сеферъ-ханъ, Рузенекъ, Шебешъ и Кухзунъ. Возлѣ Шебеша начинается лѣсъ, который тянется по берегу Хери и служитъ убѣжищемъ для туркменъ, подстерегающихъ здѣсь добычу. Въ Кухзунѣ, гдѣ оканчиваются владѣнія Герата, намъ пришлось дожидаться два дня, чтобы заплатить послѣднюю афганскую пошлину. На второй день съ башни каравансарая вдругъ замѣтили приближавшееся къ деревнѣ большое облако пыли. Ужасъ объялъ нашъ караванъ и всю деревню. Крики: «туркмены, туркмены!» слышались со всѣхъ

сторонъ. Наконецъ облако приблизилось, и мы увидали большое стадо дикихъ ословъ, которые остановились въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, потомъ повернули назадъ и исчезли въ пустынѣ.—Отсюда до персидской границы, начинающейся у Кариса и Тайбада, розстилается никому не принадлежащее пространство земли, черезъ которое племена текке, салоръ и сарикъ совершаютъ свои разбойничьи набѣги на Хафъ, Каинъ и даже Бирдшанъ, лежащіе отсюда къ югу. Аламаны ихъ состоятъ изъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, которые нападаютъ на деревни и уводятъ въ плѣнъ жителей и стада.

Несмотря на свою многочисленность, караванъ нашъ взялъ съ собою изъ Кухзуна для конвоя всѣхъ способныхъ носить оружіе. При Кафиркале мы встрѣтили караванъ, шедшій изъ Мешхеда, и я услыхалъ, что полковникъ Долмэджъ, одинъ изъ англійскихъ офицеровъ въ персидской службѣ, котораго я зналъ еще прежде, находится въ Мешхедѣ; я былъ этому очень радъ. Послѣ Кафиркале мы прибыли въ каравансарай Дагару; здѣсь дорога раздѣляется: одна ея вѣтвь идетъ черезъ Карисъ и Тюрбети-Шейхъ-Дшамъ по равнинѣ, другая черезъ Тейбадъ, Ризу́, Шерино. Послѣдняя очень гориста и потому менѣе опасна. Большая часть каравана избрала первую, мы же, въ угоду афганцамъ, должны были отправиться по послѣдней. Путь нашъ шелъ отъ Тейбада по пустынной, покинутой странѣ, называемой Бахирсъ (можетъ-быть Бахисъ?) и населенной суннитскими гезарами, пришедшими сюда изъ Кале-Но. Нужно пройти пять станцій, чтобы достигнуть равнины Календерабадъ. Въ Шеринѣ я встрѣтилъ сертиба (генерала) Юзуфъ-хана, предводителя гезаровъ, служащаго на жалованьи у Персіи, но на самомъ дѣлѣ ея злѣйшаго врага. Его командировка на границу съ одной стороны полезна потому, что только гезаре могутъ ладить

съ туркменами, которые ихъ боятся; съ другой стороны, при опасности, грозящей Персіи со стороны афганцевъ, не совсѣмъ благоразумно употреблять здѣсь враговъ для охраненія границъ.

Изъ Шерино мы пошли черезъ Гимметабадъ и Келлемунаръ *); послѣдняя станція расположена на вершинѣ горы и состоитъ изъ единственной башни, построенной для защиты отъ нападеній. Мы очень страдали отъ сильнаго холода, но на слѣдующій день прибыли въ Феримонъ, первую встрѣтившуюся на нашей дорогѣ деревню, заселенную персіянами, гдѣ теплая конюшня заставила меня забыть мои многодневныя страданія. Наконецъ, на двадцатый день послѣ нашего выступленія изъ Герата, блиставшій вдали, богато позлащенный куполъ мечети и надгробнаго памятника имамъ-Риза показалъ мнѣ, что я достигъ Мешхеда, куда я такъ стремился и гдѣ должны были окончиться мои страданія. Сильно подѣйствовалъ на меня видъ этого города; однако я долженъ признаться, что, мѣсяцъ тому назадъ, я ожидалъ, что въ эту радостную для меня минуту волненіе мое будетъ еще сильнѣе. Удивительно, что какъ только опасность миновала, я тотчасъ же сдѣлался равнодушенъ къ ней и, находясь у городскихъ воротъ, забылъ все: и туркменъ, и пустыню, и бури.

Спустя полчаса послѣ своего прибытія, я отправился къ полковнику Долмэджу, занимавшему здѣсь при князѣ-правителѣ нѣсколько весьма важныхъ должностей и вездѣ пользовавшемуся большимъ уваженіемъ. Онъ былъ на службѣ, когда ему доложили о прибытіи какого-то страннаго хаджи изъ Бухары. Полковникъ поспѣшилъ домой, долго и пристально вглядывался въ меня и узналъ меня толь-

*) Слово это означаетъ череповидный холмъ.

ко тогда, когда я началъ говорить. Его радушный пріемъ и полные слезъ глаза показали мнѣ, что я встрѣтилъ не только европейца, но даже и друга. Благородный англичанинъ тотчасъ предложилъ мнѣ свой домъ; я принялъ это предложеніе, и только его дружелюбному гостепріимству обязанъ тѣмъ, что такъ скоро оправился отъ утомительнаго путешествія и, спустя мѣсяцъ, несмотря на зимнее время, могъ предпринять поѣздку въ Тегеранъ.

Во время моего пребыванія въ Мешхедѣ, полковникъ Долмэджъ представилъ меня принцу-правителю султанъ-Мурадъ-мирзѣ, дядѣ нынѣшняго шаха. Этотъ принцъ, сынъ расположеннаго къ Англіи Аббасъ-мирзы, прозванъ Гусамъ-эсъ-султаномъ, т. е. обнаженнымъ мечомъ царства. И это совершенно справедливо: только благодаря его постоянной бдительности и энергіи, Хоразанъ въ его правленіе менѣе страдаетъ отъ набѣговъ туркменъ, и улицы начинаютъ постепенно оживляться. Я нѣсколько разъ являлся къ нему и всегда встрѣчалъ самый любезный пріемъ. По цѣлымъ часамъ длился у насъ разговоръ о Средней Азіи, о которой онъ имѣетъ достаточныя свѣдѣнія; онъ былъ въ восторгѣ отъ того, что изувѣръ и склонный къ подозрѣнію эмиръ Бухары, называющій себя, къ негодованію всѣхъ шіитовъ, эмиръ-юль-мумининомъ *) (княземъ правовѣрныхъ), принималъ отъ меня благословеніе. Къ похваламъ, которыми гг. Ханыковъ и Иствикъ справедливо осыпали султанъ-Мурадъ-мирзу, мы прибавимъ только, что, по энергіи, разсудительности и любви къ отечеству, не много найдется такихъ личностей не только въ Персіи, но даже и въ Турціи. Но одна ласточка еще не лѣто, и способности Мурада никогда не найдутъ въ Персіи достойнаго круга дѣятельности.

---

*) Титулъ, который шіиты даютъ только одному Али.

За неимѣніемъ европейскаго платья, я долженъ былъ какъ въ Мешхедѣ, такъ и на дальнѣйшемъ пути въ Тегеранъ оставаться въ чалмѣ и во всемъ восточномъ костюмѣ; съ званіемъ же дервиша я, какъ легко пойметъ читатель, совершенно простился. Знакомство съ европейскимъ офицеромъ достаточно показало моимъ спутникамъ изъ Герата, что я за человѣкъ; афганцы, ревностнѣе другихъ, дѣлали самыя невѣроятныя заключенія о моемъ званіи и цѣли моего путешествія. Будучи увѣренъ, что они извѣстятъ обо всемъ молодаго гератскаго князя, я рѣшился самъ написать ему и объяснить все. Въ письмѣ своемъ я восхвалялъ его проницательность и объявилъ ему, что хотя я и не англичанинъ, но очень близко къ къ тому—европеецъ; что онъ очень любезный человѣкъ, но что я совѣтую ему на будущее время не пытаться такъ публично разоблачать инкогнито чужеземца, котораго мѣстныя условія принуждаютъ скрываться.

Праздникъ Рождества я провелъ съ Долмэджемъ, а 26 декабря, не дожидаясь каравана, уже пустился въ путь къ Тегерану, въ сообществѣ одного только моего муллы. Оба мы ѣхали верхомъ на хорошихъ лошадяхъ, принадлежавшихъ уже лично мнѣ; мы взяли съ собою кухонную посуду, одѣяла и всевозможныя дорожныя принадлежности; хотя и приходилось, среди зимы, слѣлать 24 станціи, но удовольствіе, которое я испытывалъ дорогой, сознавая, что съ каждымъ шагомъ я все болѣе и болѣе приближался къ дорогому Западу, останется для меня незабвеннымъ. Безъ всякаго прикрытія проѣхалъ я также тѣ четыре станціи, отъ Мезинада до Шахруда, гдѣ персіяне, опасаясь туркменъ, ѣздятъ подъ прикрытіемъ пушекъ. Въ послѣднемъ городѣ я, въ каравансараѣ, увидалъ одного англичанина изъ Бирмингама, пріѣхавшаго сюда для покупки шерсти и бумаги. Можно себѣ пред-

ставить изумленіе британца, когда я, въ платьѣ хаджи, съ большою чалмой на головѣ, обратился къ нему въ этой чужой странѣ съ словами: «how do you do?» Изумленный въ высшей степени, онъ перемѣнился въ лицѣ, три раза начиналъ «well...»—и не могъ сказать ничего болѣе. Дальнѣйшее объясненіе вывело его изъ смущенія; я сдѣлался его гостемъ, и мы славно провели день съ нимъ и еще съ однимъ очень хорошо образованнымъ Русскимъ, агентомъ торговаго общества «Кавказъ». Отъ Шахруда до столицы Персіи одиннадцать дней пути. Къ вечеру 19-го января я находился уже только въ двухъ часахъ ѣзды отъ нея, но, вслѣдствіе темноты, страннымъ образомъ, заблудился близъ деревни Шахъ-Абдулъ-Азимъ. Когда же, послѣ долгихъ розысковъ, прибылъ я наконецъ къ городскимъ воротамъ, они были уже заперты; пришлось провести ночь въ каравансараѣ, находившемся въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. На слѣдующее утро, не желая быть узнаннымъ въ моемъ смѣшномъ нарядѣ, я поспѣшилъ пробраться по улицамъ Тегерана къ турецкому посольству.

Какъ отрадно было мнѣ вступать въ это зданіе, которое я покинулъ десять мѣсяцевъ тому назадъ, чтобъ ѣхать, повидимому, искать приключеній. Извѣстіе, что благодѣтель мой, Хайдаръ-эфенди, оставилъ Тегеранъ, очень огорчило меня *); я долженъ, однако же, признаться, что заступившій его мѣсто уполномоченный при персидскомъ дворѣ, Измаилъ-эфенди, принялъ меня съ неменьшею добротой и большимъ радушіемъ. Этотъ молодой турецкій дипломатъ, извѣстный своимъ замѣчательно-прекраснымъ образованіемъ и отличнымъ характеромъ, обя-

*) Не менѣе огорчило меня и то, что не было въ то время въ Тегеранѣ моего превосходнаго друга, доктора Бимценштейна, врача при посольствѣ; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ двоихъ, которые знали о моемъ инкогнито.

залъ меня до крайности своею любезностью. Онъ тотчасъ очистилъ мнѣ рядъ комнатъ въ домѣ посольства, и полный комфортъ, которымъ я въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ наслаждался въ Тегеранѣ, заставилъ меня забыть всѣ трудности и опасности моего утомительнаго путешествія; я скоро почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы снова пуститься въ подобный путь. Не менѣе любезности встрѣтилъ я также со стороны англійскаго посольства. Извѣстный представитель королевы, г. Алисонъ, также какъ и оба секретаря, гг. Томсонъ и Ватсонъ, очень были рады счастливому окончанію моего путешествія, и только ихъ покровительству обязанъ я тѣмъ, что по пріѣздѣ въ Англію нашелъ для изданія своихъ путевыхъ записокъ неожиданную, даже не заслуженную помощь.

Измаилъ-эфенди публично представилъ меня государю, пожелавшему меня видѣть. Юный Назръ-эддинъ-шахъ принялъ меня въ своемъ саду. Я шелъ въ сопровожденіи министра внутреннихъ дѣлъ и перваго адъютанта; въ высшей степени былъ я удивленъ, увидавъ, что властитель всѣхъ земель Ирана, въ простомъ полуазіятскомъ, полуевропейскомъ костюмѣ *), смотритъ на насъ въ лорнетъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій начался разговоръ о путешествіи. Шахъ освѣдомился о всѣхъ своихъ царственныхъ братьяхъ на далекомъ Востокѣ, и когда я намекнулъ на ихъ политическую незначительность и слабость, онъ не могъ удержаться отъ хвастливаго восклицанья и сказалъ визирю: «Съ 15.000 войска можно было бы положить конецъ всему этому». Конечно, при этомъ онъ совершенно забылъ свое восклицаніе послѣ катастрофы при Мервѣ: «Каввамъ, Каввамъ! отдай мнѣ мои легіоны» **).

*) Нижнее платье дѣлается большею частью по туземному фасону и только верхнее по-европейски. Настоящій образецъ нашей цивилизаціи на Востокѣ!

**) Несчастный походъ противъ Мерва, какъ я уже замѣтилъ, въ сущности предпринятый противъ Бухары, былъ порученъ неспособному царедворцу, носившему

Въ разговорѣ коснулись также и Герата. Шахъ спросилъ, въ какомъ состояніи находится городъ и что дѣлаютъ жители. Я отвѣчалъ, что Гератъ обращенъ въ груду развалинъ, а жители молятся о здравіи его величества. Назръ-эддинъ скоро замѣтилъ, на что я намекаю, и быстро, какъ онъ обыкновенно говоритъ, сказалъ, какъ лисица въ баснѣ: «такихъ разрушенныхъ городовъ мнѣ не надо». Въ заключеніе аудіенціи, продолжавшейся съ полчаса, властитель выразилъ свое изумленіе по поводу моего путешествія и пожаловалъ мнѣ въ знакъ своей особенной милости орденъ Льва и Солнца четвертой степени, послѣ чего я долженъ былъ еще написать для него краткій очеркъ моего путешествія.

28 марта оставилъ я Тегеранъ; въ этотъ день, за годъ передъ тѣмъ, предпринялъ я свое путешествіе въ Среднюю Азію. Черезъ Тебрисъ думалъ я отправиться въ Требизондъ. До Тебриса мы наслаждались прекрасной весеннею погодой, и можно представить, что я чувствовалъ при воспоминаніи объ этихъ дняхъ прошедшаго года. Тогда каждый шагъ приближалъ меня къ дикому варварству и неизвѣстнымъ опасностямъ, теперь—къ цивилизаціи и дорогому отечеству. Глубоко трогало меня участіе, которое оказывали мнѣ на дорогѣ европейцы. Въ Тебрисѣ встрѣтили меня безподобные друзья мои Ханхартъ и К° и г. Абботъ, англійскій вице-консулъ, въ Эрзерумѣ—г. Маякъ, въ Требизондѣ—мой ученый другъ, докторъ Блау, прусскій консулъ; особенно же предупредителенъ былъ г. Драгорихъ,

---

титулъ Кавванъ-улъ-Довлетъ (твердыня царства). Все несчастіе и страшное пораженіе, которое потерпѣли тамъ персіяне отъ племени текке, должно приписать Каввану. Онъ смотрѣлъ на туркменъ, какъ Варръ на херусковъ въ Тевтобургскомъ лѣсу, однако былъ слишкомъ робокъ, чтобы кончить дѣло подобно римскому полководцу. Государь его также не былъ Антоніемъ; онъ правда кричалъ: «Redde mihi meas legiones», но помирился на 24.000 дукатахъ, и низкій трусъ до сихъ поръ занимаетъ высокую должность въ Персіи.

австрійскій консулъ. Навсегда сохраню я признательность къ нимъ за ихъ любезность и братское участіе. Имъ вполнѣ извѣстны всѣ опасности путешествія по Востоку, и сочувствіе ихъ есть самая сладкая награда, какой только можетъ ожидать путешественникъ.

Точно также, какъ выѣхавъ изъ Курдистана, я не находилъ уже въ чертахъ османли ничего восточнаго, такъ и въ Стамбулѣ я увидалъ только прекрасно нарисованный занавѣсъ передъ не существующею въ дѣйствительности восточною жизнью. Хотя мнѣ пришлось пробыть на берегу Босфора только три часа, но я былъ очень доволенъ, что успѣлъ навѣстить господина Прокешъ-Остена, неутомимаго ученаго и дипломата, дружескій совѣтъ котораго относительно обработки моего сочиненія я никогда не упускалъ изъ виду. Отсюда я отправился черезъ Кюстендже въ Пештъ, гдѣ оставилъ своего спутника, муллу изъ Кунграда, сопровождавшаго меня изъ Самарканда *); мнѣ же не суждена была радость оставаться долѣе въ моемъ отечествѣ, такъ какъ я хотѣлъ, еще до окончанія сезона, представить мои путевыя записки въ Королевское Географическое Общество, что мнѣ и удалось при помощи моихъ благосклонныхъ друзей. 9-го іюня 1863 г. прибылъ я въ Лондонъ, и невѣроятныхъ трудовъ стоило мнѣ привыкнуть къ такому рѣзкому переходу, какъ переходъ отъ Бухары къ столицѣ Англіи.

Странно въ самомъ дѣлѣ, какъ привычка дѣйствуетъ на человѣка. Хотя я переходилъ отъ одной крайности къ другой постепенно, тѣмъ не менѣе все мнѣ казалось такъ удивительно, такъ необыкновенно, какъ будто бы прежде

---

*) Читатель можетъ легко представить, какъ всему дивился и все разглядывалъ бѣдный хивинецъ, попавшій вмѣсто Мекки въ венгерскую столицу. Его болѣе всего изумляло добродушіе френговъ. Они не убили его, чего онъ болѣе всего опасался, припоминая подобные поступки своихъ соотечественниковъ.

я только мечталъ о Европѣ, а самъ былъ жителемъ Азіи. Мои странствованія оставили во мнѣ слишкомъ сильное впечатлѣніе, и меня поражало какъ ребенка, когда въ Риджентъ-Стритѣ или въ гостинныхъ англійскихъ вельможъ я представлялъ себѣ пустыни Средней Азіи, полатки киргизовъ и туркменъ.

---

*

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

I.

Политическая и соціальная жизнь туркменъ.

Границы и племенное раздѣленіе.—Отсутствіе властей и подчиненности.—Дебъ.—Исламъ.—Его вліяніе на нравы только внѣшнее.—Мнимая власть аксакаловъ.—Вліяніе муллъ.—Устройство полатокъ.—Аламаны и веденіе ихъ.—Трусость персіянъ.—Поэты.—Трубадуры.—Простота свадебныхъ обрядовъ.—Лошади.—Могильные курганы.—Поминки.—Происхожденіе туркменъ.—Очеркъ исторіи туркменъ.—Современное значеніе ихъ въ политическомъ и географическомъ отношеніяхъ.

А. Границы и племена.

Туркоманы, или туркмены *), какъ они сами себя называютъ, обитаютъ преимущественно въ той части пустыни, которая тянется по сю сторону рѣки Оксуса, отъ берега Каспійскаго моря до Белха и къ югу до Герата и Астрабада. Плодородная почва встрѣчается тутъ только мѣстами по берегамъ рѣкъ Оксуса, Мургаба, Тетшенда, Гергена и Этрека; здѣсь туркмены занимаются немного и хлѣбопашествомъ. Остальное же пространство представляетъ ту грозную пустыню, въ которой, часто, въ продолженіе цѣлой недѣли путешественникъ напрасно ищетъ прѣсной воды или тѣни дерева. Зимняя жестокая стужа и высокіе снѣжные сугробы замѣняются лѣтомъ палящимъ зноемъ и глубокимъ, сыпучимъ пескомъ, а бури разныхъ временъ года различаются только тѣмъ, что однѣ готовятъ

*) Это слово состоитъ изъ собственнаго имени тюрк и прибавки мен, т. е. ство. Такимъ образомъ это кочующее племя называетъ себя турками по преимуществу. Употребляемое у насъ слово туркоманъ—персидское искаженіе турецкаго оригинала.

караванамъ горячія, сухія могилы, другія же готовятъ могилы холодныя, сырыя.

Чтобы точнѣе обозначить раздѣленіе туркменъ, мы употребимъ принятыя у нихъ же самихъ названія. По европейскимъ понятіемъ, главныя подраздѣленія народа называются племенами потому именно, что мы имѣемъ точкой отправленія одинъ народъ, одну націю; но туркмены, не составлявшіе никогда, по крайней мѣрѣ на памяти исторіи, одного цѣлаго, обозначаютъ свои подраздѣленія именемъ халкъ (по-арабски: народъ, люди). Халковъ насчитываютъ девять: 1) чаудоръ, 2) эрзари, 3) аліели, 4) кара, 5) салоръ, 6) сарикъ, 7) текке, 8) гёкленъ и 9) іомутъ. Халки раздѣляются на тайфы, а тайфы на тиры *).

О первыхъ шести халкахъ мы скажемъ только нѣсколько словъ, но обратимъ наше вниманіе на три послѣдніе: текке, гёкленъ и іомутъ, такъ какъ мы имѣли случай видѣть и изучить ихъ вблизи.

1. Племя чаудоръ, занимающее южную часть полосы земли между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ, насчитываетъ около 12 тысячъ полатокъ. Главныя его тиры тянутся отъ Каспійскаго моря до Алтюргендша, Булдумзаса и Кекчеге въ Хивѣ и называются: абдалъ, игдыръ, эсейлу, карачаудоръ, бесаджи, бурундчукъ и шейхъ.

2. Племя эрзари живетъ на лѣвомъ берегу р. Оксуса отъ Чигардшуя до Белха, распадается на 20 тайфъ и еще большее число тиръ и имѣетъ отъ 50 до 60 тысячъ полатокъ. Такъ какъ племя это занимаетъ большею частію берега Оксуса и платитъ дань бухарскому эмиру, то его

*) Употребляя здѣсь названія самихъ туркменъ, мы, однакоже, для большей ясности прибавимъ дословный ихъ переводъ. Такъ

халкъ,	собственно	народъ,	означаетъ	также	племя
тайфе,	»	народъ,	»	»	орда
тире,	»	отрасль,	»	»	кланъ.

называютъ также лебабъ-туркменъ, т. е. прибрежные туркмены.

3. Аліели, главное мѣстопребываніе котораго Андкуй, состоитъ только изъ трехъ тиръ и 2—3.000 полатокъ.

4. Кара, небольшое, но очень дикое племя, кочуетъ преимущественно вблизи нѣкоторыхъ колодцевъ въ большой песчаной пустынѣ между Андкуемъ и Мервомъ. Вслѣдствіе безпощаднаго хищничества этого племени, всѣ сосѣди ведутъ съ нимъ постоянную войну.

5. Салоръ, самое древнее въ исторіи племя, пріобрѣло извѣстность своею храбростью еще во время нашествія арабовъ. Прежде оно было вѣроятно многочисленнѣе, но постоянныя войны уменьшили его до 8 тысячъ полатокъ. Еще 10 лѣтъ назадъ оно обладало важнымъ пунктомъ—Мервомъ, теперь же, вытѣсненное племенемъ текке, оно живетъ въ Марчагѣ и его окрестностяхъ. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ тиръ и тайфъ:

Тайфы:	Тиры:
1) Ялаваджъ.	Азъ, іизи, сакаръ, ордуходша.
2) Караманъ.	Атамъ, гердшикли, бей-бёлеги.
3) Анабелеги.	Ядши, бохара, бакашъ-тёре-тимуръ.

6. Сарикъ храбростію не уступаетъ племени салоръ и поэтому прежнее его число значительно убавилось. Теперь племя это обитаетъ въ окрестностяхъ Пендшдея, на берегахъ Мургаба, и находится въ постоянной враждѣ со всѣми, за исключеніемъ сосѣдняго племени джемшиди.

Племя сарикъ распадается на слѣдующія тайфы и тиры:

Тайфы:	Тиры:
1) Хорасанли.	Беденгъ, ходшали, кизилъ, гуссейнали.
2) Бгерадшъ.	Канлибашъ, кулча, судшанъ.
3) Сохти.	Япиръ, муматай, курдъ, кадиръ.
4) Алаша.	Кодшакъ, богадша, гуссейнъ-кара, саадъ, экенсисъ.

5) Герзеги. Герхи, дшанибегъ, курама, ятанъ, япаги.

Мнѣ говорили, что число полатокъ этого племени доходитъ до 12 тысячъ.

7. Текке, теперь самое многочисленное и могущественное племя туркменъ, распадается на два главныя становища: Ахалъ, къ востоку отъ Тетшенда, и Мервъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, оно насчитываетъ почти 60 тысячъ полатокъ. Занимая мѣстность еще менѣе плодородную, чѣмъ остальныя туркменскія племена, текке принуждены, такъ сказать, самою природою къ грабежу; для сѣверо-восточныхъ частей Персіи, Герата и его окрестностей они настоящій бичъ Божій. Изъ подраздѣленій этого племени я могу назвать только слѣдующія, хотя вѣроятно они многочисленнѣе:

Тайфы:	Тиры:
1) Этомишъ.	Келлетшо, султанисъ, ситшмасъ, караахметъ.
2) Бахши.	Перренгъ, топасъ, кёрсагри, аладшагёсъ, ташаякъ, аксефи-гё, мави, сакиръ, казиларъ.
3) Тохтамышъ.	Бокбурунъ, аманза, гёктше-бегъ, кара, харъ, конгоръ, юсуфъ, язи, арикъ, корадша.

8. Гёкленъ. Это племя можно назвать самымъ мирнымъ и самымъ цивилизованнымъ изъ всѣхъ племенъ. Гёклены охотно занимаются земледѣліемъ и большая часть изъ нихъ находится въ подданствѣ у персидскаго шаха. Они занимаютъ прекрасное и знаменитое въ исторіи мѣсто древняго Гургана (нынѣ развалины Шехри-Джорджана) и раздѣляются на слѣдующіе кланы и орды:

Тайфы:	Тиры:
1) Чакиръ.	Гёкдишъ, аламетъ, тораманъ, хорта, каравулъ, кёзе, кулкара, байналъ.

2) Бегдили. Паркъ, аманходша, боранъ, каришмаръ.

3) Кайи. Дшанкурбанли, эркекли, акиндшикъ, кизиль, тикенджи, бокходша, кодана, темекъ, карнасъ, дари.

4) Карабалканъ. Чотуръ, капанъ, сигирзики, пашей, адшибегъ.

5) Кирикъ. Гійинликъ, суфіанъ, дехене, каракусу, чеке, гёкче, кабазакулъ, ёнгютъ, кёнгёръ.

6) Байиндиръ. Калайдши, кёрюкъ, япаги, ядши, кесиръ, ясагаликъ, тёренгъ.

7) Геркесъ. Моллаларъ, кёзе, атаніясъ, меремъ, бёрре.

8) Янгакъ. Кётшютъ, мадшиманъ, кётю-дизегри, саридше, экисъ.

9) Сенгринъ. Карашуръ, акшуръ, кутши, харъ, шейхъ-беги.

10) Ай-дервишъ. Етшу, кодша-масъ, дели, чикзари, арабъ, адшемъ, кардшикъ.

Во всѣхъ этихъ 10 ордахъ считается 10 тысячъ полатокъ; число это вѣроятно не преувеличено.

9. Іомутъ—племя, населяющее восточные берега и нѣсколько островов Каспійскаго моря, обыкновенно называется гёргенъ-іомуту, т. е. гёргенскими іомутами. Кромѣ того есть еще іомуту-хива, т. е. іомуты хивинскіе, избравшіе своимъ жилищемъ другой край степи, близъ рѣки Оксуса. Самыя извѣстныя мѣста въ степи, гдѣ обыкновенно кочуютъ гёргенскіе іомуты, слѣдующія (считая отъ Персидской границы): 1) Ходша-Нефесъ, на нижнемъ истокѣ рѣки Гёргена, съ 40—60 полатками; отсюда получаютъ сильныя подкрѣпленія шайки морскихъ разбойниковъ, постоянно угрожающія берегамъ Персіи. 2) Гёмюштепе, зим-

нее становище, необитаемое лѣтомъ по случаю свирѣпствующихъ тамъ лихорадокъ; оно тянется вдоль верхняго истока Гёргена, который здѣсь довольно глубокъ и, вслѣдствіе удивительнаго изобилія рыбы, составляетъ истинное благо для кочевниковъ. 3) Хасанкули, на берегу залива того же имени; лѣтомъ это мѣсто весьма населено и производитъ хорошія дыни. 4) Этрекъ, къ востоку отъ Хасанкули, на берегу рѣки Этрека, впадающаго въ море въ 6 миляхъ отсюда. 5) Чекишларъ или Яйлакъ, т. е. лѣтнее мѣстопребываніе, близъ возвышенія Актепе, поднимающагося на берегу моря. 6) Челекенъ *)—островъ, отстоящій отъ материка на 4 мили; жители этого острова миролюбивы и занимаются торговлею.

Іомуты образуютъ слѣдующія

тайфы:	тиры:
1. Атабай.	Сехене, дюнгиртши, тана, кисарка, кесе, темекъ.
2. Дшаферъ-бай, въ свою очередь распадающаяся на:	
а) Ярали.	При-тамачъ, кисаси, сакалли, аригкёзели, тшокканъ-борканъ, онукъ-томатшъ.
б) Нурали.	Келте, кариндшикъ, газиликёръ, хассанъ-кулулукёръ-панкётекъ.
3. Шерефъ-дшуни, одна часть которой живетъ въ Гёргенѣ, а другая въ Хивѣ.	
а) Гёргенъ.	Кара-бёлке, теведши, іилгаи, джаферъ.

*) Вѣрнѣе: Черекенъ, отъ персидскаго Черкенъ, т. е. 4 рудника: такъ названъ отъ четырехъ главныхъ произведеній острова.

б) Хива. . . . . Экусъ, салакъ, ушакъ, кодшукъ, мешрикъ, іимрели.

4. Огурдшали. . . . . Семединъ, гирай, терекме, нединъ.

Такъ какъ Огурдшали вовсе не занимаются грабежомъ, то они не признаютъ іомутовъ соплеменниками. Находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Персіей, они приняли подданство персидскаго шаха, которому платятъ ежегодную дань въ 1.000 червонцевъ. Во внутреннее же управленіе ихъ Персія не имѣетъ права вмѣшиваться. Сами іомуты обыкновенно показываютъ число своихъ полатокъ отъ 40—50 тысячъ, но на это, какъ и на остальныя показанія іомутовъ, нельзя полагаться: изъ племенной гордости, кочевники преувеличиваютъ свое число. Но тѣмъ не менѣе мы сочтемъ отдѣльныя показанія:

Чаудоры	12.000	полатокъ.
Эрзари	50.000	»
Аліели	3.000	»
Кара	1.500	»
Салоръ	8.000	»
Сарикъ	10.000	»
Текке	60.000	»
Гёклены	12.000	»
Іомуты	40.000	»
Всего	196.500	полатокъ.

Считая по 5 душъ на каждую полатку, какъ вообще принято считать, все населеніе составитъ по меньшей мѣрѣ 982.500 душъ; при этомъ надо замѣтить, что я уменьшилъ показаніе туркменъ почти на $1/3$ часть.

Б. Политическія отношенія.

Во время моего пребыванія у туркменъ меня всего болѣе поразило то, что я не могъ открыть никого, кто бы казался желающимъ повелѣвать, или кто бы желалъ повиноваться. Сами туркмены говорили о себѣ: «мы народъ безъ главы и не желаемъ имѣть начальниковъ; мы всѣ равны; у насъ всякій самъ себѣ царь». Въ политическихъ учрежденіяхъ всѣхъ прочихъ кочевниковъ встрѣчается всегда хотя тѣнь какого-то правленія: у турокъ въ лицѣ аксакаловъ, у персовъ въ лицѣ ришъ-сафидовъ, у арабовъ въ лицѣ шейховъ; у туркменъ же нѣтъ и слѣда чего-нибудь подобнаго. Правда, и у нихъ есть свои аксакалы, но эти аксакалы пользуются почестями только до извѣстной степени: ихъ любятъ и терпятъ, только пока имъ не вздумается выказать своего величія какими-нибудь особыми приказами или чрезмѣрнымъ важничаньемъ. Вѣроятно читатель спроситъ, какимъ же образомъ уживаются между собою эти дикіе до невѣроятности хищники, сдѣлавшіеся даже знаменитыми, какъ они не уничтожатъ другъ друга? Это дѣйствительно поражаетъ; но еще поразительнѣе то, что, несмотря на эту видимую анархію, несмотря на всю ихъ дикость, между туркменами, пока они не объявятъ другъ другу войны, встрѣчается менѣе грабежа и убійствъ, менѣе несправедливости и безнравственности, чѣмъ у прочихъ азіятскихъ народовъ, соціальныя отношенія которыхъ основаны на началахъ исламитской цивилизаціи. У обитателей пустыни есть владыка древній, могучій, незримый для нихъ самихъ—это дебъ (нравъ, обычай *). Строго держится туркменъ того, что повелѣваетъ дебъ, и безъ ог-

*) Дебъ (у киргизовъ тёре)—слово арабскаго происхожденія; корень его эдебъ (нравственность).

лядки бѣжитъ того, что онъ запрещаетъ. Рядомъ съ дебомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, стоитъ также и религія, но она далеко не оказываетъ того вліянія, которое ей приписываютъ, хотя и перенесена сюда изъ фанатической Бухары. Всѣ думаютъ, что туркменъ похищаетъ и продаетъ персіянина потому только, что тотъ принадлежитъ къ ненавистной ему сектѣ шіитовъ. Это большая ошибка, и я твердо убѣжденъ, что туркменъ навѣрное бы удовлетворилъ своей страсти къ грабежу, разрѣшаемому ему дебомъ, если-бы вмѣсто перса сосѣдомъ его былъ суннитъ-турокъ. Доказательствомъ тому могутъ служить его частые набѣги на суннитскій Афганистанъ, на Маймене, Хиву, даже на Бухару; я впослѣдствіи убѣдился, что большая часть невольниковъ въ Средней Азіи—сунниты. Разъ я спросилъ одного хищника, извѣстнаго набожностію, какъ онъ рѣшается продавать своего единовѣрца въ неволю, вопреки постановленію пророка, которое гласитъ, что каждый мусульманинъ свободенъ. «Бехей!» отвѣчалъ онъ хладнокровно,— «коранъ, книга Божія, конечно благороднѣе человѣка, а все-таки покупается и продается за нѣсколько крановъ. Да чего же тебѣ еще больше: Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, между тѣмъ его тоже продали; что-жь, повредило ему это чѣмъ-нибудь?»

Замѣчательно, что дебъ очень мало измѣнился въ 300-лѣтней борьбѣ съ религіей; многіе обычаи, запрещенные исламомъ и преслѣдуемые муллами, сохранили всю свою первобытную силу. Исламъ не только у туркменъ, но и вообще у всѣхъ кочевниковъ Средней Азіи измѣнилъ только форму старой религіи: чѣмъ для нихъ прежде были солнце, огонь и другія явленія природы, тѣмъ стали теперь Аллахъ и Магометъ; внутренняя жизнь осталась не тронутою, и кочевникъ теперь тотъ же, какимъ онъ былъ 2.000 лѣтъ тому назадъ. Въ характерѣ его тог-

да только произойдетъ перемѣна, когда онъ легкую полатку замѣнитъ неуклюжимъ домомъ, т. е. когда перестанетъ быть кочевникомъ.

Но возвратимся къ вліянію аксакаловъ. Хотя они и служатъ представителями своего племени въ сношеніяхъ съ чужими государствами, напр. съ Персіей и Россіей, или съ другими туркменскими племенами, но ихъ все-таки нельзя считать уполномоченными посланниками: Персія и Россія испытали, какъ они безсильны, потративъ безполезно на нихъ большія суммы денегъ, въ надеждѣ удержать племена ихъ отъ набѣговъ. Большимъ уваженіемъ пользуются муллы, но не какъ проповѣдники ислама, а вообще какъ люди, облеченные религіознымъ, а потому таинственнымъ характеромъ, внушающимъ страхъ кочевникамъ. Муллы, получившіе свое образованіе въ Хивѣ и Бухарѣ, впрочемъ, народъ смышленый: сначала они прикидываются святыми людьми, но потомъ, набивъ себѣ карманы, тотчасъ же удаляются. Главную, связующую силу туркменъ составляетъ то, что они крѣпко держатся другъ друга, какъ каждый отдѣльный кланъ, такъ и все племя. Нѣтъ туркмена, даже четырехъ-лѣтняго дитяти, который бы не зналъ хорошо, къ какой онъ принадлежитъ тайфѣ и къ какой тирѣ; всегда съ особенною гордостію указываетъ онъ на могущество или на многочисленность своего клана, потому что кланъ—единственное оружіе, могущее защитить его отъ произвола другихъ; за обиду одного изъ своихъ членовъ все племя должно требовать удовлетворенія.

Что касается до отношеній іомутовъ къ сосѣднимъ племенамъ и государствамъ, то я замѣтилъ, что они изстари ведутъ непримиримую вражду съ гёкленами. Въ то время, какъ мы находились въ Этрекѣ, шли мирные переговоры съ племенемъ текке, что было счастливымъ обстоятельствомъ для нашего путешествія; но этотъ миръ, какъ

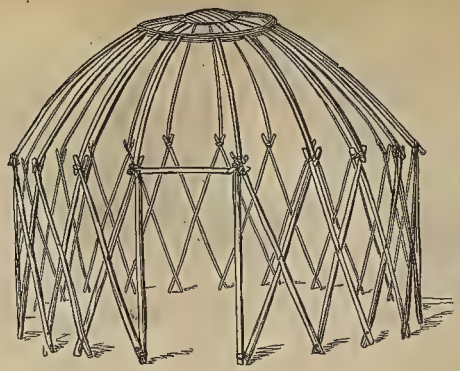
я послѣ узналъ, не состоялся, да онъ, къ счастію для Персіи, и невозможенъ между такими воинственными племенами. Персія, въ особенности провинціи Мазендеранъ, Хорасанъ и Сигистанъ, постоянно подвергаются хищническимъ набѣгамъ отдѣльныхъ племенъ, и стоило бы только соединиться двумъ изъ нихъ, да такимъ сильнымъ, какъ текке и іомуты, чтобы нанести ей неизмѣримый вредъ. Туркменъ опьяненъ постояннымъ счастіемъ своего оружія въ Иранѣ и насмѣшливо ухмыляется, когда Персія грозитъ ему войной или высылаетъ противъ него свои арміи. Совершенно иначе относятся туркмены къ Россіи. Іомуты боятся ея могущества, хотя и знаютъ о немъ лишь по маленькому гарнизону въ Ашурѣ. Я слышалъ, что, назадъ тому года четыре, русскіе, вопреки всѣмъ договорамъ съ Персіей, напали на лагерь въ Гёмюштепѣ. Всего войска было человѣкъ 120. Туркмены, хотя ихъ было несравненно больше, обратились въ бѣгство и отдали русскимъ на разграбленіе всѣ свои полатки. Сказаніе о томъ, что русское оружіе заколдовано, весьма въ ходу даже у племени текке; но мнѣ думается, что все дѣло въ дисциплинѣ, предъ которой кочевники не въ состояніи устоять.

В. Соціальныя отношенія.

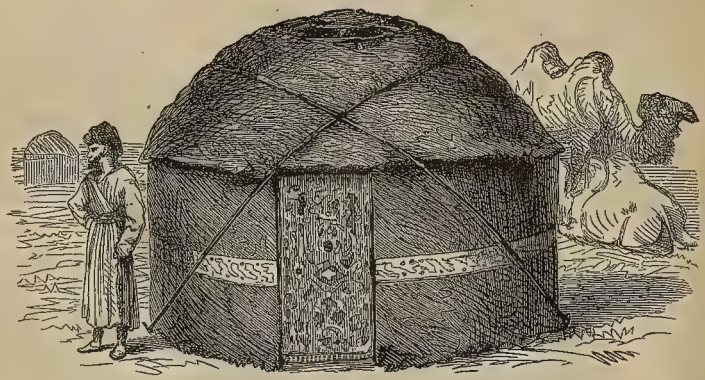
Обращаясь теперь къ домашней жизни туркмена, мы должны поговорить о немъ самомъ, объ его одеждѣ и полаткѣ. Туркменъ—татарскаго происхожденія, но типъ своей расы онъ сохранилъ только тамъ, гдѣ обстоятельства не поблагопріятствовали смѣшенію его крови съ иранскою. Особенно замѣтно это у текке, гёкленовъ и іомутовъ, сохранившихъ чисто-татарскія черты лица только въ тѣхъ кланахъ и семействахъ, которыя менѣе прочихъ высылали аламановъ въ Персію и поэтому ввели къ себѣ менѣе

чернокудрыхъ рабовъ. Впрочемъ, много ли, мало ли осталось въ туркменѣ отъ его природнаго типа, его всегда можно узнать по смѣлому и проницательному взору, отличающему его отъ всѣхъ прочихъ кочевниковъ и городскихъ жителей Средней Азіи, и по его гордой, воинственной осанкѣ. Много встрѣчалъ я молодыхъ людей съ воинственною наружностью среди киргизовъ, среди каракалпаковъ и узбековъ, но полную свободу, непринужденность находилъ я постоянно только въ туркменахъ.

Одежда у туркменъ почти такая же, какую носятъ обыкновенно въ Хивѣ; она какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ видоизмѣняется лишь нѣсколько, прибавленіемъ кое-какихъ мелкихъ персидскихъ украшеній. Самую важную роль играетъ красная шелковая рубашка, которая хотя и запрещена исламомъ, однако носится обоими полами; она составляетъ все домашнее одѣяніе туркменскихъ женщинъ. Мой глазъ съ трудомъ привыкъ видѣть старухъ, возмужалыхъ дѣвицъ и молодыхъ дѣвушекъ расхаживающими въ этихъ длинныхъ, до пятъ, рубашкахъ. Мущины на головѣ носятъ мѣховыя шапки, которыя гораздо легче и дѣлаются съ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ неуклюжія шапки узбековъ, или башни на головахъ персовъ. Въ большомъ употребленіи также чапанъ, верхнее платье, похожее на нашъ халатъ и получаемое изъ Хивы; во время хищническихъ набѣговъ (чапао) надѣваютъ такіе же чапаны, только нѣсколько короче. Праздничный нарядъ женщинъ отличается тѣмъ, что поверхъ рубашки онѣ опоясываются шалью, распуская два широкихъ конца; при этомъ необходимую принадлежность составляютъ красные или желтые сапоги на высокихъ коблукахъ; самое же любимое украшеніе состоитъ изъ массивныхъ серебряныхъ браслетъ, ожерелій, серегъ, колецъ для ноздрей и футляровъ, въ родѣ патронташей, для ношенія талисмановъ. Эти футляры носятся,



A



B

C

Палатка въ Средней Азіи.

А Деревянный остовъ палатки. В. Палатка, покрытая войлокомъ. С. Внутренность.

подобно нашимъ орденамъ, по обѣимъ сторонамъ груди и звонко побрякиваютъ при каждомъ движеніи. Туркменъ очень любитъ обвѣшивать свою жену и лошадь различными погремушками, а если на это не достаетъ средствъ, то похищаетъ персіянина и обвѣшиваетъ его цѣпями,—около него должно постоянно что-нибудь гремѣть. Дополненіемъ къ женской одеждѣ служитъ родъ венгерскаго долмана, который накидывается на плечи; онъ не длиненъ и изъ-подъ него видѣнъ конецъ косы, переплетенной лентою.

Очень мила и совершенно соотвѣтствуетъ кочевой жизни палатка туркменъ, встрѣчающаяся въ одномъ видѣ во всей Средней Азіи вплоть до далекаго Китая; она состоитъ изъ трехъ частей: изъ деревяннаго остова, войлочной покрышки и изъ внутренней отдѣлки. Вся она, за исключеніемъ деревянныхъ частей, изготовляется женщинами. Онѣ же заботятся о разбивкѣ и постановкѣ палатокъ, а при отправленіи въ кочевку убираютъ и навьючиваютъ ихъ на верблюдовъ, сами же всегда идутъ пѣшкомъ. Палатки бѣдныхъ и богатыхъ различаются между собою однимъ внутреннимъ убранствомъ. Ихъ только два вида: караси, то-есть почернѣвшая отъ времени палатка, и акси—бѣлая палатка, внутри обвѣшенная бѣлымъ, какъ снѣгъ, войлокомъ. Послѣдняя раскидывается только для новобрачныхъ и для особенно почетныхъ гостей. Вообще палатка, какою я видѣлъ ее въ Средней Азіи, оставила во мнѣ весьма пріятное впечатлѣніе. Лѣтомъ въ ней прохладно, а зимою пріятно-тепло; особенно благодѣтельна она, когда свирѣпый ураганъ бушуетъ въ необъятной степи. Путешественника часто беретъ страхъ, чтобы могущественная стихія не разорвала въ клочки стѣнъ этого жилища, которыя никакъ не толще пальца; но туркменъ объ этомъ не заботится: онъ подтягиваетъ веревки и засыпаетъ себѣ

*

сладкимъ сномъ; въ ревѣ бури ему слышится нѣжная колыбельная пѣсня.

О нравахъ, обычаяхъ и занятіяхъ туркменъ можно было бы написать цѣлую книгу,—такъ поразительно-велико различіе между нашимъ и ихъ образомъ жизни. Мы же должны ограничиться здѣсь только нѣкоторыми характеристическими чертами. Главный жизненный интересъ для туркмена составляетъ аламанъ, т. е. хищническое общество, или чапао—набѣгъ. Туркменъ всегда готовъ, по первому приглашенію, взяться за оружіе и сѣсть на коня, чтобы принять участіе въ набѣгѣ, кажущемся ему выгоднымъ. Планъ такого предпріятія держится всегда въ тайнѣ даже отъ ближайшихъ родственниковъ; послѣ избранія сердара (предводителя) и благословенія муллы, по наступленіи вечера, участвующіе отправляются на сборный пунктъ по различнымъ дорогамъ. Они нападаютъ всегда или въ полночь, если идутъ на населенное мѣсто, или съ восходомъ солнца, когда нападаютъ на караванъ или непріятельское войско. Какъ древніе гунны и татары, туркмены накидываются на свою добычу врасплохъ, отдѣльными отрядами и съ нѣсколькихъ сторонъ въ одно время; рѣдко нападаютъ они на одного врага три раза сряду,—у нихъ даже есть пословица: «два раза пытайся, а на третій ворочайся». Застигнутый врасплохъ, непріятель долженъ быть очень стоекъ или очень увѣренъ въ превосходствѣ своихъ силъ, чтобъ устоять; съ персіянами это рѣдко случается: мнѣ разсказывали туркмены, что часто одинъ беретъ въ плѣнъ 4—5 персіянъ. «Часто случается», сказалъ мнѣ одинъ изъ кочевниковъ, «что персіяне отъ сильнаго испуга кидаютъ оружіе, требуютъ отъ насъ веревокъ и связываютъ другъ друга; намъ остается только сойдти съ лошади и связать послѣдняго». Не говоря о недавнемъ пораженіи, которое потерпѣли 22 тысячи персіянъ отъ пяти тысячъ туркменъ,

можно положительно признать за фактъ, что сыны пустыни имѣютъ сильный перевѣсъ надъ иранцами; я почти увѣренъ, что тутъ большую роль играетъ извѣстный намъ изъ исторіи страхъ передъ татарами сѣвера: онъ лишаетъ мужества даже самыхъ смѣлыхъ. А какъ дорого приходится платиться, между тѣмъ, за эту трусость, и какъ счастливы падающіе въ такой свалкѣ! Струсившему и отдавшемуся на милосердіе туркмена скручиваютъ руки, и одинъ изъ всадниковъ или сажаетъ его позади себя на лошадь и связываетъ ему при этомъ ноги подъ брюхомъ животнаго, или же гонитъ его предъ собою; когда же это оказывается невозможнымъ, то плѣнника привязываютъ къ хвосту лошади, и такимъ образомъ, въ теченіе многихъ часовъ и даже дней, несчастный долженъ слѣдовать за разбойникомъ на пустынную его родину. Объ участи вновь прибывшихъ плѣнныхъ мы уже говорили прежде; здѣсь же я не могу не разсказать про одну сцену, свидѣтелемъ которой я былъ въ Гёмюштепе, и которая никогда не изгладится изъ моей памяти. Аламанъ возвратился домой съ богатою добычей: съ большимъ количествомъ плѣнниковъ, лошадей, ословъ, рогатаго скота и разной другой движимости. Приступили къ дѣлежу. Раздѣлили добычу на столько частей, сколько было участниковъ въ грабежѣ, и кромѣ того оставили въ серединѣ еще одну часть въ видѣ запаса, какъ я послѣ замѣтилъ. Послѣ этого хищники, одинъ за другимъ, стали осматривать доставшуюся каждому часть; одинъ былъ доволенъ, другой тоже, но третій, осматривая зубы доставшейся ему персіянки, замѣтилъ, что его часть слишкомъ мала. Тогда предводитель взялъ изъ запасной кучи первое, что попалось: оказался осленокъ; онъ поставилъ его рядомъ съ персіянкою, сдѣлали общую оцѣнку, и туркменъ остался доволенъ. Это повторялось нѣсколько разъ; хотя меня и возмущала подобная безче-

ловѣчность, но я не могъ не смѣяться надъ выходившимъ иной разъ комическимъ сопоставленіемъ разныхъ частей добычи.

Главное орудіе, доставляющее туркмену перевѣсъ въ его хищническихъ набѣгахъ, это безспорно его лошадь; за то сынъ пустыни и любитъ ее больше своей жены, больше дѣтей, больше даже самого себя. Интересно видѣть, съ какою заботливостію онъ ухаживаетъ за лошадью, какъ онъ ее одѣваетъ, чтобы защитить отъ мороза или зноя, съ какою роскошью убираетъ свое сѣдло; самъ въ лохметьяхъ, на разукрашенномъ конѣ своемъ, онъ представляетъ престранное зрѣлище. И дѣйствительно великолѣпны туркменскія лошади и стоютъ такой заботливости; все, что разсказывается о быстротѣ ихъ бѣга и о ихъ выносливости, вовсе не преувеличено. Туркменская лошадь—арабскаго происхожденія; если она чистой крови, то ее и теперь еще называютъ бедеби, т. е. бедуинъ. Лошади племени текке высоки и хорошіе бѣгуны, но далеко уступаютъ въ выносливости лошадямъ іомутовъ, которыя ростомъ меньше.

Доходъ отъ гнуснаго промысла похищенія людей вовсе не такъ значителенъ, чтобъ онъ могъ окупить туркмену опасности, связанныя съ нимъ: очень рѣдко уменьшаетъ онъ бѣдность, въ которой родится сынъ пустыни. Да если-бы онъ и могъ сберечь нѣсколько денегъ, то въ его высшей степени невзыскательной жизни рѣдко встрѣчается надобность въ деньгахъ. Я зналъ многихъ зажиточныхъ туркменъ, которые, на ряду съ самыми бѣдными, не имѣющими средствъ покупать дорогую пшеницу, питались одной сушеною рыбой и только разъ въ недѣлю ѣли хлѣбъ.

Въ домашнемъ быту туркменъ предается полнѣйшей лѣни; по его понятіямъ, какое бы то ни было домашнее занятіе—позоритъ мущину. Лошадь—его единственная забота; покончивъ съ уборкою ея, онъ или идетъ къ сосѣду, или

присоединяется къ какому-нибудь кружку, присѣвшему гдѣ-нибудь передъ полатками; тутъ идутъ толки о политикѣ, о послѣднихъ набѣгахъ, или о лошадяхъ, между тѣмъ какъ изъ рукъ въ руки переходитъ неизбѣжный при этомъ чилимъ—родъ персидской трубки, отличающейся тѣмъ, что табакъ въ ней не смачивается. Сказки и разсказы слушаются охотно только въ вечерніе часы, особенно зимою. Но высшее наслажденіе для туркмена, когда явится какой-нибудь бахши (трубадуръ) и подъ звуки своей двуструнной дутары споетъ пѣсню Кёроглу, или Аманмаллы, или чуть не обожаемаго Махдумкули. Послѣдній, на котораго смотрятъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ на святаго, былъ туркменъ изъ племени гёкленъ и умеръ около 80 лѣтъ тому назадъ. Въ его біографіи, переплетенной баснями, онъ представляется какъ чудотворецъ, который, никогда не бывши ни въ Бухарѣ, ни въ Хивѣ, постигъ всѣ книги, всѣ науки міра однимъ вдохновеніемъ свыше. Разъ, когда онъ сидѣлъ верхомъ на лошади, на него напалъ глубокій сонъ, и онъ увидѣлъ себя вдругъ въ Меккѣ, въ обществѣ пророка и первыхъ халифовъ. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ посмотрѣлъ онъ вокругъ себя и увидалъ Омара, патрона туркменъ, манящаго его къ себѣ. Онъ приблизился, Омаръ благословилъ его, слегка ударилъ по лбу, и Махдумкули проснулся. И съ этой-то минуты полилась дивная поэзія изъ его устъ, и книга его еще долго будетъ у туркменъ занимать первое мѣсто послѣ корана. Собраніе стихотвореній Махдумкули интересно для насъ уже потому, что въ немъ мы находимъ самый чистый образецъ туркменской рѣчи и, что очень рѣдко встрѣчается въ литературѣ восточныхъ народовъ, такія стихотворенія, въ которыхъ говорится о коневодствѣ, объ оружіи и объ аламанахъ. Въ высшей степени интересное и неизгладимое впечатлѣніе произвели на меня тѣ минуты, когда мнѣ случалось слы-

шать бахши, поющаго какую-нибудь изъ пѣсенъ Махдумкули во время торжества или простой вечеринки. Въ Этрекѣ одинъ изъ такихъ трубадуровъ разбилъ свою палатку рядомъ съ нашей. Разъ вечеромъ пришелъ онъ къ намъ съ своею дутарою; скоро нѣсколько молодыхъ людей обступили его и онъ долженъ былъ спѣть какую-нибудь героическую пѣсню. Пѣніе его состояло изъ какихъ-то сиплыхъ гортанныхъ звуковъ, которые можно было принять скорѣе за хрипѣніе, чѣмъ за пѣснь; при этомъ онъ ударялъ по струнамъ своей дутары, сначала тихо и очень мягко, но потомъ разгорѣлся, и звуки сдѣлались дикими. По мѣрѣ того, какъ ожесточался воспѣваемый бой, пѣвецъ и юные слушатели воодушевлялись все болѣе и болѣе. Представилось дѣйствительно романтическое зрѣлище: юные кочевники, тяжело дыша, ударили о-земь шапки и бѣшено вцѣпились въ свои кудри, какъ бы вступая въ бой съ самими собой.

Это, однако, не должно казаться намъ страннымъ. Все воспитаніе молодаго туркмена подготовляетъ въ немъ подобное настроеніе. Читать и писать учится только одинъ на нѣсколько тысячъ, но за то лошади, оружіе, битвы и грабежи—занимаютъ его молодое воображеніе; даже самъ честный Хандшанъ, при мнѣ, съ укоромъ разсказывалъ своему сыну, что такой-то уже похитилъ двухъ молодыхъ персовъ, при чемъ онъ замѣтилъ мнѣ, указывая на сына, что изъ него не выйдетъ настоящаго мущины.

Весьма замѣчательно, что у туркменъ встрѣчаются такіе обычаи и нравы, какихъ не найдешь у другихъ кочевниковъ Средней Азіи. Къ такимъ можно въ особенности причислить слѣдующій свадебный обрядъ: невѣста, съ головы до ногъ закутанная въ большое покрывало или шелковый платокъ, должна скакать верхомъ на лошади въ перегонку съ своимъ женихомъ; не рѣдко закутанная амазон-

Рёкбюрю.

ка доскакиваетъ до цѣли скорѣе привычнаго къ быстрой ѣздѣ и ничѣмъ не спутаннаго юноши. Иногда скачущая невѣста держитъ на колѣняхъ заколотаго ягненка или козленка; преслѣдуемая женихомъ и другими молодыми людьми, она должна на всемъ скаку увертываться отъ нихъ и не подпускать къ себѣ никого, оберегая такимъ образомъ свою ношу. Эта игра называется кёкбюри (зеленый волкъ). Черезъ два или четыре дня послѣ свадьбы молодые опять разводятся и только черезъ годъ начинаютъ жить вмѣстѣ.

Еще слѣдуетъ упомянуть о поминкахъ туркменъ по умершемъ любимомъ членѣ семейства. Принято, чтобы въ теченіе года, ежедневно, въ самый часъ смерти оплакиваемаго, въ его полатку собирались плакальщицы и затягивали свои обрядовыя жалобныя пѣсни, и чтобы всѣ присутствующіе члены семьи присоединялись къ ихъ хору. Послѣдніе при этомъ не прерываютъ своихъ обычныхъ занятій, и смѣшно видѣть въ это время туркмена, съ ужаснѣйшими завываніями и причитываніями чистящаго свое оружіе, или курящаго трубку, или сидящаго за своей трапезой. Даже въ сосѣднихъ полаткахъ женщины большею частію тоже начинаютъ подтягивать: онѣ плачутъ и воятъ самымъ жалобнымъ образомъ, не переставая, однако, заниматься чисткою шерсти, пряжею или другими домашними работами. Друзья и знакомые покойника тоже обязаны придти въ его полатку для изъявленія своего сочувствія, хотя бы они и узнали о смерти его спустя цѣлые мѣсяцы. Въ такомъ случаѣ посѣтитель садится передъ полаткой и ужаснымъ воемъ, часто даже ночью, въ продолженіе четверти часа отдаетъ свой долгъ умершему. Когда умираетъ кто-нибудь изъ извѣстныхъ предводителей, дѣйствительно заслужившій титулъ батара, т. е. храбраго, то надъ его могилою насыпается курганъ, называемый іоска *);

*) Этотъ обычай существовалъ у древнихъ гунновъ и существуетъ еще нынѣ

каждый хорошій, истый туркменъ долженъ участвовать въ этомъ и накинуть, по крайней мѣрѣ, хоть 7 лопатъ земли; такимъ образомъ эти курганы достигаютъ часто до 20 и 30 футовъ высоты при 60 футахъ окружности. Въ большихъ равнинахъ курганы эти особенно бросаются въ глаза; туркмены знаютъ каждый изъ нихъ и называютъ его по имени погребеннаго подъ нимъ.

Мы окончимъ нашъ краткій очеркъ еще болѣе краткимъ обзоромъ исторіи туркменъ и передадимъ только то, что почерпнули изъ сохранившихся еще среди нихъ преданій. «Всѣ мы», разсказывалъ мнѣ мой ученый другъ, Кизиль-Ахондъ, «родомъ изъ Мангишлака. Нашими праотцами были: Зёнъ-ханъ и Эзенъ-Или; іомуты и текке произошли отъ перваго, чаудоры и гёклены—потомки послѣдняго. Мангишлакъ въ древности назывался Мингъ-Кишлакъ, т. е. тысяча зимнихъ квартиръ; тамъ—родина какъ отпавшихъ отъ насъ и переселившихся въ Персію туркменъ, такъ и племенъ эрзари, салоръ и другихъ. Всѣ наши древніе святые, какъ Ишанъ-Ирегъ-Ата *) и Ишанъ-Сари-Эръ, покоятся въ окрестностяхъ Мангишлака, и какъ счастливъ тотъ, кому удается побывать на ихъ могилахъ!» Хандшанъ разсказывалъ мнѣ, что еще 150 лѣтъ тому назадъ у туркмена рѣдко бывала другая одежда, кромѣ приготовляемой имъ изъ овчинъ, лошадиныхъ шкуръ и шкуръ дикихъ ословъ; теперь же одна только овчинная шапка осталась на память о старинномъ національномъ костюмѣ.

Всѣ племена находятся въ постоянной враждѣ между собою и изъ этого враждебнаго чувства обзываютъ другъ дру-

---

въ Венгріи. Такъ воздвигнутъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по иниціативѣ графа Эд. Кароли, курганъ въ Кашауѣ (въ верхней Венгріи) въ память уважаемаго графа Ст. Сцехенія.

*) Ирегъ-Ата значитъ великій отецъ; по-венгерски—ерегъ атія, т. е. древній отецъ.

га ругательнымъ именемъ «потомокъ раба». Время, когда туркмены покинули свою общую родину, точно нельзя опредѣлить. Эрзари, сарикъ и салоръ еще во время арабскаго нашествія жили въ восточной части пустыни, по сю сторону Оксуса; племена текке, гёкленъ и іомутъ заняли теперешнія свои земли гораздо позже, можетъ-быть во времена Чингисъ-хана или Тимура. Послѣдніе два племени переселились не вдругъ, а отдѣльными группами, да и теперь еще нельзя сказать, чтобъ они совсѣмъ оставили свою родину; и въ настоящее время много іомутовъ и гёкленовъ съ особою любовью бродятъ по первобытному своему жилищу. Въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ туркменскихъ всадниковъ на службѣ у хивинскихъ и бухарскихъ хановъ, а часто также и подъ персидскими знаменами. Велика была слава о храбрости и въ особенности о стремительности, неудержимости нападенія этихъ грозныхъ всадниковъ, и многіе предводители ихъ пріобрѣли даже историческую извѣстность, какъ, напримѣръ, Кара-Юсуфъ, принимавшій участіе въ походахъ Тимура вмѣстѣ съ племенемъ салоръ. Туркмены много содѣйствовали отуреченію сѣверной Персіи, въ особенности въ то время, когда Ираномъ управлялъ домъ Атабеговъ; они же, безъ сомнѣнія, составляли бо́льшую часть турецкаго народонаселенія въ Закавказскомъ краѣ, Азербайджанѣ, Мазендеранѣ и Ширазѣ *).

Замѣчательно, что, несмотря на ожесточенную вражду между туркменами и ихъ соплеменниками—шіитами, живущими въ Персіи, первые указываютъ всегда съ особенною

*) Теперь еще существуетъ 4 или 5 турецкихъ племенъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Шираза. Ихъ ильхани (предводитель), съ которымъ я познакомился въ 1862 г. въ Ширазѣ, разсказывалъ мнѣ, что изъ этихъ племенъ онъ легко можетъ собрать до 30,000 всадниковъ, и что нѣкоторыя племена, какъ напр. кашкаи и аллаверди, были переселены сюда Чингисъ-ханомъ. Въ Европѣ упустили изъ виду это обстоятельство и даже свѣдущій Бёрнсъ (Burnes) ищетъ воспѣтое Гафизомъ: «Турки ширази»—въ носящемъ одно съ нимъ названіе мѣстѣ близъ Шираза.

гордостью на Азербайджанъ, какъ на центръ высшаго образованія и просвѣщенія. Если туркмену хочется слышать что-нибудь особенно хорошее и необыкновенное, то онъ проситъ бахши спѣть ему непремѣнно азербайджанскую пѣсню; даже плѣнный иранецъ можетъ разсчитывать на нѣкоторое милосердіе, если онъ только турецкаго происхожденія; о немъ туркменъ обыкновенно говоритъ: «этотъ невѣрный все-таки нашъ братъ».

Въ послѣдній разъ туркмены подымались большими массами въ царствованіе шаха Надира и при Ага-Мехметъ-ханѣ. Первый, въ началѣ прошлаго столѣтія, съ помощью ихъ и афганцевъ, потрясъ, пробудилъ отъ сна всю Азію; послѣдній же положилъ основаніе своей династіи большею частію съ помощью туркменскаго меча. Туркмены очень хорошо это знаютъ, но часто жалуются на неблагодарность Кадшаровъ, забывшихъ вовсе о нихъ со времени Фетъ-Али-шаха и отнявшихъ даже у многихъ ихъ предводителей заслуженную ими пенсію.

Стоитъ только взглянуть на карту Средней Азіи, чтобы получить понятіе о важномъ политическомъ значеніи этихъ кочевниковъ. Своимъ географическимъ положеніемъ туркмены сдѣлались стражами южныхъ границъ всей азіятской возвышенности или Туркестана, какъ они сами ее называютъ; туркмены, послѣ кипчаковъ, безспорно самый воинственный и самый дикій народъ Средней Азіи; за ними, въ городахъ Хивы, Бухары и Коканда, начинается царство трусости и изнѣженности, и врядъ ли бы дѣла того края остались въ томъ положеніи, въ какомъ они были послѣ Кутеиба и Эбу-Муслима и въ какомъ *) находятся

*) Первый завоевалъ Туркестанъ при калифѣ Омарѣ; второй былъ сперва намѣстникомъ въ Мервѣ, а потомъ, желая отложиться отъ своего государя, владѣтеля Багдада, долго сражался противъ него въ союзѣ съ туркменами и харезмийцами.

и теперь, еслибы туркмены уже столько вѣковъ не составляли такой желѣзной ограды. Цивилизація, повидимому, всегда ищетъ себѣ дорогу отъ юга къ сѣверу; но есть ли возможность, чтобы хоть одна искра ея заронилась въ Среднюю Азію, пока туркмены будутъ угрожать тысячами опасностей каждому путешественнику, каждому каравану?!

II.

ХИВА.

Хива, столица.—Главныя раздѣленія города, ворота, кварталы.—Базары.—Мечети.—Медрессе, или коллегіи; ихъ основаніе, организація и денежныя средства.—Полиція.—Ханъ и его правительство.—Подати.—Суды.—Ханство.—Каналы.—Политическое раздѣленіе.—Узбеки.—Туркмены.—Каракалпаки.—Кайсаки (киргизы).—Сарты.—Персіяне.—Исторія Хивы въ XIX столѣтіи.—Ханы и ихъ родъ.

А. Столица.

Такъ какъ рѣчь идетъ о восточномъ городѣ, то излишне упоминать, что онъ внутри далеко не оправдываетъ того, что обѣщаетъ его наружный видъ. Еслибы читатель видѣлъ какой-нибудь самый послѣдній персидскій городишко, тогда бы мы сказали ему, что Хива стоитъ даже ниже такого городишки. Впрочемъ, представьте себѣ три или четыре тысячи глиняныхъ мазанокъ съ неровными и небѣлеными стѣнами, разбросанныхъ въ величайшемъ безпорядкѣ; вообразите себѣ эти мазанки окруженными тоже глиняною стѣной футовъ въ десять ширины, и тогда вы будете имѣть понятіе о Хивѣ.

Раздѣленіе города.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей: а) изъ самой Хивы и б) ичакале, т. е. цитадели, тоже окруженной стѣною и четырьмя воротами. Цитадель состоитъ изъ слѣдующихъ магалле, то-есть кварталовъ: Пеливанъ, Улуіогудшъ, Акмесдшидъ, Іипектчи и Кошбегимахаллези. Собственно городъ имѣетъ,

девять воротъ, а именно: къ сѣверу—Юргендшъ-дервазе *), Гендумгіагъ-дерв., Имаретъ-дерв.; къ востоку—Измахмудата-дерв., Гезареспъ-дерв.; къ югу—Шихларъ-дерв., Пишкеникъ-дерв., Рафенекъ-дерв. и къ западу—Бедрханъ-дерв.—Кварталовъ десять, а именно: 1) Оръ, 2) Кефтерхане, 3) Мивестанъ, гдѣ продаются плоды, 4) Мехтерабадъ, 5) Еникале, 6) Бала-Хавусъ съ большимъ водохранилищемъ, обсаженнымъ платанами, любимое мѣсто для гулянья, 7) Наньемезорама **), 8) Нуруллабай, 9) Багче и 10) Рафенекъ.

Базары.

Въ Хивѣ вовсе нѣтъ такихъ базаровъ, или строеній съ лавками, какіе встрѣчаются въ персидскихъ и другихъ восточныхъ городахъ; стоитъ развѣ только упомянуть о Тимѣ, не большомъ, но, впрочемъ, не дурно выстроенномъ базарѣ съ довольно высокими сводами, въ которомъ помѣщается около 120 лавокъ и каравансарай. Здѣсь можно найти все, что только доставляетъ русскій рынокъ—сукна, желѣзныя издѣлія, галантерейныя вещи, полотна и ситцы, а также и тѣ немногіе предметы, которые привозятся изъ Бухары и Персіи. Вокругъ Тимы находятся еще: Нанбазари (хлѣбный рынокъ), Бакалбазари (москательный рынокъ), Шенбазари (мыльный и свѣчной рынокъ) и Сертрашбазари, заключающій въ себѣ отъ 10 до 12 цирюлень, гдѣ брѣютъ только головы (бритье бороды сочлось бы сумасшествіемъ или было бы наказано даже смертью). Между базарами мы должны упомянуть также о Китчикъ-каравансараѣ, на которомъ выставляются невольники, привозимые сюда племенами текке и іомутами. Хива не мог-

*) Дервазе—персидское слово,—значитъ ворота.

**) «Деревня, которая не ѣстъ хлѣба».

ла бы существовать безъ этой отрасли торговли, потому что земледѣліемъ занимаются только рабы. Этимъ предметомъ мы займемся подробнѣе, говоря о Бухарѣ.

Мечети.

Хива не можетъ похвалиться особенно древними или замѣчательными въ архитектурномъ отношеніи мечетями. Упомянуть слѣдуетъ только о слѣдующихъ: 1) Хазрети-Пеливанъ, 400-лѣтнее зданіе, съ однимъ большимъ куполомъ и двумя маленькими; въ ней находится гробница Пеливанъ-Ахмедъ-Земчи, весьма почитаемаго здѣсь святаго, покровителя города. Внѣшній видъ мечети не обѣщаетъ многаго, но за то внутреннія украшенія (каши) сдѣланы съ большимъ вкусомъ. Жаль только, что внутри очень темно: отъ недостатка свѣта многое ускользаетъ отъ глазъ. Множество слѣпыхъ мнимо-техниковъ толпится постоянно какъ внутри храма, такъ и въ его придѣлахъ; отъ частаго слушанія корана они знаютъ его наизусть и цитируютъ его безпрестанно. 2) Джюмаа-мездшиди, гдѣ ханъ совершаетъ свою пятничную молитву и въ которой читается хутбе, то-есть оффиціальное молебствіе за царствующаго хана. 3) Ханъ мездшиди, внутри цитадели, 4) Шалекеръ, построенная какимъ-то земледѣльцемъ, 5) Атамурадъ-Кушбеги и 6) Карагёзъ-мездшиди.

Медрессе (коллегіи).

Въ Средней Азіи можно судить о степени благосостоянія страны и религіознаго образованія жителей по числу и богатству отдѣлки коллегій. Принимая во вниманіе всю скудность средствъ, нельзя не удивляться рвенію и готовности къ пожертвованіямъ, которыя выказываются какъ правителемъ, такъ и рабочимъ людомъ при построеніи и снаря-

женіи коллегій. Бухара, древнѣйшій центръ магометанской цивилизаціи въ Средней Азіи, можетъ служить и теперь еще образцомъ этого похвальнаго стремленія; но и Хива имѣетъ нѣсколько коллегій, изъ которыхъ мы назовемъ: 1) Медеминъ *)-Ханъ-медрессези, двухъ-этажное зданіе, построенное въ 1842 году персидскимъ архитекторомъ, по образцу персидскаго каравансарая перваго разряда. По правую сторону ея возвышается весьма неуклюжая башня, поднимающаяся довольно высоко надъ двухъэтажною медрессе; по случаю смерти строителя, она осталась не достроенною. Коллегія эта вмѣщаетъ въ себѣ 130 келій на 260 учениковъ; на содержаніе ея отпускается ежегодно 5.000 тиллъ (2.500 фунт. стерл.) деньгами и 12.000 хивинскихъ батмановъ пшеницы. Показавъ, какимъ образомъ раздѣляется этотъ доходъ между лицами, состоящими при коллегіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ познакомимъ читателя съ персоналомъ ея:

5 ахондовъ (профессоровъ) получаютъ въ годъ 3.000 батм. пшеницы и 150 тиллъ.

1 имамъ получ. 2.000 батм. и 40 тиллъ.
1 муеззинъ **) » 200 »
2 служителя » по 200 »
1 цирюльникъ » 200 »

2 мутевали или инспектера получаютъ $^1/_{10}$ часть всего дохода; остатокъ раздѣляется между учениками, составляющими 3 класса; изъ нихъ получаютъ:

1 классъ 60 бат. 4 тил.
2 » 30 » 2 »
3 » 15 » 1 »

2) Аллакули-Ханъ-медрессези, съ 120 кельями, съ ежегоднымъ доходомъ воспитанниковъ по 50 батм. и 1 тиллѣ

*) Сокращеніе отъ Мехеммедъ-Эминъ.
**) Читающій молитвы.

(4 ф. стерл.). 3) Кутлугъ-Мурадъ-Инагъ-медрессези, въ которой для каждой кельи отпускается 50 батм. и 3 тиллы. 4) Арабъ-Ханъ-медрессези, съ немногими, но весьма богато содержимыми кельями. 5) Ширгази-Ханъ-медрессези.

Только эти зданія, среди мазанокъ, и заслуживаютъ названія домовъ; дворы ихъ просторны, содержатся довольно чисто и почти всегда засажены деревьями, иногда даже обращены въ сады. О предметахъ преподаванія мы поговоримъ подробнѣе въ статьѣ о Бухарѣ, считающейся разсадникомъ и центромъ среднеазіятской учености; здѣсь упомянемъ только о томъ, что уроки даются въ кельяхъ профессоровъ, куда собираются ученики, раздѣляющіеся на группы по степенямъ способностей и знанія.

Полиція.

За общественнымъ спокойствіемъ города наблюдаетъ въ каждомъ кварталѣ особый мирабъ *); онъ отвѣчаетъ за драки, грабежи и другія преступленія, случающіяся въ его участкѣ днемъ. Ночная стража города поручается 4 пашебамъ, старшимъ караульнымъ, обязаннымъ стоять на караулѣ у четырехъ воротъ крѣпости, и 32 караульнымъ (по восьми человѣкъ у каждаго старшаго), исполняющимъ кромѣ того обязанности палачей. Послѣдніе ночью обходятъ городъ и забираютъ всякаго, показывающагося на улицѣ послѣ часа по полуночи. Они смотрятъ, чтобы не вламывались въ дома, и съ особенною бдительностью слѣдятъ за непозволительными любовными приключеніями,—и горе тому, кого они застанутъ на мѣстѣ преступленія!

*) Мирабъ соотвѣтствуетъ турецкому субаши—должности, игравшей и играющей важную роль на всемъ пространствѣ отъ китайской границы до Адріатическаго моря.

Б. Ханъ и его правленіе.

Чиновники.

Едва ли нужно говорить, что хивинскій ханъ по своему личному усмотрѣнію можетъ вполнѣ располагать какъ имѣніемъ, такъ и жизнью своихъ подданныхъ. Въ отношеніи къ своему государству онъ то же, что каждый отецъ въ своемъ семействѣ, и какъ послѣдній, если на то будетъ его воля, иногда принимаетъ добрый совѣтъ и отъ своего раба, точно также и ханъ подъ-часъ благосклонно выслушиваетъ мнѣнія своихъ министровъ. Одно только сословіе улемовъ можетъ еще служить нѣкоторою преградой ханскому самовластью, и то только когда во главѣ ихъ стоятъ люди, своею ученостью и безукоризненною жизнью умѣвшіе пріобрѣсти любовь народа и заставить хана бояться ихъ. Въ подобныхъ отношеніяхъ къ народу стоятъ почти всѣ восточныя правительства; но положеніе это не обусловливается однимъ только несовершенствомъ или полнымъ отсутствіемъ правительственныхъ учрежденій. Напротивъ, на Востокѣ существовали во всѣ историческія эпохи государственныя учрежденія, направленныя прямо противъ тиранства и своеволія; но они потому только не находили примѣненія, что правители всегда были поощряемы и теперь еще поощряются къ нарушенію законовъ безхарактерностью и апатіей восточныхъ народовъ.

Въ Хивѣ форма правительства—монгольскаго происхожденія; его составляютъ слѣдующія лица и учрежденія:

1. Ханъ или падша *) — избираемый изъ среды какого-нибудь побѣдоноснаго рода. Его окружаютъ:

2. Инаги **), обыкновенно четверо, изъ которыхъ двое

*) Ни въ какомъ случаѣ не падиша; это наводитъ меня на мысль, что послѣднее слово соотвѣтствуетъ турецкому паша—отъ башъ, глава.

**) Собственно:—младшіе братья.

*

должны быть изъ ближайшихъ родственниковъ хана, двое же просто изъ одного рода съ ханомъ. Одному изъ первыхъ принадлежитъ по закону званіе правителя провинціи Хезареспъ.

3. Накибъ *)—верховное духовное лице, которое всегда должно быть сеидомъ, то-есть потомкомъ пророка. Его санъ соотвѣтствуетъ сану константинопольскаго шейхъ-юл-ислама.

4. Би (не должно смѣшивать съ бей, съ которымъ это слово имѣетъ одинакое значеніе). Въ битвахъ би находится всегда по правую руку хана.

5. Аталики — родъ государственныхъ совѣтниковъ, всегда изъ узбековъ; число ихъ можетъ назначать самъ ханъ.

6. Кошбеги—визирь или первый сановникъ хана; съ него начинается рядъ настоящихъ чиновниковъ, зависящихъ вполнѣ отъ воли хана.

7. Метеръ—родъ майоръ-дома, завѣдывающій внутреннимъ управленіемъ двора и страны; онъ непремѣнно долженъ происходитъ изъ сартовъ, т. е. изъ первобытнаго персидскаго населенія Хивы.

8. Два ясаулъ-баши—начальники ханскихъ тѣлохранителей; на ихъ обязанности лежитъ введеніе представляющихся на ярсъ (оффиціальную аудіенцію). Въ одинаковомъ санѣ съ ними состоитъ диванъ, родъ государственнаго секретаря, завѣдующаго также государственнымъ счетоводствомъ.

9. Два мерема—каммердинеръ и довѣренный хана, имѣющіе огромное вліяніе на него и на все правленіе.

10. Минбаши—начальники надъ 1.000 всадниками **).

*) Въ Константинополѣ накибъ-юл-эшрефъ, глава сеидовъ, считается ниже шейхъ-юл-ислама.

**) Мнѣ говорили, что у хана до 30 тыс. человѣкъ войска, но что онъ, въ случаѣ опасности, можетъ выставить вдвое больше.

11. Юсъ-баши—начальники надъ 100 всадниками.

12. Онбаши—начальники надъ 10 всадниками.

Въ этихъ 12 степеняхъ заключается все сословіе чиновниковъ, называемое общимъ именемъ—сипахи. Они составляютъ 3 группы: къ первой принадлежатъ 2, 3, 4 и 5 степени, которыхъ ханъ не можетъ никогда смѣнить: въ составъ второй группы входятъ 6, 7, 8 и 9 классы, получающіе опредѣленное жалованье; наконецъ 3 класа послѣдней группы обязаны служить только въ военное время. Высокіе сановники награждаются помѣстьями, а простые воины получаютъ лошадей и оружіе и освобождены отъ всѣхъ податей и пошлинъ.

Улемы, духовныя лица, главою которыхъ считается накибъ, распадаются на слѣдующія подраздѣленія:

1. Кази-келанъ—главный судья, начальникъ судебной части ханства.

2. Кази-орду—сопровождающій хана въ походахъ въ качествѣ верховнаго судьи.

3. Алемъ—начальникъ надъ муфтіями.

4. Рейсъ—главный попечитель надъ школами и наблюдающій за исполненіемъ церковныхъ постановленій.

5. Муфти—по одному въ каждомъ значительномъ городѣ.

6. Ахондъ—профессоръ или элементарный учитель.

Первые трое стоятъ на одной степени съ высшими свѣтскими сановниками и получаютъ отъ хана щедрые подарки при вступленіи въ должность; три послѣдніе класса содержатся вакуфами (благотворительными учрежденіями), которыя имъ отпускаютъ опредѣленныя количества плодовъ и денегъ, и кромѣ того, по заведенному обычаю, по праздникамъ Курбанъ и Норусъ, они каждый годъ получаютъ извѣстные подарки отъ хана. Хивинскіе улемы уступаютъ въ учености улемамъ бухарскимъ, но за то они и не такъ

наглы и надменны, какъ послѣдніе; многіе изъ нихъ съ неподдѣльною ревностью стараются, на сколько это имъ только возможно, о распространеніи просвѣщенія между своими соплеменниками и объ обузданіи ихъ дикихъ и воинственныхъ нравовъ.

Подати.

Въ Хивѣ существуетъ два разряда податей:

1) Салгитъ—соотвѣтствующая нашей поземельной подати и доставляющая шаху доходъ въ 18 тенговъ (10 шиллинговъ) съ каждыхъ 10 танабовъ пахатной земли (въ 1 танабѣ 10 квадр. локтей). Воины (нёкеры или атли), улемы и ходша или сеиды, т. е. потомки пророка, не платятъ этой подати.

2) Секіатъ—собственно пошлина. Она взимается съ привозныхъ товаровъ въ размѣрѣ $2^1/_2\%$ ихъ стоимости; съ рогатаго скота, верблюдовъ и лошадей ежегодно по 1 тенгу *) съ головы; кромѣ того съ каждой лавки по 6 тенговъ. Сборъ салгита находится въ непосредственномъ завѣдываніи кошбеги и метера, которые лично объѣзжаютъ главныя области и въ каждой отдѣльной мѣстности дѣлаютъ яшолусовъ **) отвѣтственными за сборъ. За секіатомъ наблюдаетъ одинъ изъ меремовъ, пользующійся особою благосклонностью хана. Онъ, съ писаремъ, ѣздитъ по всѣмъ племенамъ кочевниковъ, и такъ какъ счетъ скота—вещь невозможная, то меремъ, по соглашенію съ яшолусами, облагаетъ каждое племя извѣстной ежегодною пошлиной. Естественно, что такой способъ собиранія подати очень выгоденъ для мерема; ханъ же еще прошлаго года долженъ былъ повѣрить, что у каракалпаковъ подлежало

*) Но только имѣющіе болѣе 10 головъ скота, т. е. стадо, платятъ эту пошлину.
**) Яшолусы, т. е. великіе старостью, какъ называютъ стариковъ въ Хивѣ.

пошлинѣ только 6.000 рогатаго скота, а у іомутовъ и чаудоровъ только 30.000 овецъ, что, какъ я слышалъ, въ дѣйствительности составляетъ только третью часть.

Судебныя учрежденія.

Мѣстомъ судилища служатъ мечети и дома казиимуфти, облеченныхъ судебною властью. Кромѣ того, всякій имѣетъ право представлять дѣло на судъ самого правителя города или области, который постановляетъ въ этомъ случаѣ рѣшеніе по юрфу, т. е. какъ ему заблагоразсудится. Каждый областной начальникъ, даже самъ ханъ—обязаны ежедневно, по крайней мѣрѣ по 4 часа въ день, имѣть арсъ, т. е. публичный пріемъ; одна болѣзнь освобождаетъ отъ этой обязанности. Такъ какъ въ это время допускается всякій, то правителю весьма часто приходится выслушивать и улаживать самыя мелочныя семейныя ссоры. Мнѣ впрочемъ говорили, что хана очень занимаетъ, когда какая-нибудь раздраженная чета начинаетъ передъ нимъ спорить и кричать; онъ всячески старается еще больше разжечь ихъ, и хохочетъ до слезъ, когда нѣжные супруги начинаютъ передъ нимъ драться, валяясь въ пыли.

В. Хива, ханство.

Границы.

Хивинское ханство, въ исторіи Харезмъ *), у сосѣднихъ народовъ Юргендшъ, окружено со всѣхъ сторонъ пустынею; крайніе предѣлы воздѣлываемыхъ частей его составляютъ: съ ю.-в.—городъ Фитнекъ, съ с.-з.—Кунгратъ и Кёне-Юргендшъ, и съ юга—Медеминъ и Кёкшегъ. По невозможности точно опредѣлить квадратное содержаніе про-

*) Харезмъ, персидское слово, значитъ воинственный, охотникъ до войны.

странства, занимаемаго осѣдлыми жителями, и численность самаго народонаселенія, мы постараемся дать возможно полное топографическое описаніе ханства, предоставляя географамъ попробовать заняться исчисленіями. Замѣчательно плодородіе почвы въ этой странѣ; оно не есть слѣдствіе раціональнаго земледѣлія, а зависитъ отъ хорошаго орошенія благотворными водами Оксуса.

Каналы.

Въ Хивѣ есть два вида каналовъ: а) арнази, образуемые самою рѣкой, расширяемые и углубляемые жителями только въ рѣдкихъ случаяхъ, и б) яп ъ—искусственные каналы, глубиною отъ одной до двухъ саженъ, которые, выходя изъ арнази, покрываютъ сѣтью всѣ воздѣланныя мѣста въ странѣ. Изъ арнази замѣчательны слѣдующіе:

1. Хазрети-Пеливанъ-арнази входитъ въ страну между Фитнекомъ и Хезареспомъ и, протекая мимо Хивы, Сейя и по землѣ іомутовъ, теряется въ пескахъ.

2. Хазаватъ-арнази, берущій свое начало между Ханкою и Енги-Юргендшомъ, касается съ запада Хазавата и исчезаетъ въ землѣ іомутовъ.

3. Шабадъ-арнази начинается выше Енги-Юргендша, течетъ мимо Шабадъ-Ташгауза и Іиллали и теряется у Кёкшега.

4. Ярмишъ-арнази образуется противъ Шабасъ-Вели и орошаетъ пространство между Кіатъ-Кунгратомъ и Енги-Юргендшомъ.

5. Киличбай-арнази вытекаетъ между Хитаи и Гёрленомъ и, протекая мимо Іиллали, исчезаетъ въ пескахъ.

6. Ходшаили-арнази.

На противоположномъ берегу находятся:

7. Шураханъ-арнази, начинающійся у мѣстечка того

же имени, орошаетъ Япкенари и Аккамишъ и теряется на сѣверо-востокѣ.

8. Илтазаръ-Ханъ-арнази протекаетъ по всему пространству, занимаемому каракалпаками.

Раздѣленіе.

Хивинское ханство раздѣляется на округи по числу городовъ, и въ каждомъ городѣ находится бай или губернаторъ, завѣдующій округомъ. Изъ городовъ самые замѣчательные: Хива, столица, Енги-Юргендшъ, главный центръ промышленности, и Кёне-Юргендшъ. Долго еще послѣ монгольскаго завоеванія послѣдній былъ столицею ханства, теперь же это бѣдная деревушка, отъ прежняго блеска которой остались двѣ развалины башенъ—одна побольше, а другая поменьше, построенныхъ такъ же неуклюже, какъ и всѣ остальныя средне-азіятскія башни; преданіе говоритъ, что калмыки раззорили ихъ, взбѣшенные тѣмъ, что онѣ еще издали казались близкими, но какъ бы бѣжали при приближеніи къ нимъ. Потомъ существуетъ еще куполъ Тёребегхана, выложенный красивыми эмалированными кирпичами, и, наконецъ, Маслумханъ-Солугу. Въ настоящее время существуетъ слѣдующее раздѣленіе:

Главные города и округи, съ принадлежащими деревнями и съ означеніемъ разстоянія отъ Оксуса.

Названіе городовъ.	Разстояніе отъ Оксуса въ ташахъ или миляхъ.	Деревни.
Хива.	6	Къ западу — Бердханъ, Киникъ, Акъяпъ, Хассіанъ, Ташаякъ, Тёйезитшти; къ югу—Зирчели, Шихларъ,

Названіе городовъ.	Разстояніе отъ Оксуса въ ташахъ или миляхъ.	Деревни.
		Рофенекъ, Эигерикъ, Пизекеникъ, Пирнакасъ, Акмесдшидъ; къ востоку— Саятъ, Кіатъ, Шихбаги, Кеттебагъ; къ сѣверу— Гендумгіахъ, Перише, Халилъ, Нейзехасъ, Гаукъ, Чарахшикъ, Сиршейтанъ, Ордумизанъ.
Хесареспъ.	1	Дшенгети, Шихарикъ, Ходшаларъ, Химметбаба, Бичакчи, Ишантшепе, Багатъ, Найманъ, Бишарикъ.
Енги-Юргендшъ.	1¼	Гайбулу, Шабадбойу, Кутшиларъ, Оросларъ, Сабундши, Кёндшю, Сагриндши, Ахунбаба, Карамаза, Кипчакларъ.
Кунградъ.	—	Кіетъ, Ногай, Сарзаръ, Сакаръ.
Ташхаусъ.	6	Камишликакъ, Конградларъ, Каргаларъ, Ярмишбойу Бастирмали.
Гёрленъ.	1	Дшелаиръ, Іонушкали, Эшимъ, Везиръ, Алтшинъ, Баскиръ, Ташкале, Карголи.
Ходша-Или.	2	Кетмендши-Ата, Дшарнике-Наиманларъ (въ лѣсахъ), Камишъ-чали, Дервишъ-ходша.
Чимбай.	—	
Шахбадъ.	4	Ходшаларъ, Кефтерхане, Кёккамишъ.
Шураханъ.	—	
Килидшъ-бай.	4½	Халимбегъ, Багаланъ, Аліелибойу, Босъянбойу.

Названіе городовъ.	Разстояніе отъ Оксуса въ ташахъ или миляхъ.	Деревни.
Мангитъ.	1/2	Пирмаматша, Кіатларъ, Кенегёсъ.
Кипчакъ.	—	Бассуйапбойу, Ногаишанъ, Кандширгали, Канлиларъ.
Хитатъ.	1 1/2	Аккумъ, Іоморлутамъ, Куланлу.
Акдербендисъ.	7	
Дшамли.		
Кіетъ.	1 1/2	
Ханка.	1	Медеръ, Гёдше, Ходшаларъ, Шагалларъ.
Фитнекъ.	2	
Шабасъ-Бели.	2	
Дшагатай.	4 1/2	
Амбаръ.	5	Бастирмали, Вейенганъ-калези.
Енги-Іа.	—	Алтшинъ, Везиръ.
Нёксъ.		
Кектшегъ.	9	
Кёне-Юргендшъ.	6	
Кіатъ - Кунградъ (между Герленомъ и Енги-Юргендшъ).	2	
Нахасъ (между Ханкой и Хесаресномъ).		
Раметъ - Верди - Бегъ (близъ горы Овейсъ - Караайне).		
Кангли.	1	
Іилали (между Медеминомъ и Ташхаусомъ).	8	
Кошкёпюръ.		
Газаватъ.	6	
Медеминъ.		

Г. Произведенія, ремесла и торговля.

О плодородіи хивинской почвы мы уже упоминали много разъ; въ особенности замѣчательны: прекрасный зерновой хлѣбъ, хорошій рисъ, преимущественно гёрленскій, превосходный шелкъ въ Шобадѣ и Енге-Юргендшѣ, хлопокъ, руанъ—особый родъ корня, изъ котораго добывается красное красильное вещество, и плоды, которые врядъ ли уступятъ не только персидскимъ и турецкимъ, но даже и европейскимъ. Изъ плодовъ отличаются: яблоки изъ Хесареспа, хивинскіе персики и гранаты, въ особенности же несравненныя, прекрасныя дыни, слава которыхъ доходитъ даже до далекаго Пекина *), такъ что властитель Небеснаго царства, въ число ежегодныхъ подарковъ, высылаемыхъ ему изъ Китайской Татаріи, не забылъ выпросить себѣ нѣсколько уркундша (юргендшей); даже въ Россіи платятъ за нихъ дорого; вывезшій партію зимующихъ дынь привозитъ назадъ партію сахара.

Изъ хивинской промышленности въ Средней Азіи извѣстенъ юргендшъ-чапани, то-есть кафтанъ изъ Юргендша, который дѣлается изъ полосатой, двухцвѣтной матеріи (шелковой или шерстяной, а часто и изъ шелка съ шерстью) и кроится на подобіе нашихъ халатовъ; кромѣ того извѣстны: хивинская мѣдная посуда, хесареспскія ружья и ташхаузское полотно.

Самую большую торговлю Хива ведетъ съ Россіей. Караваны въ 1.000—2.000 верблюдовъ идутъ весною въ Оренбургъ, осенью въ Астрахань, несутъ хлопокъ, шелкъ, кожи, ногайскіе и татарскіе халаты, шагреневую кожу и плоды на ярмарку въ Нижній (называемый ими Мэкэрія) и

*) Я привезъ въ Венгрію сѣмянъ четырехъ сортовъ, чтобы судить на опытѣ, могутъ ли дыни, что очень вѣроятно, произрастать въ низменностяхъ Венгріи.

берутъ оттуда котлы или другую посуду изъ чугуна (называемаго здѣсь чёгенъ), ситецъ (тѣхъ сортовъ, которые употребляются у насъ для обивки мебели) для переднихъ полотнищъ въ женскихъ рубашкахъ, миткаль, сукно, сахаръ, желѣзо, дешевыя ружья и нѣкоторые галантерейные товары. Много вывозится также рыбы, но за нею пріѣзжаютъ сами русскіе подъ прикрытіемъ трехъ пароходовъ, находящихся въ Аральскомъ озерѣ и имѣющихъ право доходить до Кунграда, по договору, заключенному послѣднимъ русскимъ посольствомъ въ Хивѣ. (Съ Персіей и Гератомъ *) торговля незначительна, потому что дороги, ведущія въ тѣ страны, находятся въ рукахъ туркменъ.)

Сношенія между Хивой и Астрабадомъ ведутъ одни только іомуты, привозящіе на 100—150 верблюдахъ буковое дерево (для гребней) и небольшое количество нефти. Съ Бухарой, напротивъ, сношенія оживленнѣе. Туда вывозятся халаты и полотно, тамъ продается чай, пряные коренья, бумага и легкіе галантерейные товары, которые тамъ заготовляются. Для внутренней торговли въ каждомъ городѣ бываетъ по одной или по двѣ ярмарки. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ только кочевники и нѣтъ ни одного дома, изъ нѣсколькихъ мазанокъ устраивается рынокъ (базарлидшай) для ярмарки, которая въ тѣхъ странахъ носитъ характеръ празднества. Среднеазіятецъ часто пріѣзжаетъ на ярмарку изъ-за десяти или двадцати миль, чтобы закупить только нѣсколько иголокъ или другихъ мелочей; главную же побудительную причину для такой дальней поѣздки составляетъ желанье похвастаться своею лошадью и оружіемъ.

---

*) Въ Гератѣ и его окрестностяхъ охотно носятъ и дорого покупаютъ хива-чапани (кафтанъ изъ Хивы), но этотъ предметъ торговли привозится туда чрезъ Бухару.

Д. Населеніе ханства.

Хиву населяютъ: 1) узбеки, 2) туркмены, 3) каракалпаки, 4) кайсаки (называемые у насъ киргизами), 5) сарты и 6) персы.

1. Узбеки.

Узбеками называютъ осѣдлое племя, занимающееся земледѣліемъ и населяющее пространство отъ южнаго берега Аральскаго озера до Комула (40 дней ѣзды внутрь Хивы); ихъ считаютъ господствующимъ племенемъ въ трехъ ханствахъ и въ Китайской Татаріи. Согласно ихъ собственному дѣленію, узбеки распадаются на 32 главныя тайфы (отрасли): 1) кунградъ, 2) кипчакъ, 3) хитай, 4) мангитъ, 5) нёксъ, 6) найманъ, 7) куланъ, 8) кіетъ, 9) асъ, 10) тасъ, 11) саятъ, 12) ашагатай, 13) уйгуръ, 14) акбетъ, 15) дёрменъ, 16) ёшюнъ, 17) кандшигали, 18) ногай, 19) балгали, 20) митенъ, 21) дшелаиръ, 22) кенегёсъ, 23) канли, 24) ишкили, 25) бёюрлю, 26) альчинъ, 27) атшмайли, 28) каракурзакъ, 29) биркулакъ, 30) тиркишъ, 31) келекезеръ и 32) мингъ.

Это дѣленіе старо; замѣчательно только то, что даже отдѣльныя племена живутъ разсыпанно по выше означенной мѣстности; изслѣдователя поражаетъ и часто кажется даже невѣроятнымъ, когда хивинскіе, кокандскіе и еркендскіе узбеки, языкъ, нравы и физіономіи которыхъ совершенно различны, воображаютъ себя принадлежащими не только къ одной и той же націи, но даже къ одному племени, къ одной и той же семьѣ.

Здѣсь я замѣчу только, что въ Хивѣ есть представители большей части племенъ, и что хивинецъ по праву гордится предъ Кокандомъ, Бухарой и Кашгаромъ своей древнеуз-

бекскою національностью. Съ перваго взгляда въ хивинскомъ узбекѣ видѣнъ иранскій элементъ, а именно: борода, которую у туранца можно всегда считать нѣкоторымъ образомъ чужою собственностію, между тѣмъ какъ цвѣтъ кожи и черты лица очень часто указываютъ на чисто-татарское происхожденіе. Даже по характеру хивинскій узбекъ выше остальныхъ его соплеменниковъ: онъ честенъ и прямодушенъ, но еще такъ же дикъ, какъ и окружающіе его кочевники; послѣ настоящаго турецкаго османли, изъ него скорѣй, чѣмъ изъ другихъ восточныхъ народовъ, можно еще что-нибудь сдѣлать.

То обстоятельство, что въ Хивѣ исламитское образованіе менѣе распространено, чѣмъ въ Бухарѣ, много способствовало тому, что хивинскіе узбеки сохранили еще многое частію изъ своихъ языческихъ національныхъ обычаевъ, частію изъ религіозныхъ обрядовъ персовъ. Особенная любовь къ музыкѣ и турецкой національной поэзіи, которую среднеазіятскій кочевникъ любитъ страстнѣе всякой образованной націи, сохранилась здѣсь полнѣе, чѣмъ въ Кокандѣ, Бухарѣ и Кашгарѣ. Хивинскіе артисты на дутарѣ (двухструнной гитарѣ) и кобосѣ (лютнѣ) пользуются большой извѣстностью во всемъ Туркестанѣ. Неваи, величайшаго узбекскаго поэта, знаютъ вездѣ, но не проходитъ десятилѣтія, чтобы не являлось новаго поэта-лирика. Я зналъ въ Хивѣ двухъ братьевъ: одного—Муниса, писавшаго превосходные стихи, изъ которыхъ я современемъ издамъ нѣкоторые; другаго—Мираба, имѣвшаго геройское терпѣніе перевести на узбеко-турецкое нарѣчіе большое историческое сочиненіе Мирхонда, чтобы сдѣлать его доступнѣе для своего сына, который впрочемъ зналъ по-персидски. Эта работа заняла двадцать лѣтъ, но Мирабъ совѣстился сказать о ней кому-нибудь, потому что въ тѣхъ странахъ считаютъ легкомысленнымъ всякаго, кто ищетъ другихъ знаній, кромѣ религіозныхъ.

Несмотря на нѣсколько-сотъ-лѣтнюю осѣдлость, хивинскіе обычаи носятъ печать прежняго героическаго періода жизни. Цѣлыя сраженія для удовольствія, борьба, въ особенности же лошадиныя скачки повторяются здѣсь очень часто, и на послѣднихъ назначаются не рѣдко блестящія преміи. Каждая богатая свадьба празднуется лошадиною скачкою о 9, 19, 29, то-есть выигравшій получаетъ отъ всего имущества по 9, 19 или 29 головъ, напримѣръ, 9 овецъ, 19 козъ и т. д., что часто составляетъ значительную сумму. О скачкѣ въ перегонку невѣсты съ своимъ нареченнымъ, о такъ-называемомъ кёкбюри, была уже рѣчь выше. Отъ временъ первыхъ обитателей страны, поклонявшихся огню, сохранились въ Хивѣ празднества и игры, которыя въ остальныхъ частяхъ Средней Азіи хотя еще и существовали до ислама, но теперь уже совершенно забыты.

2. Туркмены.

О нихъ мы уже говорили подробно. Здѣсь, въ Хивѣ, встрѣчаются: а) іомуты, населяющіе къ югу край пустыни отъ Кёне до Газавата, мѣстности Карайилгинъ, Кёктшагъ, Осбегъянъ, Бедркендъ и Кедеминъ, и б) чаудоры, кочующіе также въ окрестностяхъ Кёне, а именно у Кизилъ-Такара и Порзу, но больше къ западу—между Аральскимъ озеромъ и Каспійскимъ моремъ. Гёкленовъ же встрѣчается мало.

3. Каракалпаки.

Они живутъ по ту сторону Оксуса, напротивъ Гёрлена, почти вплоть до Кунграта, вблизи большихъ лѣсовъ. Лошадей у нихъ мало, а овецъ почти совсѣмъ нѣтъ. Каракалпаки извѣстны тѣмъ, что ихъ женщины самыя красивыя

во всемъ Туркестанѣ; съ другой же стороны, о каракалпакахъ отзываются, какъ о величайшихъ идіотахъ, что подтверждаетъ безчисленное множество анекдотовъ. Я нашелъ здѣсь десять подраздѣленій этого племени: 1) баймакли, 2) хандекли, 3) терстамгали, 4) атшамайли, 5) кайчили-хитаи, 6) ингакли, 7) кенегёсъ, 8) томбоюнъ, 9) саку и 10) онтёртурукъ. Ихъ считаютъ до десяти тысячъ полатокъ. Съ незапамятныхъ временъ подвластны они Хивѣ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ они возстали подъ предводительствомъ Айдоста, напали на Кунгратъ, но потомъ однако были разбиты Мехеммедъ-Рехимъ-ханомъ. Восемь лѣтъ тому назадъ они возстали снова подъ предводительствомъ Сарлига, имѣвшаго, какъ говорятъ, до 20.000 всадниковъ, и произвели большія опустошенія, пока наконецъ Кутлугъ-Мурадъ-би не побилъ и не разсѣялъ ихъ. Въ послѣдній разъ они поднялись три года тому назадъ, подъ начальствомъ Эръ-Назара, который построилъ себѣ цитадель, но былъ тоже побѣжденъ.

4. Кайсаки (киргизы).

Ихъ въ Хивѣ теперь мало, такъ какъ они въ недавнее время перешли въ русское подданство. Мы коснемся этого величайшаго кочеваго народа, говоря о Бухарѣ.

5. Сарты.

Сарты, называемые въ Бухарѣ и Кокандѣ таджиками,—древнѣйшее персидское населеніе Харезма; въ настоящее время ихъ, относительно, уже очень немного и они мало-по-малу замѣнили свой персидскій родной языкъ турецкимъ. Сарта, какъ и таджика, можно узнать по его хитрымъ, утонченнымъ манерамъ; узбекъ его не очень долюбливаетъ, и характеристично то, что, несмотря на пя-

тисотлѣтнюю жизнь вмѣстѣ, до сихъ поръ было мало смѣшанныхъ браковъ между сартами и узбеками.

6. Персы.

Персы здѣсь или рабы, которыхъ теперь около 40.000, или освобожденные отъ рабства; кромѣ того, они образуютъ небольшую колонію въ Акдербендѣ и Дшамли. Впрочемъ рабу жить въ Хивѣ въ матеріальномъ отношеніи не дурно, такъ какъ онъ, будучи много хитрѣе узбека, скоро обогащается. Многіе предпочитаютъ, откупившись на волю, оставаться жить въ Хивѣ, чѣмъ возвращаться въ Персію. Взрослаго раба въ Хивѣ называютъ догма, ребенка же—ханезадъ, т. е. рожденный дома. Срамъ быть плѣнникомъ снимается только на третьемъ поколѣніи.

Е. Исторія Хивы въ 19-мъ столѣтіи.

1. Мехеммедъ-Эминъ-Инагъ (1792—1800). Послѣ внезапнаго удаленія Надиръ-шаха *), который овладѣлъ ханствомъ, не вынимая меча изъ ноженъ, во главѣ правленія Хивы стали киргизы Малой Орды (или юстюртъ-кайсаки, то-есть кайсаки изъ верхняго Юрта, какъ они сами называютъ себя). Они правили страною до конца прошлаго столѣтія, когда одинъ изъ узбекскихъ предводителей племени конрадъ возсталъ, чтобы заявить свои права на престолъ. Онъ назвалъ себя Мехеммедъ-Эминъ-Инагомъ. Этимъ титуломъ хотѣлъ онъ указать на свое происхожденіе отъ послѣднихъ узбекскихъ правителей; ему дѣйствительно удалось скоро собрать небольшое войско и выступить противъ кайсакскаго властителя. Но послѣдній былъ тогда еще довольно силенъ и нѣсколько разъ раз-

*) Послѣ того, какъ, въ 1740-мъ году, побѣдивъ Іолбарсъ-(левъ)-шаха, онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя возвратился въ Гератъ.

билъ своего противника, который наконецъ бѣжалъ въ Бухару и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ безъизвѣстности. Его приверженцы все-таки продолжали борьбу, пока наконецъ не добились нѣкотораго успѣха, послѣ чего послали къ нему депутацію изъ сорока всадниковъ; онъ вернулся назадъ, сталъ вновь во главѣ своей партіи и былъ на этотъ разъ счастливѣе: онъ прогналъ кайсаковъ и, взойдя на престолъ, основалъ и по-нынѣ еще царствующій домъ, который по прилагаемой (на слѣдующей страницѣ) генеалогіи шелъ отъ него, не прерываясь.

2. Илтазаръ-ханъ (1800—1804) продолжалъ войну съ Бухарой, такъ какъ Бухара поддерживала побѣжденныхъ кайсаковъ. Пока онъ воевалъ въ окрестностяхъ Чихардшуя, возбужденные бухарцыми іомуты налетѣли на Хиву, овладѣли городомъ и ограбили его, подъ предводительствомъ Тапшидели. Илтазаръ бросился на помощь своей столицѣ, но на дорогѣ былъ разбитъ бухарцами и, обратясь въ бѣгство, погибъ въ волнахъ Оксуса. Ему наслѣдовалъ его сынъ.

3. Мехеммедъ-Рехимъ (1804—1826), называемый также Медрехимъ. Онъ сейчасъ обратилъ оружіе противъ іомутовъ, изгналъ ихъ изъ столицы и за разграбленіе взялъ съ нихъ большую дань. Не менѣе счастливо воевалъ онъ съ каракалпаками, которые, подъ предводительствомъ Айдоста, поднялись на него, но были имъ снова приведены въ повиновеніе. Не такъ побѣдоносно было его оружіе въ войнѣ съ Кунгратомъ, гдѣ одинъ изъ его родственниковъ оспаривалъ у него престолъ и воевалъ съ нимъ семнадцать лѣтъ. Когда Мехеммедъ, въ теченіе этого времени, осаждалъ разъ Кунгратъ, стойкій защитникъ его,

I. Мехеммедъ-Эминъ-Инагъ
(1792—1800).

II. Илтазаръ-ханъ (1800—1804).

Рахманбирди-тёре. Рехимбирди-тёре. Кутлугъ-Мурадъ-Инагъ.

Меремъ-Юзуфъ-бегъ. Абдулла-бегъ (царств. только нѣкоторое время). Ивадула-бегъ.

Сынъ, достигшій престола.

III. Мехеммедъ-Рехимъ-ханъ
(1804—1826).

IV. Алла-Кули-ханъ
1826—1841).

Сеидъ-Махмудъ-тёре (отказался отъ своихъ притязаній въ пользу своего брата Сеидъ-Мехеммеда).

Сеидъ-Эссадъ-тёре.

Тангри-Кули.

IX. Сеидъ-Мехеммедъ-Рахманъ Кулъ (царствующій теперь).

тёре.

Мехеммедъ-Ходша-тёре.

Султанъ-Гази-тёре.

Султанъ-Махмудъ-тёре.

Абдулъ-Азисъ-тёре.

VI. Мехеммедъ-Эминъ-ханъ (1843—1855).

V. Рехимъ Кули-ханъ (1841—1843).

VII. Абдулла-ханъ (1855).

VIII. Кутлугъ-Мурадъ-ханъ. (царствовалъ только 3 мѣсяца).

насмѣхаясь надъ усиліями своего противника, крикнулъ ему изъ-за бойницы башни:

Ючь ай савунъ, т. е., три мѣсяца кислое молоко,
» » кавунъ, » » » » дыни,
» » кабакъ, » » » » тыква,
» » тшабакъ, » » » » родъ рыбы.

Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что на всякое время года у него есть особая пища, которую онъ получаетъ въ самомъ городѣ, что ему не нужно хлѣба, и что потому принудить его къ сдачѣ голодомъ нельзя.

Чтобъ отомстить смерть своего отца, Медрехимъ выступилъ противъ Бухары, которою въ то время правилъ эмиръ Сеидъ, человѣкъ слабоумный, разыгрывавшій изъ себя дервиша. Хивинцы опустошили много городовъ вблизи самой Бухары и взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Когда объ этомъ донесли эмиру, онъ отвѣчалъ, что у него еще есть Регистанъ *)—очень вѣрное мѣсто, и что, потому, ему нечего бояться. Послѣ большихъ опустошеній, Медрехимъ вернулся назадъ съ большою добычей и къ концу своего правленія покорилъ еще племена текке и іомутовъ у Астрабада.

4. Алла-Кули-ханъ (1826—1841) наслѣдовалъ отъ отца, кромѣ хорошо наполненной хазне (кассы), сильное вліяніе на сосѣдніе народы, сохраненіе котораго вовлекло его въ непрерывную войну. Въ Бухарѣ слабому Сеиду наслѣдовалъ энергичный Насруллахъ, который захотѣлъ загладить постыдное пораженіе своего отца и началъ войну, въ которой хивинскій наслѣдный принцъ Рехимъ-Кули-тёре потерпѣлъ пораженіе. Въ это же самое время пришло извѣстіе, что русскіе вышли изъ Оренбурга въ походъ на Хиву, и что даже нападеніе бухарскаго эмира было дѣ-

*) Столица Бухары.

ломъ этихъ невѣрныхъ. Извѣстіе это произвело большое смятеніе, такъ какъ говорили, что московитовъ шло больше 80.000 со 100 пушками *). Послѣ долгой и тщетной надежды на инглисовъ изъ Герата, ханъ выслалъ 10.000 всадниковъ, подъ начальствомъ Ходша-Ніясъ-бая, на встрѣчу русскимъ, которые изъ долины Юрге подошли уже къ озеру Атіолу, въ шести миляхъ отъ Кунграта. Хивинцы разсказываютъ, что они напали на непріятеля и произвели среди него неслыханную рѣзню. Много было при этомъ взято плѣнныхъ; мнѣ въ Кунгратѣ показывали двухъ русскихъ плѣнниковъ, которые торжественно перешли въ исламъ, за что ханъ освободилъ ихъ, сдѣлалъ имъ богатые подарки и, въ довершеніе, женилъ. Послѣ этой побѣды ханъ велѣлъ въ окрестности Деркора возвести съ двухъ сторонъ укрѣпленія, поставилъ въ нихъ гарнизонъ подъ начальствомъ Ходша-Ніясъ-бая, но теперь прошло уже 10 лѣтъ, какъ эти укрѣпленія разрушены и оставлены. Чтобы возблагодарить Бога за побѣду надъ русскими, Алла-Кули велѣлъ построить медрессе (коллегію) и богато одарилъ ее.

Съ другой стороны, война съ Бухарой не прекращалась; кромѣ того ведена была война съ гёкленами и большая часть ихъ силою переселена была въ Хиву **).

5. Рехимъ-Кулиханъ (1841—1843) наслѣдовалъ своему отцу. По восшествіи на престолъ, онъ долженъ былъ сейчасъ же обратить все оружіе противъ джемшидовъ, персидскихъ кочевниковъ, обитающихъ въ восточныхъ при-

*) Эта цифра преувеличена хивинцами. Извѣстно же, что генералъ Перовскій, командовавшій экспедиціей, имѣлъ отъ 10.000—12.000 войска, которое едва не погибло отъ жестокой стужи и, обратясь въ бѣгство, сильно пострадало отъ хивинцевъ.

**) Въ Хивѣ существуетъ древній, но странный обычай—силою переселять въ свою страну цѣлыя племена разомъ и всѣми средствами помогать имъ, чтобы такимъ образомъ можно было вблизи наблюдать за тѣми, чья жажда мести никогда не унимается.

брежіяхъ Мургаба. Покоривъ ихъ, хивинцы переселили ихъ предводителя съ десятью тысячами полатокъ на берега Оксуса, близъ Килидшбая. Съ другой стороны, племя сарикъ, владѣвшее тогда Мервомъ, начало войну съ узбеками. Младшій братъ хана, Медеминъ-Инагъ, былъ высланъ противъ нихъ съ 15.000 всадниковъ, но на обратномъ пути между Хивой и Мервомъ заболѣло много солдатъ, и такъ какъ въ то же время бухарскій эмиръ осадилъ городъ Хесареспъ, то Инагъ обратилъ свое оружіе на эмира, побѣдилъ его и заключилъ миръ. Въ это время умеръ Рехимъ-Кули-ханъ и

6. Мехеммедъ-Эминъ-ханъ (1843 — 1855) принялъ бразды правленія, на которыя онъ имѣлъ справедливыя притязанія если не по праву наслѣдства, такъ какъ умершій ханъ имѣлъ сыновей, то по своимъ прежнимъ заслугамъ. Медеминъ-ханъ считается славнѣйшимъ хивинскимъ владыкой новѣйшаго времени, такъ какъ онъ возвратилъ Хорасану, на сколько это было только возможно, старыя его границы, которыми онъ не владѣлъ уже въ теченіе 400 лѣтъ; кромѣ того, побѣдивъ всѣхъ окрестныхъ кочевниковъ, онъ тѣмъ сильно увеличилъ какъ значеніе, такъ и доходы ханства.

Уже черезъ два дня послѣ того, какъ его поднимали на бѣломъ войлокѣ *) (таковъ обрядъ восшествія на престолъ въ Хивѣ и Какандѣ), онъ лично выступилъ въ походъ противъ племени сарикъ, храбрѣйшаго изъ туркменскихъ племенъ: онъ хотѣлъ сдѣлать его, вмѣстѣ съ долиною Мерва, подвластнымъ своему скипетру. Послѣ шести походовъ ему удалось наконецъ овладѣть цитаделью Мерва, а также и сосѣднимъ фортомъ Іолётенъ. Только-что онъ успѣлъ вернуться въ Хиву, какъ сарики снова поднялись и умертвили

*) Исполненіе этой церемоніи составляетъ, со временъ Чингисъ-хана, исключительную привилегію стариковъ рода джагогай, какъ мнѣ говорили.

оставленнаго въ Мервѣ коменданта и весь гарнизонъ. Быстро снарядился новый походъ на нихъ, въ которомъ участвовали также и джемшиди, старые враги сариковъ. Предводитель ихъ, Миръ-Мехеммедъ, былъ главнымъ виновникомъ побѣды и, какъ побѣдитель, къ великому огорченію всѣхъ узбекскихъ героевъ, съ тріумфомъ вступилъ въ Хиву.

Племя сарикъ, слѣдовательно, было покорено, но текке, обитавшіе тогда въ Караяпѣ и Кабукли, между Мервомъ и Ахалемъ, взбунтовались о отказались платить Хивѣ ежегодную свою дань. Медеминъ увидалъ себя вынужденнымъ направить мечъ, еще обагренный туркменскою кровью, противъ другаго туркменскаго племени. Послѣ трехъ походовъ, во время которыхъ песчаная пустыня погубила много людей и животныхъ, ему удалось осилить нѣсколькихъ предводителей. Ханъ ушелъ и оставилъ послѣ себя гарнизонъ изъ іомутовъ и узбековъ съ двумя начальниками. Къ несчастію, между предводителями возникла ссора, и первый изъ нихъ вернулся въ Хиву, но, въ наказаніе, былъ сброшенъ съ высокой башни. Этимъ ханъ сдѣлалъ всѣхъ іомутовъ своими врагами; они тайно присоединились къ текке и были впослѣдствіи причиной его смерти. Въ это время у Медемина было 40.000 всадниковъ, собранныхъ изъ узбековъ и другихъ кочевниковъ-данниковъ. Часть этого войска онъ послалъ въ укрѣпленіе Ходша-Ніясъ бая противъ русскихъ, пробиравшихся тогда къ Хивѣ съ восточнаго берега Аральскаго озера. Съ другою частью отправился онъ самъ лично, подъ Мервъ, чтобъ однимъ ударомъ покончить съ туркменами. Онъ сейчасъ же взялъ Караяпъ и пошелъ на Саррахсъ (древній Кинксъ). Невдалекѣ отъ него, въ то время, какъ ханъ покоился въ своей полаткѣ, на одномъ изъ холмомъ *) среди своего лагеря, на него напа-

*) Объ этомъ холмѣ разсказываютъ, что на немъ нашелъ тоже свою смерть Эбу-Мусламъ, могучій вассалъ, впослѣдствіи врагъ багдадскихъ калифовъ.

ли нѣсколько отважныхъ вражескихъ всадниковъ. Хотя онъ и крикнулъ имъ, что онъ ханъ, но они поспѣшили отрубить ему голову, такъ что никто изъ его слугъ не могъ подоспѣть на помощь. При видѣ его отрубленной головы, которую туркмены послали въ подарокъ персидскому шаху *), на войско напалъ паническій страхъ. Оно, въ совершенномъ однако порядкѣ, отступило назадъ и дорогой уже провозгласило.

7. Абдулла-хана (1855—1856) своимъ повелителемъ. Абдулла едва успѣлъ прибыть въ упавшую духомъ столицу, какъ тамъ возгорѣлась уже ожесточенная борьба за престолъ. Одинъ изъ притязателей, Сеидъ-Махмудъ-тёре, имѣвшій по своимъ лѣтамъ большее право на престолъ, обнажилъ мечъ предъ лицемъ всѣхъ муллъ и старѣйшинъ страны и думалъ возстановить свои права, убивъ тотчасъ же хана; но его усмирили и впослѣдствіи заключили въ тюрьму. Іомуты тоже привлекли на свою сторону двухъ принцевъ, чтобы возвести ихъ на престолъ, но это сдѣлалось извѣстнымъ, принцевъ задушили, а іомутовъ рѣшили наказать, такъ какъ ихъ злоба была слишкомъ очевидна. Ханъ выступилъ противъ нихъ съ 1.000 всадниками, но іомуты прикинулись невинными, старѣйшины ихъ вышли на встрѣчу хану босые, съ повѣшенными на шеѣ обнаженными саблями, въ знакъ покорности, и ихъ оставили на этотъ разъ въ покоѣ. Чрезъ два мѣсяца, однако, они снова начали выказывать вражду; ханъ пришелъ въ ярость, собралъ наскоро двѣ тысячи всадниковъ и напалъ на бунтовщиковъ, встрѣтившихъ его на этотъ разъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но хану не посчастливилось: узбеки должны были бѣжать,

*) Шахъ, справедливо боявшійся Мелемина, который по взятіи Саррахса навѣрное бы напалъ на Мешхедъ, сначала почтилъ отрубленную голову своего врага и велѣлъ построить для нея небольшую часовню у воротъ замка (дервазе Довлетъ), но потомъ велѣлъ разрушить эту часовню, потому что говорили, что благочестивые шіиты принимали ее за могилу имамсаде и что такимъ образомъ суннитъ подавалъ поводъ къ грѣховному заблужденію.

и когда начали искать хана, то нашли его вмѣстѣ съ другими убитымъ и брошеннымъ въ яму. На мѣсто его избрали

8. Кутлугъ-Мурадъ-хана (царствовалъ только три мѣсяца), младшаго брата его, сражавшагося рядомъ съ погибшимъ ханомъ и возвратившагося съ битвы покрытымъ тяжелыми ранами. Онъ вскорѣ вооружился снова, чтобы отмстить за смерть брата, но предводители іомутовъ предложили миръ и обѣщали въ скоромъ времени явиться въ Хиву для изъявленія своей покорности и привести съ собою двоюроднаго брата хана, попавшаго къ нимъ въ руки въ послѣдней схваткѣ и провозглашеннаго ими ханомъ. Кутлугъ и его министры повѣрили имъ; назначили день, и іомуты дѣйствительно явились въ числѣ 12.000 человѣкъ, на лучшихъ коняхъ и вооруженные лучшимъ своимъ оружіемъ. Утромъ, въ день представленія, ханъ принялъ двоюроднаго брата въ своемъ замкѣ, но тотъ, обнимая его, измѣннически вонзилъ въ него кинжалъ. Ханъ палъ мертвый, а туркмены бросились на бывшихъ при немъ слугъ. Во время происшедшаго смятенія метеръ взошелъ на стѣну замка и, возвѣстивъ оттуда о совершившемся злодѣяніи, сдѣлалъ хивинцамъ воззваніе перерѣзать всѣхъ іомутовъ въ городѣ. Раздраженное населеніе бросилось на туркменъ. Обезумѣвъ отъ ужаса, какъ ягнята въ тукахъ мясника, іомуты истекали кровью подъ оружіемъ хивинцевъ и даже подъ ножами женщинъ; по улицамъ города образовались потоки крови; мертвыхъ убирали потомъ въ теченіе шести дней.

Восемь дней послѣ рѣзни оставалась Хива безъ правителя; подносили корону Сеидъ-Махмудъ-тёре, очень способному человѣку, но страсть опьяняться опіумомъ заставила его отказаться отъ престола въ пользу своего младшаго брата.

9. Сеидъ-Мехеммедъ-хана (отъ 1856 г. до настоящаго времени), извѣстнаго своимъ тупоуміемъ и о которомъ чи-

татель уже слышалъ. Въ его правленіе Хива была сильно опустошена войной съ іомутами, а колоніи, основанныя прежними ханами, обезлюдѣли и разрушились. Пока іомуты и узбеки душили другъ друга, уводили въ рабство женъ и дѣтей, пришли джемшиды и, по поговоркѣ: «inter duos litigantes tertius est gaudens», накинулись на обезоруженное населеніе, разграбили всю Хиву, отъ Килидшбая до Фитнека, и вернулись домой, на берега Мургаба, съ богатою добычей, сопровождаемые двумя тысячами персидскихъ невольниковъ, освободившихся во время сумятицы.

Бѣдность, холера, чума и большая потеря людей только-что успѣли возстановить миръ, какъ, по внушенію Россіи, новый претендентъ на престолъ, Мехеммедъ-Пенахъ, поднялъ въ Кунгратѣ знамя бунта и тотчасъ, чрезъ Мангишлакъ, отправилъ посольство въ Астрахань, чтобы вымолить покровительство у русскаго падишаха. Но объ этомъ узнали, и дорогой послы были убиты. Впослѣдствіи, когда русскіе имперіалы уже поистратились, Мехеммедъ-Пенахъ былъ умерщвленъ своими же собственными приверженцами, а главныхъ зачинщиковъ, упакованныхъ, т. е. съ руками, пришитыми къ тѣлу мокрою кожей, послали въ Хиву, гдѣ ихъ ожидалъ ужасный конецъ.

III.

БУХАРА.

Городъ Бухара, его ворота, кварталы, мечети, улицы.—Училище, основанное императр. Екатериной.—Назначеніе училищъ, какъ средоточіе не учености, а фанатизма.—Базары.—Полицейская система болѣе строгая, чѣмъ гдѣ-либо въ Азіи.—Бухарское ханство.—Жители: узбеки, таджики, киргизы, арабы, мервы, персы, индусы, евреи.—Правленіе.—Различныя должностныя лица.—Политическое раздѣленіе.—Армія.—Очеркъ исторіи Бухары.

А. Городъ Бухара.

Мнѣ разсказывали, что городъ Бухара такъ великъ, что нужно цѣлый день, чтобъ его объѣхать вокругъ, но я убѣдился, что онъ имѣетъ всего четыре мили въ окружности. Окрестности его хотя довольно хорошо обработаны, но уступаютъ въ этомъ отношеніи окрестностямъ Хивы. Городъ имѣетъ одиннадцать воротъ: дервазе-Имамъ, дерв.-Пезаръ, дерв.-Самаркандъ, дерв.-Огланъ, дерв.-Алипачъ, дерв.-Ширгиранъ, дерв.-Каракёлъ, дерв.-Шейхъ-Дшеланъ, дерв.-Намазгіахъ, дерв.-Салахане, дерв.-Карши; онъ дѣлится на двѣ главныя части: Деруни-Шехръ (внутренній городъ), Беруни-Шехръ (внѣшній городъ),—и на множество кварталовъ, изъ которыхъ значительнѣйшіе: Махаллей-Дшубаръ, Хіабанъ, Мирекан, Малкушанъ и Сабунгиранъ.

О публичныхъ зданіяхъ и площадяхъ я уже далъ читателю нѣкоторое понятіе въ предъидущей главѣ, но, несмотря на то, вкратцѣ изложу мои замѣтки о нихъ.

Мечети.

Бухарцы говорятъ, что въ ихъ родномъ городѣ 360 мечетей, большихъ и малыхъ, и что благочестивый мусульманинъ для развлеченія можетъ каждый день ходить въ разныя мечети. Я же нашелъ едва половину этого числа и заслуживающихъ нѣкотораго вниманія только четыре: 1) Месдшиди-Келанъ, построенная Тимуромъ и поновленная Абдулла-ханомъ. Сюда эмиръ приходитъ совершать моленіе по пятницамъ при большомъ стеченіи народа. 2) Месдшиди-Диванбеги, устроенная въ 1029 (1629) году нѣкіимъ Незромъ (диванбегомъ, статсъ-секретаремъ эмира Имамъ-Кули хана) точно такъ же, какъ прудъ и медрессе того же имени. 3) Месдшиди-Мирекан и 4) Месдшиди-Могакъ, подземное строеніе, въ которомъ, по сказанію однихъ, собирались первые мусульмане, по сказанію же другихъ—послѣдніе поклонники огня. Первое предположеніе мнѣ кажется вѣроятнѣе, во-первыхъ, потому, что поклонники огня легче могли бы найти себѣ мѣсто за городомъ, и, во-вторыхъ, множество куфическихъ надписей свидѣтельствуетъ о мусульманскомъ происхожденіи мечети.

Медрессе.

Бухарцы хвастаются множествомъ своихъ медрессе и насчитываютъ ихъ опять-таки 360—свое любимое число, хотя ихъ всего только 80. Знаменитѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Медрессе Кёкелташъ, основанная въ 1426 году, имѣетъ 150 келій, изъ которыхъ каждая стоитъ отъ 100 до 120 тиллъ *). Ученики перваго класса получаютъ ежегодно по пяти тиллъ дохода. 2 Медр. Мирарабъ, осно-

*) При основаніи медрессе кельи раздаются даромъ, но впослѣдствіи ихъ можно пріобрѣтать только за опредѣленную плату

ванная въ 1529 году, имѣетъ 100 келій; каждая изъ нихъ стоитъ отъ восьмидесяти до девяноста тиллъ и приноситъ семь тиллъ дохода. 3) Кошмедрессе (пара медрессе) Абдулла-хана, построенная въ 1572 году, имѣетъ также около 100 келій, но не такихъ дорогихъ, какъ предъидущія. 4) Медр. Джуйбаръ, основанная ва 1582 году внукомъ знаменитаго ученаго и аскета того же имени; школа эта хотя и богаче другихъ (каждая келья приноситъ дохода до 25 тиллъ), но, несмотря на то, въ ней много пустыхъ келій, такъ какъ она находится на самомъ краю города. 5) Медр. Турзиндшанъ; каждая келья приноситъ 5 тиллъ въ годъ. 6) Медр.-Эрназаръ, основанная русскимъ посланникомъ по приказанію императрицы Екатерины, имѣетъ 60 келій, изъ которыхъ каждая приноситъ 3 тиллы.

Вообще училища Бухары и Самарканда были причиной той громкой ученой извѣстности, которую приписывали высшимъ училищамъ Средней Азіи не только во всемъ исламѣ, но даже и въ Европѣ. Готовность къ пожертвованіямъ на подобныя заведенія можетъ показаться поверхностнымъ наблюдателямъ признакомъ высшихъ стремленій. Но, къ сожалѣнію, въ основѣ тутъ лежитъ слѣпой фанатизмъ: теперь, какъ и въ средніе вѣка, въ этихъ медрессе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ логики (мантикъ) и философіи (хикметъ), все преподаваніе ограничивается кораномъ и религіозными вопросами *). Учениковъ насчитываютъ до 5.000. Они собираются сюда не только изъ Средней Азіи, но и изъ Индіи, Кашемира, Афганистана, Россіи и Китая; бѣднѣйшіе изъ нихъ получаютъ ежегодную пенсію отъ эмира, такъ какъ медрессе и строгое исполненіе ислама собственно только и доставляютъ Бухарѣ такое могущественное вліяніе на сосѣднія страны.

*) Если и вздумается кому заниматься поэзіей и исторіей, то онъ можетъ это дѣлать лишь втайнѣ, ибо заниматься подобными пустяками считается постыднымъ,

Базары.

Здѣсь нѣтъ базаровъ, какіе встрѣчаются въ главныхъ персидскихъ городахъ. Лишь немногіе построены изъ камня и со сводами, большая же часть покрыта деревомъ или камышовыми циновками, растянутыми на длинныхъ жердяхъ. Базары раздѣляются на нѣсколько отдѣленій: базаръ Абдулла-Ханъ, построенный ханомъ, по персидскому образцу, по возвращеніи изъ Мешхеда (1582); Рестей-Сусенгиранъ, гдѣ помѣщаются торговцы швейными принадлежностями; Саррафанъ, гдѣ торгуютъ мѣнялы и книгопродавцы; Зергеранъ—для золотыхъ дѣлъ мастеровъ; Чилингеранъ—слесарный; Аттари—для москательныхъ торговцевъ; Каннади—гдѣ помѣщаются торговцы сахаромъ и сластями; Чайфуруши—для чайной торговли; Читфуруши; Базари-Латта—для торговцевъ полотнами; Тимче-Дарайфуруши—для торговли пряностями, и такъ далѣе. При каждомъ базарѣ есть свой старшина, который отвѣчаетъ эмиру за порядокъ и за уплату пошлинъ. Кромѣ базаровъ есть еще до 30 маленькихъ каравансараевъ, служащихъ частію для склада товаровъ, частію для помѣщенія иностранцевъ.

Полиція.

Въ Бухарѣ полиція строже, чѣмъ гдѣ-либо въ Азіи. Днемъ рейсъ самъ обходитъ базары и публичныя мѣста или высылаетъ немалое число людей и шпіоновъ. Часа два спустя по закатѣ солнца никто не смѣетъ уже показываться на улицѣ. Сосѣдъ не можетъ посѣтить сосѣда и больной можетъ умереть безъ лѣкарствъ, потому что эмиръ далъ разрѣшеніе миршебсамъ (ночнымъ сторожамъ) арестовать даже его самого, если они встрѣтятъ его въ неуказанное время на улицѣ.

Б. Бухарское ханство.

Жители.

Бухарское ханство въ настоящее время граничитъ: къ востоку—съ Кокандскимъ ханствомъ и горнымъ хребтомъ Бедахшанъ, къ югу—съ Оксусомъ и округами Керки и Чихардшуй и къ сѣверу и западу—съ Великою пустыней. Какъ нельзя считать постоянными границы Бухары, такъ же точно невозможно опредѣлить и числа ея жителей. Не преувеличивая, ихъ можно считать до $2^1/_2$ милліоновъ осѣдлыхъ и кочевниковъ; по національностямъ они распадаются на узбековъ, таджиковъ, киргизовъ, арабовъ, мерровъ, персіянъ, индусовъ и евреевъ.

1. Узбеки. Они состоятъ изъ тѣхъ же 32 колѣнъ, которыя мы назвали при описаніи Хивы, но отличаются отъ своихъ харезмскихъ соплеменниковъ и складомъ лица, и характеромъ. Бухарскіе узбеки жили въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ таджиками, чѣмъ хивинскіе съ сартами, вслѣдствіе чего утратили свой національный типъ и узбекское прямодушіе. Какъ господствующее племя въ ханствѣ, такъ какъ самъ эмиръ—узбекъ изъ племени мангитъ, они составляютъ военную силу страны, хотя высшіе офицеры рѣдко выбираются изъ ихъ рядовъ.

2. Таджики, первоначальные обитатели всѣхъ городовъ Средней Азіи, встрѣчаются здѣсь въ самомъ большомъ числѣ, и потому Бухара—единственное мѣсто, гдѣ таджикъ гордится своею національностью. Онъ держится еще границъ своего прежняго отечества, древняго Харасана *): на востокъ—Хотена (въ Китаѣ), на западъ—Каспійскаго моря, на сѣверъ—Ходжента и на югъ—Индіи. Жаль, что

*) Хор. по-персидски—солнце, сан—страна; Хорасанъ—страна солнца, то-есть востокъ.

народъ этотъ, несмотря на всю свою древность и прежнее величіе, дошелъ до высшей степени порочности и низости, и если принимать его за представителя Средней Азіи, этой колыбели рода человѣческаго, то приходится имѣть о ней весьма жалкое понятіе.

3. Киргизовъ *) или кайсаковъ, какъ они себя сами называютъ, въ Бухарѣ немного; мы однако же воспользуемся случаемъ и сообщимъ здѣсь кое-что изъ нашихъ замѣтокъ объ этомъ народѣ, значительнѣйшемъ въ Средней Азіи по своей многочисленности и замѣчательномъ по первобытности своей кочевой жизни. Часто во время моего путешествія попадались мнѣ отдѣльныя группы киргизскихъ полатокъ, но когда я спрашивалъ у обитателей ихъ о числѣ ихъ, то они всякій разъ высмѣивали меня, говоря: «Сочти прежде песокъ въ пустынѣ, а потомъ ужь попробуй счесть и киргизовъ». Такъ же невозможно опредѣлить и границы ихъ. Мы знаемъ только, что они обитаютъ въ Великой пустынѣ, разстилающейся между Сибирью, Хивой, Туркестаномъ и Каспійскимъ моремъ; мѣстность, занимаемая ими, равно какъ и общественное ихъ устройство, достаточно доказываютъ неосновательность причисленія ихъ то къ Россіи, то къ Китаю. Россія, Китай, Кокандъ, Бухара и Хива повелѣваютъ киргизами только до тѣхъ поръ, пока посылаемые ими сборщики податей находятся между ними; киргизы смотрятъ на эти сборы какъ на рацціа (грабежъ) и ужь благодарны за то, что съ нихъ берутъ только десятую или какую другую опредѣленную часть. Такъ какъ всѣ перевороты въ теченіе столѣтій, а

*) Кир значитъ поле, гиз или гез происходитъ отъ корня глагола гизмек— странствовать. Слово киргизъ значитъ по-турецки: человѣкъ, странствующій по полямъ, кочевникъ, и употребляется вообще для обозначенія народовъ, ведущихъ такую жизнь. Киргизъ употреблялся также для обозначенія извѣстнаго племени, но только какъ подраздѣленіе кайсаковъ, живущихъ въ Кокандѣ, въ окрестностяхъ Хазрети-Туркестана.

можетъ-быть и тысячелѣтій, имѣли незначительное вліяніе на киргизовъ, то они и теперь представляютъ самую вѣрную картину нравовъ и обычаевъ, характеризовавшихъ первобытныхъ туранскихъ народовъ и представляющихъ странное смѣшеніе добродѣтели и звѣрства. Поразительно сильное влеченіе киргизовъ къ музыкѣ и поэзіи, а въ особенности ихъ аристократическая горделивость. При встрѣчѣ, первое, о чемъ спрашиваетъ киргизъ у киргиза: «Jeti atang kimdir?», то-есть кто твои семь отцовъ (предковъ)? Спрошенный, даже восьмилѣтній ребенокъ, всегда съумѣетъ съ точностью отвѣтить на это; въ противномъ же случаѣ его сочтутъ крайне невоспитаннымъ и необразованнымъ. Въ храбрости киргизы далеко уступаютъ узбекамъ, въ особенности же туркменамъ, и исламъ стоитъ у нихъ на гораздо болѣе шаткомъ основаніи, чѣмъ у послѣднихъ. Лишь богатые беи нанимаютъ себѣ изъ городовъ какого-нибудь муллу, который, за извѣстное вознагражденіе овцами, лошадьми и верблюдами, исполняетъ всѣ обязанности учителя, священника и секретаря. Для насъ, европейцевъ, даже при частыхъ съ ними сношеніяхъ, киргизы представляютъ весьма странное явленіе. Мы видимъ людей, которые, несмотря на палящій жаръ или снѣгъ въ сажень глубины, ежедневно, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, кочуютъ со всѣмъ своимъ домомъ и имуществомъ для того только, чтобъ остановиться гдѣ-нибудь, и опять-таки на нѣсколько часовъ,—людей, никогда не слыхавшихъ о существованіи хлѣба и питающихся однимъ молокомъ и мясомъ. Киргизы смотрятъ на городскихъ и другихъ осѣдлыхъ жителей какъ на людей больныхъ или сумасшедшихъ,—и жалѣютъ всякаго, чье лицо не имѣетъ хоть какой-нибудь черты монгольскаго типа. По ихъ эстетическимъ понятіямъ, монгольское племя представляетъ собой верхъ красоты, потому что Богъ, сотворивъ ихъ съ выдающимися скулами,

уподобилъ ихъ лошади, лошадь же въ глазахъ киргиза—вѣнецъ созданья.

4. Арабы—потомки тѣхъ воиновъ, которые подъ предводительствомъ Кутенбе, во время третьяго калифа, принимали участіе въ завоеваніи Туркестана, а потомъ и поселились тамъ; но у нихъ, кромѣ физіономіи, уже мало осталось сходства съ ихъ братьями въ Хиджасѣ или Аракѣ; я даже мало встрѣчалъ говорящихъ по-арабски. Считаютъ ихъ до 60.000. Они большею частью живутъ осѣдло въ окрестностяхъ Варданзи и Вафкенда.

5. Мервы—потомки 40.000 персіянъ, переселенныхъ изъ Мерва въ Бухару эмиромъ Саидъ-ханомъ около 1810 года, когда онъ завоевалъ этотъ городъ съ помощью сариковъ. По своему происхожденію они, собственно, турки изъ Адербайджана и Карабага, переселенные Надиръ-шахомъ въ Мервъ. Послѣ таджиковъ—это самый хитрый народъ въ городѣ Бухарѣ, но они не такъ трусливы, какъ первые.

6. Персы—частію невольники, частію откупившіеся на волю и поселившіеся въ Бухарѣ. Здѣсь, несмотря на всѣ религіозныя притѣсненія (они могутъ исполнять свои шіитскіе обряды только тайкомъ), персы охотно занимаются торговлей и ремеслами, потому что жизнь здѣсь дешевле и прибыль достается легче, чѣмъ въ ихъ отечествѣ. Персы умственными способностями далеко превосходятъ обитателей Средней Азіи и нерѣдко изъ рабства достигаютъ высшихъ государственныхъ должностей. Какъ рѣдкій правитель провинціи не имѣетъ при себѣ на разныхъ должностяхъ персовъ, бывшихъ прежде его рабами и оставшихся ему вѣрными, такъ и кругомъ эмира кишатъ персы; главные сановники ханства принадлежатъ къ этой націи. Въ Бухарѣ считаютъ ихъ людьми больше другихъ имѣвщими сношеній съ френгами и потому болѣе понабравшимися ихъ дьявольскаго разума. Эмиру Мусаффаръ-эд-дину пришлось

*

бы плохо, еслибы Персія вздумала прибрать Бухару къ рукамъ, что она уже и намѣревалась сдѣлать; что могъ бы онъ сдѣлать съ своею арміей, главнокомандующіе которой, Шахрухъ-ханъ и Мехеммедъ-Хазанъ-ханъ, и начальники артиллеріи, Мехди-бегъ и Лекеръ-бегъ—все персіяне!..

7. Индусы, всего не болѣе 500 человѣкъ, живутъ не семьями, но разсѣяны по всей столицѣ и провинціямъ; непонятнымъ образомъ, они захватили въ свои руки всю денежную торговлю страны. Нѣтъ ни одного рынка, хотя бы даже въ деревнѣ, на которомъ бы, гдѣ-нибудь, не торчало индуса съ его ростовщичьимъ мѣшкомъ. Выказывая глубочайшую покорность, какъ армяне въ Турціи, они страшно надуваютъ узбека; а такъ какъ благочестивый кади всегда дѣйствуетъ за одно съ поклонникомъ Вишну, то несчастной жертвѣ рѣдко удается ускользнуть изъ ихъ рукъ.

8. Евреевъ въ ханствѣ до десяти тысячъ; бо́льшая ихъ часть живетъ въ Бухарѣ, Самаркандѣ и Карши и занимается больше ремеслами, чѣмъ торговлей. По своему происхожденію, это—персидскіе евреи еще перваго плѣненія. Они переселились сюда 150 лѣтъ тому назадъ изъ Мерва и Казвина и находятся здѣсь въ величайшемъ угнетеніи и презрѣніи. Если они хотятъ посѣтить правовѣрнаго, то имѣютъ право только показаться у его порога; а если же они принимаютъ послѣдняго у себя, то должны выйти изъ своего дома и стать у двери. Въ городѣ Бухарѣ платятъ они ежегодно 2.000 тиллъ дшизи (подати), которую вноситъ еврейскій старшина, при чемъ получаетъ въ лицѣ своемъ за всю свою общину двѣ легкія пощечины, предписываемыя кораномъ, какъ знакъ подданства. Услышавъ о привилегіяхъ, которыми пользуются евреи въ Турціи, нѣкоторые переселяются въ Дамаскъ и другія мѣста Сиріи, но это совершается втайнѣ, потому что эмиграція

наказывается конфискаціей имущества или даже смертью. Замѣчательно почтовое сообщеніе евреевъ между собой черезъ посредство хаджи, ежегодно отправляющихся изъ Туркестана въ Мекку; мои спутники также принесли съ собою много писемъ и отыскивали вездѣ тѣхъ, къ кому они были адресованы.

Правленіе.

Форма правленія въ Бухарѣ сохранила въ себѣ мало древнеперсидскаго или арабскаго элемента; турецко-монгольскій элементъ нужно считать преобладающимъ. Несмотря на сильное вліяніе іерархіи, государственное устройство носитъ военный характеръ, во главѣ котораго стоитъ эмиръ, какъ генералиссимусъ, князь и глава религіи. Военные и гражданскіе чины раздѣляются: а) на кеттесипахи, высшихъ чиновниковъ, б) орта-сипахи, среднихъ чиновниковъ, и в) ашаги-сипахи (сабитъ). Въ первые два класса, по правиламъ, должны быть принимаемы только одни урукдары — члены хорошихъ фамилій, которые утверждаются въ своихъ должностяхъ іерликомъ, т. е. рескриптомъ, и биллигомъ *)—знаками достоинства; но и персы, бывшіе рабы, съ давнихъ поръ бывали облекаемы въ этотъ санъ.

Слѣдующій списокъ чиновъ можетъ дать понятіе о томъ, какъ они идутъ, понижаясь, начиная съ самого эмира:

1. Кетте-сипахи
   1) Аталикъ.
   2) Диванбеги (статсъ-секретарь).
   3) Перванеджи—человѣкъ-бабочка, какъ его обыкновенно называютъ при дворѣ, потому что въ важныхъ случаяхъ онъ у эмира состоитъ на посылкахъ.

*) Іерликъ и биллингъ—древнетурецкія слова; первое значитъ—писаніе, корень слова іер, по-венгерски ir, по-турецки jas; второе — знакъ, по-венгерски bélyeg.

2. Орта-сипахи	4) Тохсабай, собственно тугсахи би, т. е. у котораго тугъ (лошадиный хвостъ) служитъ знаменемъ. 5) Инагъ. 6 Мирахоръ—шталмейстеръ.
3. Ашаги-сипахи (сабитъ)	7) Чохрагази, собственно чехреагази, т. е. лицевой человѣкъ, потому что онъ во время аудіенціи стоитъ напротивъ эмира. 8) Мирцабаши—главный писарь. 9) Ясаулбеги и карагулбеги. 10) Юсбаши. 11) Пендшабаши. 12) Онбаши.

Сверхъ того нужно упомянуть о лицахъ, состоящихъ при домѣ эмира, во главѣ которыхъ находится кушбеги (визирь), мехтеръ-дестурхандши (maitre d'hôtel) и секіатши (таможенный сборщикъ). Послѣдній исполняетъ также должность министра финансовъ и домоправителя эмира. Затѣмъ слѣдуютъ меремы (главные камердинеры), число которыхъ увеличивается или уменьшается, смотря по обстоятельствамъ; въ экстренныхъ случаяхъ ихъ посылаютъ въ провинціи въ качествѣ комиссаровъ. Каждый подданный, недовольный рѣшеніемъ губернатора, можетъ обратиться къ эмиру, при чемъ ему даётся меремъ въ видѣ стряпчаго. Меремъ отправляется съ недовольнымъ на мѣсто его жительства, разсматриваетъ дѣло и представляетъ его на окончательное рѣшеніе эмиру. Кромѣ того есть еще одадши (придверники или церемоніймейстеры), бакаулы (провіантмейстеры) и селамагази, во время торжественныхъ процессій отвѣчающіе за эмира на привѣтствія: «ве алейкумъ селямъ».

Эти должности и званія при нынѣшнемъ эмирѣ существуютъ только номинально, такъ какъ онъ—врагъ всякой пышности и многія мѣста оставляетъ не занятыми.

Политическое раздѣленіе.

Бухарское ханство, какъ и Хива, въ политическомъ отношеніи дѣлится по числу большихъ городовъ. Въ настоящее время оно состоитъ изъ округовъ, которые мы распредѣлили въ слѣдующемъ порядкѣ, смотря по занимаемому ими пространству и по числу ихъ жителей: 1) Каракёлъ, 2) Бухара, 3) Карши, 4) Самаркандъ, 5) Кёрки, 6) Хизаръ, 7) Міянкалъ или Керминехъ, 8) Кетте-Курганъ, 9) Чардшуй, 10) Джиссакъ, 11) Оратепе и 12) Шехри-Себсъ. Послѣдній округъ равняется величиной Самарканду, но, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ эмиромъ, только частью можетъ быть причисленъ къ ханству. Губернаторы, принадлежащіе по званію своему къ высшему разряду чиновъ, пользуются извѣстною частью доходовъ съ ввѣреннаго имъ округа, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ должны отъ этого отказываться. Подъ непосредственнымъ начальствомъ каждаго губернатора находится тохсабай, мирцабаши, ясаулбеги и нѣсколько мирахоровъ и чохрагази.

Военныя силы.

Постоянное войско ханства состоитъ изъ 40.000 всадниковъ, но можетъ быть увеличено до 60.000. Бо́льшую часть вспомогательнаго войска должны доставлять Бухара и Карши, жители которой особенно славятся своею храбростью. Такъ говорятъ въ Бухарѣ, но я нашелъ, что число это преувеличено, потому что эмиръ во время похода на Кокандъ, когда армія его никакъ не превышала 30 т. человѣкъ, долженъ былъ нанимать, и по весьма дорогой цѣнѣ, вспомогательное войко, чего скупой Мусаффаръ-эддинъ конечно бы не сдѣлалъ, еслибы вышеупомянутое число солдатъ было вѣрно. Только въ военное время пла-

тится войску жалованье по 20 тенговъ (16 шиллинговъ) въ мѣсяцъ на человѣка и каждый долженъ содержать себя съ лошадью на эти деньги. Сверхъ того половина добычи составляетъ собственность арміи. Рѣшительно непонятно, почему эмиръ, при значительномъ числѣ своихъ подданныхъ, не можетъ имѣтъ болѣе сильнаго войска; странно также и то, почему онъ не набираетъ солдатъ изъ 50.000 ерсари, платящихъ ему дань, а нанимаетъ текке и даже сариковъ, которымъ платитъ ежегодно до 4.000 тиллъ.

В. Очеркъ исторіи Бухары.

Ефразіабъ, великій туранскій воинъ, считается основателемъ Бухары. Вмѣсто исторіи о первыхъ временахъ разсказываются здѣсь самыя разнообразныя басни, изъ которыхъ можно вывесть только то, что нашествія турецкихъ ордъ съ древнѣйшихъ временъ были ужасомъ страны, персидское народонаселеніе которой еще со времени Пишдадіеровъ отдѣлилось отъ иранскихъ своихъ братьевъ. Первая нить настоящей исторіи начинается со времени арабскаго завоеванія; жалко только, что эти отважные искатели приключеній не оставили намъ бо́льшихъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыя разбросаны въ Тарихи-Табери и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ источникахъ. Исламъ не могъ такъ легко вкорениться въ Маверѣ (странѣ, лежащей между рѣками Оксусомъ и Яксартомъ), какъ въ другихъ странахъ, и арабы всякій разъ послѣ, нѣсколько болѣе долгаго отсутствія, возвращаясь въ города, должны были снова заниматься обращеніемъ въ свою вѣру. До завоеванія Чингисъ-хана (1225 г.), Бухара и Самаркандъ, а также и другіе значительные въ то время города, напр. Мервъ (Мерви-Шахъ-Дшиханъ, т. е. Мервъ—царь міра), Карши (Нахшебъ) и Белхъ (Умцуль-Беладъ, т. е. мать городовъ)—

принадлежали персамъ, хотя для управленія страной, называвшейся тогда Хорасаномъ, нуженъ былъ особенный фирманъ изъ Багдада. Со вторженіемъ монголовъ персидскій элементъ былъ подавленъ турецкимъ, узбеки захватили въ свои руки бразды правленія и Тимуръ, хромой завоеватель Шехри-Себса (зеленаго города), хотѣлъ сдѣлать Самаркандъ ни болѣе ни менѣе какъ столицей всей Азіи. Планы его умерли вмѣстѣ съ нимъ, и собственно исторія Бухары начинается съ дома Шейбани, основатель котораго, Ебулхеиръ-ханъ, сломилъ власть потомковъ Тимура въ ихъ собственныхъ земляхъ. Внукъ его, Шейбани-Мехеммедъ-ханъ, расширилъ границы Бухары отъ Ходшенда до Герата; осаждая Мешхедъ, онъ былъ разбитъ шахомъ Измаиломъ и погибъ въ сраженіи въ 916 году (1510). Изъ его преемниковъ даровитѣйшимъ былъ Абдулла-ханъ (род. 1544 г.); онъ вновь завладѣлъ Бедахшаномъ, Гератомъ и Мешхедомъ и своими заботами о распространеніи образованія и торговли заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ великимъ персидскимъ владыкою Шахъ-Аббасомъ II. Въ его время по дорогамъ въ Бухарѣ были построены каравансараи и прекрасные мосты, дороги же въ пустынѣ снабжены цистернами съ водой; развалины подобныхъ строеній до сихъ поръ называются его именемъ. Сынъ его, Абдулла-Муминъ-ханъ (1004 [1595 г.]) не могъ долго удержаться на престолѣ; онъ былъ умерщвленъ, а послѣ вторженія киргизскаго предводителя Текеля, опустошившаго весь край, вскорѣ погибли и остальныя вѣтви дома Шейбани.

Во время послѣдовавшихъ за тѣмъ продолжительныхъ смутъ и междоусобныхъ войнъ, Вели-Мехеммедъ-ханъ, дальній родственникъ Шейбани, и Баки-Мехеммедъ-ханъ оспаривали другъ у друга престолъ. Когда послѣдній (1025 [1616 г.]) палъ въ битвѣ при Самаркандѣ, первый основалъ свою ди-

настію, продержавшуюся до Эбулъ-Орейсъ-хана, вымолившаго миръ у Надиръ-шаха (1640 г.). Въ это время болѣе другихъ отличились Имамкули-ханъ и Незиръ-Мехеммедъ-ханъ (1650 г.); они своими щедрыми вспомоществованіями сословію ишановъ способствовали тому, что религіозный фанатизмъ достигъ въ Бухарѣ и во всемъ Туркестанѣ до такой высокой степени, до какой онъ не доходилъ никогда и нигдѣ въ царствѣ ислама. Эбулъ-Фейсъ и сынъ его были измѣнническимъ образомъ умерщвлены ихъ же собственнымъ визиремъ, Рехимъ-ханомъ. По смерти убійцы, самостоятельно управлявшаго государствомъ по праву визиря, бразды правленія захватилъ Даніаль-бегъ; за нимъ слѣдовали эмиры: шахъ Мурадъ, Саидъ-ханъ и Насруллахъ-ханъ.

Такъ какъ исторія трехъ послѣднихъ государей была уже изложена Малькольмомъ, Бёрнсомъ и Ханыковымъ, то мы пропустимъ это время, такъ какъ не имѣемъ сообщить о немъ ничего новаго, а лучше въ слѣдующей главѣ поговоримъ о войнахъ Бухары съ Кокандомъ въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ.

IV.

КОКАНДЪ.

Жители. — Раздѣленіе. — Кокандъ. — Ташкендъ. — Ходшендъ. — Мерголанъ. — Эндидшанъ. — Хазрети-Туркестанъ. — Оошъ. — Политическое положеніе. — Войны въ последнее время.

Кокандъ или Фергана, какъ называли его въ древности, граничитъ къ востоку съ Китайскою Татаріей, къ западу съ Бухарой и Яксартомъ, къ сѣверу съ Великой Ордой, къ югу съ Каратегиномъ и Бедахшаномъ. Площадь, занимаемую этимъ ханствомъ, мы не можемъ обозначить точными числами; все-таки она больше Бухары и Хивы и населеннѣе ихъ.

По числу городовъ и по другимъ обстоятельствамъ можно полагать, что въ современномъ Кокандѣ болѣе трехъ милліоновъ жителей, состоящихъ изъ слѣдующихъ національностей:

1. Узбеки составляютъ собственно осѣдлую часть населенія и рѣзко отличаются отъ бухарскихъ и хивинскихъ узбековъ, какъ было уже замѣчено при описаніи Хивы. Такъ какъ узбеки уже нѣсколько сотъ лѣтъ составляютъ господствующее племя въ Туркестанѣ, и такъ какъ они приняли исламъ и его цивилизацію прежде всѣхъ прочихъ кочевниковъ той страны, то уже съ однимъ ихъ именемъ связываются нѣкоторыя представленія объ ихъ образованіи и bon ton; поэтому киргизы, кипчаки и калмыки, селясь въ городахъ, съ первой минуты отказываются обыкновенно

отъ своей національности и величаютъ себя узбеками. Въ Кокандѣ это вошло въ обычай уже съ давняго времени и безъ преувеличенія можно принять, что половина называющихъ себя узбеками принадлежитъ къ смѣси выше названныхъ кочевниковъ. По своему наружному виду кокандецъ-узбекъ кажется очень неповоротливымъ, чему много способствуетъ его неуклюжая, широкая одежда. Мы имѣли много случаевъ убѣдиться въ безпримѣрной трусости этого народа, и еслибы не кочевники, охраняющіе страну, то города Коканда давно бы уже перешли во владѣніе Хивы, Россіи или Бухары.

2. Таджики здѣсь хотя и не многочисленнѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, но встрѣчаются большими группами и, чего нигдѣ не найдешь, образуютъ даже цѣлыя деревни и города. Такъ городъ Ходжендъ, деревни Велекендасъ и Кизакусъ (близъ Ходженда) исключительно населены этимъ первобытнымъ персидскимъ племенемъ, и еще 400 лѣтъ тому назадъ, какъ гласитъ преданіе, имъ принадлежали значительные города: Наменганъ, Эндидшанъ и Мерголанъ *). Что касается до ихъ характера, то кокандскіе таджики не лучше своихъ бухарскихъ единоплеменниковъ; замѣчательно только то, что ихъ языкъ, какъ по грамматическимъ формамъ, такъ и по богатству выраженій, чище языка другихъ таджиковъ, что́ замѣтно преимущественно въ Кокандѣ, жители котораго говорятъ языкомъ, сохранившимъ много формъ, которыя часто употреблялъ древнѣйшій персидскій поэтъ Рудеки, родомъ бухарецъ. Въ остальныхъ кокандскихъ городахъ, особенно на китайской границѣ, таджиковъ очень мало.

---

*) Наменганъ происходитъ отъ корня немекъ канъ т. е. соляныя копи. 2) Ендеканъ—отъ ендек, маленькій, 3) Мурги уанъ, т. е. курица и хлѣбъ. Эту этимологію сообщили мнѣ мои друзья; можетъ-быть она и не совсѣмъ вѣрна, но ея персидское происхожденіе безспорно.

3. Кайсаки составляютъ преобладающее населеніе ханства. Они ведутъ кочевую жизнь въ гористой мѣстности, между озеромъ Тшаганакомъ и Ташкендомъ, и платятъ хану столько же подати, сколько ихъ единоплеменники, живущіе въ Хивѣ. Между кокандскими кайсаками встрѣчаются иногда зажиточные люди, имѣющіе въ Хазрети-Туркестанѣ, или другихъ мѣстахъ, дома, въ которыхъ впрочемъ сами никогда не живутъ. Вообще они, несмотря на свою многочисленность, по недостатку храбрости, имѣютъ очень небольшое значеніе въ ханствѣ.

4. Киргизы. Настоящіе киргизы, именемъ которыхъ у насъ ошибочно называютъ всѣхъ кайсаковъ, живутъ въ южной части ханства между Кокандомъ и Сарикъ-Кюлемъ и по своему воинственному характеру употребляются той или другою политическою партіей для низверженія противниковъ. Число ихъ полатокъ доходитъ до 50.000; слѣдовательно ихъ почти столько же, какъ и текке-туркменовъ.

5. Кипчаки, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ самому древнему и первоначальному тюркскому племени и изъ числа всѣхъ племенъ этой большой семьи, разсѣянной отъ Комула до Адріатическаго моря, наиболѣе сохранили типъ, характеръ, языкъ и нравы своей первобытной національности. Баснословная этимологія имени кипчаковъ, производимая Рашибъ-ед-дин-Табиби, представляетъ весьма мало интереса для читателя. Разсказываютъ, что это было когда-то большое и могущественное племя; нынѣшніе кипчаки, хотя ихъ всего 5.000—6.000 полатокъ, утверждаютъ, что Дешти-Кипчакъ (такъ называютъ Туркестанъ восточные историческіе источники) былъ завоеванъ и заселенъ ихъ предками. Несмотря на свою малочисленность, кипчаки имѣютъ и теперь сильное вліяніе на политическія событія въ Кокандѣ: они назначаютъ и смѣняютъ хановъ, и нерѣдко случается даже, что 500

всадниковъ овладѣваютъ какимъ-нибудь городомъ, и ханъ не осмѣливается выступить противъ нихъ. Въ турецкомъ нарѣчіи ихъ я не замѣтилъ ни малѣйшей примѣси персидскихъ или арабскихъ словъ; оно можетъ служить лучшей переходною формой отъ монгольскаго къ дшагатайскому. Въ такомъ же отношеніи находится и очертаніе лица кипчаковъ къ прочимъ тюркскимъ племенамъ Средней Азіи. Косые глаза, безбородый подбородокъ и выдающіяся скулы дѣлаютъ ихъ похожими на монголовъ; къ тому же они большею частью малорослы, но изумительно ловки. Храбростью же, какъ было замѣчено выше, они превосходятъ всѣ народы Средней Азіи и безспорно представляютъ собой самый вѣрный образецъ могущественной орды, перевернувшей всю Азію.

Кокандское ханство раздѣляется на нѣсколько округовъ, которые, какъ и вездѣ, носятъ названія своихъ значительнѣйшихъ городовъ. Столицей считается Кокандъ *), Коканди-Латифъ, т. е. плѣнительный Кокандъ, какъ зовутъ его туземцы; лежитъ онъ въ прекрасной долинѣ и величиной больше Хивы въ шесть разъ, Бухары—втрое, Тегерана—вчетверо. Южная часть города, въ которой находится ханскій дворецъ, только въ недавнее время обнесена стѣной, сѣверная же часть города открыта. Число жителей и домовъ относительно не велико, потому что дома окружены такими большими фруктовыми садами, что иногда нужно четверть часа, чтобы пройти мимо 10 или 15 домовъ. Чтобы дать понятіе объ общемъ видѣ столицы, достаточно сказать, что сами кокандцы находятъ, что дома ихъ во всемъ уступаютъ бухарскимъ. Изъ камня построены только четыре мечети и небольшая часть очень обширнаго базара, въ которомъ исключительно продаются русскіе то-

*) Произошло вѣроятно отъ Хобекдъ—прекрасная деревня, прекрасное мѣсто.

вары и туземныя шелковыя, шерстяныя и искусныя кожаныя издѣлія. Особенной извѣстностью пользуются сѣдла, нагайки и другія принадлежности верховой ѣзды, изготовляемыя въ столицѣ ханства.

Послѣ Коканда слѣдуетъ упомянуть о Ташкендѣ, главномъ торговомъ городѣ всего ханства, въ которомъ, какъ говорятъ, въ настоящее время живетъ много зажиточныхъ купцовъ, ведущихъ значительную торговлю съ Оренбургомъ и Кизилъ-Дшаромъ (Петропавловскомъ). Ташкендъ ведетъ значительную транзитную торговлю съ Бухарой, Кокандомъ и Китайскою Татаріей и представляетъ собой весьма важный военный пунктъ, къ которому русскіе втихомолку сильно стремятся и отъ котораго, какъ уже было замѣчено, ихъ послѣдніе форпосты (Кале-Рехимъ) находятся только въ нѣсколькихъ дняхъ пути. Взятіе Ташкенда облегчило бы завоеваніе Бухарскаго и Кокандскаго ханствъ, въ чемъ русскимъ штыкамъ можетъ оказать большую помощь постоянная вражда, существующая между ханствами.

Послѣ Ташкенда наиболѣе значительны: Ходшендъ, въ которомъ до 5.000 домовъ и много фабрикъ, гдѣ изготовляется аладша (родъ бумажной матеріи), пятнадцать медрессе и вдвое больше мечетей; Мерголанъ, большой городъ, средоточіе кокандской учености и, въ настоящее время, мѣстопребываніе ходша-Бузурка, начальника ордена Махмудъ-Аазама; пастырь этотъ отказалъ въ благословеніи нынѣшнему бухарскому эмиру, когда онъ побѣдителемъ вошелъ въ городъ, и эмиръ ничего не могъ сдѣлать ему за это; Эндидшанъ, гдѣ изготовляется лучшая въ ханствѣ атресъ, тяжелая шелковая матерія; Наменганъ, въ окрестностяхъ котораго находится главное мѣстопребываніе кипчаковъ. Кромѣ этихъ городовъ стóитъ еще упомянуть о Хазрети-Туркестанѣ, гдѣ находится высокопочитаемая всѣми гробница ходша Ахметъ-Іазави, написавшаго книгу

о религіи и морали (мешребъ *), составляющую до сихъ поръ любимое чтеніе осѣдлыхъ и кочевыхъ кокандцевъ,—о Шехри-Мензинѣ и Джустѣ, гдѣ производятся знаменитые ножи, самые дорогіе въ Туркестанѣ послѣ хиссарскихъ,— о Шериханѣ, замѣчательномъ производствомъ лучшаго шелка, и Оошѣ, называемомъ также Тахти-Сулейманъ (тронъ Сулеймана, на восточной границѣ ханства, посѣщаемомъ ежегодно большимъ числомъ богомольцевъ. Ихъ привлекаетъ возвышающійся посреди города холмъ, гдѣ среди развалинъ древняго зданія, которое было построено изъ большихъ четырехъ-угольныхъ камней и украшено колоннами, показываютъ мраморный тронъ и мѣсто, гдѣ занимался земледѣліемъ Адамъ, первый пророкъ, по ученію ислама. Эта басня придумана очень кстати: сочинившій ее хотѣлъ выставить предъ кочевниками земледѣліе, какъ религіозную обязанность.

Во всякомъ случаѣ Оошъ интересенъ для нашихъ археологовъ. Развалины, въ особенности же колонны, какъ мнѣ ихъ описали, обнаруживаютъ признаки греческаго происхожденія, и еслибы мы захотѣли отыскивать на Востокѣ самую крайнюю колонію Александра, то намъ могло бы придти на мысль, что Оошъ былъ именно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ смѣлый Македонянинъ захотѣлъ какимъ-нибудь памятникомъ обозначить восточный предѣлъ своего колоссальнаго государства **).

---

*) Я привезъ въ Европу экземпляръ этого чрезвычайно оригинальнаго сочиненія, написаннаго на турецкомъ языкѣ, и надѣюсь сдѣлать его извѣстнымъ въ переводѣ.

**) Аппіанъ (de rebus Syriacis. l. VII) упоминаетъ о многихъ городахъ, основанныхъ греками и Селевкомъ, и между прочимъ объ одномъ, на который, кажется, намекаетъ Плиній (VI, 16), говоря: «Ultra Sogdiana oppidum Tarada, et in ultimis eorum finibus Alexandria ab Alexandro Magno condita». Этотъ или какой-либо сосѣдній пунктъ служилъ, повидимому, предѣломъ для дальнѣйшаго движенія великаго завоевателя древности, потому что, по словамъ Плинія, здѣсь были воздвигнуты алтари Геркулесу, Бахусу, Сиріусу, Семирамидѣ и Александру: »Finiis omn-

Въ политическомъ отношеніи Кокандъ считается самостоятельнымъ ханствомъ такъ же давно, какъ Бухара и Хива. Нынѣ царствующій въ немъ домъ выводитъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ самого Чингисъ-хана; но это не вѣроятно, потому что потомки его были свергнуты съ престола Тимуромъ, а послѣ Бабера, послѣдняго изъ Тимуридовъ, престоломъ владѣли попеременно Шейбани и другіе предводители кипчаковъ и киргизовъ. Царствующій домъ, ведущій постоянную войну съ Бухарой изъ-за престола, происходитъ отъ кипчаковъ и не болѣе восьмидесяти лѣтъ стоитъ во главѣ правленія. Государственныя учрежденія Коканда, всего менѣе подвергнувшіяся вліянію арабскаго или древне-персидскаго элементовъ, и до сихъ поръ руководствуются Ясао-Чингисомъ (кодексомъ Чингиса). И до нынѣ ханъ при восшествіи на престолъ поднимается кверху на бѣломъ войлокѣ и долженъ пустить по стрѣлѣ на всѣ четыре стороны свѣта*).

---

um ebrum ductus ab illa parte terrarum, includente flumine Jaxarte, quod Scythae Sillin vocant». Что касается до города Александресхата, то Арріанъ дѣйствительно соглашается съ Плиніемъ (Exped. Alex. l. IV. c. I, 3, и с. IV, 10). Послѣдній именно разсказываетъ, что Александръ сдѣлалъ этотъ городъ пограничною крѣпостью противъ обитателей противуположнаго берега рѣки и населилъ его македонскими ветеранами, греческими наемщиками и охотниками изъ сосѣднихъ варваровъ. Городъ былъ построенъ на берегу Яксарта, и нѣкоторые принимаютъ его за нынѣшній Ходшендъ. А что если въ Оошѣ были колонны Александра (Curtius VII 6)? Но предположеніе, что Александръ владѣлъ какою-нибудь областью по ту сторону Яксарта, врядъ ли согласуется съ разсказами Арріана. Курцій (VII, 9) описываетъ развалины жертвенника Бахусу, какъ памятникъ, состоящій изъ камней, расположенныхъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и изъ восьмидесяти высокихъ деревьевъ, стволы которыхъ были обвиты плющемъ.

*) Этотъ обычай удивительнымъ образомъ сохранился до сихъ поръ въ Венгріи; король долженъ на мѣстѣ коронованія, верхомъ на лошади и во всѣхъ знакахъ царскаго достоинства, взмахнуть мечомъ на всѣ четыре стороны.

Войны между Бухарой и Кокандомъ.

А. Съ эмиромъ Насруллахомъ.

Вражда между Бухарой и Кокандомъ существуетъ съ давнихъ временъ. Когда домъ Шейбани сталъ во главѣ Туркестана, Кокандъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ, оставшихся подъ властью кипчаковъ, былъ присоединенъ къ Бухарскому ханству; но потомъ онъ опять отдѣлился, и во время своей самостоятельности большею частію примыкалъ къ восточнымъ своимъ сосѣдямъ—Кашгару, Яркенду и Хотену, бывшимъ тогда еще независимыми городами. Но когда китайскій императоръ присоединилъ ихъ къ своему государству, Кокандъ долженъ былъ опять вступить въ борьбу съ Бухарой, такъ какъ восточный противникъ казался слишкомъ сильнымъ; война, которая велась въ Средней Азіи во время нашего пребыванія тамъ, есть въ сущности продолженіе войны, начатой еще Мехеммедомъ-Али кокандскимъ и эмиромъ Насруллахомъ.

Мехеммедъ-Али-ханъ, котораго коканцы считаютъ величайшимъ своимъ государемъ новѣйшаго времени, съ одной стороны, много способствовалъ блеску Коканда, расширивъ его границы и увеличивъ его внутреннее благосостояніе; но, съ другой стороны, онъ этимъ вызвалъ зависть корыстолюбиваго Насруллаха. Больше всего разсердило послѣдняго, что кокандскій ханъ соединился съ Хивой, отъявленнымъ врагомъ Бухары, и дружелюбно принялъ бѣжавшаго къ нему дядю и противника Насруллаха. Кромѣ того, нѣкоторые думаютъ, что гостепріимство, оказанное Кокандомъ капитану Конолли, было не послѣднею причиной этой вражды. Однимъ словомъ, было много поводовъ къ обоюдной враждѣ ханствъ, и разрывъ между ними былъ неминуемъ.

Разбивъ русскихъ на-голову при Шехиданѣ *), въ 1839 году, и ожидая скораго нападенія эмира; Мехеммедъ-Алиханъ рѣшился лучше быть нападающею стороной. Потому онъ двинулся къ бухарской границѣ, взялъ Оратепе и угрожалъ уже Джиссаку и Самарканду; тогда эмиръ, увидавъ, что всѣ испробованныя имъ интриги оказались тщетными, вышелъ къ нему на встрѣчу съ гораздо сильнѣйшимъ отрядомъ узбекскихъ всадниковъ и съ 500 человѣкъ вновь организованной милиціи (сербазъ) подъ предводительствомъ Абдулла-Самедъ-хана, который именно и организовалъ эту милицію. Мехеммедъ-Али счелъ за лучшее отступить. Насруллахъ три мѣсяца осаждалъ Оратепе и наконецъ взялъ его. Кровавая месть надъ жителями сдѣлала ихъ непримиримыми его врагами, и едва онъ возвратился къ Бухару, какъ они, сговорившись съ Мехеммедомъ-Али, напали на оставленный у нихъ бухарскій гарнизонъ и перерѣзали офицеровъ и солдатъ.

Насруллахъ, какъ только узналъ объ этомъ, быстро собралъ все свое войско, и, по всей вѣроятности, совершенно разъяренный пошелъ на Оратепе. Но Мехеммедъ-Али и на этотъ разъ отступилъ, а съ нимъ вмѣстѣ ушла изъ города и большая часть жителей, боясь гнѣва эмира; но хану не удалось уйти, какъ прежде: нагоняя его шагъ за шагомъ, эмиръ заставилъ его наконецъ сразиться съ съ собою при Ходшендѣ. Мехеммедъ-Али-ханъ вмѣстѣ съ сраженіемъ потерялъ и Ходшендъ; онъ началъ отступать, и видя, что эмиръ все-таки его преслѣдуетъ и что столицѣ угрожаетъ опасность, выслалъ парламентеровъ. При Коне-Бадемѣ былъ заключенъ миръ, по которому

*) По разсказамъ кокандцевъ, въ это самое время сильный отрядъ казаковъ, обойдя Хазрети-Туркестанъ, отъ праваго берега Яксарта, двинулся къ Ташкенду, но на дорогѣ былъ настигнутъ кокандцами и разбитъ.

*

Мехеммедъ-Али долженъ былъ уступить Ходшендъ и нѣкоторыя другія мѣста:

Что этотъ миръ не могъ прочно примирить обѣ стороны, понятно само по себѣ. Злой эмиръ, чтобъ еще болѣе досадить побѣжденному Мехеммедъ-Али, назначилъ губернаторомъ вновь пріобрѣтенной провинціи брата хана, соперника его по престолу, убѣжавшаго въ Бухару. Но на этотъ разъ онъ ошибся въ разсчетѣ. Мать помирила враждовавшихъ братьевъ и, совершенно неожиданно для Насруллаха, Ходшендъ опять соединился съ Кокандомъ, такъ что вмѣсто одного врага пришлось теперь имѣть дѣло съ двумя.

Ярость бухарскаго тирана не имѣла предѣловъ и жажда мщенія заставила его прибѣгнуть къ необычайному вооруженію. Кромѣ своей арміи, состоявшей изъ 30.000 всадниковъ и 1.000 сербасъ, онъ взялъ на жалованье 10.000 туркменъ изъ племени текке и салоръ. Большими переходами устремился онъ на Кокандъ и засталъ Мехеммедъ-Али совершенно въ-расплохъ, такъ что тотъ долженъ былъ бѣжать изъ своей столицы; но на дорогѣ его схватили при Мерголанѣ, и чрезъ 10 дней послѣ того ханъ былъ казненъ въ собственной столицѣ, вмѣстѣ съ братомъ и двумя сыновьями *); такой же участи подверглась и бо́льшая часть бѣжавшихъ съ нимъ его приверженцевъ. Имущество ихъ было конфисковано, и эмиръ съ богатою добычей возвратился въ Бухару, оставивъ въ завоеванномъ городѣ гарнизонъ изъ 2.000 солдатъ, подъ начальствомъ Ибрагимъ-би, родомъ изъ Мерва.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ кипчакамъ, державшимся до сихъ поръ нейтральными, надоѣли бухарцы; они

*) Чтобы найти какое-нибудь оправданіе своему постыдному поступку, Насруллахъ распустилъ слухъ, что Мехеммедъ-Али вступилъ въ бракъ съ родною своей матерью и поэтому получилъ отъ него должное наказаніе.

завладѣли городомъ и гарнизономъ и возвели на престолъ сына Мехеммедъ-Али-хана, Ширъ-Али-хана *). Чтобы не быть еще разъ, какъ при Мехеммедѣ, застигнутыми въ расплохъ, кокандцы напали на мысль окружить стѣной ту часть города, гдѣ жилъ ханъ, что они и сдѣлали весьма скоро, заставивъ работать взятый ими въ плѣнъ гарнизонъ, оставленный у нихъ эмиромъ. Всѣ были увѣрены, что Насруллахъ не оставитъ безъ отмщенія все это, и потому никто не удивился, когда въ скоромъ времени явились передъ Кокандомъ 15.000 бухарцевъ, подъ предводительствомъ Мусульмана-Кулъ, претендента на кокандскій престолъ, уже давно покровительствуемаго Насруллахомъ. Еще на дорогѣ, кажется, онъ сговорился съ своими земляками кокандцами и поэтому городскія ворота скоро предъ нимъ отворились; когда онъ вошелъ въ городъ, первымъ его дѣломъ было возстать противъ эмира, пославшаго его сюда съ обѣщаніемъ сдѣлать его ханомъ; при помощи жителей онъ тотчасъ прогналъ бухарцевъ, которыхъ самъ же привелъ.

Четыре раза обманутый, Насруллахъ не хотѣлъ все-таки уступить и снова послалъ войско подъ начальствомъ Шахрухъ-хана **), имѣвшаго уже въ то время званіе главно-

---

*) Родословная нынѣ царствующаго дома въ Кокандѣ слѣдующая:

Мехеммедъ-Али.
|
Ширъ-Али.

(Отъ первой жены): Малла-ханъ. Софи-бегъ.

(Отъ второй жены): Саримзакъ. Султанъ Мурадъ. Худаяръ.
Шахъ Мурадъ. Нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей.

**) Между тѣмъ отвратительнаго Абдулла-Самедъ-хана убійцу Конолли, Стоддартъ и Назелли, постигло вполнѣ справедливое наказаніе. Эмиръ, пославъ его въ Шехрисебсъ, убѣдился въ его явной измѣнѣ, но, не имѣя возможности овладѣть имъ силой, употребилъ хитрость, чтобъ изловить его. Абдулла долго вывертывался,

командующаго. Но онъ дошелъ только до Оратепе: извѣстіе, что эмиръ сильно заболѣлъ въ Самаркандѣ и возвратился въ Бухару, заставило его вернуться. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Насруллахъ умеръ, и свѣтъ избавился отъ одного изъ величайшихъ тирановъ.

Я слышалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что Насруллахъ заболѣлъ и умеръ единственно только отъ чрезмѣрныхъ припадковъ ярости, вслѣдствіе нѣсколькихъ неудачныхъ его походовъ на Кокандъ и безпримѣрнаго упорства, съ которымъ защищался городъ Шехри-Себсъ*). Онъ тридцать разъ выступалъ противъ этого города и теперь тщетно осаждалъ его уже шесть мѣсяцевъ. Противникомъ его былъ нѣкій Велиманъ; эмиръ женился на его сестрѣ для того только, чтобы, породнившись съ нимъ, добыть себѣ вѣрнаго вассала. Случайнымъ образомъ, въ день смерти эмира, пришло извѣстіе, что Шехри-Себсъ взятъ. Потерявъ уже почти сознаніе, онъ все-таки велѣлъ казнить своего шурина со всѣми его дѣтьми; но, не имѣя возможности утолить своихъ глазъ его кровью, за нѣсколько часовъ до своей смерти онъ велѣлъ позвать къ себѣ жену, сестру Велимана. Несчастная женщина, мать двухъ его дѣтей, дрожала отъ страха, но это не тронуло умирающаго тирана: онъ велѣлъ снять ей голову и, вперивъ глаза на кровь сестры заклятаго врага, испустилъ свое послѣднее отвратительное дыханіе.

Б. Съ эмиромъ Мусаффаръ-эд-диномъ.

Между прочимъ въ Кокандѣ дѣла приняли другой оборотъ. Мусульманъ-Кулъ былъ убитъ и на его мѣсто под-

---

но наконецъ попался въ ловушку и, увидавъ предъ собой палача, самъ прокололъ себя кинжаломъ, чтобы даже своей смертью разозлить своего владыку, такъ походившаго на него по характеру.

*) Шехри-Себсъ, называвшійся прежде Кешъ, родина Тимура, извѣстенъ воинственностью своихъ жителей.

нятъ на бѣломъ войлокѣ Худаяръ-ханъ. Онъ сначала показалъ себя весьма дѣятельнымъ и нѣсколько разъ съ успѣхомъ бился противъ русскихъ, надвигавшихся со стороны Яксарта. Но въ то время, какъ онъ сражался на границахъ, въ столицѣ его провозгласили другаго хана, Моллахъ-хана. Располагая незначительными силами, Худаяръ предпочелъ бѣжать въ Бухару, чтобы при помощи эмира Мусаффаръ-эд-дина возвратить свой тронъ. Мусаффаръ-эд-дину, послѣ смерти отца, тотчасъ же пришлось имѣть дѣло съ городомъ Шехри-Себсъ, который, несмотря на кровавую расправу, все-таки снова возмутился. Стоя подъ стѣнами Чиракчиса, сильной крѣпости, принадлежащей Шехри-Себсу, онъ получилъ вдругъ извѣстіе, что губернаторъ Оратепе, уроженецъ изъ Шехри-Себса, соединившись съ кокандцами и Моллахъ-ханомъ, идетъ уже на Джиссакъ. Подстрекаемый своимъ гостемъ, Худаяръ-ханомъ, эмиръ бросилъ Шехри-Себсъ, несмотря на то, что городъ едва только держался, и съ 15.000 человѣкъ выступилъ противъ Коканда, ханъ котораго, признанный всѣми за способнаго человѣка, сдѣлался для него очень опасны мъ Слѣдуя политикѣ отца, эмиръ умертвилъ своего противника, составивъ противъ него заговоръ, и когда Кокандъ пришелъ отъ этого въ сильнѣйшее замѣшательство, онъ овладѣлъ имъ и посадилъ на престолъ Худаяра; настоящій же наслѣдникъ престола, шахъ Мурадъ, бѣжалъ къ кипчакамъ.

Не процарствовалъ Худаяръ четырехъ мѣсяцевъ, какъ кипчаки, подъ предводительствомъ шаха Мурада, напали на него и заставили опять бѣжать въ Бухару. Эмиръ, увидавъ такое пренебреженіе къ его покровительству, собралъ все свое войско, чтобы самымъ страшнымъ образомъ отмстить Коканду. Отправивъ впередъ Шахрухъ хана съ 40.000 человѣкъ и Мехеммедъ-Хазанъ-бега съ 30 пушками,

эмиръ, вслѣдъ за ними, съ нѣсколькими сотнями текке, устремился на Кокандъ, въ твердой рѣшимости не возвращаться домой, не покоривъ подъ свой скипетръ всѣ земли вплоть до китайской границы.

Въ Кокандѣ это намѣреніе молодаго эмира было извѣстно, властолюбіе его тоже знали, поэтому сдѣлали все возможное, чтобы дать ему сильный отпоръ. Улемы провозгласили Мусаффара кафиромъ (невѣрующимъ) и проповѣдывали противъ него джихадъ (священную войну). Всѣ взялись за оружіе, но тщетно: эмиръ дѣйствительно покорилъ не только Кокандъ, но и всѣ земли до границы Китая. Самый сильный отпоръ дали кипчаки подъ начальствомъ своего предводителя Алемъ-Кула Туркмены бросились на нихъ, и должно-быть занимательное зрѣлище представили эти два коренныхъ татарскихъ племени, самыя дикія изъ всѣхъ, когда они накинулись другъ на друга. Алемъ-Кулъ палъ въ битвѣ, тогда жена его стала во главѣ орды и нѣсколько времени еще сражались татары; наконецъ заключили миръ. Покоренное ханство, изъ котораго эмиръ перевезъ въ свою Бухару всѣ пушки, множество оружія и разныхъ драгоцѣнностей, раздѣлилось на двѣ части. Кокандъ достался шаху Мураду, любимцу кипчаковъ, а Ходшендъ—Худаяръ-хану. Самъ эмиръ возвратился въ свою столицу, и вотъ на дорогѣ туда я его встрѣтилъ, 15 сентября 1863 года

Съ этого времени Кокандъ вѣроятно испыталъ еще много перемѣнъ. Такія же распри происходили прежде между Кашгаромъ, Хотеномъ и Яркендомъ, и какъ тѣ прекратились только тогда, когда Китай присоединилъ къ себѣ эти ханства, такъ вѣроятно и этимъ разрушительнымъ междоусобицамъ скоро положитъ конецъ Россія, занявъ эти мѣста.

V.

КИТАЙСКАЯ ТАТАРІЯ.

Приближеніе съ запада.—Управленіе.—Жители.—Города.

Въѣзжая отъ Ооша во внутрь страны, путешественникъ чрезъ 12 дней ѣзды достигаетъ китайской границы у города Кашгара. Путь туда идетъ чрезъ гористую страну, гдѣ кочуютъ кипчаки съ своими стадами. Только во времена Чингиса въ этихъ мѣстахъ, говорятъ, тамъ и сямъ разбросаны были деревушки, теперь же не видать даже и развалинъ; лишь кучки пепла и камня указываютъ мѣста, гдѣ караваны и путешественники дѣлаютъ свои привалы. Хотя кипчаки—народъ дикій и воинственный, но они рѣдко нападаютъ на одинокихъ путешественниковъ, а съ большихъ каравановъ, идущихъ изъ Китая, берутъ только умѣренную дань; этимъ они ограничиваются и никого больше не безпокоятъ. Подъ Кашгаромъ, на разстояніи одного дня пути, встрѣчается первый китайскій сторожевой постъ, состоящій изъ десяти солдатъ и писца. Здѣсь пропускаютъ только имѣющихъ паспортъ отъ наменганскаго аксакала, нѣчто въ родѣ агента, состоящаго на жалованьи у Китая. Осмотрѣвши паспортъ, каждаго путешественника подробно разспрашиваютъ, что онъ видѣлъ и слышалъ за границей; писецъ составляетъ протоколъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ отправляется на слѣдующій такой же постъ для сличенія отвѣтовъ, а другой—къ мѣстному губернатору. Хаджи Билалъ и остальные мои друзья изъ

Китайской Татаріи говорили мнѣ, что въ подобныхъ случаяхъ самое лучшее отвѣчать: «Belmey-men» *) (я не знаю); принуждать къ дальнѣйшему отвѣту никто не можетъ да и не захочетъ, тѣмъ болѣе, что и самъ писарь радъ, когда ему облегчаютъ его работу.

Китайскою Татаріей называемъ мы тотъ уголъ Китайской имперіи, который вдается на западъ между 93° и 96° восточной долготы и граничитъ къ сѣверу съ Большою Киргизской ордой, а къ югу съ Бедахшаномъ и Тибетомъ. Полоса земли до Или и Коне-Турфана уже съ незапамятныхъ временъ, говорятъ, подвластна Китаю, но Кашгаръ, Яркендъ, Аксу и Хотенъ присоединены къ нему только 150 лѣтъ тому назадъ. Эти города, по разсказамъ, находились въ страшнѣйшей враждѣ между собой, пока наконецъ нѣсколько человѣкъ изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ жителей, подъ руководствомъ яркендскаго старѣйшины, Ибрагимъ-бега, не убѣдили китайцевъ положить конецъ этимъ распрямъ. Китайцы долго колебались, наконецъ приняли правленіе надъ городами и до сихъ поръ управляютъ ими, но совершенно на другомъ положеніи, чѣмъ въ остальныхъ провинціяхъ Небесной имперіи.

А. Управленіе.

Каждая изъ этихъ провинцій, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ (мой другъ хаджи Билалъ былъ домашнимъ священникомъ губернатора), имѣетъ два главныхъ управленія: китайское, или военное, и татарско-

---

*) У китайцевъ есть поговорка, вполнѣ соотвѣтствующая этому совѣту:

Bedschidu jicha-le
Dschidu schi-cha-le.

«Не знаю—одно слово, знаю—десять словъ», т. е. словами «не знаю» ты все сказалъ, а при словѣ «знаю» тебя будутъ разспрашивать, и ты долженъ будешь говорить.

мусульманское. Главные начальники обоихъ управленій состоятъ въ одномъ рангѣ, но татарскій все-таки подчиненъ китайскому на столько, что къ высшимъ властямъ въ Пекинѣ имѣетъ право относиться только черезъ него. Китайское управленіе составляютъ слѣдующіе чины, живущіе всѣ въ укрѣпленной части города:

1) Анбанъ, знакъ достоинства котораго состоитъ изъ шапки съ павлинымъ перомъ. Онъ получаетъ въ годъ 36 ямбу *)—около 20.000 франковъ. Ему подчинены:

2) Далуи—секретари, числомъ четыре, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ корреспонденціей, другой—кассой, третій—уголовнымъ судомъ и четвертый—полиціей.

3) Дши-зо-фангъ—хранитель архива.

Дворъ китайскаго военачальника называется я-мунъ, и доступъ въ него открытъ во всякое время каждому, имѣющему какую-нибудь жалобу на несправедливость кого-либо изъ офицеровъ или на что другое. Весьма характеристично то, что передъ самыми воротами жилища анбана поставленъ громадный барабанъ, въ который проситель долженъ только ударить одинъ разъ, чтобы вызвать секретаря, и два раза, чтобы вызвать самого анбана. Днемъ ли, ночью ли, зимой или лѣтомъ, но на это воззваніе о помощи не смѣютъ не отвѣчать,—по крайней мѣрѣ весьма рѣдко оно остается не услышаннымъ. Даже въ Европѣ у нѣкоторыхъ судовъ не мѣшало бы завести колокола для подобной цѣли.

Татарско-мусульманское управленіе, завѣдующее судомъ, сборомъ податей и вообще всѣми тѣми внутренними дѣлами, которыя не подвѣдомственны китайскому правителю, состоитъ изъ:

---

*) Ямбу—большой кусокъ серебра съ двумя ушками, похожій на наши вѣсовыя гири. Въ Бухарѣ за него даютъ 40 тиллъ.

1) Ванга или хакима, по чину и жалованью равнаго анбану.

2) Хазнаджи или, какъ говорятъ татары, газнадши, наблюдающаго за кассой.

3) Ишкага (т. е. привратника), въ родѣ церемоніймейстера и главнаго интенданта.

4) Шангбеги, въ родѣ секретаря, толмача и посредника между китайскимъ и мусульманскимъ управленіями.

5) Казибега—кади или судьи.

6) Ёртенгбеги—почтмейстера, отвѣчающаго за всѣ станціи, находящіяся въ его округѣ. Устройство почтъ здѣсь очень похоже на персидское чапаръ. Правительство отдаетъ въ аренду нѣкоторые пути, и почтмейстеръ долженъ наблюдать, чтобъ у арендаторовъ этихъ дорогъ были хорошія лошади. Отъ Кашгара до Комула насчитывается до 40 станцій, которыя ёртенгъ проѣзжаетъ въ 16, а въ экстренныхъ случаяхъ въ 12 и даже 10 дней. Отъ Комула до Пекина считается 60 станцій, которыя можно сдѣлать въ 20 или 15 дней, такъ что все пространство отъ Кашгара до Пекина, въ 100 станцій, проѣзжается въ 1 мѣсяцъ *).

7) Баджгира—сборщика податей.

Б. Жители.

Большая часть населенія Китайской Татаріи, именно четырехъ провинцій, состоитъ изъ осѣдлыхъ жителей, занимающихся земледѣліемъ и считающихъ себя узбеками; но калмыцкое происхожденіе ихъ бросается въ глаза при

*) Замѣчательно, что почтальоны (большею частью калмыки) нѣсколько разъ въ годъ могутъ сдѣлать такое путешествіе верхомъ по 30 дней и ночей сряду. У насъ это кажется необыкновеннымъ; переѣздъ Карла XII верхомъ на лошади изъ Демотики въ Стральзундъ и турецкаго курьера изъ Сцигетфара въ Венгріи, гдѣ умеръ Солиманъ Великій, въ Кутахію въ восемь дней—получили историческую извѣстность.

первой встрѣчѣ съ ними. Узбековъ, въ смыслѣ, какъ это слово понимается въ Бухарѣ и Хивѣ, никогда не было въ Китайской Татаріи. Этимъ именемъ здѣсь называютъ смѣсь вторгающихся съ сѣвера калмыковъ, киргизовъ и первобытныхъ обитателей—персовъ. Замѣчательно, что въ мѣстахъ, гдѣ древне-персидское населеніе было гуще (теперь оно почти совершенно исчезло), иранскій типъ находитъ себѣ больше представителей, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ персовъ было меньше. Послѣ узбековъ идутъ калмыки и китайцы; первые—обыкновенно или воины, или простые кочевники, послѣдніе же—купцы или ремесленники и встрѣчаются только въ главныхъ городахъ, и то въ небольшомъ числѣ. Въ заключеніе я долженъ упомянуть о тунганахъ или тёнгенахъ, которые населяютъ мѣстности, начиная отъ Или далеко за Комулъ; по національности они—китайцы, по религіи—мусульмане и всѣ принадлежатъ къ одной сектѣ шафеи *). Тунганы или тёнгени по китайско-татарски значитъ: «обращенные» (по османо-турецки: дёнме—ренегатъ); ихъ около милліона, и разсказываютъ, что они обращены въ мусульманскую вѣру во времена Тимура однимъ арабскимъ искателемъ приключеній, пришедшимъ вмѣстѣ съ Тимуромъ изъ Дамаска въ Среднюю Азію и бродившимъ по Китайской Татаріи въ качествѣ чудотворца-святаго. Они отличаются большимъ фанатизмомъ и ненавистью къ своимъ соплеменникамъ не мусульманамъ; хотя они составляютъ крайніе предѣлы ислама на Востокѣ, но ежегодно посылаютъ значительное число хаджи на поклоненіе въ Мекку.

Что касается характера всего этого населенія, то я нашелъ, что китайскіе татарыче стны, но не мужественны и

*) Сунниты допускаютъ 4 секты: ханифеи, шафеи, малеки и хамбали. Всѣ онѣ одинаково уважаются и оказать предпочтеніе той или другой изъ нихъ считается грѣхомъ.

просты до глупости, такъ что они относятся къ жителямъ другихъ городовъ Средней Азіи, какъ бухарцы къ парижанамъ и жителямъ Лондона. Меня часто сильно забавляло, какъ мои спутники были крайне скромны въ своихъ желаніяхъ и съ какимъ одушевленіемъ они говорили о своемъ бѣдномъ отечествѣ. Не только Румъ и Персія, но даже Бухара кажется имъ черезчуръ великолѣпной и дорогой для жизни, и хотя они находятся подъ властью народа совершенно другой вѣры и говорящаго на другомъ языкѣ, но все-таки предпочитаютъ свое управленіе мусульманскому правленію вышеописанныхъ нами трехъ ханствъ. Впрочемъ у нихъ нѣтъ и причины быть недовольными китайцами. Всякій, кромѣ потомковъ пророка (ходша) и муллъ, съ пятнадцати-лѣтняго возраста платитъ по 5 тенге (3 франка 75 сантимовъ) подати, солдаты вербуются, а не берутся силой, и мусульмане имѣютъ кромѣ того право составлять особое войско, не смѣшиваясь съ другими; въ отношеніи религіи они также ни въ чемъ не стѣснены, кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ, совершенно внѣшнихъ обрядовъ *). Но высшимъ сановникамъ въ этомъ отношеніи гораздо хуже: они должны носить платья, предписываемыя каждому, смотря по его сану, длинные усы и косу и, что всего хуже для нихъ, по праздникамъ являться въ пагоды, чтобы, въ знакъ покорности, отвѣсить по три земныхъ поклона передъ открытымъ портретомъ императора **). Мусульмане утверждаютъ, что въ подобныхъ случаяхъ ихъ сановники прячутъ между пальцами бумажку, на которой написано слово «Мекка», и что такимъ образомъ они преклоняютъ

---

*) Именно: 1) они должны носить платье по колѣна, изъ голубаго полотна, а на это, какъ на національное отличіе китайцевъ, мусульмане смотрятъ съ отвращеніемъ. 2) Должны отращать усы, между тѣмъ какъ исламъ строго предписываетъ стричь коротко волоса на верхней губѣ.

**) Седше (такъ въ исламѣ называются эти поклоны) допускаются только предъ Богомъ, иначе считаются идолопоклонствомъ.

колѣна предъ священнымъ городомъ, а не предъ императоромъ Небесной имперіи.

Что касается до общественныхъ отношеній, то легко представить себѣ, какъ живутъ между собой китайцы и мусульмане, одинаково стремящіеся къ разъединенію. Дружелюбныя отношенія тутъ невозможны, но нѣтъ также и особенной вражды. Китайцы, которыхъ здѣсь немного, никогда не даютъ почувствовать татарамъ, что они составляютъ господствующій народъ; въ особенности высшія власти совершенно безпристрастны и ровны въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ. Такъ какъ китайцы сильно не любятъ, когда переходятъ въ ихъ религію, то не удивительно, что они даже заботятся, чтобы мусульмане исполняли свои религіозные обряды, и за неисполненіе ихъ строго наказываютъ. Если случится, что мусульманинъ не молится, то китайцы сейчасъ же замѣтятъ ему: «посмотри, какой ты неблагодарный! У насъ нѣсколько сотенъ боговъ, и мы удовлетворяемъ ихъ всѣхъ, ты же говоришь, что у тебя одинъ богъ, а не можешь воздать ему должное». Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что даже муллы восхваляютъ правосудіе китайскихъ чиновниковъ, хотя безпощадно отзываются обыкновенно объ ихъ религіи. Татары неутомимы въ восхваленіи своихъ правителей, и если ужъ начнутъ говорить о могуществѣ джонгъ-кафировъ (великихъ невѣрныхъ, т. е. настоящихъ китайцевъ), то и конца не дождешься *).

И странно, что съ западныхъ предѣловъ ислама вплоть до дальныхъ восточныхъ границъ его я слышалъ, какъ всѣ, исповѣдующіе исламъ—турки, арабы, персы, татары,

*) Взятіе Пекина англо-французской арміей не осталось конечно неизвѣстнымъ для нихъ. Когда я спросилъ хаджи Билала, какъ это примирить съ могуществомъ Китая, онъ отвѣчалъ, что франки употребили хитрость и напоили опіумомъ жителей Пекина: очень естественно, что послѣ этого они безъ труда могли овладѣть уснувшимъ городомъ.

узбеки—постоянно восхваляютъ добродѣтели и достоинства немагометанъ, ругая и осмѣивая при этомъ свои собственные недостатки. Они соглашаются, что человѣколюбіе и безпримѣрная справедливость составляютъ качества кафировъ, но все-таки, съ сверкающими глазами, прибавляютъ: «хваленіе Богу, что я мусульманинъ!»

В. Города.

Изъ городовъ, перечисленіе которыхъ мы приложимъ къ описанію дорогъ Китайской Татаріи, особенно замѣчательны: Хотенъ и Яркендъ, какъ самые цвѣтущіе, Турфанъ-Или и Комулъ, какъ самые большіе, Аксу и Кашгаръ, какъ самые святые. Въ Кашгарѣ насчитываютъ до 105 мечетей (вѣроятно мазанокъ, назначенныхъ для молитвы) и 15 медрессе; тамъ же находится высокочтимая гробница Хазрети-Афака, патрона Китайской Татаріи. Хазрети-Афакъ (его высочество горизонтъ) означаетъ безконечность способностей святаго, котораго настоящее имя было ходша Садикъ. Онъ много способствовалъ религіозному образованію татаръ. Кашгаръ, по разсказамъ, прежде былъ гораздо значительнѣе и жители его много богаче, чѣмъ теперь. Упадокъ его можетъ быть приписанъ единственно нападеніямъ кокандскихъ ходша, повторяющимся каждый годъ. Они всякій разъ оттѣсняютъ китайцевъ въ крѣпость и потомъ грабятъ городъ до тѣхъ поръ, пока осажденный гарнизонъ не испроситъ изъ Пекина оффиціальнаго разрѣшенія на наступательныя дѣйствія. Кокандскіе ходша, простая толпа жадныхъ искателей приключеній, уже много лѣтъ опустошаютъ такимъ образомъ городъ, и, несмотря на то, китайцы все-таки остаются китайцами.

VI.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Сообщенія Средней Азіи съ Россіей, Персіей и Индіей.—Дороги въ трехъ ханствахъ и въ Китайской Татаріи.

Сношенія Средней Азіи съ Россіей значительнѣе, чѣмъ съ другими иностранными державами, и производятся по слѣдующимъ главнымъ путямъ: a) изъ Хивы ходятъ караваны въ Астрахань и Оренбургъ, откуда нѣкоторые богатые купцы отправляются въ Нижній Новгородъ и даже въ Петербургъ. b) Между Бухарой и Оренбургомъ поддерживаются непрерывныя сношенія, въ особенности лѣтомъ. Дорога эта самая проѣзжая и путешествіе совершается по ней въ 50 или 60 дней, и развѣ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ нѣсколько дольше или скорѣй. Если нѣтъ какихъ-нибудь особенныхъ смутъ среди киргизовъ, то на этотъ путь отваживаются даже самые небольшіе караваны. c) Изъ Ташкенда ходятъ караваны въ Оренбургъ и Кизилъ-Дшаръ (Петропавловскъ); въ первый доходятъ они въ 50 или 60 дней, въ послѣдній въ 70. Эти караваны бываютъ многочисленны, такъ какъ проходимыя пространства самыя опасныя. d) Изъ Наменгана и Аксу преимущественно китайскіе караваны отправляются въ Пулатъ (Семипалатинскъ), въ сопровожденіи большаго конвоя, и въ 40 дней доходятъ до мѣста. Отдѣльные путешественники могутъ безопасно проходить между киргизами, разумѣется, если они путешествуютъ подъ видомъ дервишей, и изъ мо-

ихъ спутниковъ многіе ходили въ Мекку черезъ Семипалатинскъ, Оренбургъ, Казань и Константинополь.

Это пути сообщенія съ сѣверомъ; съ югомъ же сношенія менѣе значительны. Хива ежегодно отправляетъ одинъ или два небольшихъ каравана въ Персію, чрезъ Астрабадъ и Дерегёсъ, Бухара — немного болѣе, но уже два года, какъ ея караваны не ходятъ болѣе черезъ Мервъ въ Мешхедъ, потому что текке мѣшаютъ всякимъ сношеніямъ. Самая проѣзжая дорога — гератская, гдѣ караваны расходятся направо и налѣво въ Персію, Афганистанъ и Индію. Дорога черезъ Карши и Белхъ въ Кабулъ также имѣетъ второстепенное значеніе, потому что переходъ черезъ Гундукушъ представляетъ много затрудненій. Даже лѣтомъ эта дорога мало-проѣзжа.

Кромѣ описанныхъ путей должно упомянуть еще о сообщеніяхъ, поддерживаемыхъ одинокими пилигримами или нищими, между самыми глухими мѣстами Туркестана и отдаленнѣйшими частями Азіи. Интересно видѣть этихъ отважныхъ людей, покидающихъ родину безъ копѣйки въ карманѣ для того, чтобы пройти нѣсколько тысячъ миль по странамъ, о которыхъ прежде они едва ли и слыхали, среди народовъ, совершенно отличныхъ отъ нихъ по типу, языку и обычаямъ. Часто бѣднѣйшій *) среднеазіятецъ, внимая какому-нибудь сну и не раздумывая долго, пускается въ Аравію и даже въ самыя отдаленныя части Турецкой имперіи. Терять ему нечего, онъ хочетъ видѣть свѣтъ и повинуется своему влеченію. Подъ свѣтомъ подразумѣваю я его свѣтъ, начинающійся Хивой и кончающійся Турецкою имперіей. Европу онъ считаетъ прекрасною страной, но до такой степени наполненной колдовствомъ и другими дьявольскими навож-

*) Богатые рѣдко подвергаютъ себя трудностямъ такого путешествія. Они вознаграждаютъ себя за то слѣдующимъ образомъ: посылаютъ въ Мекку своего представителя, котораго снабжаютъ деньгами, и тотъ долженъ вмѣсто своего имени упоминать въ молитвахъ имя пославшаго его, но за то онъ пользуется по смерти честью имѣть на своемъ надгробномъ камнѣ надпись: «хаджи».

деніями, что не отваживается пускаться въ этотъ страшный лабиринтъ, хотя бы даже и имѣлъ у себя самую надежную Аріаднину нить.

Мы убѣдились на опытѣ, что по мѣрѣ того, какъ углубляешься въ Туркестанъ, встрѣчаешь все болѣе и болѣе этихъ странниковъ. Изъ Хивы ежегодно отправляются около 10 или 15 хаджи, изъ Бухары уже около 30 или 40, а изъ Коканда и Китайской Татаріи отъ 60 до 80. Если мы къ этому прибавимъ еще страсть персовъ посѣщать Мешхедъ, Кербелу, Комъ и Мекку, то невозможно не замѣтить и до сего времени существующую среди азіятскихъ народовъ любовь къ странствованіямъ. Зародышъ древняго переселенія народовъ существуетъ еще и до нынѣ, и какъ знать, какіе перевороты произошли бы на землѣ, еслибы западная цивилизація и ея могущественное вліяніе не окружали Азію со всѣхъ сторонъ.

ДОРОГИ ВЪ ТРЕХЪ ХАНСТВАХЪ.

А. Дороги въ Хивинскомъ ханствѣ и смежной странѣ.

1. Изъ Хивы до Гёмюштепе.

a) Ортайолу, которую можно проѣхать верхомъ на лошади въ 14 или 15 дней. Станціи на ней слѣдующія: 1) Акгапъ, 2) Медеминъ, 3) Шоръ-Гёлъ (озеро), 4) Капланкиръ, 5) Дели-Ата, 6) Кариманъ-Ата, 7) Койматъ-Ата, 8) Іети-Зири, 9) Дшенакъ, 10) Улу-Балканъ, 11) Кичигъ-Балканъ, 12) Кёренъ-Таги (горный хребетъ), 13) Кизилъ-Такиръ, 14) Богдайла, 15) Этрекъ, и 16) Гёмюштепе.

b) Текке-Іолу—10 дней ѣзды. Станціи на ней слѣдующія: 1) Медеминъ, 2) Дёденъ, 3) Шазенемъ, 4) Ортакуйу, 5) Алти-Куйрукъ, 6) Тширлаларъ, 7) Тшинъ-Мохаммедъ, 8) Сасликъ, 9) Этрекъ и 10) Гёмюштепе.

*

Этою дорогой пользуются аламаны и только этимъ объясняется скорость, съ которою проходятъ такія большія пространства по обыкновенному пути.

2. Изъ Хивы въ Мешхедъ

двѣ дороги: одна, изъ Хезареспа въ Дерегёсъ къ югу черезъ степь, проходится въ 12 дней; другая, идущая на Мервъ, имѣетъ семь главныхъ станцій или колодцевъ: Дари, Загри, Немекабадъ, Шакшакъ, Шуркенъ, Акъяпъ и Мервъ.

3. Изъ Хивы въ Бухару (главная дорога).

Отъ Хивы	до Ханки	6	ташъ	(или ферсахъ).
» Ханки	» Шурахана	5	»	
» Шурахана	» Аккамиша	6	»	
» Аккамиша	» Тейебойуна	8	»	
» Тейебойуна	» Тюнюклю	6	»	
» Тюнюклю	» Ютшудшака	10	»	
» Ютшудшака	» Каракёла	10	»	
» Каракёла	» Бухары	9	»	
		60	ташъ.	

4. Изъ Хивы въ Кокандъ

идетъ дорога черезъ степь, не касаясь Бухары. Около Шурахана она выходитъ изъ ханства, и Ходшенда можно достигнуть въ 10 или 12 дней. Это путешествіе можно сократить, выйдя изъ ханства около Джиссака. Этимъ путемъ шелъ Конолли, въ сопровожденіи одного кокандскаго принца, встрѣченнаго имъ въ Хивѣ.

5. Изъ Хивы въ Кунградъ и къ берегу Аральскаго озера.

Отъ Хивы	до Енги-Юргендша	4	таша.
» Енги-Юргендша	» Гёрлена	6	»

Отъ Гёрлена	до Енги-Япа	3	таша.
» Енги-Япа	» Хитаи	3	»
» Хитаи	» Мангита	4	»
» Мангита	» Кипчака	1	»
» Кипчака	» Канли	2	»
» Канли	» Ходша-Или (пустыня)	22	»
» Ходша-Или	» Кунграда	4	»
» Кунграда	» Хекимъ-Ата	4	»
» Хекимъ-Ата	» Тшортангёля	5	»
» Тшортангёля	» Бозатава	10	»
» Бозатава	» берега моря	5	»

Всего 73 таша, которые можно пройти въ 12 дней, если дорога не особенно дурна.

6. Изъ Хивы въ Кунградъ черезъ Кене.

Отъ Хивы	до Газавата	3	таша.
» Газавата	» Ташхауза	7	»
» Ташхауза	» Кёктшега	2	»
» Кёктшега	» Кизилъ-Такира	7	»
» Кизилъ-Такира	» Порзу	6	»
» Порзу	» Кёне	9	»
» Кёне	» Ходша-Или	6	»

Отсюда въ Кунградъ четыре таша, какъ уже сказано выше; слѣдовательно, сложивъ все вмѣстѣ, составится 44 таша. Эта дорога короче, чѣмъ чрезъ Гёрленъ, но она, во-первыхъ, не безопасна; во-вторыхъ, утомительно итти степью, а потому пятая дорога болѣе проѣзжа.

7. Изъ Хивы въ Финтекъ.

Отъ Хивы	до Шейхъ-Муктара	3	таша.
» Шейхъ-Муктара	» Багата	3	»
» Багата	» Ишантшепа	2	»

Отъ Ишантшепа	до Хезареспа	2	таша.
» Хезареспа	» Фитнека	6	»
		16	ташъ.

Если мы это число приложимъ къ упомянутымъ 73 ташамъ 5-й дороги, то увидимъ, что наибольшая длина ханства, лежащаго вдоль Оксуса, не болѣе 89 ташъ.

Б. Дороги въ Бухарскомъ ханствѣ и его окрестностяхъ.

1. Изъ Бухары въ Гератъ.

Отъ Бухары	до Хошробата	3	таша.
» Хошробата	» Текендера	5	»
» Текендера	» Черчи	5	»
» Черчи	» Карахинди	5	»
» Карахинди	» Керки	7	»
» Керки	» Зейда (колодца)	8	»
» Зейда	» Андкуйя	10	»
» Андкуйя	» Баткака	5	»
» Баткака	» Маймене	8	»
» Маймене	» Кайзара	4	»
» Кайзара	» Нарина	6	»
» Нарина	» Чичекту	6	»
» Чичекту	» Кале-Вели	6	»
» Кале-Вели	» Мургаба	4	»
» Мургаба	» Дербенда	3	»
» Дербенда	» Кале-Но	8	»
» Кале-Но	» Зерчешме	9	»
» Зерчешме	» Герата	6	»
		108	ташъ.

На лошади проѣзжаютъ ихъ въ 20—25 дней.

2. Изъ Бухары въ Гератъ

нужно ѣхать черезъ Чардшуй, изъ котораго ведутъ три различныя дороги черезъ степь:

a) Черезъ Рафатакъ, въ 45 ферсахъ, съ однимъ колодцемъ.
b) » Учхадши, въ 40 » съ двумя колодцами.
c) » Іолкуйу, болѣе на востокъ, въ 50 ферсахъ.

3. Изъ Бухары въ Самаркандъ (обыкновенная дорога).

Отъ Бухары	до	Мезара	5 ташъ.
» Мезара	»	Кермине	6 »
» Кермине	»	Мира	6 »
» Мира	»	Кетте-Кургана	3 »
» Кетте-Кургана	»	Даула	6 »
» Даула	»	Самарканда	4 »
			32 таша.

Тяжести перевозятся въ шесть дней, на хорошей лошади нужно ѣхать три дня, а на почтовыхъ—два дня.

4. Изъ Самарканда въ Керки.

Отъ Самарканда	до	Рабати-Хауза	3 таша.
» Рабати-Хауза	»	Наймана	6 »
» Наймана	»	Шуркутука	4 »
» Шуркутука	»	Карши	3 »
» Карши	»	Фейзабада	2 »
» Фейзабада	»	Зенгзулака	6 »
» Зенгзулака	»	Керки	6 »
			32 таша.

5. Изъ Самарканда въ Кокандъ черезъ Ходшендъ.

Отъ Самарканда	до	Енги-Кургана	3	таша.
» Енги-Кургана	»	Джиссака	4	»
» Джиссака	»	Замина	5	»
» Замина	»	Дшама	4	»
» Дшама	»	Завата	4	»
» Завата	»	Оратепе	2	»
» Оратепе	»	Нау *)	4	»
» Нау	»	Ходшенда	4	»
» Ходшенда	»	Каракчикума	4	»
» Каракчикума	»	Мерема	2	»
» Мерема	»	Бешарика	5	»
» Бешарика	»	Коканда	5	»
			46	ташъ.

Этотъ путь дѣлаютъ въ повозкѣ обыкновенно въ 8 дней, но онъ сокращается на 6 ташъ, если идти изъ Оратепе прямо въ Меремъ.

6. Изъ Самарканда въ Ташкендъ и къ Русской границѣ.

Отъ Самарканда	до	Енги-Кургана	3	таша.
» Енги-Кургана	»	Джиссака	4	»
» Джиссака	»	Джинаса	16	»
» Джинаса	»	Зенги-Ата	4	»
» Зенги-Ата	»	Ташкенда	6	»
			33	таша.

Отсюда считаютъ еще 5 дней ѣзды до Кале-Рехима, гдѣ, по разсказамъ, находится первая русская крѣпостца и первый казачій форпостъ.

*) Собственно Кале-Нау.

В. Дороги въ Кокандскомъ ханствѣ.

1. Изъ Коканда въ Ооштъ (прямая дорога).

Отъ Коканда	до Караултепе	5	ташъ.
» Караултепе	» Мерголана	3	»
» Мерголана	» Шерихана	4	»
» Шерихана	» Эндидшана	3	»
» Эндидшана	» Ооша	4	»
		19	ташъ.

Въ экипажѣ можно проѣхать въ 4 дня.

2. Изъ Коканда въ Ооштъ чрезъ Наменганъ.

Отъ Коканда	до Биби-Увейда	3	таша.
» Биби-Увейда	» Шери-Мензиля	2	»
» Шери-Мензиля	» Киргизъ-Кургана	4	»
» Киргизъ-Кургана	» Наменгана	4	»
» Наменгана	» Ючкургана	3	»
» Ючкургана	» Гёмюштепе	5	»
» Гёмюштепе	» Ооша	4	»
		25	ташъ.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ дорогъ изъ Ташкенда до Наменгана есть еще нагорная дорога, представляющая много опасныхъ мѣстъ. Нужно десять дней, чтобы пройти эти 45 миль черезъ слѣдующія мѣста: Той-Тепе-Карахитаи, Тилавъ, Кошробатъ, Молламиръ, Бэбатарханъ, Шехиданъ (гдѣ русскіе были разбиты Мехеммедъ-Али-ханомъ), Камишкурганъ, Пунганъ, Харемзерай, Уйгуръ, Попъ, Зенгъ, Дшустъ, Тёрекурганъ и Наменганъ.

Г. Дороги въ Китайской Татаріи.

Отъ Кашгара до Яркенда считается 36 миль (ташъ); караваны и экипажи дѣлаютъ ихъ въ 7 дней. Два дня пути отъ Кашгара до мѣстечка Енги-Хиссара, въ которомъ содержится большой гарнизонъ.

Отъ Кашгара до Аксу считаютъ 70 миль; караваны дѣлаютъ ихъ въ 12 дней.

Отъ Аксу до Уштурбана, лежащаго къ югу, идутъ 2 дня.

Если мы отъ Аксу направимся на востокъ, то мы достигнемъ Комула слѣдующимъ образомъ:

Отъ Аксу	до Байя	3	дня	пути.
» Байя	» Сарама	1	»	»
» Сарама	» Кутша	2	»	»
» Кутша	» Шіара	2	»	»
» Шіара	» Бёгюра	4	»	»
» Бёгюра	» Курли	3	»	»
» Курли	» Кёне-Турфона	8	»	»
» Кёне-Турфана	» Комула	3	»	»
		26	дней	пути.

Отъ Кашгара до Аксу еще 12 дней пути, а всего 38 дней.

VII.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ХЛѢБОПАШЕСТВА, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

Хлѣбопашество.—Различныя породы лошадей.—Овцы.—Верблюды.—Ослы.—Мануфактуры.—Средоточіе торговли.—Торговля русскихъ въ Средней Азіи.

А. Земледѣліе.

Почва трехъ ханствъ, которые подобно оазисамъ подымаются изъ необозримой средне-азіятской пустыни, необыкновенно плодородна. Несмотря на первобытное состояніе земледѣлія, хлѣба и плодовъ родится во многихъ мѣстахъ даже въ изобиліи. О превосходныхъ плодахъ Хивы мы уже упоминали; Бухара и Кокандъ хотя и уступаютъ ей въ этомъ отношеніи, но славятся своимъ виноградомъ, котораго здѣсь болѣе десяти сортовъ, прекрасными гранатами и въ особенности абрикосами, вывозимыми въ огромномъ количествѣ въ Персію, Россію и Афганистанъ. Изъ хлѣбовъ въ ханствахъ встрѣчаются повсемѣстно: пшеница, ячмень, просо (тарикъ), рисъ и джугери (holcus saccharatus). Лучшая пшеница и джугери произрастаютъ въ Бухарѣ и Хивѣ; Кокандъ славится просомъ, но ячмень не особенно хорошъ и употребляется для лошадей или одинъ, или смѣшанный съ джугери.

Что касается до скотоводства, то все вниманіе здѣшнихъ жителей обращено на три породы животныхъ, а именно: на лошадей, овецъ и верблюдовъ. Лошадь, которую среднеазіятецъ считаетъ своимъ alter ego, встрѣчается здѣсь во многихъ породахъ съ различными качествами. Можно

бы было наполнить цѣлыя книги описаніемъ ухода за ними и различія породъ. Но такъ какъ я не знатокъ, то ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями. Какъ безчисленны сами племена и орды кочевниковъ, такъ же безчисленны и породы ихъ лошадей, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующія:

1) Туркменскія лошади двухъ породъ: текке и іомутъ. Лошади текке, между которыми кёрогли и ахаль самыя любимыя, отличаются особенно высокимъ ростомъ (16—18 ладоней). Онѣ очень легки, съ красивою головой, горделивой осанкой, удивительно быстры, но не выносливы. Лошади іомутовъ меньше ростомъ, прекрасныхъ статей и соединяютъ быстроту съ безпримѣрною крѣпостью и силой *). Вообще у туркменскихъ лошадей—подобранный животъ, негустой хвостъ, красивыя голова и шея (жаль только, что имъ обрѣзываютъ гриву) и необыкновенно гладкая, лоснящаяся шерсть. Послѣднее объясняется тѣмъ, что зимой и лѣтомъ ихъ покрываютъ нѣсколькими войлочными коврами. Цѣна хорошей туркменской лошади—отъ 100 до 300 дукатовъ и никогда не бываетъ менѣе 30.

2) Узбекскія лошади схожи съ іомутскими, но болѣе крѣпкаго сложенія, съ короткой и толстою шеей, и употребляются болѣе въ путешествіяхъ, чѣмъ на войнѣ и въ аламанахъ.

3) Кайсацкая лошадь живетъ въ полудикомъ состояніи, малоросла, съ длинною шерстью, толстою головой и неуклюжими ногами. Ее рѣдко кормятъ: она и лѣтомъ и зимой сама отыскиваетъ себѣ пищу на лугахъ.

4) Возовыя и экипажныя кокандскія лошади, смѣсь кайсацкой породы съ узбекской, необыкновенно крѣпки.

*) Я видалъ лошадей этой породы, на которыхъ туркмены, съ невольниками позади себя на сѣдлѣ, скакали по 30 часовъ сряду скорымъ галопомъ.

Изъ этихъ четырехъ породъ настоящія туркменскія лошади распространены лишь въ Персіи, а узбекскія въ Афганистанѣ и Индіи.

Овцы, курдюки, лучшія въ Бухарѣ. Вкуснѣе ихъ мяса я не ѣдалъ въ Азіи.

Верблюдовъ три породы: одногорбые, двугорбые, называемые у насъ бактрійскими и встрѣчаемые только у киргизовъ, и неры, о которыхъ уже было говорено при Андкуѣ.

Въ заключеніе упомянемъ объ ослахъ, которые особенно хороши въ Хивѣ и Бухарѣ. Хаджи ежегодно вывозятъ ихъ въ большомъ количествѣ въ Персію, Багдадъ, Дамаскъ и Египетъ.

Б. Промышленность.

200 лѣтъ тому назадъ, когда Турція была менѣе доступна для европейской торговли, на фабрикахъ въ Енгюрю (Ангорѣ), Бруссѣ, Дамаскѣ и Алеппо производилось гораздо болѣе туземныхъ матерій, чѣмъ въ настоящее время. Средняя Азія въ настоящее время еще отдаленнѣе отъ насъ, чѣмъ была тогда Турція, а потому наша торговля еще очень мало развита въ ней, и большая часть одеждъ и вещей, необходимыхъ для домашняго обихода, производится дома.

Главными центрами среднеазіятской промышленности считаются: Бухара, Карши, Енги-Юргендшъ, Кокандъ и Наменганъ. Ихъ бумажныя и шелковыя матеріи, полотна и кожаныя издѣлія удовлетворяютъ потребностямъ всей страны. Самый распространенный предметъ производства составляетъ аладша—матерія, изъ которой дѣлается женское и мужское платье. Въ Хивѣ ее ткутъ изъ бумаги и шелка сырца, въ Бухарѣ и Кокандѣ ее дѣлаютъ изъ одной бумаги. Такъ какъ особеннаго портняжнаго ремесла

тамъ не существуетъ, то фабриканты занимаются также и приготовленіемъ самаго платья. Бывши въ Бухарѣ, я слышалъ жалобы на высокія цѣны платья; онѣ были слѣдующія:

ПЛАТЬЯ.	1-го СОРТА.	2-го СОРТА.	3-го СОРТА.
Хивинское . . .	30 тенгъ.	20 тенгъ.	8 тенгъ.
Бухарское . . .	20 »	12 »	8 »
Кокандское . . .	12 »	8 »	5 »

Кромѣ аладши производятся шелковыя матеріи, шерстяныя шали для тюрбановъ, полотна, большею частью очень толстыя и плохія; кромѣ того изъ полотна выдѣлывается родъ ситца съ темно-красными узорами, употребляемый во всемъ Туркестанѣ и Афганистанѣ для постельныхъ покрывалъ.

Жители Средней Азіи особенно славятся выдѣлкой такъ-называемой шагреневой кожи (по-татарски сагри), зеленаго цвѣта съ маленькими выпуклостями въ родѣ пузырьковъ. За исключеніемъ мѣховъ для воды, изготовляемыхъ изъ юфти, получаемой изъ Россіи, обувь и конская сбруя дѣлаются изъ туземной кожи. Бухарскія и кокандскія кожи считаются лучшими, въ Хивѣ же хорошо выдѣлывается только одинъ сортъ желтой кожи, употребляемой на обувь. Изъ болѣе тонкой кожи дѣлаютъ меши (нѣчто въ родѣ чулокъ), изъ толстой—куши, то-есть башмаки, надѣваемые на меши. Бухарская и самаркандская писчая бумага пользуется громкой извѣстностью не только во всемъ Туркестанѣ, но и въ сосѣднихъ странахъ; она выдѣлывается изъ сырцоваго шелка, чрезвычайно гладка и тонка и очень удобна для арабскаго письма. Желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, за неимѣніемъ матеріала, изготовляется мало. Извѣстностью пользуются витыя хесареспскія ружья, ножи и сабли, выдѣлываемые въ Хиссарѣ, Карши и Дшустѣ.

Значительный предметъ азіятскаго производства составляютъ ковры, производимые исключительно туркестанскими женщинами и вывозимые даже въ Европу черезъ Персію и Константинополь. Не говоря о прекрасныхъ яркихъ краскахъ и о прочности ткани, нельзя не удивляться тому, какъ хорошо эти простыя обитательницы степей владѣютъ симметріей въ расположеніи фигуръ; онѣ выказываютъ часто болѣе вкуса, чѣмъ многіе европейскіе фабриканты. За однимъ ковромъ работаютъ обыкновенно нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ подъ руководствомъ какой-нибудь старухи, которая сначала дѣлаетъ точками на пескѣ узоръ и, соображаясь съ нимъ, опредѣляетъ, сколько нужно какихъ нитокъ, чтобы вышелъ желаемый рисунокъ. На ряду съ коврами стоятъ войлочныя издѣлія; ими особенно отличаются киргизскія женщины.

В. Торговля.

Въ главѣ о путяхъ сообщенія было уже упомянуто, что Россія ведетъ самыя обширныя и постоянныя сношенія съ Средней Азіей, а потому и русскую торговлю можно назвать самою древней и значительною. Она постоянно увеличивается и по крайней мѣрѣ на этомъ рынкѣ врядъ ли найдетъ себѣ соперниковъ. Какъ необыкновенно сильно развивается русская торговля въ Средней Азіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ достовѣрныхъ данныхъ: Ханыковъ разсказываетъ въ своемъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1843 году, что ежегодно отъ 5 до 6.000 верблюдовъ употребляется для транспортной торговли, что товаровъ изъ Средней Азіи вывозятъ на сумму отъ 3 до 4 милліоновъ рублей. Ввозъ, въ 1828 году составлявшій 1.180.600 рублей, въ 1840 году возросъ уже до 3.283.634 рублей 25 копѣекъ. Это отъ 1828 до 1840 года. I. Савиль Лумлей въ своемъ старательно и искусно составленномъ Report on Russian trade of Central Asia (1862) утверждаетъ, что въ періодъ

отъ 1840 до 1850 года вывозъ увеличился на 1.014.237 фунтовъ стерлинговъ, а привозъ на 1.345.741 ф.

Для болѣе подробнаго обзора представляемъ здѣсь составленную имъ таблицу о торговлѣ между Россіей и Средней Азіей отъ 1840 до 1850 года:

ВЫВОЗЪ.

	Бухара.	Хива.	Кокандъ.	Итогъ.
	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.
Монетъ, зол. и серебра.	213969	15210	375	229554
Мѣди	45776	1856	2043	49675
Желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій разныхъ металовъ . .	82127	9331	10970	102437
Бумажныхъ матерій .	156707	58915	7559	223181
Шерстяныхъ » .	50467	25869	1976	78312
Шелковыхъ » .	10550	4799	71	15420
Кожъ	81543	37921	4069	123533
Деревянныхъ издѣлій .	8595	460	826	9881
Красильныхъ веществъ и красокъ. . . .	48635	17904	693	67232
Различныхъ товаровъ.	85416	27567	2031	115012
Всего . .	783785	199830	30662	1014237

ПРИВОЗЪ.

	Бухара.	Хива.	Кокандъ.	Итогъ.
	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.
Не выдѣланнаго хлопка и пряжи	333177	76255	2718	412150
Бумажныхъ товаровъ.	498622	88960	14180	601802
Сырцоваго шелка и шелковыхъ матерій.	17443	3088	160	20691
Шерстяныхъ матерій.	428	1322	52	1802

	Бухара.	Хива.	Кокандъ.	Итогъ.
	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.	ф. стерлинг.
Крапа	7351	26201	7	34559
Мѣховъ и мерлушекъ.	151773	6297	1995	160065
Драгоцѣнныхъ камней и жемчуга	17856	703	—	18559
Сушоныхъ плодовъ. . .	27784	2147	16883	44814
Шалей, кашемира . . .	24242	—	—	24242
Различныхъ товаровъ.	19664	4452	3041	28057
Всего	1096380	249425	39936	1345741

Впрочемъ достаточно взглянуть на базары Бухары, Хивы и Карши, чтобъ убѣдиться, какъ сильно развивается русская торговля; безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ ни одного дома, ни одной палатки во всей Средней Азіи, гдѣ не встрѣчалось бы какого-нибудь русскаго издѣлія. Самую значительную статью торговли составляютъ чугунные котлы и кувшины, доставляемые изъ южной Сибири, въ особенности съ фабрикъ на Уралѣ; перевозкой ихъ въ Бухару и Ташкендъ ежегодно занято до 5.000 верблюдовъ. За чугуномъ слѣдуютъ: не выдѣланное желѣзо, латунь, ситецъ, миткаль, кисея, сахаръ и мелкія желѣзныя и мѣдныя издѣлія. Сукно по своей дороговизнѣ мало покупается и встрѣчается рѣдко. Упомянутые предметы изъ Бухары и Карши доставляются не только во всѣ остальныя части Туркестана, но въ Маймене, Гератъ и даже въ Кандагаръ и Кабулъ. Хотя отсюда гораздо ближе до Пешавура и Каратши, но все-таки русскимъ товарамъ отдаютъ предпочтеніе, несмотря на то, что они хуже англійскихъ.

Оренбургъ отъ Бухары—на такомъ же разстояніи, какъ и Каратши, который, находясь на британско-индійской тер-

риторіи, могъ бы служить портомъ англійской торговлѣ: дорога черезъ Гератъ была бы гораздо удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ дорога въ Россію черезъ степь. Но русская торговля все-таки вытѣсняетъ англійскую, и это, по моему мнѣнію, объясняется слѣдующимъ: 1) Русскія торговыя сношенія съ Средней Азіей существуютъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, англійскія же сношенія сравнительно съ ними можно назвать еще новыми; упорная же привязанность восточныхъ жителей ко всему старому и вошедшему въ обычай давно извѣстна. 2) Русскіе, какъ ближайшіе пограничные сосѣди, знаютъ вкусъ среднеазіятцевъ лучше, чѣмъ англійскіе фабриканты Бирмингама, Манчестера, Глазгова и проч. Это неудобство могло бы быть отстранено только въ такомъ случаѣ, еслибъ европейскіе путешественники могли свободно проѣзжать тѣ страны, не подвергаясь опасностямъ, въ настоящее время встрѣчаемымъ ими на каждомъ шагу не только въ Бухарѣ, но даже и въ Афганистанѣ. 3) Гератская дорога, несмотря на всѣ ея естественныя удобства, пугаетъ иностранныхъ купцовъ грабительскою системой правленія, что можно видѣть изъ I отд., XI и XII главѣ. Что касается до той части Средней Азіи, которую мы объѣхали, то въ ней мы, вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, нашли англійскую торговлю много слабѣе русской; данныя, собранныя мистеромъ Дависомъ въ его Report on the Trade of Central Asia (февраль 1862 г.), взяты скорѣе изъ торговыхъ сношеній между Индіей, Афганистаномъ и Китайскою Татаріей, чѣмъ между Индіей и Туркестаномъ. Конкурренція въ качествѣ товаровъ была бы конечно возможна, и нѣтъ сомнѣнія, что англійскія произведенія всегда будутъ въ этомъ отношеніи брать верхъ.

Кромѣ Россіи, Туркестанъ ведетъ чрезъ Гератъ постоянную и довольно значительную торговлю съ Персіей. Онъ

отправляетъ туда мерлушки, сушоные плоды, краски и нѣкоторыя туземныя матеріи и вымѣниваетъ ихъ на большое количество опіума *) изъ Мешхеда, на нѣкоторые англійскіе товары торговаго дома Ралли и К°, а также на сахаръ и мелкія желѣзныя и мѣдныя издѣлія. Изъ Мешхеда въ Бухару есть дорога, которую можно продти въ 10 дней; но караваны, боясь разбойничьихъ набѣговъ текке, принуждены идти окольною дорогой черезъ Гератъ, отнимающею втрое больше времени. Изъ Кабула вывозится въ Бухару особый родъ бумажныхъ шалей, бѣлыхъ съ голубыми полосами, называемыхъ татарами пота, афганцами— лунги и употребляемыхъ на лѣтніе тюрбаны. Это, кажется, англійское издѣліе, ввозимое черезъ Пешавуръ,— единственный англійскій товаръ, который здѣсь хорошо распродается, потому что соотвѣтствуетъ вкусу среднеазіятцевъ. Кромѣ того кабульцы привозятъ съ собою индиго и разныя пряности, взамѣнъ чего получаютъ русскіе ситцы, чай и писчую бумагу. Съ Китаемъ ведется очень незначительная торговля чаемъ и фарфоромъ, но совсѣмъ не такими, какіе мы получаемъ въ Европу. Китайцы рѣдко переступаютъ границы, и сообщенія съ ними ведутся черезъ калмыковъ и мусульманъ.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о торговлѣ, которую ежегодно ведутъ хаджи съ Персіей, Индіей, Аравіей и Турціей. Читателю можетъ показаться это страннымъ, но мы собственнымъ опытомъ можемъ удостовѣрить, что эти сношенія вполнѣ достойны названія торговыхъ пред-

*) Опіумъ, называемый здѣсь терьякомъ, въ юго-восточной части Персіи приготовляется слѣдующимъ образомъ: на вполовину созрѣвшей маковой головкѣ дѣлаютъ вечеромъ, въ извѣстное время, три продольные надрѣза; на слѣдующее утро на этихъ мѣстахъ появляется нѣчто въ видѣ росы; предъ восходомъ солнца жидкость эта собирается, выпаривается и такимъ образомъ получается терьякъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ трехъ надрѣзовъ выходитъ опіумъ различнаго достоинства; лучшимъ считаютъ выходящій изъ средняго надрѣза.

пріятій. 50—60 хаджи, которые шли вмѣстѣ со мною изъ Средней Азіи въ Гератъ, везли съ собой около 40 дюжинъ шелковыхъ бухарскихъ платковъ, около 2.000 ножей, 30 кусковъ наменганской шелковой матеріи, большое количество кокандскихъ доппи (шапки, на которыя навертываются тюрбаны) и т. д. Что же касается до ввоза, то и тутъ не слѣдуетъ также забывать хаджи: можно положительно признать за фактъ, что большая часть европейскихъ мелкихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій распространяется въ Средней Азіи черезъ ихъ посредство.

VIII.

ВНУТРЕННІЯ И ВНѢШНІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Внутреннія отношенія между Бухарой, Хивой и Кокандомъ.—Внѣшнія сношенія съ Турціей, Персіей, Китаемъ и Россіей.

А. Внутреннія отношенія.

Изъ очерковъ современной исторіи Хивы и Коканда, сообщенныхъ мной въ предыдущихъ главахъ, можно составить себѣ довольно ясное понятіе объ отношеніяхъ между ханствами; я все-таки хочу прибавить здѣсь нѣсколько данныхъ, чтобъ еще болѣе уяснить положеніе дѣлъ.

Начну съ Бухары. Ханство это еще до введенія ислама играло важную роль, но и потомъ, послѣ многихъ столѣтій, несмотря на всѣ перевороты, оно сохранило свое значеніе. Такъ какъ Бухара есть колыбель цивилизаціи нынѣшней Средней Азіи, то Кокандъ, Хива, всѣ южныя небольшія ханства и даже Афганистанъ постоянно признавали надъ собой ея умственное и нравственное превосходство. Муллы и большія познанія въ исламѣ благородной Бухары пользуются славой и уваженіемъ. Но тѣмъ и кончается всякая духовная связь остальныхъ ханствъ съ Бухарой; всѣ попытки бухарскихъ эмировъ, съ помощью своего нравственнаго вліянія, увеличить свою свѣтскую власть остались безуспѣшны не только въ ханствахъ, но даже и въ отдѣльныхъ городахъ. Изъ постоянныхъ войнъ, веденныхъ

эмиромъ Насруллахомъ съ Хивой и Кокандомъ, близорукіе политики могли бы заключить, что Бухара, боясь нашествія русскихъ, хочетъ, если не мирнымъ путемъ, то хоть силой, соединиться съ своими сосѣдями. Но Бухара никогда не имѣла подобныхъ плановъ. Походы эмировъ—не что иное, какъ простые разбойничьи набѣги, и я твердо убѣжденъ, что въ случаѣ, если русскіе приступятъ къ исполненію своихъ плановъ въ Средней Азіи, эти три ханства не будутъ помогать другъ другу, но, напротивъ, своими раздорами будутъ способствовать успѣхамъ своего общаго врага. Хотя Хива и Кокандъ—непримиримые враги Бухары, но они не очень опасны для нея; единственный страшный ей соперникъ—это со дня на день перерастающій ее Афганистанъ.

Едва ли не будетъ лишнимъ упоминать, что боязнь этого соперника достигла крайнихъ предѣловъ во время побѣдоноснаго шествія Достъ-Магомета къ Оксусу. Эмиръ Насруллахъ зналъ очень хорошо, что старый Достъ никогда не проститъ постыдной шутки, сыгранной съ нимъ, или, лучше сказать, съ его сыномъ *), искавшимъ гостепріимнаго убѣжища въ Бухарѣ. Къ тому же слухи, что Достъ-Магометъ не только примирился съ англичанами, но что даже состоитъ у нихъ на жалованьи, увеличивали страхъ эмира потому, что ханъ представлялся ему орудіемъ мщенія англичанъ за убійство Коноллея и Стоддарта. Очень мрачна должна была быть картина будущности ханства, которую унесъ съ собою въ могилу татарскій тиранъ. Съ неменьшимъ страхомъ взошелъ на престолъ сынъ и наслѣдникъ его, нынѣ царствующій эмиръ. Мусаффаръ-эд-динъ былъ въ Кокандѣ, когда получилъ извѣстіе о смерти Достъ-Магомета. Принесшій эту вѣсть получилъ въ подарокъ 1.000 тенго въ; въ тотъ же день было импровизировано празднество,

*) Ferrier, History of the Afghan, 336.

а вечеромъ, чтобы пополнить число своихъ законныхъ женъ, Мусаффаръ увелъ съ собою, въ качествѣ четвертой супруги, младшую сестру Худаяръ-хана. Прежній страхъ прошелъ, но и теперь еще чувствуется нѣкоторое почтеніе къ афганцамъ, такъ какъ въ Бухарѣ очень хорошо знаютъ, что Афганистанъ, благодаря дружественнымъ отношеніямъ къ Англіи, располагаетъ нѣсколькими тысячами хорошо обученнаго регулярнаго войска.

Сознавая, что нѣтъ возможности мѣряться съ сильнѣйшимъ врагомъ, Бухара стала вредить ему дипломатическимъ путемъ. Союзъ афганцевъ съ англичанами далъ возможность прокричать про нихъ на весь Туркестанъ, что они отступники отъ ислама; вслѣдствіе этого въ послѣдніе годы даже торговыя сношенія съ Кабуломъ значительно уменьшились. Выше было уже упомянуто, что племена текке и салоръ состоятъ на постоянномъ жалованьи у Бухары. При осадѣ Герата стараго Доста очень удивляло, что туркмены, несмотря на подарки, безпрестанно безпокоили его и захватывали въ плѣнъ людей изъ его войска. Онъ совсѣмъ забылъ, что его дѣйствительнымъ врагомъ было золото Бухары, и что туркмены отдаются всегда тому, кто больше платитъ. Но довольно о внутренней политикѣ Бухары.

Хива чрезвычайно ослабѣла вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ своимъ же собственнымъ населеніемъ—съ іомутами, чаудорами и кайсаками. Бухара далеко сильнѣе ея по численности населенія, и если ея эмиръ не овладѣлъ еще Хивою до сихъ поръ, то Хива обязана этимъ единственно храбрости узбековъ. Аллахкули-ханъ, какъ я слышалъ, первый отправилъ посланника въ Бухару и Кокандъ (вѣроятно, по совѣту Коноллея), чтобы заключить оборонительный и наступательный союзъ между тремя ханствами противъ все болѣе и болѣе угрожающей Россіи. Бухара не толь-

ко отказалась отъ союза, но склонилась на сторону русскихъ; Кокандъ же, равно какъ Шехри-Себсъ и Хиссаръ, бывшіе тогда въ войнѣ съ эмиромъ, изъявили свое согласіе. Однако предполагаемый союзъ остался однимъ благимъ мечтаніемъ, и какъ трудно было бы осуществить его, показываетъ лучше всего старая арабская пословица, которую среднеазіятцы сами всегда приводятъ, чтобъ охарактеризовать себя. Пословица эта гласитъ: «въ Румѣ—благословенье, въ Дамаскѣ—доброта, въ Багдадѣ—наука, въ Туркестанѣ—только злоба и вражда» *).

Кокандъ страдаетъ тѣмъ же, чѣмъ и Хива, вслѣдствіе безпрестанныхъ раздоровъ между кипчаками, киргизами и кайсаками. Къ тому же узбеки, населяющіе его, безпримѣрно трусливы, а потому и не удивительно, что Бухара постоянно побѣждаетъ его, несмотря на то, что онъ больше другихъ ханствъ и гораздо населеннѣе ихъ.

Б. Внѣшнія сношенія.

Что касается до политическихъ сношеній съ иностранными государствами, то Средняя Азія имѣетъ дѣло только съ Турціей, Россіей, Персіей и Китаемъ.

Константинопольскій султанъ считается главой религіи и калифомъ; какъ въ средніе вѣка было обыкновеніе, чтобы три ханства Туркестана получали отъ багдадскаго калифа, въ видѣ инвеституры, какую-нибудь придворную должность, такъ и въ настоящее время они придерживаются еще стараго этикета и при всякомъ восшествіи на престолъ отправляютъ въ Стамбулъ чрезвычайное посольство для испрашиванія такихъ почетныхъ должностей. Хивинскій ханъ носитъ званіе мундшенка, бухарскій эмиръ — рейса (блю-

*) El bereket fi Rum, el muruvet fi Scham, el ilm fi Bagdad, el bogz ve adavet fi Mavera ül-nehr.

стителя религіи), а кокандскій ханъ—конюшаго султана. Эти придворныя должности все еще пользуются большимъ почетомъ и, какъ я слышалъ, занимающіе ихъ должны одинъ разъ въ годъ исправлять ихъ со всѣми формальностями. Этимъ и ограничиваются всѣ отношенія ханствъ къ Турціи. Свѣтскаго вліянія константипольскіе султаны не имѣютъ на нихъ. Жители Средней Азіи соединяютъ съ названіемъ Румъ (какъ здѣсь называютъ Турцію) понятіе о могуществѣ и славѣ древняго Рима, съ которымъ считаютъ его тождественнымъ; но ханы, какъ видно, поняли уже, что это иллюзія, и тогда только признали бы величіе султана, еслибы Порта свои фирманы на занятіе должностей, или дозволеніе молиться сопровождала 100.000 піастровъ. Въ Хивѣ и Кокандѣ все еще константинопольскіе фирманы читаются съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Хива въ продолженіе 10 лѣтъ имѣла представителя въ Константинополѣ въ лицѣ Шукрулахъ-бая; Кокандъ, во время царствованія Моллахъ-хана, еще четыре года тому назадъ имѣлъ при дворѣ султана посланника (мирзу Дшана). Эти посланники, по древнему обычаю, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ содержатся на счетъ Турціи, что очень выгодно для ея бюджета, но необходимо для поддержанія духовнаго преобладанія ея въ Азіи.

Оттоманская имперія только тогда могла бы пріобрѣсти свѣтское вліяніе на эти отдаленныя страны Востока, еслибъ она пробудилась отъ сна, обнимавшаго восточную жизнь до Петра Великаго. Какъ турецкая династія, домъ Османовъ могъ бы изъ турецкихъ элементовъ, съ которыми онъ связанъ общимъ языкомъ, религіей и исторіей, основать государство отъ береговъ Адріатики далеко внутрь Китая, государство могущественнѣе того, которое великій Романовъ силою и хитростію съумѣлъ собрать изъ разнородныхъ элементовъ. Анатолійцы, азербайджаны, туркме-

ны, узбеки, киргизы и татары—вотъ тѣ отдѣльные члены, изъ которыхъ могъ бы составиться могущественный турецкій колоссъ, который бы навѣрное могъ успѣшнѣе помѣряться съ своимъ сѣвернымъ противникомъ, чѣмъ нынѣшняя Турція.

Съ Персіей, хотя она и ближайшій сосѣдъ, Хива и Бухара лишь очень изрѣдка обмѣниваются посланниками. То обстоятельство, что персы придерживаются шіитской секты, сильно раздѣляетъ эти два народа-фанатика, подобно тому, какъ, 200 лѣтъ тому назадъ, протестантизмъ разъединялъ Европу. Если къ этому прибавить еще вражду между иранскимъ и туранскимъ племенами,—вражду, сдѣлавшуюся историческою, то легко себѣ представить, какъ мала должна быть симпатія между этими природными сосѣдями. Персія, которая по естественному ходу вещей должна бы служить проводникомъ новѣйшей цивилизаціи въ Туркестанъ, не имѣетъ на него ни малѣйшаго вліянія. Ее, безсильную на столько, что она не можетъ даже защитить отъ туркменъ своихъ собственныхъ границъ, морально убило окончательно постыдное пораженіе подъ Мервомъ во время ея экспедиціи противъ Бухары. Въ Хивѣ, Бухарѣ и Кокандѣ всего менѣе боятся ея могущества, и татары утверждаютъ, что Богъ далъ персамъ голову (умъ) и глаза, но не далъ имъ сердца (храбрости).

Что касается до Китая, то его политическія отношенія къ Средней Азіи такъ незначительны, что не стóитъ и упоминать о нихъ. Съ Бухарой, можетъ-быть, только разъ во 100 лѣтъ случается ему имѣть какое-нибудь дѣло. Эмиры еще изрѣдка отправляютъ пословъ въ Кашгаръ; китайцы же никогда не отваживаются вдаваться въ Туркестанъ такъ далеко. Съ Кокандомъ отношенія бываютъ нѣсколько чаще, но все-таки къ мусульманскимъ варварамъ посылаются только чиновники низшаго разряда.

Совершенно другаго рода отношенія Средней Азіи къ Россіи. Уже нѣсколько столѣтій владѣетъ Россія землями, составляющими сѣверную границу Туркестанской пустыни; обширныя торговыя сношенія, которыя она постоянно ведетъ съ ханствами, были главною причиной того, что она, болѣе другихъ сосѣдей, имѣетъ въ виду эти ханства. Политическія стремленія ея должны окончиться не иначе, какъ совершеннымъ занятіемъ ихъ. Только естественнымъ преградамъ можно приписать медленный, но тѣмъ не менѣе вѣрный успѣхъ русскихъ. Ханства Средней Азіи представляютъ собой какъ бы недостающіе члены того великаго татарскаго царства, надъ присоединеніемъ котораго къ Россіи, начатымъ Іоанномъ Васильевичемъ (1462—1505 гг.), втихомолку, но усердно хлопочатъ русскіе со временъ Петра Великаго.

Въ самыхъ ханствахъ русская политика не осталась совсѣмъ незамѣченной. Ханы и все народонаселеніе вполнѣ сознаютъ угрожающую имъ опасность; только восточное равнодушіе и религіозный фанатизмъ народа позволяютъ ему оставаться спокойнымъ и беззаботнымъ. Большая часть среднеазіятцевъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, отвѣчали мнѣ: «у Туркестана есть двѣ крѣпости: во-первыхъ, много святыхъ, покоящихся въ его нѣдрахъ, которые будутъ защищать благородную Бухару; во-вторыхъ, огромныя, окружающія ее степи». Только немногіе, и то купцы, долгое время жившіе въ Россіи, хладнокровно посмотрѣли бы на перемѣну правленія, потому что они хотя и ненавидятъ все не магометанское, но признаютъ однако и восхваляютъ справедливость и порядокъ, которыми отличаются невѣрные.

IX.

СОПЕРНИЧЕСТВО РУССКИХЪ СЪ АНГЛИЧАНАМИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Положеніе Россіи и Англіи въ отношеніи къ Средней Азіи.—Успѣхи Россіи на Яксартѣ.

«Соперничество Россіи съ Англіей въ Средней Азіи—это сущій вздоръ», говорили мнѣ, когда я возвратился въ Англію. «Бросьте вы этотъ избитый и вышедшій уже изъ моды политическій вопросъ. Народы Туркестана дики, грубы, варвары, и мы будемъ рады, если Россія возьметъ на себя тяжелый, но достойный трудъ распространить цивилизацію въ этихъ странахъ. Англіи нѣтъ ни малѣйшей причины съ завистью слѣдить за ея политикой».

Преисполненный истиннаго отвращенія ко всѣмъ тѣмъ ужасамъ, которые я видѣлъ въ Туркестанѣ и которые я старался слегка очертить на этихъ листахъ, я долго недоумѣвалъ, истинны или нѣтъ—данный мнѣ совѣтъ и высказанный политическій взглядъ. Давно ужь я сознавалъ, что христіанская цивилизація, безспорно благороднѣйшій и прекраснѣйшій подарокъ, который когда-либо можетъ сдѣлать человѣческое общество, была бы истиннымъ благодѣяніемъ для Средней Азіи. Но не такъ легко дается мнѣ политическая сторона вопроса; какъ я ни всматриваюсь въ него,

какъ ни представляю себѣ всевозможныя обстоятельства, но никакъ не могу освоиться съ мыслію, что Англія можетъ равнодушно смотрѣть на приближеніе Россіи къ ея индійскимъ владѣніямъ.

Время политическихъ утопій уже прошло. Мы уже слишкомъ далеки отъ руссофобіи, сдѣлавшейся теперь баснословною, чтобъ ожидать, что скоро русскій казакъ и англійскій сипай, стоя стражами на границѣ, столкнутся носомъ другъ съ другомъ. Столкновеніе этихъ двухъ колоссовъ въ Средней Азіи, которое политическими мечтателями ожидалось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще не такъ близко; вопросъ этотъ двигается хотя и медленно, но, безъ сомнѣнія, все-таки впередъ; и, слѣдя за ходомъ дѣлъ, мы, не увлекаясь, познакомимъ читателя съ тѣми данными, по которымъ мы не можемъ одобрить англійскаго равнодушія къ русской политикѣ въ Средней Азіи. Прежде всего мы поставимъ вопросъ: дѣйствительно ли подвигается Россія къ югу и на сколько до сихъ поръ она уже подвинулась? Еще лѣтъ 25 тому назадъ мало обращалось вниманія на русскую политику въ Средней Азіи. Занятіе Афганистана англичанами, русско-персидскій союзъ и экспедиція противъ Хивы были причиной того, что впервые въ дипломатическихъ сношеніяхъ петербургскаго и лондонскаго кабинетовъ коснулись вопроса о Туркестанѣ. Съ того времени это дѣло снова нѣсколько замолкло. Англія, подъ вліяніемъ своихъ неудачъ, отступила; Россія же продолжала дѣйствовать втихомолку, и въ ея границахъ съ Туркестаномъ произошли значительныя измѣненія. Въ западной части Средней Азіи, особенно же на Аральскомъ озерѣ и его берегахъ, русское вліяніе сдѣлалось значительно сильнѣе. За исключеніемъ устья Оксуса, всѣ берега Аральскаго озера были признаны русскими владѣніями. По озеру ходятъ теперь три парохода и хивинскій ханъ позволяетъ

имъ доходить до Кунграда *). Говорятъ, что пароходы эти назначены только для охраненія рыбаковъ, но вѣроятно они имѣютъ еще другое назначеніе, и въ Хивѣ всякому извѣстно, что недавнія возмущенія въ Кунградѣ, также какъ и другія частыя столкновенія кайсаковъ съ узбеками, находятся въ тѣсной связи съ этими такъ-называемыми рыбачьими лодками.

Но все это стоитъ лишь на второмъ планѣ; настоящее же поле дѣйствій надо искать на лѣвомъ берегу Яксарта. Здѣсь русскіе форпосты, защищенные непрерывнымъ рядомъ крѣпостей и колодцевъ, придвинулись къ Кале-Рехиму, находящемуся въ 32 миляхъ отъ Ташкенда, могущаго, какъ уже было сказано выше, служить ключомъ для завоеваній въ Средней Азіи. По этой дорогѣ меньше степей, чѣмъ по другимъ дорогамъ, и поэтому она прекрасно выбрана. Войско подвергается здѣсь болѣе частымъ нападеніямъ, но съ ними легче справляться, чѣмъ съ яростью стихій. На восточной границѣ Коканда, черезъ Наменганъ, русскіе все подвигаются ближе и ближе, и во время Худаяръ-хана уже тамъ было у нихъ нѣсколько стычекъ съ кокандцами.

Успѣшность плановъ русскихъ въ Средней Азіи несомнѣнна. Ради интересовъ цивилизаціи, какъ я уже сказалъ выше, мы должны пожелать полнаго успѣха русскому оружію; но вопросъ становится запутаннымъ и подлежащимъ разбору, когда подумаешь о послѣдствіяхъ этого пріобрѣтенія. Будетъ ли Россія довольствоваться Бухарой и поставитъ ли она Оксусъ границей своего вліянія и своихъ

---

*) Что русскіе корабли не ходятъ далѣе вверхъ по Оксусу, можно приписать только тому что въ немъ много песчаныхъ отмелей, безпрестанно перемѣняющихъ свои мѣста. Меня удивляетъ, что Бёрнсъ отзывается такъ благопріятно о судоходствѣ по этой рѣкѣ. Лодочники же, проведшіе всю жизнь на Оксусѣ, увѣряли меня, что отмели мѣняются со дня на день.

стремленій, на это трудно отвѣчать. Не вдаваясь въ слишкомъ глубокія соображенія, мнѣ кажется очень возможнымъ предположить, что русскій дворъ за многолѣтнюю и трудную политику свою, требовавшую большихъ издержекъ, благодаря Великой пустыни, пожелаетъ лучшаго вознагражденія, чѣмъ то, которое предоставляютъ ей оазисы Туркестана. Желалъ бы я встрѣтить хоть одного политика, который бы утверждалъ, что Россія, овладѣвъ Туркестаномъ, не появится, непосредственно или посредственно, въ Афганистанѣ и Сѣверной Индіи, гдѣ всегда представляется выгодное поприще для политическихъ предпріятій. Въ то время, когда колонны Перовскаго бросали тѣнь отъ западнаго берега Арала до Кабула, въ то время, когда появилось въ Кандагарѣ и Кабулѣ привидѣніе—Витковичъ *), тогда уже всѣ увидали возможность такихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. А развѣ уже случившееся разъ не можетъ, въ случаѣ нужды, снова повториться **)?

Безпристрастно разбирая вопросъ, мы считаемъ себя вправѣ не одобрять равнодушія англичанъ къ предпріятіямъ русскихъ въ Азіи. Это мое скромное мнѣніе. Но столкнется ли враждебно англійскій левъ съ русскимъ медвѣдемъ, или они по-братски раздѣлятъ завоеванное, я не осмѣливаюсь рѣшать, слѣдуя, какъ дервишъ-филологъ, пословицѣ: «Sutor non ultra crepidam»

ИСКЛЮЧЕНА

*) Это былъ русскій агентъ, посланный въ 1838 году петербургскимъ дворомъ для дѣйствій противъ англичанъ.

**) Пока я писалъ эти строки, получено извѣстіе отъ 8 октября 1864 года, что русскіе уже взяли Ташкендъ. Еще можно сомнѣваться въ достовѣрности этого, но что русскіе подвигаются впередъ въ тѣхъ странахъ—это вѣрно.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА